

Dominic Lieven

Доминик Ливен

THE ARISTOCRACY IN EUROPE.
1815—1914

АРИСТОКРАТИЯ В ЕВРОПЕ.
1815—1914

**Веб-публикация:
мистер Невилл и редакторы
сайтов Vive Liberta и Век Просвещения**

**Все главы книги
в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm**

Macmillan Press
London, 1992

«Академический проект»
Санкт-Петербург, 2000

Содержание

Введение	7
Глава 1. Деятнадцатый век: вызов брошен и принят.	17
Глава 2. Благосостояние.	39
Глава 3. Источники благосостояния: земледелие.	97
Глава 4. Источники благосостояния: лесное хозяйство.	128
Глава 5. Источники благосостояния: городская собственность	136
Глава 6. Источники благосостояния: промышленность.	146
Глава 7. Жизнь, этикет, нравы.	165
Глава 8. Образование и культура	197
Глава 9. Дворянин на поле брани	220
Глава 10. Аристократия в политике	247
Заключение	295
Примечания	308
Библиография	343
Список таблиц	360
Таблица соответствия мер и валют	361

Д. Ливен.

Аристократия в Европе 1815—1914 / Пер. с английского под ред. М. А. Шерешевской — СПб, Академический проект, 2000 — 364 с.

ISBN 5-7331-0179-2

Книга известного английского историка, специалиста по истории России, Д. Ливена посвящена судьбе аристократических кланов трех ведущих европейских стран: России, Великобритании и Германии — в переломный для судеб европейской цивилизации период, в эпоху модернизации и формирования современного индустриального общества. Радикальное изменение уклада жизни и общественной структуры поставило аристократию, прежде безраздельно контролировавшую власть и богатство, перед необходимостью выбора между адаптацией к новым реальностям и конфронтацией с ними. Три различные модели поведения класса, утратившего свои позиции, реализованные в трех империях, во многом предопределили их судьбы в потрясениях XX века. Исследователь касается следующих аспектов проблемы: образование и культура, источники дохода (земельные владения, леса, промышленность), аристократия и война, аристократия и политика, жизнь и нравы, этикет и т. д.

Сочетание точного, статистически документированного анализа с широким кругозором и тонким пониманием не полной предопределенности исторического развития делает эту книгу по-своему увлекательным и поучительным чтением.

Введение

Что такое «аристократия» известно всем, но вот вы решили написать об аристократии книгу, и сразу перед вами встает вопрос: как определить это понятие. В традиционно английском значении аристократия — это высшая знать — пэры вместе с их братьями, сестрами и детьми. Изложить историю столь немногочисленной и строго определенной группы не составило бы большого труда. До 1900 г. сословие пэров было однородным. В течение нескольких веков Англия оставалась однородной нацией-государством. В подавляющем большинстве случаев ее высшая знать отличалась приверженностью к одной религии, культуре, образованию и жизненным ценностям.

Хотя было бы проще рассказать историю английской высшей знати только викторианского периода, однако такая работа получилась бы скучной. Да и поле это уже давно исхожено историками вдоль и поперек. Кроме того, пэры — это лишь одна из составляющих традиционного высшего класса. Наряду с пэрами существовали баронеты и более многочисленное сословие нетитулованного дворянства — джентри, причем на европейском континенте и тех и других отнесли бы к дворянскому сословию. Аристократия и джентри составляли часть одного и того же правящего класса, и хотя характерные черты и функции обеих групп частично совпадали, между ними все же имелись различия. К тому же джентри не имели тех широких возможностей, какими в решении сложных проблем девятнадцатого века обладали крупные земельные собственники. Поэтому ограничиться написанием истории исключительно высшей знати означало бы пренебречь ключевым элементом в повествовании о том, как английский высший класс противостоял быстро меняющемуся обществу и какое воздействие на него оказал. Поэтому в книге Дэвида Кэннедайна «Упадок и оскудение британской аристократии» — последней работе на тему о закате английского правящего класса — рассматривается судьба как высшей знати, так и нетитулованного дворянства — джентри. Я последовал примеру Кэннедайна, тем паче, что считаю: если дать определение понятию «пэр» бо-

лее или менее легко, то провести четкое разграничение между джентри и некоторыми группами среднего класса гораздо труднее.

Расплывчатые определения и нечеткие разграничения в любом случае неизбежны при переходе от рассмотрения английской аристократии к рассмотрению знати более обширного европейского континента. Ни в одной другой стране Европы, за исключением разве что Венгрии, не существовало сословия в точности равнозначного английским пэрам. Проводить прямое сравнение между титулованной аристократией России или Германии и английской Палатой лордов, разумеется, нельзя. В 1900 году и в России знатных родов было не больше, чем в Англии, в особенности если учитывать разницу в количестве населения обеих стран. Однако тот факт, что в России отцовский титул и владение собственностью распространялись на всех детей, означал, что автоматическое соответствие титула, статуса и благосостояния, в большинстве случаев обеспечиваемое в английском сословии пэров, в Российской Империи, было совершенно невозможно. Более того, в 1900 году в России в дворянском сословии — при том, что к этому времени его политическое и социальное значение было уже минимальным — числилось свыше миллиона человек.

В германских государствах и Австрии дворянство, по английским меркам, также было многочисленным, но даже титулованная аристократия не поддавалась сравнению с английским сословием пэров. В девятнадцатом веке в Германии, как правило, официально различались так называемое «высшее» и «низшее» дворянство. Все принадлежащие к «высшей» знати, а также некоторые представители «низшей» носили титулы, включая и высочайшие — принц, герцог и граф. Теоретически граница между «вышним» и «низшим» дворянством проходила между аристократами, единственным повелителем которых был император Священной Римской империи, и всеми остальными, которые являлись подданными таких правителей германских государств, как король Пруссии или курфюрсты Ганновера, Саксонии или Баварии. Это различие, тщательно сохраненное для потомства в «*Almanach de Gotha*», не имело, по сути, смысла. Большинство родов, принадлежащих к «высшей» знати в девятнадцатом веке, не обладали данным статусом искони, а получили его в тот или иной период существования Священной Римской империи. Другие семьи — из Восточной Пруссии и Балтии — прибыли из регионов, которые практически находились за пределами Империи. Да и вообще историку, изучающему германскую аристократию девятнадцатого века надлежит рассматривать различия между «выс-

шей» и «низшей» знатью как анахронизм. Ведь в 1806 году Священная Римская империя перестала существовать. Если в изучении германской аристократии ограничиться «высшей» знатью, другими словами так называемыми *Standesherren**, то многие из самых могущественных, богатых и интересных германских родов девятнадцатого века останутся за пределами нашего внимания.

В целом, однако, титулованное дворянство Германии представляло собой гораздо более крупную и менее единообразную группу, чем английское сословие пэров. Обычно в Германии, как и в России, все дети наследовали отцовский титул, но правило это действовало по-разному в различных княжествах и даже в отношении различных категорий в пределах одного княжества. Кроме того, будучи некогда теоретически суверенными правителями, *Standesherren* даже в девятнадцатом веке пользовались правом устанавливать свои законы в части наследования титула внутри своих семейств, что способствовало еще большему многообразию. Более того, различались также правила, по которым собственность передавалась по наследству. В Англии практически универсальным законом был майорат: в России майорат был редким исключением, применяемым лишь в семьях крупных землевладельцев. В Германии, даже в Восточной Пруссии, где данная практика в действительности имела место, она существенно различалась от одной семьи к другой. Например, майорат преобладал среди католической аристократии Вестфалии, а также среди большинства *Standesherren*, но во многих прусских дворянских семьях на свою долю в наследовании отцовской земли претендовали и младшие сыновья. Если в Германии титулованный аристократ мог лишиться своего богатства или положения с меньшей вероятностью, чем многие из его русских собратьев, то он никак не мог рассчитывать на то, что достигнет богатства и выдающегося положения английских пэров.

Более того, свести историю русского и германского высшего класса XIX века к истории титулованной аристократии было бы даже большей ошибкой, чем в случае с Англией, поскольку в этих двух странах огромное значение имело нетитулованное рядовое дворянство. В России до 1800 г. в политике господствовали вельможи-аристократы, владевшие крупной собственностью; они продолжали играть в ней важную роль вплоть до 1917 года. Однако в девятнадцатом веке становящееся все более профессиональным военное и штатское чиновничество, чья верхушка широко попол-

* Титулованная знать (до 1806 г.) в германских государствах (*нем.*) Здесь и далее примечания редактора.

нялась из рядов дворянства, во все возрастающей степени заменяло клан аристократов в качестве лидеров в российском правительстве и в вооруженных силах. После 1861 года экономическое будущее империи все больше зависело от усилий чиновников, промышленников и крестьян. В отличие от России, в Пруссии, наиболее влиятельном германском государстве, никогда не существовало слоя вельмож. Наиболее важным традиционным правящим классом в континентальной Европе девятнадцатого века было юнкерство. Оно оказало огромное влияние на судьбу не только Германии, но всей Европы в викторианский и эдвардианский периоды. Однако юнкеры принадлежали к сравнительно бедному и, как правило, нетитулованному дворянству. А потому, чтобы сказать нечто существенное о взаимоотношениях между новым временем (*modernity*) и европейской аристократией, историку необходимо изучить не только титулованную крупнопоместную знать, но также более широкие слои правящего класса. Провести четкие границы в этом классе будет сложно. Например, в России и германских государствах, эта группа окажется более многочисленной, чем титулованная знать, но менее многочисленной, чем все дворянское сословие. В этой книге я собираюсь исследовать класс крупных землевладельцев и наиболее богатых представителей рядового дворянства, то есть те семьи, которые, по мнению самого дворянства, по своему состоянию и положению были причислены к «живущим благородно». Во избежание неловкого и ненужного многословия я буду рассматривать весь высший класс как «аристократию».

По практическим и теоретическим причинам я намерен ограничить свое исследование европейской аристократии в основном Англией, некоторыми германскими государствами и Россией. Охватить всю Европу невозможно, разве только весьма поверхностно, а это неизбежно сведется к повторению общеизвестных истин. На Германии я остановился отчасти для того, чтобы заставить себя выучить немецкий язык, без чего, на мой взгляд, трудно считать себя серьезным исследователем российских и восточно-европейских вопросов, каковые являются моей специальностью. Под гнетом напряженных усилий, требуемых исследованием и преподаванием проблем современной — а с 1987 года драматически меняющейся советской и восточно-европейской политики, — я понял: единственный способ заставить себя выучить немецкий язык — это взяться за книгу, которую без этого написать невозможно.

Однако сосредоточиться на трех избранных мною странах необходимо также по веским теоретическим причинам. За послед-

ние 130 лет в континентальной Европе только Германия и Россия потенциально являлись супердержавами. Только они по количеству населения, ресурсам, экономической и военной мощи могли потенциально претендовать на превосходство на всем европейском континенте. Две мировые войны нашего столетия были прежде всего вызваны соперничеством между Россией и Германией, борьбой за уничтожение своего главного соперника, за контроль над ресурсами всей восточной и центральной Европы и тем самым за достижение такого могущества, которое обеспечило бы доминирующее положение на континенте. В Европе до 1914 года супердержавой являлась также и Британия, причем супердержавой не потенциальной, а фактически действующей. Однако традиционная политика Лондона была направлена не на господство в Европе, а на защиту собственного тыла: сохранение баланса сил на континенте. Лондон вместе с тем использовал свои ресурсы для развития мирового превосходства на море. Тем не менее, если возникала угроза, что на европейском континенте возобладает одна господствующая держава, то Британская Империя — в 1793—1815, 1914—1918 и 1939—1945 годы — решительно вмешивалась в европейские дела.

Я избрал для изучения Англию, Германию и Россию, потому что в геополитическом аспекте эти страны в большей степени, чем другие, определяли судьбу Европы конца девятнадцатого — начала двадцатого веков. К тому же до 1914 года в трех этих странах аристократия обладала могуществом и оказывала существенное влияние на общество и правительство. Более того, аристократии этих стран — благодарная тема для исследования не только вследствие своей значительной роли, но еще и потому, что представляют собой во многом контрастирующие варианты высшей европейской касты. Пожалуй, вернее всего охарактеризовать аристократию как исторически сложившийся, наследственно правящий класс: такое определение подходит к изучаемому сословию и в России, и в Германии и в Англии. Однако аристократии могут заметно разниться по части общего благосостояния и его распределения внутри правящего класса; по степени непосредственного контроля над правительственным аппаратом и средствам осуществления такового; по своей экономической роли, культуре, религии, образованию, роду основных занятий, традициям и еще многому другому. В этом отношении примечателен контраст как между английской, германской и русской аристократией, так и внутри каждой из них, а потому метод сравнения тут тем более показателен и полезен.

Цель моей книги — исследовать германскую, русскую и анг-

лийскую аристократию девятнадцатого века настолько всесторонне, насколько это возможно в пределах 80000 слов. В ней будут рассмотрены благосостояние аристократии и его источники наряду с экономической ролью этих элитных групп. В ней также будут изучены законы, нормы и нравы высшего класса общества, как и его повседневная жизнь и досуг в условиях города и деревни. Книга охватывает образование, культуру и сферы деятельности, причем основной упор делается на традиционно сложившийся главный род занятий аристократии — воинскую службу. Труд мой включает и исследование роли традиционно элитарного сословия в правительстве и политике. Однако изучение викторианской и эдвардианской аристократии только тогда обретает смысл, когда оно производится в контексте огромных перемен, происходивших в экономике и обществе, и сложных проблем, которые встали перед традиционной элитой. Цель данной книги — объяснить, какой вызов был брошен аристократии и как она на него ответила. Другими словами, разобраться, чем девятнадцатый век был для аристократии, а также как и почему отклик высших классов на вторгшееся в его жизнь новое время повлиял на судьбу Европы, и не только накануне 1914 г., а повлиял таким образом, что его последствия сказываются и в наши дни.

Читатель найдет в моей книге множество упущений. Некоторые из них — неизбежное следствие попытки охватить столь широкий и сложный предмет в рамках одной книги. Причина других — в собственных моих недостатках как историка. Как ни неловко в том признаваться, но в моей книге основное внимание уделено изучению мужской половины аристократии, и ничтожно мало — женской. Полагаю, мне не удалось сполна истолковать влияние религии на аристократические ценности и менталитет, как и обстоятельно исследовать поразительные различия, какие в данном отношении являют собой лютеранство, англиканство, русское православие и католицизм. В свое время я читал Пушкина и Фонтане, Тургенева, Троллопа и Пруста и, возможно, благодаря им обрел некоторое представление о внутреннем мире аристократии. Но систематически использовать литературу девятнадцатого века как руководство для понимания склада ума этого класса я не сумел. Также не нашлось в моей книге места для обсуждения мыслей об аристократии таких ведущих политических и социальных теоретиков, как Маркс и Вебер, Берк и Миль, Токвиль и Карамзин, славянофилы и Ленин.

Историк России, я большую часть жизни прожил в Англии. Немецкий историк, возможно, почувствует, что этим объясняются некоторые необычные акценты и упущения. Возможно, он (или

она) сочтет, что я не осознал значение юридических различий между дворянином и недворянином, как и не проникся воздействием, которое эти различия оказали на психологию дворянства и ощущение им своей исключительности. Если это и так, то данное «упущение», несомненно, коренится в незначительности подобных юридических различий в России после 1861 г. и в том факте, что, за исключением сословия пэров, никакие правовые рамки не отделяли английский высший класс от остальной части общества в девятнадцатом веке.

Надеюсь, что, по крайней мере, часть этих недостатков будет восполнена преимуществами сравнительного метода, к которому я прибегнул. Лично для себя я многое приобрел, оторвавшись от ограниченной области своих интересов — Имперской России последних лет ее существования — и, словно аэронавт, поднялся над окопной войной, которая ведется в ученом мире, завязшем в вопросах: «кто потерял Россию» и почему победы большевизма. С моей точки зрения, стоит заняться и фундаментальными вопросами о том, какие возможности существовали у традиционной европейской элиты, чтобы противостоять модернизации и какие факторы оказали влияние на разные элитные группы в выборе различных стратегий выживания. Надеюсь, читатель этой книги найдет в ней бесполезную информацию о взаимосвязи экономики и культуры, политики и международных отношений, являвшихся значительными факторами в определении судьбы аристократии. Выбор времени, непредвиденные обстоятельства, случай и просчет всегда имеют решающее значение в истории. Так, эти факторы сыграли существенную роль, когда перед английской аристократией встал вопрос о протекционизме сельскому хозяйству в 1820—1840-х годах, а перед прусской — в совершенно другую эпоху 1870—1890-х. Судьба аристократии и всей Европы сложилась бы совсем иначе, если бы революция в России и распад русского государства произошли бы несколько раньше — до того, как безрассудство и просчеты немецкого генералитета привели его к решению развязать беспощадную подводную войну, в результате чего в Первую мировую войну были вовлечены Соединенные Штаты.

Сравнительный подход позволяет изменить перспективы, поставить новые и необходимые вопросы, встряхнуть и раззадорить историков, замкнувшихся на местных гипотезах или одержимо занимающихся якобы «великими событиями» своих местных историй. В идеале сравнительный метод может дать освобождающий от рутины опыт, новое измерение, свободу и широкие горизонты войны в эмпириях, и это вместо накопления груды матери-

алов — не говоря уже о подчас попутном накоплении желчи — необходимых для академических версий битвы на Сомме или Пасшендаэле*, версий, в которых за владение каждым дюймо́м территории ведется жесточайшая борьба. Впрочем для этой книги есть еще одно весьма примитивное обоснование. До сих пор никто еще не попытался осуществить полное и всестороннее исследование европейской аристократии девятнадцатого века. Даже самый заклятый ученый ненавистник прежних высших классов вряд ли станет отрицать, что данный предмет достоин изучения. И следовательно, даже несовершенная работа все же лучше, чем совсем ничего.

Работа такого рода существенным образом зависит от исследовательской литературы. А потому я в огромном долгу перед другими историками. Частично я постарался выразить им признательность в библиографии, отметив основные источники, из которых черпал информацию и идеи. Но учитывая масштаб книги, разумеется, я не смог дать библиографию в полном объеме, равно как прочесть более десятой части источников, необходимых для действительно полноценного научного изучения аристократии девятнадцатого века.

Основная проблема, связанная с имеющимися исследованиями, заключается в том, что наряду со всеми, зачастую огромными достоинствами этой литературы, она по сути является сугубо национальной. Речь не только о том, что в поле ее зрения находится единственно национальная, или даже провинциальная, элита или соответствующая проблема, но также и то, что поднимаемые вопросы, как и подход к ним, определяются большей частью национальными историографическими традициями и приверженностью к определенным идеям. В России над всем господствует 1917 год. Речь идет о том, что при советском режиме был закрыт свободный доступ к архивам и что советским историкам приходилось прибегать к вполне определенным методам и уделять все свое внимание только вполне определенным областям российской истории. При такой ситуации нельзя не поражаться, насколько превосходны некоторые работы советских историков. Но даже в трудах западных специалистов на всем девятнадцатом веке лежит тень 1917 г., окрашивая как интерпретацию событий, так и выбор предмета изучения. Так, лучшее и, в сущности, единственное исследование дворянского сословия в период между 1800 и 1861 гг. было написано более века назад и даже оно является

* Сражения Первой мировой войны на Западном фронте.

историей дворянства не столько девятнадцатого века, сколько всего периода его существования.

Как ни удивительно, но в Германии сложилась до некоторой степени сходная ситуация. Взять хотя бы Пруссию, где лишь недавно потеряли актуальность проблемы в советском духе: доступ к архивам и политически удобные (или неудобные) области исследования. Кроме того, нацизм сплошь и рядом нависал над немецкой историей столь же подавляюще и неотвратимо, как 1917 г. над историей России, предопределяя многие вопросы, которые немцы задают о своем прошлом. Под воздействием нацизма история девятнадцатого века стала полем битвы по части поисков тех групп немецкого общества, на которых лежит ответственность за трагические события в стране в двадцатом веке. Ко всему прочему многие немецкие историки и социологи разделяют убеждения своих европейских и многих североамериканских коллег в том, что в современном мире вся аристократия — неуместный и политически подозрительный предмет для исследования, которому могут посвящать себя лишь ученые, зараженные социальным снобизмом и любовью к внешнему блеску. Аристократы и их потомство — сословие тупое, порочное, а чаще всего, и то и другое вместе. Любопытно, что в результате такого подхода, несмотря на то, что многие немецкие историки придают огромное значение юнкерству (вплоть до обвинений его в том порочном пути, по которому пошла вся история Германии в целом), с 1945г. не было написано ни одного ученого труда, дающего подробное, обоснованное исследование экономической, политической и культурной жизни юнкерства в период существования империи.

Как ни удивительно, в Англии обстоятельства складывались совершенно иным образом. Англия двадцатого века не пережила никаких катастроф, подобных 1917 г., правлению Гитлера или Сталина. Ее история в двадцатом веке зачастую, и вполне оправданно, изображается как победно спокойный и организованный процесс перехода от аристократической олигархии к либеральной демократии, при которой традиционные высшие классы играли разумную и решающую роль. Об английской аристократии, в отличие от немецкой и русской, печатные отзывы звучали благоприятнее. В последнее время она также стала предметом не в пример более основательных научных трудов. На них я главным образом и опирался при написании данной книги.

У этой книги были как друзья, так и враги. Среди последних самыми опасными оказались Михаил Горбачев и Александра Ливен — надо думать, эти два имени будут напечатаны вместе в

первый и последний раз. В тот год, когда я взялся писать эту книгу, к власти пришел Михаил Горбачев. Во время своего правления он перевернул советскую политику вверх дном, а это означало горы работы для каждого, кто, подобно мне, пытался толковать текущие советские события и читать о них лекции. Через три года после прихода к власти Горбачева на свет появилась моя дочь Александра — самое радостное и самое подрывное событие в моей личной жизни.

Среди друзей книги в первую очередь хочу назвать Гумбольдтовский Фонд, который оказывал мне столь щедрую и продуктивную помощь в течение десяти месяцев моей исследовательской работы в Германии. Не могу не выразить огромную благодарность профессору Рудольфу Вирхаузу из Института Истории Макса Планка в Геттингене, которому я обязан поддержкой и руководством в моей работе, а также профессору Герхарду Риттеру из Мюнхенского Университета. Большую пользу мне принесла беседа с доктором Хайнцем Рейфом, из замечательной работы которого я многое почерпнул, а также общение с доктором Мэрион, графиней фон Донхофф и доктором Вальгером Демелом, которые любезно предоставили мне свои рукописи и написанные ими книги. Много полезных советов я получил от профессора Ф. М. Л. Томпсона. Джон Барнс и Алан Бити охотно согласились прочесть мою рукопись, а миссис Мэрион Осборн с огромным терпением и усердием трудилась над перепечатыванием одного за другим вариантов моего текста. Моя жена, Микико наряду со службой в инвестиционном банке стойко несла груз домашних обязанностей, ухаживая сначала за одним, а затем и за двумя маленькими детьми, а также терпеливо сносила капризы с каждым днем все более переутомленного и раздражительного мужа.

Доминик Ливен.

Глава 1. Деятнадцатый век: вызов брошен и принят.

Деятнадцатый век был хорошим временем для аристократии. По сравнению с предшествовавшими поколениями, господствовавшими над обществом в пору расцвета этого высшего класса, дворянина эпохи королевы Виктории ожидало, по всей видимости, более долгое, более комфортабельное и менее опасное существование. Однако, как правящий класс, дворянство утрачивало свои позиции. Эта утрата, как в Британии, так и в Германии и России, свершилась не в одночасье: в деятнадцатый век аристократия входила, владея огромным богатством, властью и статусом; и прошло немало времени, прежде чем дворяне превратились в малозначительных членов общества. В Британии, Германии и России упадок аристократии шел с различной скоростью. По-разному развивался и сам процесс, намечались даже периоды, когда казалось, он поворачивал вспять. Тем не менее история европейской аристократии между 1815 и 1914 годами — это история класса, которому открыто и сознательно приходилось обороняться.

Наступление на аристократию началось во второй половине восемнадцатого века. Просвещение отвергло представление о том, будто мировой порядок есть отражение божественной воли. Целью человеческой жизни стало счастье на земле, а не спасение на небесах. Не первородный грех был винойю юдоли человеческой, а неправильное устройство правления, общества и экономики. Благоразумным людям доброй воли надлежало добиваться переустройства общества. Их достоинство и престиж должен был определяться тем вкладом, какой внесен ими в это важнейшее дело. Традиционные ценности, наследственные права и сословные привилегии препятствовали созданию благоустроенного общества и подлежали искоренению. Аристократам пора было прекратить чваниться своим рождением, фанатической преданностью роду и классу. Им следовало стать гражданами и воспитывать в себе простоту, доброту и трудолюбие.

Подобные доктрины подрывали устои, на которых зиждился

старый режим. И угроза их многократно возросла, когда во Франции разразилась революция. До тех пор Франция являлась величайшей из всех абсолютных монархий Европы. Ее двор, аристократия и культура были в глазах дворянства других стран образцом для подражания. В восемнадцатом веке французский язык был обиходным среди немецких и русских дворян, которые смотрели на собственную культуру и родной язык как на провинциальные и плебейские. Лютая расправа с Бурбонами во имя свободы, равенства и братства произвели страшное впечатление. Права человека уже сами по себе представляли угрозу, а реализуемые посредством террора и распространяемые по континенту армиями мощнейшей европейской державы вселяли ужас.

Правда, Бонапарт притушил многие радикальные идеи, проповедуемые революцией. Милитаризованная, ориентированная на государственную службу империя, которую он создал, во многих отношениях приблизила французский абсолютизм к военно-бюрократическим монархиям, какими были Пруссия и Россия¹. Однако даже бонапартистский «просвещенный» деспотизм сохранял ряд аспектов, которые пришлись весьма не по вкусу традиционной аристократии; среди них следует назвать фискальное и правовое равноправие, а также централизацию и бюрократизацию правления. К тому же, ни тирания Бонапарта, ни победа консервативных сил в 1814—1815 годах не смогли стереть из памяти воспоминания о годах 1789—1794, равно как и мифы, вдохновляющие идеи и образцы, которые эти годы завещали последующим поколениям европейских радикалов.

Весь девятнадцатый век тень 1789 года лежала на европейской аристократии. Уже никогда политика этого класса не будет столь безмятежно беспечной. До революции французская аристократия охотно впитывала многие ценности Просвещения. В особенности это относится к плутократической элите придворной аристократии. В этих кругах в ходу было презрение к религии и традиционным ритуалам, окружавшим трон и укреплявшим его престиж. «Бравировать радикализмом» вошло в моду, обеспечивая могущественных благожелателей всем, кто нападал на тиранию правительства и религиозный обскурантизм или выступал поборником прославляемой Руссо чувствительности и простоты. Более того, многие властительные аристократы искренне исповедовали принципы конституционной монархии, меж тем как провинциальное дворянство стояло за меритократию, то есть за власть людей, выдающихся умом и талантом, за то, чтобы именно таким людям был открыт путь вверх, а не придворным, захватившим высшие посты в армии и флоте. Главные консерватив-

ные «силы» — монархия, аристократия, поместное дворянство и церковь — были полностью разъединены, и их внутренние раздоры явились исходной причиной падения старого режима².

Французская революция содействовала консолидации консервативных сил Европы, в особенности непосредственно после 1789 года, но также и далее на протяжении всего девятнадцатого века. С либерализмом аристократии было покончено. Наиболее известным примером тут могут служить английские виги и консервативные течения, не чуждые реформизма. Последние имели своих представителей среди немецких дворян, крайне недовольных бюрократическим абсолютизмом, существовавшим в Германии до 1848 года, и в России, где такой же режим господствовал до 1905 года. Правда, консерваторы не забывали подчеркивать тот факт, что умеренные реформы во Франции стремительно переросли в гражданскую войну и террор. И русского царя Александра II, надумавшего ввести в 1861 году умеренные конституционные реформы, вполне могли удерживать, приводя в трепет, воспоминания о судьбе Людовика XVI и Генеральных штатах³.

Еще до 1789 года авторы консервативного толка стали выстраивать аргументы против идей Просвещения⁴. Но именно в первые годы после революции появились основополагающие работы консервативных мыслителей девятнадцатого века. Из этих трудов наиболее известна книга Эдмунда Берка «Размышления о французской революции» (1790); и его защите вековых национальных устоев полностью отвечали голоса, прозвучавшие как в Германии, так и в России. Общим для всех этих трудов темами были: уникальность национальных традиций; опасность попытки преобразовать общество по чисто головным схемам; мудрость обычая, установившегося уклада и религии, которые являются столпами стабильности в обществе и личного благополучия. Записка «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, где защищается вековой союз монархии и поместного дворянства против растущей силы пропитанного духом рационализма и реформизма чиновничества, по мысли в точности соответствует попытке Берка сохранить английский уклад, оградив его от доморощенных апологетов французских начал⁵.

Пока правительственные, социальные и церковные элиты сохраняли единство, у революции снизу было мало шансов на успех в обществах, где подавляющее большинство населения составляли связанные обычаями, полуграмотные крестьяне. Но в девятнадцатом веке революционные преобразования в промышленности, средствах связи и образовании изменили Европу, создав массовую базу для «идей 1789 года», создав общество, над

которым аристократия уже не могла властвовать в традиционной манере.

К 1851 году более половины населения Англии жило в городах, а в Германии это произошло к 1900 году. Даже в многоземельной России одна пятая населения к 1914 году рассталась с деревней. Став рабочим классом, живущим в городах, переселенцы освобождались от надзора со стороны аристократии и государственной церкви — освобождались как раз в тот момент, когда рабочие стали подвергаться беспрецедентным дисциплинарным мерам и терпели крайние невзгоды от фабричной и трущобной жизни, в тот момент, когда, в сущности, коренным образом преобразался менталитет как работников, так и хозяев. Рабочий класс мог подпасть под влияние крупных предпринимателей или же профсоюзных деятелей и социалистов; и в том и в другом случае с контролем над ними аристократии было покончено.

Еще более серьезной проблемой, не заставившей себя ждать, явилась новая промышленная, торговая и финансовая буржуазия. Очень быстро промышленность, финансы и торговля стали приносить такие доходы, каких сельское хозяйство никак не могло достичь. К последней четверти девятнадцатого века это было уже полностью ясно и в Британии, и в Германии, и в России. В любом капиталистическом обществе, даже при абсолютной монархии, деньгами покупалось покровительство и влияние. На деньги же приобретались образование и культура вместе с уверенностью в будущем, досугом и оытом, необходимым тем, кто стремился управлять обществом. Карл Маркс мыслил вполне логично, когда полагал, что в Европе аристократию как правящий класс вытеснит новая буржуазия. Почему она к 1914 году не выполнила эту задачу до конца — один из вопросов, на который мы постараемся ответить в этой книге⁶.

Быстрый рост буржуазии и рабочего класса был одним из очевиднейших вызовов господству аристократии в викторианский и эдвардианский периоды, и все же не самой кардинальной угрозой. Общество становилось слишком сложным, чтобы аристократы могли справиться с его управлением⁷. Наступал век профессионалов и экспертов — тех, кого Берк называл софистами, экономистами, калькуляторами. Промышленная революция и введение всеобщей воинской повинности преобразовали военное искусство, существенно увеличив значение артиллеристов, технического персонала и интендантов. Чтобы организовать, снабдить, мобилизовать, обеспечить транспортировку и управление современной массовой армии требовались опыт и умение специально обученных штабных офицеров. К 1900 году европейские военные

учреждения управлялись людьми со специальным знанием или, по крайней мере, в принципе отличавшихся умом и талантом (так называемая меритократия). Даже в монархиях аристократическим *beau sabreur** отводилась декоративная роль — служба в очень небольшом числе гвардейских кавалерийских полков и при королевских дворах⁸.

Если в обновляемом мире аристократические ценности оказались под угрозой не востребоваемости даже в армии, то это тем более относилось к обществу в целом. В промышленности, науке, медицине, юриспруденции, технике, даже в сельском хозяйстве появилась масса специалистов, к чьим мнениям, чтобы современное общество управлялось эффективно, необходимо было прислушиваться. Управление и политика сами по себе все больше становились занятиями, требующими специальных знаний, межд тем как государственная бюрократия, особенно в континентальной Европе, увеличила свой контингент и его специализацию, а с появлением массового электората мобилизация общественного мнения превратилась в грязную, поглощающую много времени и все более профессиональную работу. Аристократии недоставало нужного числа людей, чтобы заполнить все руководящие и значимые посты, создаваемые промышленным обществом. К тому же, некоторые из этих постов в силу аристократических традиций, воспитания и культуры были для аристократа неприемлемы, в особенности, если за них приходилось вести борьбу, открыто состязаясь с представителями образованных средних классов. Но даже если аристократия оказалась бы способной взять на себя главенствующую роль в ряде отраслей промышленности и в сферах профессиональных знаний, то в процессе руководства ими, она неизбежно в значительной степени утратила бы свою функциональную и культурную гомогенность, всегда отличавшую в Европе этот традиционный правящий класс.

Когда аристократия столкнулась с обновляемым миром, несколько факторов сыграли решающую роль для ее способности выжить и сохранить — хотя бы частично — прежнее превосходство. Самым важным в капиталистическом обществе было сбереечь накопленные богатства и собственность. Чтобы достичь этого, требовалось преобразовать сельскохозяйственные поместья в прибыльные капиталистические предприятия и выдержать две великие сельскохозяйственные депрессии, разразившиеся в девятнадцатом веке. Но даже при благополучном исходе по обоим

* Лихой рубака (фр.).

пунктам, между основной массой сельской аристократии и узким слоем элиты, состоящим из магнатов с капиталами, вложенными в промышленность и городскую собственность, или владельцами таких крупных состояний, что часть их можно было обратить в акции и облигации, неизбежно образовалась бы пропасть. Эта пропасть отщепила бы поместное дворянство от его традиционного ядра — высшей аристократии и, более того, расколола и само это ядро, многие члены которого оказались бы по части благосостояния далеко позади новой финансовой и промышленной элиты.

Было бы в порядке вещей, чтобы богатые аристократы главенствовали в высшем свете. Богатство, родовые титулы, уверенность в своем общественном положении и хорошие манеры — все это вместе с господством при королевских дворах составляло весьма весомое сочетание. Возможность контролировать доступ в гостиные, клубы или соответствующие конклавы на скачках являлась формой власти над обществом и средством навязывать аристократические манеры и даже ценности новым восходящим элитам. Однако эффективность власти, которой владела аристократия, зависела от ряда факторов. Если высшее общество этнически отличалось от новых элит, оно со временем вполне могло быть отодвинуто в сторону, как это и случилось в Чехии, Прибалтийских странах и Южной Ирландии; если новые элиты обладали собственной контркультурой или географической базой, то и в этих случаях следовало ожидать такого же результата. Вместо единственной однородной по своему составу элиты, воодушевляемой, в большей или меньшей степени, присущей аристократии культурой, могли появиться несколько группировок с различными ценностями и разным базисом. Так получилось в имперской России.

Даже там, где «аристократическая» и «буржуазная» культура сильно воздействовали друг на друга, как это имело место в Англии и Германии, их взаимовлияние носило, как правило, сложный характер. Более того, как аристократия, так и буржуазия отличались множеством оттенков и калибров. У столичной придворной аристократии были иные ценности и иной стиль жизни, чем у сельской поместной верхушки или служилого дворянства, будь то чиновного или военного. «Буржуазия» может означать разбогатевших промышленников, выходцев из глухой провинции, и старую, блестяще воспитанную космополитическую элиту, коммерческую и финансовую, нередко еврейского происхождения, с традиционно крепкими связями в политической и дипломатической сферах. «Буржуазия» может также охватывать представите-

лей свободных профессий или высших чиновников с менталитетом, ценностями и навыками весьма отличными друг от друга, как и от менталитета, ценностей и навыков, свойственных финансовой и коммерческой элитам. Смешение ценностей аристократических и буржуазных может дать калейдоскоп возможных комбинаций.

Однако быть аристократом означало обладать не только благосостоянием и высоким положением в обществе, но и властью. Даже при абсолютных монархиях восемнадцатого века, где правление страной осуществлялось назначенными королем чиновниками, высшие государственные и воинские должности очень часто занимали аристократы, а у тех из них, кто жил в сельской местности, под началом всегда находилось огромное число крестьян. В девятнадцатом и двадцатом веках это было уже не так: благосостояние и власть все чаще оказывались в разных руках. При всем своем богатстве аристократ-рантье утратил былую функцию в обществе. Возможно, даже не более праздный, чем его дед, он, живя в обществе, в котором умение изящно вести праздную жизнь, не вызывало особого уважения, уже не мог гордиться собой. Перед ним вырисовывалась перспектива пустого, бессодержательного существования. С другой стороны, его менее богатый брат, облачившийся в платье государственного служащего или политика, вынужден был расстаться с аристократическим образом жизни. К 1914 году в России, Англии и Германии процессы эти еще далеко не завершились, но были совершенно очевидны.

В принципе, аристократия девятнадцатого века могла выбирать из нескольких стратегий. Она могла уподобиться львам Парето* и попытаться удержать свое господство силой. Сила, однако, обернулась бы полицейским государством, которое со временем не только держало бы в узде средние и низшие классы, но ущемляло гражданские (не говоря уже о политических) права самой аристократии. В викторианский период (то есть с сороковых годов и до конца XIX века) русская аристократия испытала это на себе. Более того, хотя применение силы в сравнительно слабо развитом обществе могло быть эффективным, с усилением модернизации использование одних только репрессивных мер привело бы к тому, что сама аристократия оказалась бы ослабленной и в опасной изоляции. В теории можно было воспрепятствовать развитию процесса модернизации, но на практике, этому мешали

* Парето Вильфредо (1848—1923) — итальянский экономист и социолог, живший в Швейцарии

геополитические причины. После поражения в битве при Йене* и в Крыму*, в первом случае прусский, а во втором русский старый режим, чтобы удержать за собой положение независимой великой державы, были вынуждены заняться преобразованием отсталой экономики, судебной системы и общественного устройства. Высказанные Евгением Трубецким в 1909 году слова о том, что «нельзя управлять, не считаясь с народом, когда нужно призвать его на защиту России»⁹ являются непреложной истиной.

Альтернативная стратегия, доведенная до совершенства в Англии, состояла в единении с новыми элитами. С точки зрения экономики, усвоение ценностей капиталистической эры означало предпринимательское отношение к поместьям и сугубо практический подход к вопросу, что выгоднее — сравнительные преимущества быть владельцем земли или же иметь в наличии акции и облигации. В общественном смысле, современный подход мог повлечь за собой непомерное преклонение перед деньгами и готовность вступить в брак, если представлялась такая возможность, с представительницей (представителем) другого класса. Политически, единение означало, что новые элиты допускаются к управлению страной и проведению политики, преследующей не только аграрные интересы. По мере того, как в девятнадцатом веке росла угроза социалистических идей, союз собственнических классов становился все более привлекательным.

Однако существовала и возможность — по крайней мере, до определенной черты, — альтернативной антикапиталистической стратегии. В союзе с церковью аристократия могла выдвинуть на первый план свои христианские, патерналистские и корпоративные традиции. Она могла клеймить беспредельный индивидуализм и оголтелую погоню за прибылями. Она могла поддержать свои призывы делом, занявшись социальными вопросами и помогая различным городским слоям рабочего класса. Она могла также попытаться мобилизовать против либеральной буржуазии религиозные, шовинистические или патриотические чувства. Но эта стратегия имела свои пределы. Аристократы владели крупной собственностью в городах и в промышленности; на них работали тысячи и тысячи людей, которые почти всегда в сельских поместьях оплачивались ниже, чем на фабриках; в карманы аристократии шла львиная доля доходов в раздираемом неравенством обществе. Патернализм был хорош там, где рабочие соглашались

быть опекаемыми. При независимом рабочем движении дело обстояло совсем иначе.

Какой бы стратегии ни было бы отдано предпочтение для завоевания городского общества, *sine qua pop** успешной политики аристократии оставалось сохранение контроля над сельскими поместьями. Это было необходимо, независимо от того, шла ли речь о победе на парламентских выборах, как в Англии, или над революцией, как в Пруссии в 1848 году. Ни английская, ни прусская аристократия не утратила контроля над своей сельской собственностью. Русская аристократия его потеряла — после 1905 и 1917 гг. А в истории аристократии девятнадцатого века не было ничего важнее, чем отношения между дворянством и сельскими суб-элитами, в первую очередь зажиточными крестьянами и фермерами¹⁰.

Если же обобщать уроки девятнадцатого века в целом, как и положение европейской аристократии, то, возможно, стоит выделить две ключевые угрозы, существовавшие для этой традиционно правящей верхушки, — а именно: идеи французской революции и преобразования в экономике Европы, — а также указать немногие стратегии, следуя которым, можно было им противостоять. Эти политические стратегии отнюдь не всегда оказывались взаимоисключающими, что можно видеть на примере прусских юнкеров, которые в период Второго Рейха, с успехом использовали их все. К тому же, до 1848 года ни «французские» идеи, ни рост городов и промышленности не внушали опасений большинству политически активных аристократов, действующих в европейских странах. Франция, в конечном итоге, потерпела поражение в 1814—1815 гг., а промышленная революция, казалось, в ближайшем будущем должна была остаться проблемой одних англичан. Скорее, битва с централистским, нивелирующим, бюрократическим государством — вот что стояло у аристократии первым пунктом на повестке дня.

Борьба с бюрократией всегда отличалась местными особенностями. В 1820-х — 1830-х годах особенно яростные столкновения происходили в южной Германии, где между 1797—1806 годами был нарушен традиционный политический уклад. Отданные под власть Баварии, Вюртемберга и Бадена, чьи династии южно-германские *Standesherren* отнюдь не считали знатнее себя, они открыто выражали возмущение попранием своих законных прав, статуса и политической автономии. Вдобавок, в особенности на

* Имеется в виду разгром прусских войск Наполеоном в 1806 г.

** Имеется в виду Крымская война 1854—1856 гг.

* Непременное условие (лат.).

первых порах, с утратой независимости *Standesherren* несли и финансовые потери, поскольку доходы от налогов перешли к новым правительствам, а ранее сделанные общественные долги легли на плечи бывших аристократических семей. Там, где, как в Вюртемберге, к религиозным возражениям против светского государства присоединились претензии в партикуляристском, юридическом и аристократическом плане, борьба принимала весьма ожесточенный характер. Воюя со своим местным Бонапартом, королем Фридрихом I, и его сверхрациональной бюрократией, дворянство, только что (и не по своей воле) ставшее вюртембергским, вело борьбу, которая была частью общей войны европейской аристократии не только против новых порядков и устоев, но и против чрезмерной власти государства. Однако детали этой борьбы, корни которой уходили в Старый Германский Рейх, и в то, каким образом он был разрушен, проявились исключительно в Германии и обусловили менталитет, цели и тактики *Standesherren*.

В первой половине восемнадцатого века абсолютистское бюрократическое государство в России набирало силу за счет аристократии. Вплоть до 1785 года русское дворянство не пользовалось никакими сословными правами, не говоря уже о том, чтобы иметь представительство в государственных властных учреждениях европейского образца. Однако на практике русским монархам уже в восемнадцатом веке, когда дело касалось интересов придворной аристократии, приходилось действовать с оглядкой. Эффективно управлять страной без участия клана крупных аристократов и их приспешников было затруднительно, главным образом потому, что современная независимая государственная бюрократия еще не сложилась. К тому же, нередко происходили дворцовые перевороты.

При Павле I (1796—1801), Александре I (1801—1825) и Николае I (1825—1855) размножились и приобрели значение бюрократические учреждения военизированного типа. Хотя переворот 1801 г., лишивший Павла престола, мог бы изменить такое положение дел, заговорщикам не удалось принудить нового монарха — сына Павла, Александра — ввести конституционные ограничения. В 1825 году новый заговор — знаменитое восстание декабристов — нанес удар по Николаю I, и на этот раз у мятежников был четкий и радикальный конституционный проект. Но Николай подавил восстание декабристов, а в ходе последующего суда над ними убедился в основательности подозрений, никогда не оставлявших Павла и всех его сыновей в отношении русской аристократии. Централизованный, тщательно милитаризованный бюрократический аппарат, созданный Николаем, помог образовать

трещину в высшем российском сословии, противопоставив двор провинциальному дворянству. Славянофильство, чьими главными представителями были богатые московские дворяне, презиравшие двор и бюрократию, являлось отражением той неприязни, с какой часть аристократии относилась к петербургскому режиму, который считала не только бездушным и тираническим, но попросту нерусским. Вместо него, согласно теориям славянофилов, — впрочем, монархии не отвергавших, — необходима была иная, подлинно национальная, народная, консервативная, а потому и чуждая бюрократизму, государственная система¹¹.

Противостояние между старыми режимами и дворянством, то и дело возникавшее в континентальной Европе, имеет ключевое значение для понимания политических стратегий, которые, выбирала аристократия, отвечая на вызов, брошенный ей новым временем. Чтобы выбрать эффективную — не говоря уже о мудрой — стратегию, необходимо было обладать политической властью для решения собственной судьбы. Британская аристократия обладала властью с избытком. Парламент, в котором доминирующую роль играли аристократы, контролировал центральное правительство, тогда как местные администрации были всецело в руках лордов-наместников и мировых судей. В Пруссии и, даже еще в большей степени, в России правила монархи и чиновники, аристократия же оказывала влияние, однако властью не пользовалась.

Можно отметить общие — частично антикапиталистические — элементы в социальной политике, проводившейся английской, прусской и русской монархиями. Реформы, вызванные, в определенной мере, желанием завоевать лояльность рабочих и удерживать политическую стабильность, полностью вписывались в христианские и патерналистские идеалы, провозглашаемые этими режимами. Но различие в формах, в которые вылились эти нововведения, а особенно различие в биографиях трех политических фигур, наиболее известных на этом поле деятельности, говорят сами за себя, подчеркивая полярность природы старых режимов, которые они представляли. Лорд Шефтсбери был независимым членом парламента; Отто фон Бисмарк, по происхождению титулованный юнкер, занимал пост главы прусского правительства; Сергей Зубатов числился одним из начальников «охранки» (русской тайной полиции).

Судьба аристократии никоим образом не была в ее собственных руках. Монархи и бюрократия могли пренебрегать ее интересами, а защищая их, действовать крайне неумело или даже во вред. Возможность не заключать союзы с буржуазией или с аг-

рными субэлитами зависела в равной степени и от названных сословий, и от аристократии. Стабильность, характерная для жизни сельских районов, определялась, пожалуй, в большей степени структурой и традициями крестьянского общества, а также властью церкви, чем деятельностью аристократии. Престиж ее среди других классов, даже сам вопрос о сохранении этого высшего сословия, мог зависеть от успеха или неуспеха старого режима в войне.

В конечном итоге решающим образом на судьбе европейской аристократии сказалась война и геополитические изменения, именно эти два фактора обострили и ускорили упадок аристократии после 1914 года. Во второй половине двадцатого века Европа оказалась под эгидой двух сверхдержав — США и СССР — государств, в основе своей враждебных аристократии. Советский режим полностью истребил русскую аристократию, а после 1945 года, продвинувшись в восточную часть центральной Европы, уничтожил дворянство в своих странах-сателлитах. В число последних попала и Пруссия — это средоточие немецкой аристократии.

В западной половине Европы, где распоряжались американцы, судьба аристократии оказалась гораздо счастливее. Так, в западной и южной Германии американские оккупационные власти не стали экспроприировать принадлежащие аристократии земли, хотя именно так обошлись после 1945 года с японскими землевладельцами. Однако американская гегемония принесла с собой не только демократические политические институты, но и влияние массовой культуры, глубоко антиаристократической и популистской.

Совместное американо-советское господство в Европе вовсе не было неизбежным. Как вряд ли была так уж неотвратима победа антиаристократических сил в Соединенных Штатах и в России. В Америке первой половины девятнадцатого века в южных штатах нарождалось потенциально независимое государство, в основе которого лежало рабство, аграрная экономика и связи с английской хлопчатобумажной промышленностью. Правящий класс Конфедерации все чаще называл себя аристократией. Тот факт, что южные «аристократы» почувствовали себя таковыми, будучи ими без году неделя, как и то, что переход из класса в класс среди белых южан происходил — по меркам старой Европы — чрезвычайно легко, лишь усиливал позицию плантаторской верхушки. Ей ничего не стоило мобилизовать стоявшее за ней белое население: достаточно было воззвать к расовой солидарности и напомнить об угрозе со стороны «черных». Конфедерация

вполне могла состояться как мощное аристократическое государство на американской почве, в которой расизм пустил глубокие корни. Но Север, бросив политический и военный вызов Конфедерации, разрушил, а затем вновь вообрал в себя территорию огромного размера — случай в истории беспрецедентный и необычайно величественный. Однако, если бы заявка Конфедерации на собственную государственность увенчалась успехом, возможности Северной Америки решительно вводить в Европе двадцатого века демократические порядки были бы, надо полагать, очень сильно подорваны¹².

Война 1914—1918 годов способствовала ускорению упадка европейской аристократии. Она уничтожила империи Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов. Тем не менее, исход войны — такой, каким он оказался, — никоим образом не был неизбежен; напротив, в 1914 году никому и в голову не могло придти, что обе сражающиеся стороны — как Германия, так и Россия — кончат ее побежденными. Германия могла победить в 1914 году, и еще с большей вероятностью — в 1917, после того как в России произошла революция. Даже частичная победа, купленная ценой уступок Франции и Британии, укрепила бы режим Гогенцоллернов и, подчинив восточных славян Германскому рейху, подхлестнула бы националистические и расистские веяния, весьма заметные уже в довоенной политике Вильгельма. Равновесие между «старыми» и «новыми» правыми в победоносной Германии было бы иным, чем в довоенном рейхе. Оно отличалось бы и от того, что возникло в 30-е годы при нацистах. Путь «вперед» в победоносном гогенцоллерновском государстве для правых означал бы движение в сторону более популистских и расистских форм авторитарного национализма.

Спорить с фактами — бесполезно. Ход событий в прошлом точно так же, как в настоящем или будущем, не бывает предопределен. Аристократия неизбежно шла к упадку, но скорость ее кончины, влияние, которое она оказала на преемников своей власти и, прежде всего, тип общества и политики, который воследовал за эрой господства аристократии никоим образом не был заранее обозначен. Очень важно не упустить этот факт из виду и помнить, рассматривая внутреннюю эволюцию тех или иных обществ, что на них могли оказать мощное воздействие геополитические факторы.

Хотя судьба аристократии частично зависела от факторов и сил ей неподвластных, в девятнадцатом веке история традиционной элиты определялась также и ее собственными характеристиками, большинство которых она унаследовала от предшествующей

щих эпох. Прошлое формирует институты и ценности сословия, в значительной степени определяет его отношение к правительству и другим социальным силам, часто создавая те институты, через которое оно действует. Эта истина, справедливая и для других классов, для аристократии верна вдвойне, так как она по определению издревле существующее сословие, четко осознающее свое отличие от остальной массы человечества и обладающее, в целом, вековыми корпоративными институтами и традициями. Роль и судьба этого высшего сословия в странах Европы была в значительной степени определена его историей до 1815 года.

По современным стандартам, европейское доиндустриальное общество не отличалось особой сложностью. Политика была не приносящей выгоды игрой, в которой участвовало небольшое число группировок и отдельные лица. В тех странах, где аристократия обладала значительной силой, монархия, крестьянство, города и духовенство оказывались в тени. С другой стороны, властная абсолютная монархия в известной степени умеряла притязания аристократии, защищала земли крестьян от захвата и не была склонна отнимать у горожан их привилегии, потому что такая политика обеспечивала поступление налогов в королевскую казну. На равновесие между другими силами сильнейшим образом сказывалось положение церкви. Там, где церковь была по-прежнему богата, большое значение имело то, кто господствовал в особо лакомых приходах — местные аристократы или «профессиональные» священники низкого происхождения, часто назначаемые короной. Если же, напротив, церковь уже лишилась своих богатств, многое зависело от того, были ли ее земли скуплены аристократией, остались за короной или попали в руки буржуазии, а то даже и крестьян.

С этой точки зрения нетрудно объяснить огромное значение английской аристократии. К 1815 году, за исключением нескольких графств, крестьяне уже давно были согнаны с земли, которая примерно на три четверти пошла в руки аристократии и богатых джентри. В течение более двух столетий в Англии действовала система землевладения, уникальная для всей Европы. Сельским хозяйством занимались фермеры, не имевшие никаких гарантий на пользование наделом и целиком зависевшие от условий аренды, диктуемых рыночными ценами. Монополизация земли аристократией и установление неограниченных прав на земельную собственность явились предпосылкой краха королевского абсолютизма в семнадцатом веке, хотя Стюарты и предпринимали кое-какие усилия, чтобы остановить этот процесс.

К 1815 году королевская власть была ограничена весьма узки-

ми рамками. Господство крупных собственников оказалось совместимым с эффективным управлением страной. Главным фактором в усилении высшего класса явилась неспособность монархии удержать за собой отнятые у церкви во время реформы огромные поместья — примерно одну пятую всех земель Англии. Остальными богатствами английской церкви воспользовалась аристократия и ее преемники, заняв в восемнадцатом веке все высшие церковные посты.

Большие города, в особенности Лондон, обрели автономность и стали младшими партнерами аристократии по части управления страной. Союз между аристократией и лондонскими олигархами, действующий через парламентскую систему, сделал британскую государственность на редкость надежной, и это сыграло жизненно важную роль в том, что к 1815 году Британия получила превосходство на море и на рынке. Огромный рост благосостояния и могущества Британии после ста лет управления страной парламентом, где в основном заседали аристократы, необычайно подняло как престиж аристократии, так и тех институтов, с помощью которых она осуществляла управление страной¹³.

Разительный контраст могуществу английской аристократии представляли собой южно-германские государства Вюртемберг и Бавария. Вюртемберг отличался тем, что среди собственников весьма значительных поместий числились горожане и духовенство, но не дворяне. Согласно одному из перечней восемнадцатого века, земель — единственно в Вюртемберге — владели всего одиннадцать дворянских семей. Большинство «вюртембергских» дворян были иностранцами, часто негерманского происхождения, служившими при герцогском дворе, и их присутствие в стране не раз вызывало открытое недовольство местной буржуазии. Традиции герцогства наложили свою печать на политические споры и культуру страны в девятнадцатом веке. Между 1796 и 1812 годами герцогство удвоило свою территорию и население, превратившись в королевство; в ходе этих преобразований в него вошли несколько знатнейших семей из южногерманского имперского дворянства. Не удивительно, что частично демократические, частично деспотические традиции Вюртемберга пришли в конфликт с аристократическими устоями *Standesherrn*. В целом, победа осталась за демократическими началами. Баронесса Шпитцгемберг, уроженка Вюртемберга и представительница одной из немногих его дворянских семей, но долго жившая в Берлине, сетовала на демократические манеры и ценности своих соотечественников. Напротив, Юрий Соловьев, русский дипломат, служивший в Германии времен Вильгельма, с удовольствием отдыхал в уютном

обществе буржуазного Штутгарта, после того как нагляделся на аристократический милитаризм в Берлине¹⁴.

В противоположность Вюртембергу, Бавария не могла пожаловаться на отсутствие собственного дворянства. Несколько семей, живших в курфюршестве многие столетия, — прежде всего Торринги и Прейслинги — пользовались широкой известностью. Однако у баварской аристократии были могущественные соперники в лице монархии и церкви. В конце восемнадцатого века дворянство в Баварии владело немногим более пятой части ее земель. Это составляло куда больше доли самого курфюрста, но куда меньше того, что принадлежало церкви. Монастыри были гораздо богаче любого аристократического рода. Высшие церковные посты в Баварии восемнадцатого века занимали священнослужители буржуазного происхождения, и этим курфюршество отличалось от большинства других германских автономных государств, входящих в Священную Римскую империю. Когда же, в конце концов церковь лишилась своих земель, к аристократии отошла малая их часть, и в девятнадцатом веке земельными наделами в основном владели крестьяне. Впрочем, виною тому была не только история Баварии, но и ее география. Курфюршество Бавария, страна гор и долин, где природные для возделывания земли разбросаны небольшими участками, изначально куда более удобна для небольших ферм, а не для крупных поместий. Баварской аристократии, которая при Наполеоне получила превосходное подкрепление влившимися в ее ряды *Standesherren* и имперским новым дворянством, предстояло, казалось бы, играть значительную роль в развитие своего государства вплоть до 1914 года. Однако вся ее предшествующая история предопределила, что роль эта будет не в пример скромнее, чем выпала на долю английской или даже прусской аристократии¹⁵.

До 1815 года как в Пруссии, так и в России аристократия не испытывала сколько-нибудь значительной конкуренции ни со стороны трона, ни со стороны церкви. Однако существенное значение имело то, что, если прусская церковь подверглась экспроприации в середине шестнадцатого века при весьма слабом короле, то в России похожий процесс начался лишь в середине восемнадцатого столетия, когда самодержавие Романовых окончательно укрепилось. В Бранденбурге из 654 церковных поместий, отошедших к королю в 1540 году при введении лютеранства, всего через десять лет 286 оказались собственностью дворян. Ничего подобного в России не произошло, и это было одной из причин, почему доля государственных земель в общем раскладе землевладения в России, по прусским меркам, была весьма велика. В восемнадца-

том веке русский помещик-крепостник пользовался деспотической и почти неограниченной властью, какой в Европе не обладал ни один владелец «живых душ». Однако исключительным, по европейским меркам, было и число крестьян, приписанных к государственным землям, по отношению к помещичьим крепостным. В особенности на Севере дворяне-помещики встречались редко, а их усадьбы отстояли на значительном расстоянии друг от друга. В 1861 году, когда наконец произошло освобождение крестьян, менее половины их являлись собственностью частных лиц. В Пруссии королевские владения были куда как не столь обширны, а их размеры в разных частях королевства более или менее отличались. Так, в 1800 году в Силезии к королевским землям были приписаны всего семь процентов от общего числа крестьян, а в Восточной Пруссии — 55 процентов; в Померании же крупные прусские фермеры-арендаторы, хозяйствовавшие на королевских землях, представляли собой нечто совсем иное, чем русские крестьяне. В девятнадцатом веке прусский фермер вполне мог числиться в одном ряду с крупными землевладельцами капиталистического толка.

Как в Пруссии, так и в России главным конкурентом аристократии была монархия и созданная ею для выполнения своих приказов бюрократия. К 1815 году русское самодержавие вместе с весьма внушительным штатом бюрократии существовало уже несколько веков. Прусский абсолютизм создавался в семнадцатом (вторая половина) и восемнадцатом веках. Как русский самодержец, Петр I (1689—1725), так и прусский, Фридрих Вильгельм I (1713—1740), сумели ввести обязательную государственную службу для дворян, которых подчиняли строжайшей дисциплине, управляя ими железной рукой. Вплоть до 1815 года ни в России, ни в Пруссии в центре государства не было никаких представительных дворянских учреждений. Но, в отличие от России, в Пруссии были заведены дворянские учреждения на местах, в которых дворяне охотно служили, с глубоким почтением относясь к местному управлению и местным партикуляристским традициям¹⁶.

Во всех государствах исторически сложившиеся отношения между монархией, дворянством, церковью, городами и крестьянством определяли, в значительной степени, роль и судьбу аристократии девятнадцатого века. Однако соотношение размеров исторического центра страны и ее окраин также нельзя сбрасывать со счетов. В некоторых государствах присоединение новых территорий могло усилить исконную аристократию. Именно так произошло в Вюртемберге и Баварии. В Англии, Пруссии и России получилось иначе.

Аристократия, чрезвычайно могущественная в Англии, пользовалась меньшим весом в Шотландии, не говоря уже об Уэльсе и Ирландии, где она воспринималась как чужеродный нарост. После избирательной реформы 1832 года консерваторам пришлось примириться с тем, что в Шотландии они стали постоянной партией меньшинства. В Уэльсе и Ирландии даже полудемократические выборы в 1867 и в 1884 годах привели к господству антиаристократических сил в местных политических кругах. В Ирландии выборы оказались предвестником экспроприации. Не далее как в 1910 году при столкновении между Палатой лордов и демократически избранным либеральным правительством английский электорат дважды, пусть и небольшим перевесом голосов, но возвращал к власти консерваторов. Судьбу пэров решили голоса шотландских, уэльский и ирландских избирателей.

Перед прусской аристократией стояла даже более сложная дилемма, частично потому, что, в отличие от английской, она не сумела добиться поддержки буржуазии и рабочих своей родной страны. К тому же, стремительное расширение Пруссии в девятнадцатом веке, сначала присоединившей к себе Рейнскую область и Вестфалию, затем Ганновер и, наконец, в некотором смысле, всю Германию, вызвало существенные трудности для юнкерства. Даже в пределах Пруссии, какой она стала после 1866 года, не говоря уже о Германии в целом, господствующее влияние юнкерства встречало противодействие со стороны тех сил, которым старые прусские традиции были не только чужды, но которые активно проявляли к ним враждебность. Эти силы могли быть представлены партикуляристами, католиками, либералами, крестьянством или социалистами и — в любом из регионов — их соединением. Учитывая глубоко укоренившееся в Германии разделение по конфессиональному и региональному признаку, не говоря уже о том, что объединение в 1866—1871 годах на условиях, продиктованных Пруссией, было в известной степени навязано силой, совершенно ясно, что перед прусскими традиционными элитами стояла исключительно трудная задача — сохранить свое господство в стране, которая в девятнадцатом веке не только встала на путь модернизации, но и с невероятной скоростью увеличила свою территорию.

Позиция русской аристократии была, что и говорить, еще слабее. В исконном черноземном сердце России, южнее Москвы, старая аристократия занимала крепкое положение. Но Россия быстро расширялась, присоединяя к себе новые территории. В 1760-х годах, например, в знаменитой законодательной Комиссии, учрежденной Екатериной II, когда аристократы из централь-

ных губерний поднимали голос за более строгий контроль над возведением в высшее сословие, им противостояло новое дворянство из Украины, часто казацкого происхождения и резко враждебное любому слову, исходящему от господствующей верхушки. В результате притока дворянства из соседних территорий и западных иммигрантов, принятых на царскую службу, русская аристократия утрачивала свою силу и монолитность. Более того, в значительной части самой России общество стало разномасштабным, а потому зыбким, лишенным уложений и твердой иерархии. В некотором смысле русское дворянство представляло собой нечто среднее между европейской аристократией и плантаторской элитой *ante bellum**, которая вобрала в себя как старых землевладельцев из Вирджинии, так и новых из Алабамы и Миссисипи. К 1900 году новым Фронтиром** (в американском смысле слова) для России была Сибирь, где практически не было дворян, но куда крестьяне-переселенцы прибывали толпами. Сибирь являлась для России аналогом Австралии и Канады вместе взятых, со всем тем, что это означало применительно к популистским и демократическим ценностям. Тот факт, что русская Австралия непосредственно примыкала к метрополии, облегчало задачи ее защиты от внешнего врага и позволяло предположить, что Россия останется великой державой еще долго после того, как рухнет английская заморская империя. Однако влиянию аристократии в русском обществе это отнюдь не благоприятствовало и ничего хорошего ей не сулило¹⁷.

Сама структура высшего класса также воздействовала на его характер и роль. Между аристократией, в которой тон задавала небольшая группа несметно богатых собственников, и более широким кругом лишь относительно состоятельных провинциальных дворян существовала большая разница. Крупные аристократы были более космополитичны, лучше образованны и воспитанны — это особенно касается России и Германии начала девятнадцатого века. Провинциальные дворяне отличались узостью кругозора и привязанностью к одному определенному месту. Правда, они теснее общались с народными массами, чем вельможи, вынужденные, почти никогда не посещая многие из своих поместий, действовать через управляющих и приказчиков. В целом, крупному ари-

* До войны (*ant*) — имеется в виду Гражданская война 1861—1865 гг. между Северными и Южными штатами.

** Фронт — в американской истории западная граница территории США, постепенно осваиваемая американскими переселенцами, начиная с 1700 по 1890 год, когда закончилось заселение Тихоокеанского побережья.

стократу было легче вписаться в современный мир. Он, надо полагать, получал доходы не только со своих поместий, но и из других источников, что защищало его во времена сельскохозяйственных кризисов, позволяя снимать урожаи с капиталов, вложенных в акции, облигации и городскую собственность. Богатство, титулы и родовая слава гарантировали ему высокое положение в буржуазном обществе — положение, которое простому дворянину было недоступно. Именно поэтому многие крупные аристократы позволяли себе придерживаться более либеральных взглядов, чем провинциальное поместное дворянство. Свободомыслие стало до некоторой степени обычным в кругах французской аристократии в последние годы старого режима. И то же самое частично повторилось в Англии, России и Германии в девятнадцатом веке¹⁶.

Но и среди аристократии существовало резкое различие, как между разными национальными элитами, так и внутри них. Крупные аристократы-землевладельцы — скажем, английские, — чье господство в родных местах являлось основой их власти в столице и парламенте, мыслили, вероятно, иначе, чем аристократы, пусть очень богатые, состоявшие при дворе абсолютного монарха¹⁹. Придворный в известной степени всегда произведение капризов и благорасположения своего господина. Можно ли сыскать человека более независимого в восемнадцатом веке, чем герцог Рассел, член партии вигов? Можно ли назвать фигуру более зависимую, чем русский аристократ при дворе своенравного деспота Павла I (1796 — 1801)? Правда, к чести русской аристократии следует сказать, что она ответила на деспотизм, задушив самовластного монарха²⁰. Индивидуальная история дворянской семьи всегда определяла многие из исповедуемых ею ценностей. Для члена родовитого рода Расселов конституционные ограничения королевской власти числились среди личных достижений семьи. Для представителя *Standesherren* насильственное разрушение векового законного уклада, гарантировавшего его семье политическую самостоятельность и положение в обществе, означало унижение — обиду, которую он носил в себе весь девятнадцатый век. Аристократу с семейной историей Расселов было легче играть конструктивную роль в Европе времен королевы Виктории, чем его немецкому собрату, все еще тосковавшему по утраченному статусу своей семьи при старом рейхе.

Прусские юнкеры были провинциальным поместным дворянством *par excellence*. Исповедуемые ими принципы определялись провинциальной узостью взглядов, лютеранством и милитаризацией юнкерства, приобретенной им на военной службе в Прусском государстве восемнадцатого века. В девятнадцатом веке эти

ценности не только не пошатнулись, а скорее укрепились. Независимый, фрондерский дух юнкера подпитывался мыслью, что его семья жила на прусской земле еще до Гогенцоллернов и что сам он в своем крошечном поместье — вполне король. Его верность короне усиливало сознание, что его предки проливали кровь вместе с Фридрихом II в героические дни Семилетней войны, когда Пруссия одна стояла против трех великих держав континентальной Европы. Тот факт, что союз Гогенцоллернов с юнкерами увенчался успехом, возвысив незначительное Прусское королевство до мировой державы, придавал законную силу милитаризму, авторитарности и аристократизму — принципам, на которых зиждился этот союз.

И для русской аристократии память о военных подвигах предков значила очень много. Мемуары переполнены упоминаниями об участии дедов и прадедов в жестоких битвах, начиная от Куликовской в 1380 году, когда Московия нанесла поражение татарам. Сознание того, что офицер-аристократ, служа царю, превратил Россию в могущественную силу, с которой вынуждена считаться Европа, было главным источником чувства собственного достоинства, никогда не покидавшего аристократию. У русских было меньше фрондерского духа и значительно меньше провинциального верноподданничества, чем у пруссаков. Многие владетельные аристократы вели свой род от царствовавших домов, которые были древнее дома Романовых. Но этот факт мало что значил, так как будучи придворными, они жили лишь в лучах благоволения своего господина. Тем не менее, восемнадцатый век завещал русской аристократии идти путем просвещения и европеизации. Образованность, хорошие манеры и знание иностранных языков стали критерием статуса в дворянском обществе, куда не был закрыт доступ из низов, где титулы мало что значили, а деньги легко давались, но и легко тратились при дворе. Находясь на периферии Европы, образованные русские с головой ушли в национальные культуры европейских стран. Разрываясь между русскими традициями и европейскими культурами, русская элита чувствовала себя менее комфортабельно, чем английская или немецкая, зато проявляла себя более творчески.

Аристократия Англии также была военным сословием, гордясь славой своих пращуров, львиную долю которой они снискали в боях. Однако, испытав на себе в середине семнадцатого века весь деспотизм военизированной в самой неприемлемой его республиканской форме, английская элита создала единственную в своем роде аристократическую армию, где офицеры покупали должности, вплоть до высших. Такое управление армией могла позво-

лить себе только островная страна. В восемнадцатом веке английскую аристократическую молодежь воспитывали не для службы в армии или бюрократическом аппарате с их строгой субординацией и дисциплиной, а для того, чтобы заседать в парламенте — произносить речи, вести дебаты и участвовать в вольнице, кое-как сдерживаемой правилами процедуры. Английские землевладельцы обладали властью, не будучи, как аристократы Восточной Европы, помещиками-крепостниками. В стране уважали парламентские и правовые традиции — отчасти потому, что они были детищами Англии, отчасти потому, что отменно служили ей в период ее беспримерного благосостояния и могущества. В 1815 году аристократия Англии, в противоположность дворянству бюрократических России и Пруссии, была правящим классом в полном смысле слова. На протяжении более столетия она непосредственно управляла самой процветающей в мире страной. В девятнадцатый век аристократия Англии вошла с огромным запасом политического опыта, который должен был сослужить добрую службу в новое время — викторианскую и эдвардианскую эпохи, — бросившие ей свой вызов.

Глава 2. Благосостояние

Эта глава преследует три цели. Во-первых, в ней будет рассмотрено, в каких районах Германии, Англии и России обосновались крупные землевладельцы. Далее эти районы будут сопоставлены с теми, где землей преимущественно владело нетитулованное дворянство или фермеры из крестьян. Во-вторых, будет показано, кто из землевладельцев-дворян в этих трех странах в период между 1815 и 1914 гг. занимал ведущее положение. И, в-третьих, мы попытаемся оценить благосостояние русской, английской и немецкой аристократии.

Эти три цели являются основополагающими для любого исследования аристократии девятнадцатого века. Довольно трудно избежать поверхностных обобщений в ходе изучения европейской аристократии прошлого века, если не знать, кто принадлежал к ведущим дворянским семьям, где они жили и насколько велико было их состояние. Данные о проживании, величине имущества и структуре трех — русской, английской и немецкой — аристократий позволяют провести сравнение как между этими различными сообществами, так и внутри них. Это дает возможность проследить, какие основные сдвиги произошли между 1815 и 1914 годами. В этой второй главе будут освещены наряду со многими другими такие ключевые вопросы, как изменения в составе высшего слоя аристократии; диапазон распространявшейся на деревню власти знатного дворянства; имущественное состояние аристократов в сравнении с благосостоянием других классов общества; распределение дохода внутри аристократии.

Определить, где были сосредоточены земельные владения дворянства и кто были крупными землевладельцами нередко бывает весьма сложно и требует кропотливой работы. Однако еще трудней оценить благосостояние аристократии. Статистические данные об имущественном состоянии крайне скудны, ненадежны и даже противоречивы, в особенности это касается Германии и России первой половины девятнадцатого века. Не всегда понятно, когда приводимые данные отражают валовой доход, а когда чистую прибыль — различие, в котором многие русские помещи-

ки нередко сами путались¹. Также денежное обращение создает путаницу в расчетах. До 1870 года в Германии в обращении было много различных валют и далеко не всегда можно сказать, какой в точности существовал между ними обменный курс. Теоретически как в Австрии, так и в России была единственная валюта, но практически в обеих странах в ходу были две: устойчивые металлические деньги и бумажные с меньшей ценностью и стабильностью. Обменный курс между бумажными и металлическими деньгами не только с течением времени то поднимался, то понижался, но и различался, по крайней мере в России, в разных частях империи. В добавление к вышесказанному отметим, что историки и современники часто приводят итоговые статистические цифры, не указывая на то, в каких деньгах — серебряных или бумажных — они выражены².

Даже наличие полной и точной информации о чем-либо доходе не исчерпывает всех сложностей. Прежде чем сравнивать реальный доход, необходимо разобраться в относительной стоимости жизни в трех взятых нами странах. Но даже если имелся бы сравнительный стоимостный коэффициент, распространяющийся на Лондон, Берлин и С.-Петербург — о чем можно только мечтать — все равно неверно было бы делать вывод, что этот коэффициент одновременно отражает стоимость жизни, скажем, в Баварии и в Тульской губернии. Более того, чтобы знать, какой у человека реальный доход, необходимо учесть его долги; но, даже имея такие статистические данные в своем распоряжении, легко ошибиться. Большие долги вполне могут быть следствием экстравагантного желания жить не по средствам. Но они также могут быть результатом выгодного вложения денег с целью позднее увеличить свое состояние. Особенно в Пруссии и России, где знать часто имела возможность брать ссуды у государства на выгодных для себя условиях, задолженность также могла всего лишь отражать умелую предприимчивость, когда ссуда бралась под меньший процент, а займы давались под больший, или же взятые у государства деньги вкладывались в ценные бумаги или землю, стоимость которой повышалась гораздо быстрее, чем проценты по ссуде³.

Как бы ни было трудно оценить имущественное состояние аристократии, без этого, безусловно, обойтись никак нельзя. Более того, хотя статистические данные, приводимые в этой главе, могут не всегда быть абсолютно точными, они дают общую картину доходов аристократии, которая почти наверняка отражает истинное положение дел и позволяет осуществить немаловажное сравнение как между тремя странами, так и внутри них. Тем не

менее бесценным дополнением к статистическим данным об имущественном состоянии аристократии служат некоторые весьма выразительные замечания, в особенности принадлежащие тем, кто имел возможность сравнивать жизнь и нравы ряда аристократических сообществ. По европейским меркам, в Англии аристократии и джентри принадлежал чрезвычайно высокий процент всех ее земель. В 1873 году, когда впервые была проведена регистрация земель, в Объединенном Королевстве насчитывалось более миллиона землевладельцев. Однако четыре пятых земельных наделов принадлежало менее 7000 владельцам. В отличие от Германии и России, английские землевладельцы до 1815 года обладали неограниченными правами на собственность. Другими словами, они были не обременены обычным крестьянским правом, которое будучи закреплено либо законом (Германия), либо существующей на практике (Россия), с освобождением крестьян от крепостной зависимости неминуемо привели к разделу земельных владений между помещиком и крепостным⁴.

Вследствие того, что в девятнадцатом веке в Англии отсутствовали закрепленные законом крестьянские права, до 1815 года там практически не существовало крестьянства в привычном для континентальной Европы виде. В 1873 году самими землевладельцами обрабатывалась лишь десятая часть земель. Только в одном графстве, Мидлсексе, владельцам наделов площадью менее 100 акров принадлежало более 20 процентов земель, к тому же в муниципальном Мидлсексе среди этих землевладельцев гораздо чаще встречались жители Лондона, чем фермеры-крестьяне. Только в отдаленных северо-западных графствах Камберленде и Вестморленде и среди болот Кембриджшира и сливовых садов Вустершира мелкопоместное землевладение занимало более или менее значительное место.

Для сравнения отметим, что 363 землевладельца, каждому из которых принадлежало по 10000 акров, обладали четвертью всех земель Англии. В целом, эти крупные имения располагались не далеко от Лондона, в окрестностях которого цены на землю были чрезвычайно высоки. В девяти графствах аристократы, чьи имения насчитывали свыше 10000 акров, являлись владельцами тридцати, если не больше, процентов угодий (исключая неводеланные участки). Если не считать крошечное графство Ратленд, то во главе списка стоит Нортумберленд, где герцоги Перси владели обширными территориями. Уилтшир и Дорсет, расположенные в западной части Англии, также занимали одно из первых мест (36 процентов в каждом). Другие графства на севере центральной Англии, где аристократам принадлежали крупные поместья —

Ноттингемшир, Чешир, Дербишир, Стаффордшир, Нортгемптоншир — большая часть земель которых, видимо, не случайно, считались прекрасными охотничьими угодьями.

После 363 земельных магнатов следует примерно 1000 землевладельцев — весьма крупных по меркам континентальной Европы, — которым в 1873 году принадлежало от 3000 до 10000 акров. Они были выходцами из верхних слоев графств, из семей, которые Джон Бейтман в своей знаменитой работе, посвященной изучению британского правящего класса, назвал «крупными джентри». В двенадцати графствах представителям этой категории принадлежало 20 и более процентов земли. Эти двенадцать графств находятся к Лондону ближе, чем девять аристократических, и только Нортамберленд числится в обоих списках. Что касается графств, в которых находились поместья наиболее крупных джентри, то это прежде всего Шропшир, Хантингдоншир, Херефордшир и Оксфордшир.

Однако между тем, где проживали и пользовались наибольшим влиянием такие семьи, и тем, где они владели наибольшими земельными угодьями, не обязательно прослеживалась прямая связь. Пытаясь определить наиболее аристократические графства Англии, Майкл Томпсон наряду с аристократическим землевладением (то есть, поместьями величиной более 10000 акров) учитывает также и распределение по стране так называемых «загородных домов». Хотя выбранные ориентиры весьма приближены, совершенно очевидно, что наиболее аристократической частью страны являлись центральные графства Англии (Мидленда). Среди шести «самых аристократических» графств из этого региона безусловно выпадает лишь Дорсет. Более того, хотя Томпсон подчеркивает, что может ручаться за точность этой картины лишь для начала 70-х, она, как он полагает, вряд ли претерпела большие изменения с 1790 до 1919 годов¹.

Г. Е. Мингей утверждает, что в 1790 году, около 400 землевладельцев получали достаточно высокий доход, чтобы содержать большой загородный дом, проводить весь светский сезон в Лондоне и придерживаться аристократического образа жизни. Для этого требовалось, как минимум, 5—6000 фунтов стерлингов в год, хотя, чтобы жить на таком уровне не напрягаясь, необходимо было 10000 фунтов, каковым и был средний доход этих 400 собственников. Первенство среди аристократии держали герцоги Бедфорда, Бриджуотера, Девоншира и Нортамберленда, маркиз Рокингемский и графы Эргмонт и Шелберн. За этими магнатами следовали 700—800 родов состоятельных джентри, преимущественно баронетов с доходом в 3—4000 фунтов; эсквайры, полу-

чавшие от 1000 до 3000 фунтов в год, которых насчитывалось приблизительно от трех до четырех тысяч; и примерно 10000—20000 джентльменов, живущих на доход от 300 до 1000 фунтов стерлингов в год.

К 1790 году доход землевладельцев, по данным Мингея, постепенно увеличился на 40—50 процентов по сравнению с серединой восемнадцатого века. С конца 1780-х до конца 1820-х годов доход с арендованных земель удвоился, причем наибольший его прирост выпал на военные годы. К 1819 году доходы герцогов Нортамберлендских и Бриджуотерских, маркиза Стаффорда и графа Гросвенора составляли более 100000 фунтов в год. Не удивительно, что это были годы, когда козыряние своим богатством и непомерные траты стали массовым явлением среди английской аристократии. Когда, например, в 1799 г. герцог Ратленд достиг совершеннолетия, расходы на празднества и подарки составили около 10000 фунтов — суммы, существенно превосходившей годовой доход многих аристократов, которых в других регионах Европы считали весьма состоятельными.

В 1790 г. — пишет Мингей — «крупные лендлорды были, несомненно, самой богатой группой в стране». В середине восемнадцатого века, чтобы купить большой загородный дом и 10000 акров земли, требовалось 100000 фунтов капиталовложений, сумма, практически доступная только аристократу. В этом, как указывает Джон Кэннон², заключается одно из объяснений, почему возможность попасть в ряды высшей английской аристократии, как и покинуть их, в восемнадцатом веке была весьма ограничена.

Несмотря на начало промышленной революции, в первом десятилетии девятнадцатого века в этом отношении почти ничего не изменилось. Высокие доходы от землевладения способствовали росту цен на поместья: чтобы приобрести в собственность 3—4000 акров в начале 1840-х годов требовалось 100000 фунтов стерлингов. При том, что большую часть британской промышленности все еще составляли мелкие предприятия с очень незначительным основным капиталом, приобретение земельного владения величиной свыше 10000 акров было доступно лишь единицам, которыми, как правило, были финансисты, такие как Александр Баринг и Сэмюел Ллойд. Как пишет В. Д. Рубинштейн, «в первой половине девятнадцатого века — спустя одно или два поколения после начала промышленной революции — крупные собственники, не входившие в число землевладельцев, составляли ничтожно малый процент от всего класса имущих. Если бы в 1825 году в зале, где находились двести богатейших людей Британии, оказал-

Таблица 2.1. Соотношение доходов английских земледельцев, 1790 г.

	Количество родов	Границы дохода, фунты	Средний доход	Процентное содержание культивируемой земли в Англии и Уэльсе (%)
I Крупные землевладельцы	400	5000—50 000	10 000	20—25
II Джентри				
(a) Богатые Джентри	700—800	3000—5000		
(б) Эсквайры	3000—4000	1000—3000		50—60
(в) Джентльмены	10000—20000	300—1000		
III Фригольдеры				
(a) Более зажиточные	25000	150—700	300	
(б) Менее зажиточные	75000	30—300	100	

Источник *Mingay G E English Landed Society in the Eighteenth Century London, 1963.*

ся посторонний наблюдатель, ему простительно было бы подумать, что никакой промышленной революции в Англии никогда не было»⁷.

Среди иностранцев, наблюдавших английское общество в конце 1820-х, наиболее проницательным оказался немец — принц Германи фон Пюклер-Мускау. Между 1825 и 1829 гг. Пюклер провел не один месяц в Англии в поисках наследницы. Особый интерес представляют его замечания по поводу относительной стоимости жизни в Англии и Северной Германии. По мнению Пюклера, предметы первой необходимости в Англии стоили не намного дороже, чем у него на родине, остальное же существенно превосходило в цене. Чтобы вращаться в высшем обществе, необходимо было иметь богатый и разнообразный гардероб. Разъезжать на почтовых по стране было вчетверо дороже, чем в Германии. Не менее дорого обходилась роскошная жизнь в загородных домах, а для их владельцев «один месяц гостеприимства выливался в сумму, — писал Пюклер, — которую у нас богатый землевладелец тратит за целый год»⁸.

Но более всего Пюклер был потрясен несметным богатством Англии. «То, что у нас называется роскошью, — писал он в 1828 г., — у них считается предметом необходимости (sic!) и распространяется на все классы». В комфорте и роскоши английская жизнь превосходила все, что ему прежде доводилось видеть. Поразили принца также «неукротимая жажда богатства и почтительное к нему отношение, характерные для подавляющего числа англичан». В особенности, «огромное богатство землевладельцев Англии неизменно должны потрясать жителей континента»⁹.

Восхищение Пюклера вызвал образ жизни поместных джентльменов, которых он считал лучшей частью английского общества. Они не гонялись за модными увеселениями в Лондоне, а предпочитали «домашнюю жизнь, отшлифованную воспитанием, украшенную предметами роскоши и отличающуюся сугубой цельностью». Хотя «у нас их сочли бы людьми состоятельными, в Англии, пожалуй, найдется не менее сотни тысяч человек, которые с удовольствием живут такой жизнью ... среди солидной и создающей уют роскоши в своих мирных домах; сами себе повелители, в лоне своих семей они живут в безопасности, которую им обеспечивают незыблемые права собственности, .. именно чрезвычайное число людей надлежащего достатка делают Англию независимой и счастливой»¹⁰.

Куда меньший восторг вызывали у Пюклера аристократы, составлявшие лондонское высшее общество. Они, по его мнению, были людьми холодными, высокомерными и слишком одер-

жимыми, даже по меркам континентальной Европы, приверженностью к своей привилегированной касте. Жизнь английской аристократии дышала «долгой привычкой к несметной роскоши». Состояния знати были «огромны, даже наши суверенные принцы владеют лишь частицей того, что здесь накоплено знатью». Некоторые из загородных особняков отличались необычайным великолепием. Например, о Вубернском аббатстве — усадьбе герцога Бедфордского — Пюклер писал: «здесь достигнуто сочетание роскоши и величия, существенно превосходящие возможности любого частного лица в нашей стране»¹¹.

Замечания Пюклера были продиктованы грустным сознанием того, что его собственные доходы от имения Мускау составляли лишь безделицу по сравнению с получаемыми владельцем Вубернского аббатства, герцогом Бедфордским. Около 1820 года средний ежегодный доход Пюклера равнялся 104000 талерам (15600 фунтам стерлингов). В 1817 г. у него насчитывалось до 400000 талеров (60000 фунтов) долга, который к 1835 году возрос до 600000 талеров (90000 фунтов). Меж тем как ежегодный доход герцога Бедфордского составлял к 1840 году около 100000 фунтов, хотя его отец оставил ему в наследство 551940 фунтов долга. Примерно в 1840 г. годовой доход герцога Бедфордского был от 27000 до 28000 фунтов. Поэтому различие между Пюклером и Бедфордом заключалось не в соотношении между общим и имеющимся в наличии доходом, как и не в масштабе их долгов в процентном отношении к поступлениям. Попросту Расселы были гораздо богаче, чем Пюклеры. Бедфорд имел достаточные средства и мог вовремя периодически погашать свои долги. Герману Пюклеру в конечном счете пришлось продать Мускау¹².

Практически мы можем причислить Пюклера к представителям прусского общества, поскольку после Венского Конгресса в 1815 г. Саксония, где находилась его усадьба Мускау, вошла в состав Пруссии. В начале девятнадцатого столетия Мускау было оцененно для налогообложения в 500000 талеров (75000 фунтов стерлингов), однако эта сумма, по мнению историка — специалиста по имуществу — была более, чем на половину ниже реальной рыночной стоимости. В целом в Пруссии в те времена существовало только два поместья стоимостью свыше миллиона талеров (150000 фунтов), другие четырнадцать оценивались от 500000 до миллиона, а следующие двадцать девять — от 300000 до полумиллиона талеров. Даже если считать, что объявленная для налогообложения стоимость Мускау или стоимость других прусских поместий были, как и поместья Пюклера, в фискальных целях занижены, все равно принц Пюклер остается одним из крупнейших

прусских землевладельцев. Это становится вдвойне ясно, если вспомнить, что в 1800 г. из сорока четырех наиболее высоко оцененных поместий Пруссии семнадцать находилось в польских провинциях на юге Пруссии и в Новой Восточной Пруссии. Эти провинции, приобретенные Пруссией после раздела Польши, были от нее в 1807 году отчуждены, а в 1815 г. вошли в состав Королевства Польского. Если исключить Вестфалию и Рейнскую область, которые в 1815 г. вновь отошли к Гогенцоллернам, есть все основания считать, что Пюклеру принадлежало одно из пятнадцати наиболее крупных поместий в Прусском королевстве¹³.

Таблица 2.2 показывает не только огромный разрыв между благосостоянием английской и прусской аристократии, но также и то, насколько имущественное состояние прусских дворян отличалось от провинции к провинции. После того, как от Пруссии отошли земли Восточной и Южной Пруссии, ясно обозначилось доминирующее положение Силезии. Из двадцати семи поместий, оцененных свыше 300000 талеров (45000 фунтов), двадцать (74 процента) находились в Силезии. Из 289 поместий стоимостью от 100000 до 300000 талеров, 128 (44 процента) были силезскими. Эти цифры в некоторой степени отражают тот факт, что в Силезии располагалось гораздо больше аристократических поместий, чем в других провинциях, но это еще далеко не все, поскольку доля Силезии по части крупных поместий гораздо больше, чем по части поместий меньшей стоимости. Так, например, 2209 дворянских поместий имели стоимость от 5000 до 20000 талеров (750—3000 фунтов). Из них только 504 (22,8 процента) находились в Силезии. Среди других провинций достойных соперников у нее не было. В Курмарке (Бранденбург), сорок восемь поместий имели стоимость свыше 100000 талеров, а 465 из 745 дворянских поместий (62,6 процента) были оценены от 20 до 100000 талеров. В Неймарке, как и в Бранденбурге, большая часть поместий (54,2 процента) также причислялась к категории, стоимостью в 20—100000 талеров. Во всех остальных княжествах в большинстве находились более мелкие поместья стоимостью от 5000 до 20000 талеров¹⁴.

Статистические данные отражают имевшийся в Пруссии разрыв между силезскими земельными магнатами — такими как Хенкель фон Донерсмарк, Гогенлоэ-Эринген, Баллештрём и Плесс (называя лишь четверых) — и знатью из других провинций, а также многочисленным более бедным дворянством. Так, за Померанией в девятнадцатом веке числился единственный подлинно аристократический род принцев Путбус, чьи поместья находились не на материке, а на острове Рюген в Балтийском море. В

Таблица 2. 2. Пруссия: Стоимость поместий, 1800 г. (в фунтах)

	Более 1 млн.	500000—1 млн	300—500000	100—300000	50—100000	20—50000	5—20000
Восточная Пруссия							
Западная Пруссия							
Померания		1		31	86	244	403
Неймарк			1	22	76	183	321
Силезия			1	24	76	235	430
Курмарк	1	7	12	11	62	170	184
Магдебург		2		128	363	784	504
Гальберштадт				46	154	311	232
Гогенгейм				27	63	121	135

Источник. Schissler H. Preussische Agrargesellschaft im Wandel. Göttingen, 1978.

Восточной Пруссии жили Доны, Денхофы, Лендорфы и Эленберги, но ни один из этих родов не мог сравниться по богатству с силезской аристократией. В 1800 г. среди земель, находившихся под властью Гогенцоллернов, Восточная Пруссия выделялась значительным числом свободных зажиточных крестьян, Силезия же — резким контрастом между богатством и нищетой, и, в результате, обострившейся социальной напряженностью. В отличие от Англии, региональные различия здесь были не только гораздо сильнее, но имели большее значение. До 1815 года два поколения были свидетелями многократного перемещения границ и политической неустойчивости. Во время Семилетней войны дворянство Восточной Пруссии присягнуло в верности Российской императрице, а в 1812—1813 гг. проявило еще большую способность к самостоятельным действиям. Силезия, обретенная Пруссией в войне 1740—1748 гг., едва не была потеряна ею в 1756—1763 годы. Пруссия оставалась сугубо провинциальной, в ней никогда не существовало единого парламента. Совершенно различный дух аристократии в разных землях и княжествах лишней раз напоминают о том, что в 1815 г. создание на востоке Германии прусской нации далеко еще не завершилось.

По решению Венского конгресса Пруссия должна была вобрать в себя земли Западной Германии, чья религия, общественное устройство и традиции в корне отличались от присущих Померании и Бранденбургу, историческому ядру государства Гогенцоллернов. В геополитическом аспекте было вполне разумно передать Рейнскую область и Вестфалию Пруссии, возложив таким образом на единственную сильную державу в Северной Германии защиту границы по Рейну от Франции. Однако обе эти западные земли с незапамятных времен тяготели к городскому образу жизни куда больше, чем восточная часть Пруссии, и своиственные им гражданские обычаи имели более древние и глубокие корни по сравнению с колониальными землями, лежащими по восточному берегу Эльбы. Кроме того, жители Рейнской области и Вестфалии были в большинстве католиками

В 1815 г. даже употребление в разговоре таких названий, как Рейнская область и Вестфалия, было неправомерно, так как при Священной Римской империи обе они представляли собой беспорядочное скопление крошечных, строго обособленных мало-значительных княжеств. Разделение аристократии в них шло как вертикально, так и горизонтально. На вершине общественной лестницы стояла медиатизированная имперская аристократия (то есть, *Standesherrn*). В Вестфалии к ней относились Бентеймы и Сайн-Витгенштейны, издавна обосновавшиеся в этих краях, а

также Гессен-Ронберги, Кройи, Аренбурги, Зальмы и Луз-Корсваремы, которые получили землю в Вестфалии в качестве компенсации за их собственность, захваченную французами в других областях. Семьи *Standesherren* держались обособленно от местного дворянства и избегали вступать в брак с членами этих семей¹⁵.

Следующую ступень за *Standesherren* занимали несколько местных дворянских семей, каждая из которых уходила корнями в одно из крошечных государств, входивших в бывшую Священную римскую империю. Одна из этих групп местной знати, история двадцати пяти главных родов которой за период от 1770 г. до 1860 г. была в больших подробностях изучена Хайнсом Райфом, принадлежала к Мюнстерской епархии. До секуляризации, которая началась в 1803 г., эти семьи господствовали в Мюнстере, получая от 20 до 35 процентов дохода, благодаря монополии на обильные поступления в кафедральный капитул. Связанные густой сетью браков, эти семьи частично установили свою власть над церковной жизнью, настаивая на том, чтобы все кандидаты на доходные церковные должности имели безупречное благородное происхождение на протяжении четырех поколений как по материнской, так и по отцовской линии. Этот чрезвычайно узкий и замкнутый мирок знати мюнстерского дворянства вместе со знатью других частей Вестфалии и Рейнской области был разрушен вследствие двух десятилетий войны, секуляризации, крушения Старого Рейха и присоединения к Пруссии. Подобно большей части немецкого дворянства 1815—1830-х годов, они находились в состоянии глубокой растерянности и всеми силами старались как в психологическом, так и в финансовом отношении адаптироваться в новом, ненадежном и (по крайней мере вначале) гораздо более бедном мире¹⁶.

В целом дворянство в Вестфалии было сильнее, чем в Рейнской области. В 1825 году из всех поместий старой знати (*Rittergüter*) 533 (80,3 процента) осталось в руках аристократии. В Рейнской области на *Rittergüter* приходилось 48,3 процента. По подсчетам прусского оберпрезидент фон Винке, от семидесяти до восьмидесяти землевладельцев в Вестфалии имели доход свыше 3000 талеров в год. Даже не считая *Standesherren*, среди местного дворянства были весьма и весьма состоятельные люди. Барон фон Фюрстенберг из Арнсберга, по утверждению Винке, имел годовой доход 100000 талеров (15000 фунтов), граф Клеменс фон Вестфален — 70000 талеров (10500 фунтов) и барон фон Ландсберг-Велен — 50000 (7500). Не считая *Standesherren*, эти трое, вероятно, были самыми богатыми дворянами в Вестфалии. Правда, Винке мог

преувеличить их доходы. Но как бы там ни было, приведенные им суммы весьма внушительны¹⁷.

В Рейнской области положение дворян существенно различалось в разных районах. В северной части, в особенности в районе Клева, они гораздо больше были привязаны к своим поместьям, чем в более южных — Кобленце и Трире. Отчасти это различие происходило из-за несходства систем землевладения, существовавших в разных районах до 1790-х годов, когда туда пришли французы. Отмена крепостной зависимости и феодальных повинностей почти никак не отразилась на дворянстве северных территорий Рейнской области, где земли чаще всего были свободны от ленной повинности или передавались во временное пользование на условиях коммерческого договора об аренде. В целом, однако, рейнское дворянство владело лишь шестью процентами земель, большая часть которых принадлежала двадцати семьям. Из них, вероятно, наиболее известными были: Залм-Дики, Лое, Шпее, Хатцфельдты и Нессельрод-Эресговены. По подсчетам барона Штейна, главы этих двадцати семейств имели среднегодовой доход от 10000 до 40000 талеров (от 1500 до 6000 фунтов стерлингов)¹⁸.

Картина резких местных различий и обособленности, характерная для Рейнской области и Вестфалии, распространяется и на другие регионы Германии. *Ritterschaft**, княжества Гессен-Кассель, подобно *Stiftsadel*** Мюнстера, было узким, многовековым и исключительно аристократическим сообществом. В него не входили даже те немногочисленные *Standesherren*, которые вошли в Гессен-Кассель после 1806 года, равно как и большая группа местного «менее благородного» дворянства. Подавляющее большинство родов *Ritterschaft* могли проследить свою генеалогию до 1400 года, и многие из них являлись членами Гессенского собрания, ландтага, до 1530-х годов. Посвящение в *Ritterschaft* представителей новых родов было редкой и ревностно охраняемой привилегией, которой могла награждать лишь сама корпорация. *Ritterschaft* Гессена было беднее, чем *Stiftsadel* Мюнстера. Ландграф принц Гессен-Кассельский, владел большей долей богатства в подвластных ему землях и предлагал дворянам менее доходные sinecуры, чем епископ Мюнстера. Перечисляя ежегодный доход семи семейств *Ritterschaft* на рубеже веков, Грегори Педлов отмечает как наибольший из них доход Бутлар-Элбербергов, который между

* Рыцарство (*печ*)

** Дворянство, аристократия

1781 и 1805 годами в среднем составлял 5655 талеров (848 фунтов стерлингов). Правда, Бутлар-Элберберги не были самым состоятельным родом среди Ritterschaft; их доход от лесных угодьев стал с большой скоростью расти, начиная с 1810 г. Тем не менее, в отличие от Мюнстера, в Гессен-Касселе не существовало майората, и поэтому доходы от земельных владений делились между всеми взрослыми владельцами мужского пола, в результате чего каждый из членов Ritterschaft в целом был беднее, чем дворяне в Вестфалии¹⁹.

Среди дворян Баварии также было мало состоятельных, однако важно различать аристократию старого Виттельсбаха от более богатых *Standesherren* и имперских рыцарей из Швабии и, особенно, Франконии, которые после распада Священной римской империи попали под власть баварского короля. В «Старой Баварии» (имеется в виду курфюршество) вместе с секуляризацией церковной собственности в период правления Монжела* у дворянства появилась возможность расширить свои владения. На деле среди первоначальных покупателей секуляризованных земель дворян было всего тридцать один человек; тем не менее к этой малочисленной группе отошло 23 процента прежде принадлежащих церкви владений. Чтобы пользоваться наследственным правом заседать в верхней палате баварского ландтага в девятнадцатом веке, необходимо было *inter alia*** владеть майоратом стоимостью более 240000 флоринов (24820 фунтов). По данным Вальтера Демела, помимо тридцати трех наследственных членов верхней палаты, большинство которых были из Швабии и Франконии, этому требованию отвечало только незначительное число баварских дворян, при том, что годовой доход от поместья стоимостью в 240000 флоринов превосходил 1000 фунтов стерлингов. Майоратами же, существенно превышавшими по стоимости 240000 флоринов, разумеется, владели единицы. К тому же не всякое родовое поместье представляло собой майорат. У небольшого числа древних знатных родов Баварии — в частности у Торрингов — годовой доход был значительно выше 1000 фунтов. Тем не менее, в 1815 г. подавляющее большинство дворянства «Старой Баварии» было беднее реценсского Ritterschaft, не говоря уже о Stiftsadel Мюнстера²⁰.

Хотя доходы германских *Standesherren* существенно отличались друг от друга, в 1815 г. почти все князья и графы присоеди-

ненных (медиатизированных) государств испытывали финансовые трудности. С потерей независимости они лишились части прежних государственных доходов, к тому же им стало гораздо сложнее выжимать налоги и трудовые повинности из своих крестьян. Государства, успешно конфисковавшие доходы *Standesherren*, не проявили подобного же рвения в том, чтобы взять на себя их долги, часть которых была в свое время использована на государственные интересы. Со временем, спасением для *Standesherren* оказались большие суммы, которые, начиная с 1820-х до 1860-х годов стали поступать к ним в качестве возмещения за уничтоженные с отменой крепостного права крестьянские повинности. Кроме того, доходы *Standesherren* резко возросли в девятнадцатом веке, когда *demesnes** и, прежде всего, лесные угодья, стали использовать коммерчески. Однако в переходный период, в его пик между 1806 и 1830 гг., графы и принцы медиатизированных земель оказались в весьма трудном положении.

Наилучшей иллюстрацией этого процесса служит история рода Гогенлоэ. В 1800 г. фамильная собственность рода была разделена между восемью ветвями, так как принцип майората действовал только в восемнадцатом веке. Даже все вместе взятые земли рода Гогенлоэ, составляли лишь пятую часть территорий, принадлежавших в конце восемнадцатого века герцогу Вюртембергскому. После медиатизации семь ветвей Гогенлоэ оказались в Вюртемберге, восьмая — Шиллингфюрст, — под более великодушной властью династии Виттельсбахов. Даже до медиатизации большинство ветвей рода Гогенлоэ не были очень состоятельными и их расходы всегда превышали доходы. Например, в 1804 г. годовой доход Шиллингфюрста составлял 64000 флоринов (6618 фунтов), а расходы равнялись 87649 флоринов (9064 фунтов), из которых целых 37 процентов шли на погашение крупных долгов. Бартенштейн в 1797 г. имел доход в 105781 флорин (10939 фунтов), а долгов — на 449000 флоринов (46432 фунта).

Вследствие этих долгов доходы Гогенлоэ за два десятилетия после медиатизации катастрофически упали. В 1805 г. Лангенбург получал от крестьянских повинностей доход, равный 22500 флоринов, а после 1815 года его доход уже не превышал 13000 — 16000 флоринов (1344—1655 фунтов). В течение некоторого времени Бартенштейн не мог себе позволить тратить более 2000 флоринов в год (207 фунтов). Даже Эринген, наиболее состоятельный из всех отпрысков Гогенлоэ, имел от своих земельных владений в

* Монжела Д. У. (1759—1838) — баварский государственный деятель.

** Кроме всего прочего (лат.).

* Недвижимое имущество, земельная собственность.

Вюртемберге в 1828—1829 гг. всего лишь 5166 флоринов чистого дохода, правда, еще 6500 флоринов он получал в виде провизии и различных товаров. До тех пор, однако, основные интересы Эрингена лежали в других областях. В тот год его саксонские поместья принесли ему доход 19002 флоринов (1965 фунтов), а силезские — 138458 флоринов (14318 фунтов). Деньги же, полученные в Вюртемберге как возмещение за утраченную собственность, были использованы им для расширения своих силезских владений²¹.

Пожалуй, самый основательный труд о компенсационных выплатах и влиянии их на доходы *Standesherren*, принадлежит Гарольду Винкелю. Предмет его исследования весьма сложен, так как различные повинности, сборы, десятина и государственные налоги в каждом случае возмещались индивидуально. Никакой согласованности во времени и условиях, в соответствии с которыми производились компенсации, между различными государствами не было. Сильнее всех интересы дворянства были ущемлены в Вюртемберге: по мнению управляющих Турн-унд-Таксиса, если бы компенсация за вюртембергские поместья производилась на основании соответствующего закона, принятого в Баварии, землевладельцы получили бы на 57 процентов больше. Прусская администрация особенно строго следила за тем, чтобы компенсационные выплаты за майораты (*fideikommiss*) снова вкладывались в землю. Частично компенсационные выплаты производились в наличных деньгах, но большинство — в процентных облигациях. Что касается соразмерности компенсаций, то это в значительно степени зависело от того, насколько долги вынуждали дворянство выкупать облигации до истечения их срока. В случае такого выкупа стоимость облигаций могла упасть до 82 процентов от номинальной²².

Хотя компенсационные выплаты получали не только *Standesherren*, львиная доля их доставалась высшей знати медиатизированных государств. Суммы были огромные, одни только *Standesherren* Вюртемберга в результате двух законов о компенсациях, принятых 29 октября 1836 г. и 17 июня 1849 г., получили 11899321 флоринов (1230540 фунтов). Компенсации практически погасили долги *Standesherren*, позволив им выгодно вложить деньги в покупку земли и акций или в промышленность. Так, например, принцы Эттинген-Шильберг, получив от Баварского государства 1483830 флоринов (153447 фунтов), 588900 флоринов пустили на оплату долгов, 418900 флоринов использовали на приобретение земли, а большую часть остальной суммы вложили в государственные и железнодорожные облигации. После того, как были погашены долги, развернулась аренда земельных владений и, что еще

важнее, стали приносить значительный доход принадлежащие знати леса; и положение средних *Standesherren* во второй половине девятнадцатого века по сравнению с его началом сильно укрепилось²³.

Самыми богатыми *Standesherren* был род Турн-унд-Таксис, владевший поместьями в Баварии, Вюртемберге, Гогенцоллерн-Зигмарингене, Пруссии и Богемии. В 1895 г. этому роду принадлежало 1237765 гектаров земли. Даже в конце 1850-х принц Турн-унд-Таксис получал 2491272 флорина (257629 фунтов) из Вюртемберга, 2817440 флоринов (291359 фунтов) из Баварии, 262275 флоринов (27123 фунтов) из Гогенцоллерн-Зигмарингена, 283278 талера (40684 фунта) из Пруссии и 556000 австрийских флоринов (55600 фунтов) из Габсбургской монархии. Вдобавок в 1851 г. почтовая монополия этой семьи была выкуплена за 1,3 миллиона флоринов (134000 фунтов). Даже еще до начала выплаты компенсаций у несметно богатого рода Турн-унд-Таксис долгов не было, а остаток доходов над расходами в наличных составлял 447000 флоринов. Огромные суммы, поступившие в казну Турн-унд-Таксиса от компенсационных выплат, выгодно инвестированные Ротшильдами, сделали этот род одним из очень немногих в Европе, который в богатстве мог сравниться с богатейшими представителями английской аристократии. Но Турн-унд-Таксисы принадлежали к аристократии не только Германии, но и Богемии; в девятнадцатом веке лишь среди габсбургской высшей знати можно было, пожалуй, найти тех, кто не уступал — более или менее — в богатстве английскому герцогу. Например, в 1820 г. принц Иосиф II фон Шварценберг, глава старшей ветви рода, имел годовой доход в 771381 австрийских флоринов (77138 фунтов), что если и не вполне соответствовало доходу герцога Нортумберлендского, то во всяком случае оставляло далеко позади даже силезских аристократов²⁴.

В конце восемнадцатого века высшая русская аристократия, пожалуй, могла бы сравниться в богатстве с австрийской и английской. И действительно, как утверждает Ян Бланчард, «в 1807 г. средний британец едва ли был намного богаче русского. Обе нации — Британия и Россия — возглавляли сводную таблицу европейского национального дохода»²⁵. Пышность образа жизни русской аристократии поражала даже английских наблюдателей: как отмечает Уильям Тук, многие представители высшей знати России являлись «владельцами имений, занимавших территорию, превосходящую по величине земли некоторых суверенных немецких властителей»²⁶. Безусловно, Елизавета, Екатерина II и Павел I (1741—1801) с царственной щедростью одаривали при-

дворную аристократию. Так, в период с 1762 г. по 1783 г., пятеро братьев Орловых, фаворитов Екатерины II, получили от императрицы 45000 крепостных крестьян (мужского пола) и 17 миллионов рублей (1770000 фунтов) наличными деньгами и драгоценностями. В течение только двух лет Григорий Потемкин получил в дар 37000 крепостных крестьян и 9 миллионов рублей (937500 фунтов). Жена Ивана Чернышева, посла Екатерины в Лондоне, владела драгоценностями на сумму 40000 фунтов стерлингов, граф Николай Петрович Румянцев потратил два миллиона рублей (208000 фунтов) на свой музей в Москве. Когда Наполеон вторгся в Россию, ряд крупных землевладельцев — например, граф П. И. Салтыков, князь Н. С. Гагарин и Н. Н. Демидов — на свои средства сформировали и снарядили целые полки²⁷.

Огромные богатства русских магнатов конца восемнадцатого века были новым явлением. Допетровская Россия не могла стать плодородной почвой для упрочения крупных личных состояний, хотя именно в семнадцатом веке, благодаря коммерческой деятельности на севере России и в Сибири, разбогатели Строгановы, а вся высшая придворная аристократия существенно приумножила свои состояния. Однако, в 1800 г. крупные состояния держались на двух главных основаниях — на огромных земельных территориях, полученных в дар от русских самодержцев, и на подъеме русской экономики в предшествующем столетии.

Как пишет Джером Блан, «во время царствования Екатерины II и Павла удачливые придворные получили в общей сложности 385700 крепостных». Щедрое царские дары, однако, весьма неравномерно распределялись между этой группой счастливчиков — факт, оказывавший большое влияние на распределение богатства среди аристократической элиты вплоть до самого конца русского самодержавия. В период с 1762 г. по 1801 г. семьдесят девять дворян, получив каждый от 1000 до 3000 крепостных, в общей сложности приобрели 120400 душ. А восемнадцать дворян, каждый из которых в среднем получил от 5000 до 10000 крепостных, — 43000. Однако во главе этого списка стояли восемь человек, каждый из которых получил более 10000, а все вместе — 154200 крепостных, что от общего числа составляло почти 40 процентов²⁸.

Что касается источников доходов, разборчивость и щепетильность как сдерживающие факторы были чужды русской аристократии восемнадцатого века. Щедрое царские дары и беспечное «выдаивание» государственных средств были излюбленными способами обогащения, хотя коммерческая деятельность также служила этой цели. Винокурные заводы, суконное производство для армии, горное дело и металлургия представляли собой,

вероятно, наиболее крупные отрасли промышленности, которыми занималось дворянство в эпоху крепостничества, что же касается аристократии, то она всегда была готова приложить руку к тому виду деятельности, который сулил наибольшее обогащение. В 1813 г. дворянству в России принадлежало 64 процента шахт, 78 процентов суконных фабрик, 60 процентов бумажных заводов, 66 процентов стекольных и 80 процентов производств по выработке поташа²⁹.

В восемнадцатом веке выходцы из недворянских сословий также составляли себе крупные состояния, но почти все они в конечном итоге перешли в руки аристократии, либо в результате того, что их владельцы были пожалованы в дворянство, либо благодаря браку наследниц этих состояний с представителями высшей знати. Так, Демидовы, Лазаревы, Мальцевы, Гурьевы и Гончаровы в восемнадцатом веке стали дворянами, пополнив ряды придворной знати. То же произошло и с горсткой других купеческих семей. В иных случаях, когда род multimillionеров не благородного происхождения — например, Твердищевы, Мясниковы, Волыньские — обрывался по мужской линии, все состояние через наследниц попадало в карман придворной знати. Говоря о традиционной связи благосостояния русской аристократии с имуществом неблагородного сословия, Е. П. Карнович писал, что «почти все богатства, составлявшиеся у нас первоначально в кругу торговой или промышленной деятельности, делались богатствами дворянскими... Представители этих богатств вступали без особых затруднений в родственные связи с знатными родами, а дети и внуки их нередко занимали видные места среди старинного и богатого нашего дворянства»³⁰.

В 1800 г. Россия была крупнейшим производителем черных металлов в Европе, а в сталелитейной промышленности ведущее положение в империи занимали Демидовы. Соответственно их доходы были баснословными. Николай Никитович, судя по всему, самый богатый из Демидовых, в 1795 г. имел доход 596000 рублей (62100 фунтов). Однако в том же году расходы Н. Н. Демидова достигли чрезмерной суммы в 1435800 рублей (150000 фунтов). Графы Шереметевы, самый богатый аристократический род в России, были не столь расточительны. В 1798 г. доходы графа Н. П. Шереметева составили 632200 рублей, а расходы — 692000 рублей. В девятнадцатом веке, однако, дела пошли хуже. Наследник Н. П. Шереметева имел годовой доход в 2,2 миллиона рублей (64919 фунтов), а тратил 3,4 миллиона (110330 фунтов); к 1859 г. его долги достигли 6 миллионов рублей (562500 фунтов). Подобное расточительство было отчасти следствием личного безрас-

судства, а отчасти — плохого управления. Свою лепту внесли также привычки, присущие всей аристократии, благосостояние которой чрезвычайно быстро приумножалось, большей частью за счет царских даров, предназначавшихся на создание роскошного двора, для прославления России на всю Европу. При таком дворе (не говоря уже о соперничестве с другими важными особами) необходимо было вести роскошный образ жизни³¹.

Расточительство нанесло большой урон благосостоянию аристократии. Еще более разорительной была практика деления наследства в равных долях между наследниками мужского пола, причем нередко земельные наделы отходили и к женщинам. Кроме того, в первой половине девятнадцатого века экономика России в целом стала отставать от западноевропейской. В 1800 г. Россия производила черных металлов больше, чем Англия, а в 1860 г. — меньше десятой доли. По наблюдениям некоего англичанина, посетившего С.-Петербург в 1820—30-х годах, аристократия уже жила не так, как во времена Екатерины II: «Вот просторные особняки — недавнее жилище знати; окна закрыты, двери на замке, а владельцев либо вовсе нет, либо они живут уединенно в силу экономических затруднений». Возвращаясь мысленно ко второй половине царствования Николая I к своему детству и юности на рубеже восемнадцатого и девятнадцатого веков, Ф. Ф. Вигель вспоминал, что в своем укладе, как и в сознании кастовости петербургская знать брала за образец венцев. Подавляющее большинство дворян, составлявших высшее общество С.-Петербурга, принадлежало к нему с рождения; они все еще владели огромными состояниями и были полны аристократической гордости. «Богатые фортуны не были еще разделены между потомками, не были еще враздробь промотаны... Они принадлежали по большей части людям, коим титул и высокий чин давали хотя и новую, но настоящую знатность... Предшественники Екатерины, как и она сама, как и сын ее, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддерживать блеск даруемого ему титула, но даже разливать его на своих потомков»³².

Оценить богатство знати при Николае I (1825—1855) непросто. Традиционной мерой имущества и положения в обществе считалось число принадлежащих аристократу крепостных крестьян. Крепостной труд, как правило, эксплуатировался в одной из двух форм. Крестьяне либо платили помещику деньги (оброк), либо несли трудовую повинность (барщина). Согласно имеющимся данным оброк в среднем увеличился (из расчета на одного мужчину-крепостного) от 3,12 в 1790-х годах до 7,5 к 1840-м и 10—15 серебряных рублей к концу 1850-х годов, однако этот рост, вероятно,

почти соответствовал повышавшимся вследствие инфляции ценам. Барщина была земледельцам выгоднее: так, по утверждению ряда экономистов, в царствование Николая I доходы помещиков от поместий, где применялась барщина, были втрое выше, чем от земель, где крестьяне платили оброк. Оброк, однако, требовал незначительных управленческих расходов, тогда как барщина, то есть принудительный труд, как более жесткая форма повинности, требовала большего надзора. Кроме того, поместья, где существовала барщина, обычно были нацелены на получение значительных излишков зерна и, для того, чтобы эта система была действенной, требовался более или менее простой выход на рынки сбыта³³.

Было бы, однако, грубой ошибкой оценивать доход поместий по числу крепостных и применению оброка или барщины. К 1840-м годам в большинстве губерний имения с крепостными крестьянами стоили не намного дороже незаселенных земель. Доходы от поместий зависели от эффективности управления, плодородности почв, доступа на рынки и наличия промышленных предприятий. Например, в первые три десятилетия девятнадцатого века, от четверти до половины дохода князя Юсупова составляла прибыль, получаемая от заводов. На взгляд одного англичанина, посетившего Россию в конце 1820-х годов, помещики, владевшие крепостными, извлекали тогда огромные доходы из мануфактур³⁴.

Во время путешествия по Российской империи, А. В. Гаукстаузен отмечал значительное расхождение в величине прибыли, получаемой от поместий с равным числом крепостных. По его мнению, поместье возле Киева приносило около 20000 рублей в год, а возле Одессы — 80000 рублей. При этом земли в окрестностях Киева отнюдь не были плохими, по русским меркам, или непроходимыми зарослями. Стивен Хох, изучавший поместье князя Гагарина «Петровское» под Тамбовом, считал его «очень доходным», хотя ничем не выдающимся среди прочих в этой губернии. Прибыль от имения «Петровское» между 1845 и 1860 годами в среднем составляла 61000 бумажных рублей (1815 фунтов), а годовая прибыль от этого поместья с обширными лесными угодьями высокой стоимости, с более 1800 крепостными (мужского пола) в 1859 г. чуть превышала один английский фунт из расчета на одного крепостного. Статистические данные Хоха вполне отвечают годовому доходу в 3437 фунтов, который, по имеющимся сведениям, получали в начале 1820-х годов, от имения и 4108 крепостных «душ», принадлежащих семье Головиных в менее плодородной Нижегородской губернии, при том, что в этом хозяйстве имелись ветряная мельница и множество превосход-

ных мест для рыбного промысла. Несравнимо меньший доход давало другое имение Головиных, расположенное в Сергиевском под Орлом, от которого, по имеющимся сведениям, при 286 крепостных (мужчин) в урожайный год поступал доход до 20000 рублей. В 1820-х годах среднегодовой доход князя Бориса Куракина от имения, к которому было приписано 5000 крепостных, составлял 541000 (преимущественно бумажных) рублей (15000 фунтов), что соответствовало прибыли, получаемой Головиным от орловского имения, а не от нижегородского; возможно, тут имел значение тот факт, что основные поместья Куракина находились в Орловской губернии³⁵.

С помощью таблиц 2.3, 2.4, 2.5 и 2.6 мы попытаемся дать статистическую картину расселения и структуры русской аристократии середины прошлого века. Сама по себе эта попытка весьма несовершенна не только потому, что данные о количестве крепостных крестьян, приводимая в таблицах, далеко не всегда отражает имущественное состояние помещиков, но также, потому что источники, на основании которых построены таблицы, не лишены недостатков. Материалы, опубликованные Редакционной комиссией, не давали полной картины по Уралу, а, следовательно, главные уральские дворянские семьи — Демидовы и Балашовы — в таблицы не вошли. В них также отсутствуют данные о таких губерниях, как Киевская, Волынская и Подольская; Киевская губерния была центром очень прибыльной для дворянства отрасли — сахароварения, а также районом, где находились, например, крупные имения Бобринских. Балтийские губернии, в которых уже не существовало крепостного права, само собой исключаются из рассмотрения. Поскольку в некоторых губерниях и особенно в С.-Петербургской данные были собраны неполно, а для некоторых уездов даны только фамилии помещиков, то установить распределение землевладельцев по различным уездам и губерниям по приводимым спискам весьма затруднительно. Тем не менее, при всех своих недостатках предоставленные Редакционной комиссией данные лучше, чем какие-либо другие, дают общую картину имущественного состояния русских помещиков накануне падения крепостного права³⁶.

Таблицы 2.3 и 2.4 показывают, что имения дворян, владевших более 2000-ми крепостных в одной губернии, сосредоточены преимущественно в центральном сельскохозяйственном и центральном промышленном районах — в самом сердце Российского государства, а также в трех так называемых «левобережных» украинских губерниях: Черниговской, Полтавской и Харьковской.

Поместья двадцати четырех крупных землевладельцев находились и в волжских губерниях — Пензенской и Саратовской. В «Новороссии» — недавно колонизированных территориях отдаленного юга — крупные помещики встречались гораздо реже и вовсе отсутствовали в так называемых приозерных губерниях — Новгородской, Псковской и С.-Петербургской; правда, некомпетентность, проявленная при сборе информации по столичной губернии, ставит под сомнение любые сколько-нибудь определенные выводы относительно помещиков и принадлежащих им крепостных. Русские магнаты также редко попадались в литовских и белорусских приграничных землях, за исключением Могилева³⁷.

ТАБЛИЦА 2.3. Распределение по регионам помещиков, во владении которых в одной губернии находилось более 2000 крепостных.

	Количество помещиков
1. Центральный сельскохозяйственный	55
2. Центральный промышленный	59
3. Левобережный	36
4. Волжский	35
5. Белоруссия	13
6. Новороссия	4
7. Приозерные губернии	0

1. Тульская, Курская, Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская.
 2. Калужская, Московская, Нижегородская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Смоленская.
 3. Харьковская, Черниговская, Полтавская.
 4. Симбирская, Саратовская, Пензенская, Самарская, Казанская.
 5. Витебская, Вильнюсская, Минская, Могилевская.
 6. Екатеринославская, Херсонская, Таврическая.
 7. Новгородская, Псковская, Петербургская.
- Источник: Предложение к трудам Редакционной комиссии (СПБ, 1859).

Даже беглый взгляд на карту, отражающую крепостную собственность крупных землевладельцев, показывает, что их владения простираются от Москвы на юг до «Новороссии», на запад до Могилева и на восток до самой Перми и Урала. К северу от Москвы крупные землевладельцы — явление редкое; и этот обширный регион включает в себя не только крайний север — Олонец и Архангельск — где не было помещичьих (дворянских) землевладений, но также целиком крестьянскую северо-восточную

Вятскую губернию. Сюда также входили приозерные губернии — Петербургская, Псковская и Новгородская, — дворянство которых в своем подавляющем большинстве было мелкопоместным и экономически уязвимым. Кроме того, в центральном индустриальном районе к северу от Москвы, а именно, в Костромской, Ярославской и Тверской губерниях, было сравнительно мало имений, принадлежащих крупным помещикам. Но хотя это основное различие между «севером», с одной стороны, и «центром» и «югом», с другой, весьма существенно, не следует забывать, что сами губернии нередко были огромными по площади, и что соотношение между крупными помещиками в разных уездах было разным. Так, даже, например, в Воронежской губернии, которая отмечена большим числом крупных землевладельцев, в пределах Воронежского уезда не встретилось ни одного помещика, во владении которого находилось более 500 крепостных; в Коротякском и Нижнедевицком уездах таковых было по одному; в Острогожском — пятнадцать, среди них несколько весьма крупных; в Бирючах — одиннадцать, в том числе имения графа Д. Н. Шереметева, которому только в этом уезде принадлежало 40000 крепостных.

ТАБЛИЦА 2.4. Губернии, в которых помещикам принадлежало более 2000 крепостных.

Губерния	Кол-во помещиков
1. Воронежская	16
2. Полтавская	14
3. Пензенская	13
4. Черниговская	12
5. Нижегородская	11
6. Саратовская	11
7. Смоленская	11
8. Харьковская	10
9. Пермская	9
10. Московская	9
11. Владимирская	9
12. Курская	8
13. Тульская	8
14. Могилевская	8
15. Тамбовская	8
16. Рязанская	8
17. Орловская	7

Чтобы таблицу 2.5 оценить в более широком контексте, необходимо вспомнить, что в 1858 г. 78 процентов помещиков владело менее 101 крепостным (мужчин), и только у 1382-х собственников было более 1000 крепостных. Поэтому таблица 2.5 рассматривает исключительные случаи, относящиеся к очень небольшой элитной группе помещиков и не типичные для владельцев крепостных «душ». Но даже в пределах этой узкой группы, состоящей всего из 127 человек, прослеживается огромное неравенство в имущественном состоянии. Троим помещикам, каждый из которых владел более 50000 «душами», вместе принадлежало больше крепостных, чем шестидесяти четырем помещикам, за каждым из которых числилось от 3000 до 5000 душ. Для середины девятнадцатого века эта степень неравенства среди аристократической верхушки России значительно выше, чем в Англии или Германии. Столь же специфической особенностью России является то, что из 127 крупнейших землевладельцев тридцать шесть (28,3 процента) были женщины.

ТАБЛИЦА 2.5. Помещики, имевшие свыше 3000 крепостных.

Количество крепостных	Количество собственников
более 50 000	3
20 — 50 000	3
10 — 20 000	16
5 — 10 000	41
3 — 5000	64
Всего	127

Источник: Предложение к трудам редакционной комиссии

Таблица 2. 6 включает 63 помещика, каждый из которых имел в собственности более 5000 крепостных. Несмотря на то, что в восемнадцатом и девятнадцатом веках в Российском правительстве преобладали выходцы из Германии и, в особенности, из Прибалтики, поражает подавляющее преобладание в этом списке русских фамилий. Самым богатым из вельмож немецкого происхождения был князь Петр фон Сайн-Виттенштейн-Берлеберг, сын одного из *Standesherren*, который в эпоху Наполеона стал русским фельдмаршалом и получил в дар огромные земельные владения, но не в собственно России, а в западных пограничных областях. Вторая и последняя встречающаяся в списке немецкая

фамилия — это графиня София Ивановна Борх; но на самом деле она была русской, и собственность принадлежала ей, а сам фон дер Борх крупных поместий в России не имел. Просмотрев весь список от начала до конца, среди шестидесяти четырех помещиков, которым принадлежало от 3000 до 5000 крепостных, мы обнаружим лишь одного немца — бесспорного прибалтийца, князя Ливена. Хотя его российские имения и числящиеся за ними 3429 крепостных на фоне крупных поместий магнатов русского происхождения выглядели незначительными, его земли в Екатеринославской губернии общепризнанно имели очень большую стоимость благодаря залежам в них минералов³⁸.

Таблица 2.6. Крупнейшие русские помещики.

	Количество крепостных
1. Граф Сергей Дм. Шереметьев	146853
2. Князь Петр Витгенштейн	69961
3. Графиня Наталья Павл. Строганова	64853
4. Князь Николай Бор. Юсупов	30809
5. Князь Семен Мих. Воронцов	23011
6. Князь Федор Ив. Паскевич-Ериванский	20380
7. Князь Михаил Ал. Голицын	18381
8. Граф Илларион Ив. Воронцов-Дашков	16641
9. Граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов	15952
10. Алексей Мих. Потемкин	15479
11. Граф Виктор Никит. Панин	15325
12. Князь Владимир Ив. Барятинский	14814
13. Княгиня Варвара Петр. Бутеро-Радали	13932
14. Ал. Дм. Чертков	13888
15. Василий Сем. Коншин	13585
16. Граф Ал. Павл. Бобринский	12763
17. Графиня София Лв. Шувалова	11892
18. Граф Александр Серг. Уваров	11564
19. Граф Григорий Ал. Кушелев-Безбородко	11437
20. Христофор Ег. Лазарев	11253
21. Эммануил Дм. Нарышкин	10584
22. Княгиня О. Ф. Трубецкая	10031
23. Князь Николай Ив. Трубецкой	9505
24. Графиня Наталья Павл. Зубова	9200
25. Иван Ив. Неплюев	8830
26. Павел Дм. Дурново	8803
27. Граф Николай Ал. Кушелев-Безбородко	8384
28. Виктор Влад. Апраксин	8156

	Количество крепостных
29. Граф (??) Зубов	8113
30. Граф Ипполит Ив. Чернышев-Кругликов	8039
31. Прасковья Ив. Мятлева	7827
32. Граф Александр Ник. Толстой	7632
33. Княгиня Александра Серг. Урусова	7579
34. Сергей Ив. Мальцев	7582
35. Графиня София Ив. Борх	7373
36. Княгиня С. А. Щербатова	7327
37. Княгиня А. П.. Голицына	7081
38. Княгиня Елиз. С. Воронцова	7080
39. Граф Сергей Григ. Строганов	6995
40. Граф Александр Григ. Строганов	6879
41. Иван Дм. Чертков	6838
42. Графиня Анна Георг. Толстая	6661
43. Графиня София Мих. Шувалова	6659
44. Княгиня Ольга Ал. Орлова	6480
45. Князь Лев Викторович Кочубей	6447
46. Граф Алексей Григ. Строганов	6416
47. Князь Александр Серг. Меншиков	6203
48. Князь Сергей Григ. Голицын	6200
49. Князь Владимир Дм. Голицын	6173
50. Граф Ал. Ив. Мусин-Пушкин	6061
51. Николай Гавр. Рюмин	6012
52. Граф Михаил Ир. Хрептович	5933
53. Князь Ал. Ал. Голицын	5861
54. Сергей Вас. Шереметев	5821
55. Граф Ал. Вас. Бобринский	5797
56. Княгиня Мария Александр. Мещерская	5600
57. Князь Сергей Виктор. Кочубей	5548
58. Княгиня София Ал. Голицына	5542
59. Иван Фед. Базилевский	5288
60. Граф Николай Ал. Кушелев-Безбородко	5273
61. Князь Сергей Серг. Гагарин	5174
62. Анастасия Я. Нарышкина	5090
63. Князь Николай Ал. Лобанов-Ростовский	5050

Источники: Предложение к трудам редакционной комиссии; *N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie. Paris, 1958—1966.*

Среди шестидесяти трех крупнейших помещиков в 1859 г. (смотри таблицу 2.6) можно обнаружить, как и следовало ожидать, много потомков выдающихся вельмож императорского двора восемнадцатого века. Потемкин, Шувалов, Меншиков, Ворон-

цов, Панин, Безбородко, Рюмин, Чернышев, Орлов и Зубов — все они были фаворитами и государственными деятелями в эпоху Петра I, Елизаветы, Екатерины II и Павла. С другой стороны, К. Е. Лазарев и Прасковья Мятлева вышли из состоятельных купеческих семей, пожалованных в дворянство сравнительно недавно. Все вместе эти имена напоминают о том, насколько в восемнадцатом веке было легче попасть в высшее аристократическое сословие в России, чем, скажем, в Англии. Чрезвычайно богатая и могущественная русская монархия могла без труда сделать фаворита крупным землевладельцем. В Англии титулы также отражали политическое влияние в столице, но проистекало оно из власти на местах — в графствах — и само являлось в основном функцией земельного имущества.

Хотя нельзя не отметить, что человек недворянского звания мог попасть в круги русской придворной аристократии, не следует этот факт преувеличивать. В восемнадцатом веке среди фаворитов числилось несколько выходцев недворянского происхождения, самым знаменитым из которых был Меншиков, вообще неизвестно откуда взявшийся. Однако, большинство, как правило, были отпрысками верхних слоев провинциального дворянства, без чего они никогда не попали бы в число тех, кто был лично известен императору и взыскан его щедрыми дарами. Более того, фавориты спешили связать себя брачными узами со старинными аристократическими родами — как по социальным причинам, так и потому, что в восемнадцатом веке без поддержки аристократического сообщества об участии в российской политике и государственных делах не могло быть и речи. Когда прослеживаешь историю крупных состояний, пожалованных фаворитам в восемнадцатом веке, нельзя не поразиться тому, как много из них через наследование оказывались в конечном счете в руках старинной аристократии³⁹.

Не следует также забывать, сколь большое число из тех, кто в восемнадцатом веке был пожалован царскими дарами, принадлежали к старой знати. Из шестидесяти трех крупнейших помещиков в 1859 году одиннадцать были потомками удельных князей, либо Гедимины, средневекового правителя Литвы, либо Рюрика, викинга, родоначальника русской правящей династии. Еще пятеро вышли из очень старинных княжеских родов, а четверо — из нетитулованных боярских семей, игравших ведущую роль при московском дворе с самого его возникновения в четырнадцатом веке. Еще многие другие, в том числе четверо Строгановых, двое Нарышкиных и Апраксин были, если и не из очень древних и выдающихся родов, то тем не менее роль их в истории допетров-

ской России была значительна. Таким образом, из шестидесяти четырех помещиков, которым принадлежало от 3000 до 5000 крепостных крестьян, восемнадцать были потомками князей Рюрика и Гедимины, трое — выходцами из древних княжеских родов, пятеро — из старинных боярских родов, а подавляющее большинство — из знатных фамилий допетровского периода.

С отменой крепостного права в 1861 г. наступил период кризиса русского дворянства, наиболее сильно ударивший по северному рядовому дворянству, а также по крупнопоместному, получавшему доходы от заводов, на которых использовался крепостной труд. Правда, крупные землевладельцы справились с уничтожением крепостного права и следующими за ним десятилетиями гораздо легче, чем провинциальное рядовое дворянство, главным образом, потому что их ресурсы были гораздо крупнее и зависели не только от сельского хозяйства⁴⁰.

В конце девятнадцатого и начале двадцатого века не существовало более крупного специалиста по Европейскому высшему обществу, чем «граф Поль Васили» — псевдоним, под которым автор книги «La Sainte Russie» («Святая Русь») писал об аристократии основных европейских государств. Обращаясь к России в 1890 г., автор отмечал, что на то время двумя богатейшими русскими аристократами были князь Юсупов и граф Орлов-Давыдов. Кроме этих двух, по мнению автора, к первым фамилиям С.-Петербурга относились Апраксины, Бобринские, Чернышевы, Голицыны, Кочубеи, Ливены, Нарышкины, Паскевичи, Репнины-Волконские, Салтыковы, Шаховские, Шереметевы, Шуваловы, Стрешневы, Толстые, Васильчиковы и Воронцовы-Дашковы. Но хотя некоторые члены этих фамилий жили «в С.-Петербурге в великолепных дворцах, уставленных произведениями искусства и предметами роскоши, и ... владели огромными поместьями и загородными особняками, ... их богатство и целые кварталы домов не шли ни в какое сравнение с тем, что принадлежало английским лордам или знати княжеского происхождения Австро-Венгрии. С трудом верится описаниям сказочных празднеств, которые устраивали их предки, — празднеств, столь поражавших иностранных дипломатов во время царствования Павла; от всего этого остались одни лишь воспоминания»⁴¹.

Наиболее основательное исследование русской аристократии начала двадцатого века принадлежит Л. П. Минарик, подробно проанализировавшей состояния всех собственников, за которыми числилось свыше 50000 десятин (135000 акров). Однако к 1905 г. между размером личных земельных владений и размером богатства наблюдалось меньшее соответствие, чем в 1859 г., при суще-

ствовании крепостного права. Стоимость земли в различных губерниях была разной, в 1905 г., колеблясь от 5,53 рублей за десятину в Олонецкой губернии до 199,65 рублей в Подольской. Крупнейшие дворянские поместья в 1905 г. находились на Урале, но цены на землю в уральских губерниях — Пермской (43,69 рублей за десятину), Уфимской (45,04 рублей) и Оренбургской (28,51 рубля) — были очень низкими. Поместье в 50000 десятин в одной из этих губерний, стоило, надо полагать, меньше, чем поместье в 18000 десятин в Екатеринославской (161,32 рубля за десятину), Киевской (156,14 рублей за десятину) или Харьковской (168,09 рублей за десятину) губерниях, не говоря уже о Московской (191,24 рубля за десятину), Полтавской (182,91 рубля за десятину) и Херсонской (197,85 рублей за десятину). Среди выделенной Минарик группы земельных магнатов, владевших поместьями свыше 50000 десятин, многим «менее крупным» землевладельцам принадлежали поместья более высокой стоимости, чем уральским помещикам⁴².

Помимо различия в цене на землю в сельской местности, следует помнить, что основная часть доходов многих дворянских семей поступала от городской собственности и владения акциями и облигациями. Например, когда умер бывший шталмейстер при императорском дворе В. В. Апраксин, он оставил земельную собственность стоимостью 251750 рублей (26224 фунта) и акций с облигациями на 3,3 миллиона (343 750 фунтов). Большая часть ценных бумаг представляли собой железнодорожные акции, которые, несомненно, давали Апраксину гораздо больший и более надежный доход, чем, скажем, поместье В. Н. Охотникова величиной в 130509 десятин, которое, согласно Минарик, оценивалось в 2,3 миллиона рублей. По меркам крупных собственников, упомянутых Минарик, двоюродный брат В. В. Апраксина, граф Антон Степанович Апраксин владел очень небольшой земельной собственностью. Ему, однако, принадлежало также 8,3 десятины в центре С.-Петербурга, где размещался Апраксин двор, который имел самый большой в Европе годовой оборот от оптовой торговли. У нас нет никаких сведений о том, какие доходы получал Апраксин от этого рынка, но было бы странно, если бы они не превосходили прибыль подавляющего числа названных Минарик земельных магнатов⁴³.

Из перечисленных в списке Минарик пятнадцати поместий с площадью свыше 250 000 десятин (675000 акров), все, за исключением двух, были расположены целиком или преимущественно на Урале. Большинство из владельцев — уральских первых лиц — были все еще сверхбогатыми людьми. Князь Демидов Сан-Дона-

то, крупнейший на Урале владелец шахт, в период с 1895 по 1901 годы все еще получал со своих предприятий 10 миллионов рублей дохода (1041667 фунтов) — правда, рискуя их жизнеспособностью. К тому времени большинство шахт и металлургических предприятий находились в состоянии кризиса. Так, князю Белосельскому-Белозерскому принадлежало, кроме уральской собственности, 372748 десятин земли, не только не дававших больших прибылей, но находившихся на грани банкротства, от которого его спасла лишь помощь государства и доход от городской собственности в С.-Петербурге. Кое-кто из крупных уральских землевладельцев, например, граф И. И. Воронцов-Дашков, «для подстраховки» имел также большие поместья в других частях России, но особенно показательно, что крупнейший в регионе землевладелец, граф С. А. Строганов, в 1909 г. решил свернуть разработку полезных ископаемых и металлургическое производство и целиком сосредоточиться на заготовке леса. Если бы не революция, лишившая владельцев их уральской собственности, строительство железных дорог и развитие промышленности со временем восстановило бы стоимость крупных имений на Урале, в Пермской и Уфимской губерниях, но в период с 1900 до 1914 годы большинство из них не представляли собой большой ценности для владельцев⁴⁴.

Два упомянутых Минарик поместья величиной свыше 250000 десятин, которые находились за пределами Урала, принадлежали графам Орлову-Давыдову и Шереметеву, причем как первым, так и вторым владели два брата. Стоимость обоих поместий, которые, разумеется, состояли из множества разрозненных угодий, была огромной. Среди других представителей старинной придворной аристократии, обладавшей обширными поместьями чрезвычайно высокой стоимости, выделяются князь А. В. Барятинский (186 587 десятин), князь С. С. Гагарин (108300 десятин), В. Л. Нарышкин (134900 десятин), Бобринские с поместьем величиной 71930 десятин в Смеле и Юсупов с принадлежащими ему 246400 десятинами.

Из перечисленных Минарик семидесяти девяти родов, каждый из которых был владельцем более 50000 десятин, только двадцать девять всего за полвека до рассматриваемого периода имели свыше 3000 крепостных. Однако на самом деле быстрый процесс вхождения в земледельческую элиту, как и выпадение из нее не соответствует действительному положению вещей. Поместья многих из упомянутых Минарик семей были на Урале, а в этом регионе Редакционная комиссия проводила статистику лишь выборочно. Другие семьи владели землей в Киевской, Подольской,

ТАБЛИЦА 2.7. Собственники, во владении которых находилось свыше 100000 десятин (1900 г.)

	Величина земельных владений (в десятинах)
1. Граф Сергей Александр. Строганов (У)	1464978
2. Князь Сем. Сем. Абамелек-Лазарев (У)	869714
3. Семья Демидовых (Павел, Елим, Ал-р, Аврора) (Н) (У)	739937
4. Граф Пет. Павл. Шувалов (и жена) (У)	537030
5. Семья Балашовых (Иван, Петр и Николай Петр.) (Н) (У)	521838
6. Вас. Александр. Пашков (Н) (У)	425997
7. Князь Мих. Андр. Воронцов-Дашков (У)	421461
8. Графы Шереметевы (Александр Дм. и Сергей Дм.)	390390
9. Князь Сергей Мих. Голицын (У)	384730
10. Юрий Вас. Попов (Н) (У)	382773
11. Всеволожские (Всеv. и Никита) (Н) (У)	378323
12. Князь Констан. Эспер. Белосельский-Белозерский (У)	372748
13. Графы Сергей и Анат. Орловы-Давыдовы	321437
14. Граф И. И. Воронцов-Дашков (У)	298720
15. Семья Поклевских-Козель (Викентий и Станислав) (Н) (У)	298460
16. С. Ф. Агарков	255000
17. Княгиня Зин. Ник. Юсупова	246400
18. Семья Фальц-Фейн	237558
19. Бароны Влад. Влад. и Григ. Влад. Меллер-Закомельские	214000
20. Влад. Фед. Лугинин (Н)	195650
21. Ю. Степ. Нечаев-Мальцев (Н)	190000
22. Князь Алекс. Влад. Барятинский (и жена)	186587
23. Николай Петр. Пастухов (У)	182132
24. Граф Алекс. Алекс. Мордвинов	164800
25. Граф Алексей Алекс. Стенбок-Фермор (У)	164530
26. Семья Рукавишниковых (Н)	163000
27. Вас. Львов. Нарышкин (Н)	134900
28. Влад. Ник. Охотников (Н)	130509
29. Граф Алексей Иван. Мусин-Пушкин (и жена)	131761
30. Граф Алекс. Влад. Стенбок-Фермор	129280
31. Антон Никол. Шихобалов	125339
32. Павел Петр. Дурново (Н)	123600
33. Влад. Александр. Ратков-Рожнов (Н) (У)	123400
34. Сергей Мих. Челищев (Н)	119449
35. Семья Каменских	115120
36. Алекс. Фед. Бобянский (Н)	110165
37. Князь Серг. Серг. Гагарин	108300
38. Лавр. Сем. Аржанов	108231
39. Франц Владисл. Пусловский (Н)	106970
40. Ольга Петр. Дружинина (Н)	106780
41. Семья Зотовых (Алекс., Николай и др.)	105657
42. Граф Алексей Фед. Орлов-Денисов-Никитин	100207

(У) = уральский землевладелец

(Н) = (нетитулованное) дворянство

Источник: А. П. Минарик. Экономическая характеристика крупнейших собственников России конца XIX — начала XX века. М., 1971; N. Ikonnikov La Noblesse de Russie (Paris 1958—1966).

Волынской губерниях. Некоторые из указанных семей к 1900 г. вымерли (например, Виттгенштейны, Кушелевы-Безбородко), но в списках Минарик появились их наследники. Граф А. И. Мусин-Пушкин, например, наследовал имения Кушелева-Безбородко через свою жену. Кроме того, многие указанные Минарик земельные магнаты происходили из семей, которые в 1859 г. были собственниками от 2000 до 3000 крепостных.

Большинство землевладельцев из списка Минарик на самом деле принадлежали к старинной аристократии. Между тем были и исключения. Семья Фальц-Фейнов, немецких колонистов, после 1861 г. приобрела огромные земельные владения на юге России. Семьи Терещенко и Харитоненко имели «сахарные» поместья, стоимость которых была даже выше знаменитых угодий и сахарных заводов Бобринских в Смеле. Из семидесяти девяти перечисленных Минарик родов приблизительно двадцать пять в 1800 г. не принадлежали к придворной аристократии и высшему слою провинциального дворянства.

Существуют данные о богатстве и доходах нескольких семей, рассмотренных Минарик. Так, в 1901 г. собственность графа С. Д. Шереметева, например, была оценена в 11,8 миллионов рублей (1229167 фунтов). Ежегодный доход его брата Александра в 1913 г. составлял 1550000 рублей (161458 фунтов). Граф Платон Зубов на рубеже XIX и XX веков имел 52556 десятины. Его поместья стоили 2,7 миллиона рублей (282250 фунтов), его собственность в С.-Петербурге — 1,3 миллиона (135417 фунтов), 2 миллиона рублей (208333 фунта) были вложены в ценные бумаги. В 1900 г. Бобринские получали с сахарных заводов в Смеле 10 миллионов прибыли. Тремя годами ранее их имущество оценивалось в 17,5 миллионов рублей (1822917 фунтов), из которых 9,3 миллиона приходилось на земельную собственность, 3,1 миллиона — на заводскую, 2,3 миллиона было в оборотных фондах, а остальное — в акциях и облигациях. 215200 десятин земли, принадлежащих княгине Юсуповой, оценивались еще выше — в 21,3 миллионов рублей (2 218 750 фунтов). При этом не учитывалась собственность ее мужа в 31200 десятин. Кроме того, княгиня держала 3,2 миллиона рублей в акциях и облигациях. При таких ресурсах семье Юсуповых разорение не грозило, хотя расточительный образ жизни сына княгини, Феликса, и общие траты превышали годовой доход. В 1914 г. доходы Юсуповых от сельских угодий, шахт и заводов составлял 730100 рублей (76000 фунтов). Орловы-Давыдовы, по всей видимости, были не менее богаты, чем Юсуповы. В 1900 г. их недвижимость оценивалась в 15926917 рублей (659000 фун-

ТАБЛИЦА 2.8 Собственники 50—100000 десятин, 1900

	Величина земельного владения (десятины)
1. Анисим Мих. Мальцев (Н)	98345
2. Сергей Павл. фон Дервиз (Н)	88584
3. Вик. Иван. Базилевский (Н)	88070
4. Граф Иван Иппол. Чернышев-Крутликов	86115
5. Князь Фед. Ив. Паскевич-Ериванский	84476
6. Мих. Ник. Раевский (Н)	83764
7. Иван Артем. Терещенко (Н)	78000
8. Сергей Аппол. Уваров (Н)	77963
9. Викт. Фед. Гелмерсон (Н)	75600
10. Граф Александр. Александр. Бобринский	71930
11. Дмитр. Фед. Самарин (Н)	70233
12. Пав. Влад. Родзянко (Н)	70144
13. Князь Влад. Ник. Орлов	67914
14. Графиня Мария Иван. Пален	67420
15. Ананий Петр. Струков (Н)	67273
16. Князь Виктор Серг. Кочубей	67034
17. Апполон Конст. Кривошеин (Н) (и жена)	66920
18. Барон Христиан Карл. Остен-Сакен	66727
19. Князь Ник. Ник. Гагарин	65232
20. Граф Конст. Петр. Клейнмихель	64182
21. Князь Алекс. Серг. Долгорукий (и жена)	63409
22. Пав. Иван. Харитоненко (Н)	63000
23. Эмм. Иван. Баташов (Н)	62700
24. Евг. Григ. Шварц (Н)	62000
25. Фед. Артем. Терещенко (Н)	61880
26. Князь Александр. Конст. Ливен	61830
27. Граф Иван Викт. Канкрин (и жена)	59870
28. Мария Григ. Ушкова (Н)	59549
29. Граф Конст. Апп. Хрептович-Бутенев	59070
30. Княгиня Мария Голенлоз	58300
31. Графы Бобринские (Александр Алексеевич, Лев Алексеевич, Влад Алексеевич, Петр Алексеевич)	57420
32. Н. Н. Василевская (Н)	57360
33. Конст. Ник. Манзей (Н)	57000
34. А. Г. Шоманский (Н)	56360
35. Князь Мих. Серг. Волконский (и жена)	54660
36. Князь Николай Иван. Святополк-Мирский	53200
37. Граф Павел Серг. Строганов (и жена)	53080
38. Пав. Вас. Антонович (Н)	52765
39. Граф Платон Александр. Зубов (и жена)	52556
40. Граф Георгий Иван. Рибопьер	52479
41. Графиня Елена Иван. Шувалова	51800
42. Князь Эдвин Друцкий-Любецкий	51530
43. Эмм. Дмитр. Нарышкин (и жена) (Н)	51500
44. Князь Алексей Григ. Щербатов (и жена)	50730
45. Вас. Алекс. Шереметьев (и жена) (Н)	50000

(У) = уральский землевладелец

(Н) = (нетитулованное) дворянство

Источник: А. П. Минарик. Экономическая характеристика крупнейших собственников России конца XIX — начала XX века М., 1971; N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie (Paris 1958—66).

тов), а тремя годами позже они поместили 5,2 миллиона рублей (541667 фунтов) в банки, а также в акции ряда компаний¹⁵.

Огромные состояния этих людей опровергают утверждения, будто русская аристократия в 1914 г. находилась на грани банкротства. В свете источников доходов долги аристократии по сравнению с прошлым веком представляли значительно меньшую проблему¹⁶. Однако в стране, вступившей на путь индустриализации, аристократия не могла рассчитывать на сохранение своего прежнего доминирующего положения во всех сферах жизни. Даже в сельском хозяйстве, в котором все еще господствовали дворяне, в первые ряды землевладельцев выходили такие отнюдь не принадлежащие к российской знати люди, как, например, зоолог Фальц-Фейн и Л. С. Аржанов, владелец крупнейших в империи мельниц. В горной и металлургической промышленности аристократический Урал оказался позади Южной России и Украины, где наибольшим влиянием пользовались крупные, приносящие большие прибыли синдикаты. Так, величина капиталовложений одного из ведущих южных промышленников А. К. Алчевского подскочила от 3—4 миллионов рублей в середине 1870-х гг. до 30-ти миллионов к 1890-м.

Кроме того, теперь крупные состояния стяжались в таких сферах деятельности, которые были абсолютно неподвластны контролю аристократии — а именно: в финансовом деле, внешней торговле и промышленности. С богатством аристократии не мог тягаться ни один получавший жалование служащий. В 1913 г. П. Л. Барк (будучи президентом Волго-Камского банка, он слыл одним из самых высокооплачиваемых людей России) зарабатывал всего лишь 120000 рублей в год. Иначе обстояло дело с предпринимателями. Еще до 1861 года среди них насчитывалось несколько человек, наживших большие состояния — вплоть до 7 миллионов рублей. В последующие полстолетия число таких богатств резко возросло. Например, между 1873 и 1896 годами фирма С. Морозова увеличила свой капитал в виде недвижимости от 2,2 до 14,6 миллионов рублей при 20 процентах чистого среднего дохода. С Морозовыми не мог состязаться ни один землевладелец. Искушение заменить землю на акции и облигации было велико. Назревала необходимость в соглашении и слиянии с новой элитой¹⁷.

Непосредственно сравнивать имущественные положения русской и английской аристократии весьма трудно, так как статистические данные по России относятся к периоду 1900—1914 гг., а для Англии в основном взяты из переписи землевладельцев, произведенной в 1873 г. За десять лет до начала Первой мировой

войны, например, Демидовы, Шереметевы и Юсуповы стояли в одном ряду с 15—20 наиболее богатыми английскими землевладельцами (доход свыше 100000 фунтов в год), каковыми те являлись тридцать лет назад, хотя, вероятно, ни один русский аристократ не имел ежегодного дохода, равного доходу герцога Вестминстерского — 295—325000 фунтов, который тот получал даже в те времена. В период между 1873 г. и 1914 г. богатство самых состоятельных английских аристократов значительно выросло, и у герцога Вестминстерского (правда, он представлял собой совершенно исключительный случай) годовой доход накануне Первой мировой войны составлял 1 миллион фунтов стерлингов. Кроме того, приводимые Джоном Бейтманом данные отражают только земельные доходы, без учета прочих. Между имущественным состоянием самой богатой английской и русской аристократии существовала огромная разница, и посещавших Лондон русских всегда поражала роскошь его высшего света. Тем не менее доход Юсуповых, Шереметевых, Демидовых и некоторых других русских магнатов, который составлял 100—200000 фунтов стерлингов в год, даже по меркам английской аристократии в 1914 г., был очень высоким. Кроме того, на русского дворянина, в отличие от английского пэра, редко пользовавшегося правом майоратного наследования, не давил груз ответственности перед младшими братьями и сестрами, не говоря уже о вдовах. Различия в доходах между Орловым-Давыдовым и Кавендишем, несомненно, были значительно меньше, чем между герцогом Бедфордским и принцем Пюклером в 1820-х годах⁴⁸.

В дифференциации внутри английского правящего класса прослеживались сходные черты с тем процессом расслоения, который наблюдался в России, как, впрочем, и во всей Европе. К концу девятнадцатого века сравнительно небольшая группа крупных землевладельцев значительно вырвалась вперед, оставив позади себя основную массу высшего и среднепоместного дворянства. Отчасти это была всего лишь все та же извечная история — превосходство материальных ресурсов. Перед лицом сельскохозяйственной депрессии или при дурном управлении семейной собственностью крупный собственник мог предотвратить банкротство с помощью практически неограниченного кредита или продажи части своих земель. Это и было ценой за выживание или, по крайней мере, за сохранение аристократического образа жизни в период сельскохозяйственной депрессии в последней четверти девятнадцатого столетия.

Главным, однако, был разрыв, образовавшийся между аристократией, зависящей от земельной собственности и той ее час-

ТАБЛИЦА 2. 9. Общий земельный доход величиной 75000 фунтов стерлингов и выше в 1883 г.

Доход (в фунтах стерлингов)	
200000 фунтов и выше	
1. Герцог Вестминстерский	около 290—325
2. Герцог Бэклуюл Квинсбери	232
3. Герцог Бедфордский	около 225—250
150000—200000 фунтов	
4. Герцог Девонширский	181
5. Герцог Нортумберлендский	176
6. Граф Дерби	163
7. Маркиз Бьют	153
1000—200000 фунтов	
8. Герцог Сазерлендский	142
9. Герцог Гамильтон энд Брэндон	141
10. Граф Фитцвильям	139
11. Граф Дади	123
12. Граф Энкастер	121
13. Маркиз Энглси	111
14. Маркиз Лондондерри	110
15. Герцог Портлендский	108
16. Маркиз Хертфорд	104
17. Виконт Портмен	около 100
75000—100000 фунтов	
18. Герцог Рэтленд	98
19. Герцог Клевеленд	97
20. Маркиз Дауншир	97
21. Барон Оверстоун (в том числе сэр Лойд-Линдсей и Л. Лойд)	93
22. Виконт Бойн	88
23. Барон Леконфилд	88
24. Граф Браунлоу	86
25. Граф Ярборо	85
26. Герцог Ричмонд энд Гордон	80
27. Граф Сифилд	78
28. Граф Пемброк	78
29. Герцог Норфолькский	76

Источник: W. D. Rubinstein *Men of property*. London, 1981.

тью, которая жила за счет — по крайней мере, частично — капиталовложений в промышленность или, и что еще лучше, в городскую собственность. Из-за плохой почвы, безобразного сообщения и отсутствия рынков сбыта сельское хозяйство во многих частях России всегда представляло собой сомнительный источник благосостояния. Крупные собственники были, как правило, одновременно владельцами шахт и заводов, а не ограничивались только сельскохозяйственными угодьями. В Англии до 1815 г. земля приносила очень высокий доход, хотя в век индустриализации землевладение как источник прибылей никак не могло сравниться с гораздо более рискованными инвестициями в торговлю и промышленность.

Во второй половине девятнадцатого века, однако, прибыли с земли упали даже ниже дивидендов от государственных облигаций, имевших жесткий фиксированный доход. Когда же ко всему этому прибавился крах арендной системы и плата за пахотные земли на юге и востоке Англии в период от начала 1870-х до начала 1890-х упала на 41 процент, положение местных землевладельцев оказалось явно незавидным. Проследивая по заверенным копиям завещаний, как ухудшилось имущественное состояние известных, однако не очень богатых английских аристократических родов, У. Д. Рубинштейн отмечает, что «на протяжении девятнадцатого столетия... в группе состоятельных землевладельцев процент дворян, оставивших в наследство очень крупные личные поместья, существенно снизился, а когда в этом веке основная общая стоимость их земель стала оцениваться по официально заверенным завещаниям, оказалось, что в этой группе свыше 500000 фунтов передал по наследству лишь один титулованный дворянин»⁴⁹.

Снижение дохода от сельского хозяйства стало еще более ощутимо, потому что одновременно оно сопровождалось ростом числа состоятельных дельцов. По мнению Гарольда Перкина «в период между 1850 г. и 1880 г., согласно графе Д, число получавших доходы от бизнеса и прочих источников свыше 3000 фунтов в год, увеличилось от менее 2000 человек до 5000 и более по сравнению с 2500 землевладельцами, получавшими, согласно официальным отчетам «Нью Думсдей» в 1870-х годах, доходы от земельной ренты (не включая доходы от собственности в Лондоне) свыше 3000 фунтов в год; количество людей, имевших доходы от бизнеса свыше 10000 фунтов, возросло с 338 до 987 в сравнении с 866-ю землевладельцами с таким же доходом; а число получавших свыше 50000 фунтов увеличилось от двадцати шести до семидесяти семи в сравнении с 76-ю собственниками с равноцен-

ным рентным доходом. К 1914 г. доходы от земли практически не поднялись, и поэтому большая часть доходов свыше 10000 фунтов, которые получали 4843 человека, приходилась на сферу бизнеса»⁵⁰.

Источники благосостояния доиндустриального периода отходили на второй план. Аристократу приходилось делать ставку на доходы городского и индустриального общества. Начиная с 1870-х гг. значительно увеличилось количество дворян среди держателей акций, и возросло число аристократов на директорских постах. Именно собственник городской недвижимости, в особенности если его собственность находилась в Лондоне, исключительно комфортно чувствовал себя в британском высшем обществе, становившемся все более плутократическим. Так, согласно Бейтману, в 1870 г. герцог Вестминстерский имел доход от сельскохозяйственной ренты только в 35000 фунтов, а с прибавлением прибыли от сдаваемой в аренду недвижимости в Лондоне его годовой доход подскакивал до 300000 фунтов. Маркизы Солсбери в 1868 г. имели общий доход в 53000 фунтов, к 1902 г. — 60000 фунтов, однако в этот период источники их благосостояния переместились. Хотя род Сесилей отнюдь не принадлежал к крупнейшим британским собственникам городской недвижимости, к 1880-м годам третьему маркизу Солсбери свыше половины дохода приносила городская собственность. Более того, в результате этой перемены доходы Солсбери только увеличились, поскольку его прибыль от сельских поместий в значительной степени ими же поглощалась, тогда как прибыль от городской собственности, наоборот, подобно чистой прибыли рантье, оставалась у него в руках⁵¹.

По-прежнему диаметрально противоположным в британской и русской землевладельческих элитах было место, занимаемое там женщинами. Составленный Минарик список русских землевладельцев, которым принадлежало свыше 50000 десятин земли, включал в себя семь женщин, но это, несомненно, меньше, чем их было на самом деле: исследовательница числит замужних женщин вместе с мужьями. Между тем, в ряде случаев, среди которых наиболее известны были Юсуповы, большей долей супружеского состояния владела жена. С другой стороны, в списке Бейтмана среди шестидесяти семи человек, получавших ежегодный доход с земельных владений в 50000 фунтов, нет ни одной женщины.

Из семидесяти девяти крупных русских землевладельческих родов примерно двадцать пять приобрели свое состояние в девятнадцатом веке. Из шестидесяти семи собственников в списке Бейтмана новоявленным лендлордом был лишь один — лорд Овер-

стоун, который разбогател на банковских операциях. Из тех же шестидесяти семи землевладельцев только восемь были из простого народа, трое из которых на самом деле получали доходы менее 50000 фунтов, а остальные пятеро были выходцами из семей весьма солидных джентри. Среди пэров только Оверстоун был во всех смыслах новичком. Все прочие семьи владели своей земельной собственностью еще до 1700 г., добрая половина из них были рыцарями или дворянами еще в средние века, а остальные почти все «достигли» высших уровней в правящем классе еще до 1642 г.

Производить сравнение «продвижений» из более низких сословий в русскую и британскую аристократические элиты следует осторожно. Приобрести крупные поместья в России было куда проще и дешевле, так как в 1815 г. губернии вокруг Черного моря все еще оставались малонаселенными пограничными территориями. Вследствие массовой продажи земель после 1861 г., богатые покупатели поместий легко стяжали себе огромные состояния. Но если до 1870-х годов в России существовала не в пример большая возможность, чем в Британии, попасть в высшее сословие — а не просто в группу крупных землевладельцев — в дальнейшем, пожалуй, наблюдается как раз обратное явление. Начиная с семидесятых годов в Англии увеличилось число пэров, не имеющих земельной собственности, и полноценность члена высшего общества уже не могла измеряться исключительно количеством наличествующих у него во владении акров. В противовес этому, в России до 1914 года ни одному из представителей финансовой, промышленной и коммерческой элиты не был дарован титул, хотя некоторые магнаты, например, «сахарные короли» Терещенко и Харитоненко, были пожалованы в дворянство. Пожалование в дворянство не являлось единственным критерием ассимиляции новой элиты с аристократией. Существенное значение также имели смешанные браки. К 1914 г. русская аристократия еще не успела связать себя браками с новоявленными богачами, появившимися во время индустриального бума 1880-х и 1890-х, что, судя по всему, не удивительно, учитывая столь короткий срок. Не в пример им, лондонцы накануне Первой мировой войны стали свидетелями нескольких браков между представителями старого и нового класса магнатов, среди которых наиболее эффективными были союзы британских пэров и американских наследниц⁷².

Интересные замечания о соотношении имущественного положения английской и германской аристократии содержит переписка королевы Виктории со своей старшей дочерью, британской принцессой и будущей германской императрицей. Так, в 1877 г.

принцесса писала: «Вы знаете, как невелики состояния в Германии и как мало людей здесь имеет привычку к роскоши и *train du grand monde**». Будучи кронпринцессой Пруссии, Виктория считала, что не может позволить себе провести светский сезон в Лондоне, разве только будет жить в доме своей матери, и королева соглашалась, что «один сезон в Лондоне... способен разорить любого небогатого человека». Давая согласие на брак принцессы Луизы с маркизом Лорном, королева Виктория отмечала, что часть британской аристократии «по своему богатству и общественному положению, несомненно, может быть приравнена к малым германским принципам»⁵³.

Совсем иную картину представляет собой другой более поздний пример имплантации английской знатной леди в прусское общество. Родители Дейзи Корнуоллис-Уэст, как известно, не были очень состоятельными людьми, зато ее супруг, принц Плесский, был одним из богатейших немецких аристократов. Сестра же принцессы Дейзи вышла замуж за герцога Вестминстерского, и ее положение позволило ей непосредственно сравнивать английский и германский образы жизни. Ее дневники дают представление о жизни высших кругов Силезии — жизни, которая, по меркам англичан, выглядела тусклой и напыщенной, но, во всяком случае, не бедной. Напротив, герцогиня подчеркивает высокую стоимость и чрезмерную пышность жизни в Плессе, отмечая, что имеющийся в распоряжении их семьи годовой доход колебался от 35000 до 120000 фунтов и зависел, главным образом, от рыночных цен на уголь, который поставлял ее муж. Даже в 1890-х годах, по английским меркам, «Германия оставалась примитивной», но к 1910 г., по утверждению принцессы Дейзи, в части всех потребительских товаров эта страна вырвалась вперед. Было бы действительно странным, если бы столь резкий экономический подъем экономики Германии не уменьшил бы разрыв между доходами аристократии в этих двух государствах⁵⁴.

Что касается богатства германской знати начала двадцатого века, то наилучшим источником информации являются тут списки Рудольфа Мартина. Правда, основанные на налоговых документах, они могут иногда занижать оценку имущественного состояния отдельных людей. Кроме того, списки Мартина не охватывают весь Рейх, а включают лишь отдельные германские государства. Между тем, жители Пруссии и Баварии — двух королевств, вошедших в мои таблицы — составляли три четверти

* Образ жизни высшего света (фр.)

ТАБЛИЦА 2.10. Имущественное состояние. Бавария, 1914 г.

Стоим. собств. (в млн. марок)	Общая	Собств. недв. сокл.		Дворянская собств.		Графы и князья		Королевская	
		18	7	5	11	6	5	2	1
Более 20 млн									
10 — 20 млн		48	16	21	32	11	10	4	0
5 — 10 млн		115	54	55	61	6	26	2	2

Источник: Martin R. Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Bayern. Berlin, 1914.

населения всей империи. При всех своих недостатках, статистические данные Мартина и многочисленные подробные примечания к отдельным состояниям, включенным в его списки, являются ценным материалом для каждого изучающего аристократию Германии до 1914 г.⁵⁵

В 1914 г. Бавария, по немецким стандартам, все еще оставалась относительно бедной страной. В ней не было ни месторождений угля, ни руды, ни развитой тяжелой промышленности. Неудивительно, что в Баварии было куда меньше миллионеров на тысячу человек населения, чем в высоко индустриальных государствах, таких как Королевство Саксония или прусские провинции Силезия и Рейнская область, не говоря уже о Берлине. Тем не менее в списке Мартина присутствуют восемь жителей Баварии, имевших состояние свыше 20 миллионов марок (1 миллион фунтов), двое из которых принадлежали к королевской фамилии, а одиннадцать — к высшей знати⁵⁶.

Однако, цифры эти не совсем верны и вряд ли могут служить руководством для определения имущественного состояния богатейших представителей собственно баварской знати. Целый ряд крупных аристократов (например, принц Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк) имели летние загородные виллы в Баварии, но их земельные владения и главные особняки находились за ее пределами. Хотя принц Альберт фон Турн-унд-Таксис и принц Адольф Йозеф Шварценбергский владели большими поместьями в Баварском королевстве, владения эти были карликовыми по сравнению с собственностью, которая принадлежала им в других местах, к тому же ни тот, ни другой не был баварцем и не имел никакого отношения к Баварии⁵⁷. Из одиннадцати дворян, являвшихся собственниками состояния свыше 20 миллионов марок, шестеро по существу были иностранцами. Из остальных пяти трое вышли из семей промышленников (Маффей, Клетт, Лотцбех), пожалованных в дворянство в девятнадцатом веке, и только двое, принц Оттинген-Валлерштейн и граф Тэринг, являлись представителями старинной местной знати. Оттинген был *Standesherr* из Швабии, Тэринг — из очень древнего баварского курфюршества. Земельные владения обоих в основном состояли из лесных угодьев, но хотя стоимость собственности, принадлежавшей Оттингену, была выше 36 миллионов против 25 миллионов Тэрринга — поместья Тэрринга давали 1,2 миллиона марок ежегодного дохода (60000 фунтов), тогда как Оттинген получал только 1 миллион (50000 фунтов)⁵⁸.

Имущественное состояние сорока восьми баварцев оценивалось в пределах от 10-ти до 20-ти миллионов марок (от 1/2 до 1

ТАБЛИЦА 2. 11. Имущественное состояние. Пруссия. 1912 г.

Стоимость собственности (в миллионах марок)	Общая	Недворянская	Собственность нетитулованного дворянства	Графы, князья, герцоги	Правители. Роя Гогенцоллернов*
Более 100	4	0	2	2	0
50—99,9	8	1	2	5	0
25—49,9	29	15	13	1	0
15—24,9	72	24	30	16	2
10—14,9	119	66	34	18	1

* Из соображений здравого смысла Мартин не включил в этот список Кайзера, его сыновей или братьев
 Источник: *Martin R. Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen*. Berlin, 1912.

ТАБЛИЦА 2.12. Прусское нетитулованное дворянство, проживающее в провинциях. 1912 г.

Ст. собств. (в млн марок)	Берлин	Франкфурт	Кельн	Гессен Рейн. (и др.) обл.	Бранд. Пруссия	Вост. Пруссия	Зап. Пруссия	Позен	Силезия	Шлезвиг- Гольштейн	Саксония	Общая
Более 100	1	1	1	1								2
50 — 99,9	2	2		2	1							2
25 — 49,9	4	2	1	2	1				2		1	13
15 — 24,9	7	7	6	3	3						1	30
10 — 14,9	5	7	1	2	6	3	1	1	1	6	1	34

Источник: *Martin R. Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen*. Berlin, 1912.

миллиона фунтов). Из них тридцать два принадлежали к высшему дворянству, а четверо — к королевским фамилиям. Среди этой менее состоятельной группы иностранцы составляли меньшее число — правда, в определении, кого именно считать «баварцем», а кого «иностранцем», существуют свои сложности. Из двадцати одного баварского дворянина, двенадцать происходили из семей промышленников, получивших дворянский титул в девятнадцатом веке, остальные — из более старого дворянства. К последним относились *Standesherren* из Швабии (Фюггер фон Бабенгаузен и Отгтинген-Шпильберг) и Франконии (Лейнинген и Левенштейн-Вертгейм-Фрейденберг), а также графиня Фабер-Кастелл, дочь от брачного союза между представителем младшей ветви династии *Standesherren* Кастелл и наследницы семьи предпринимателей Фабер. Тукеры, выходцы из старой знати Нюрнберга, были одним из редких очень древних германских родов, чье состояние образовалось на основе городской собственности, тогда как Пошингеры были промышленниками, пожалованными в дворянство в восемнадцатом веке. В этой группе из тридцати двух человек нет ни одной из старинных дворянских семей, принадлежащих к курфюршеству Виттельсбахов. Хотя в среднем собственность, принадлежащая знати, имеет большую стоимость, чем собственность, которой владели двенадцать членов буржуазной среды, вошедших в эту группу, доходы у нее были меньше. Доходы знати колебались от 90000 марок (45000 фунтов) у Кристофа Фрейгерра фон Тукера, который получал большую часть доходов не от сельского хозяйства, до 300000 марок (15000 фунтов) у принца Фюггера фон Бабенгаузена, которые он ежегодно получал от состояния в 15 миллионов марок (750000 фунтов). В среднем двенадцать буржуа имели доходы, составлявшие 6 процентов от их состояния, а девять представителей древней баварской знати были вынуждены довольствоваться 4,5 процентами.

115 человек, собственность которых оценивалась от 5 до 10 миллионов марок (250—500000 фунтов), по своему происхождению существенно отличались от первых двух более богатых групп. Процент буржуазии в них значительно выше, а иностранцев — намного ниже. Из шестидесяти одной дворянской семьи, тридцать шесть были потомками старинной знати Швабии, Франконии и баварских курфюрстов. Кроме более богатых семей *Standesherren*, именно к этой группе принадлежат самые известные имена баварской аристократии девятнадцатого века. К древней знати — курфюрстам — Баварии относились, например, Прейсинги, Аркосы, Лерхенфельды и Гумпшенберги. Франкония, не говоря о нескольких фамилиях менее состоятельных *Standesherren*

(Лёвенштейн-Розенберг, Ортенбург, Кастелл), была представлена такими известными старинными родами местной знати, как Ротенган, Крайшгейм и Ингельхейм. Древняя аристократия Швабии, хотя и более малочисленная, включала в себя Фюггер фон Глоттов и Паппенгеймов. По меркам британской и русской аристократической элиты, эти люди не могли считаться богатыми. Например, граф Йозеф фон Арко владел имуществом на 8 миллионов марок (400000 фунтов) и имел доход в 320000 (16000 фунтов); граф Каспар фон Прейсинг получал ежегодно 280000 марок (14000 фунтов), а его имущество стоило 7 миллионов (350000 фунтов). Доход Прейсинга равнялся 14000 фунтам и, являясь примерно средним для тридцати шести старинных дворянских родов, составлял 4,54 процента от стоимости его капитала. Отметим еще раз, что буржуазия, собственность которой оценивалась в пределах от 5 до 10 миллионов марок, преуспевала гораздо больше, чем потомственная аристократия, имея 6,6 процентов дохода от стоимости своего капитала.

Как и следовало ожидать, в Пруссии миллионеров было гораздо больше, чем в Баварии: шестьдесят четыре человека имели состояние, которое, согласно налоговому обложению, превосходило 1 миллион фунтов (20 миллионов марок), а по рыночной стоимости, безусловно, выражалась бы цифрой еще большей⁹⁹. В этот список входило двенадцать принцев, герцогов и графов, двадцать восемь дворян менее высокого ранга и двадцать четыре представителя буржуазии. Деление на принцев, герцогов и графов, с одной стороны, и дворянство менее высокого ранга, с другой, является важным, так как в большей или меньшей степени точности отражает разрыв между старой и новой знатью. К 1914 г. дворянин из старинного рода, состояние которого оценивалось в миллионах фунтов стерлингов, был бы, несомненно, причислен к высшим дворянским рангам. Все двадцать восемь *Freiherren* или обычных дворян (то есть, просто имеющих в фамилии предикат «фон») являлись представителями родов, занимающихся финансовой и коммерческой деятельностью и пожалованных в дворянство всего лишь полвека назад. С другой стороны, среди герцогов, принцев и графов, только граф Франц-Губерт Тиль-Винклер не был выходцем из старинного дворянского рода.

Из одиннадцати миллионеров «старого дворянства» восемь были из Силезии. Среди них роды Гогенлоз, Баллештремы, Шафготши являлись католиками. Так же католиками, из несилезских миллионеров, принадлежащих к «старому дворянству», были герцог Аренберг и принц фон Турн-унд-Таксис, не включенные в статистические данные Мартина; оба они имели еще большие

состояния за пределами Пруссии. Таким образом, в Пруссии, этой цитадели протестантизма, семеро из одиннадцати самых богатых дворянских родов принадлежали к католикам. Еще более примечательно, что из двадцати восьми «новых дворян», тринадцать по происхождению были евреями. Исходя из этих данных, можно предположить, что объединить прусскую элиту в единое целое и сделать ее приемлемой для собственного народа являлось проблемой гораздо более сложной, чем те, с какими сталкивалась англиканская верхушка в Англии. По крайней мере, что касается пожалования в дворянство миллионеров, то прусское государство, по всей видимости, не проявляло даже признаков антисемитизма. Все евреи-миллионеры были дворянами, а двадцать четыре миллионера буржуазного происхождения — христианами. Основное различие, конечно, заключалось не в том, что прусское государство сознательно проводило политику благоприятствования евреям, а скорее в том, что евреи-миллионеры принадлежали к потомственным финансистам (Ротшильдам, Гольдшмидтам, Мендельсон-Бартолди, Фридлендер-Фульдам, Блейшредерам), между тем, как многие миллионеры-христиане из буржуазии — к промышленным и коммерческим кланам (Геншель, Ганиель, Тиссен, Штинне). В целом правительство чаще взаимодействовало с финансистами и в большей степени от них зависело, чем от торговцев и промышленников. Одиннадцать «старых дворян» имели доход, равный 4,9 процентам от стоимости их состояния, хотя Хенкель фон Доннерсмарки, Шаффготши и герцоги Уйестские получали гораздо большую прибыль. Новой аристократии удалось увеличить доход до 5,96 процентов, а прибыль двадцати четырех миллионеров из буржуазии составляла 6,41 процент. Из двадцати восьми «новых дворян» семеро были выходцами из Берлина и Франкфурта, трое — из Кельна, а остальные — из разных мест, но большинство — городские жители. Только Евгений фон Кальмитц, двое из семьи фон Штамм и Герберт фон Мейстер считали сельское поместье своей основной резиденцией.

Как и следовало предположить, группа прусских миллионеров, состояние которых оценивалось от 10 до 20 миллионов марок (от 1/2 до 1 миллиона фунтов), оказалась более многочисленной, а также была представлена большим числом предпринимателей, по сравнению с шестидесятью четырьмя звездными миллионерами из предшествующей группы. В эту «менее богатую» категорию вошло сто шестьдесят восемь человек, из которых восемьдесят два дворянами не были. Тридцать три принадлежали к титулованной знати: герцоги, принцы и графы или, в трех случаях, являлись принцами-правителями других германских го-

сударств, имевшими также крупные личные владения и в Пруссии. Пятьдесят три были представителями *Freiherren* или нетитулованного дворянства. И тут деление между герцогами, принцами и графами, с одной стороны, и менее знатными дворянами, с другой, отражало деление на старое и новое дворянство, хотя не столь строго, как в случае «звездных» миллионеров. Так, титул графа Германа фон Грибенау был сомнительным, новоиспеченным и, разумеется, не являлся прусским. Единственный среди очень богатых прусских титулованных дворян — графов и выше, он указал как свое постоянное место жительства не сельское поместье, а городской дом⁶⁰. Равным образом не вписывался в общепринятые рамки С. Ф. фон Бюлов, богатейший землевладелец в Шлезвиг-Гольштейне, отпрыск древнейшего рода, умудрившийся остаться простым дворянином. Гораздо легче объяснить ситуацию с Альбертом фон Бургсдорфом и бароном Теодором фон Флотов, представителями старинных провинциальных родов мелкопоместного дворянства, состояния которых намного превышали состояния всех других представителей восточного так называемого «местного дворянства». Бургсдорф породнился через женитьбу с очень богатым родом Пеэнсенов из Дюссельдорфа, где впоследствии и поселился. Флотов женился на девице из семьи Грюнелиус, одной из богатейших во Франкфурте⁶¹.

Среди тридцати двух титулованных «старых дворян» семнадцать были из Силезии. Таким образом, Силезия и тут прочно занимала очень большое место, хотя и не столь огромное, как в первом списке, куда вошли богатейшие слои прусской аристократии. Из этих силезцев несколько принадлежали к дворянским семьям, чьи имена встречались и среди «звездных» миллионеров (Хенкель фон Доннерсмарк, Гогенолоэ), но большинство происходили из других менее состоятельных родов (например, Маргнис, Бирон фон Курланд, Мальтцан, Опперсдорф, Лихновский). Многие из этих тридцати двух были из богатых родов *Standesherren*, и некоторые жили в Силезии (например, Солмс-Барут, Хатцфельд-Трасенберг), остальные — в других местах. Несомненно, крупнейшим родом в прусской Саксонии были, например, Штольберги: состояние одной их ветви — Вернигероде — равнялось 27—28 миллионам марок, двух других — Россла и Штольберг-Штольберг — оценивалось соответственно в 18—19 миллионов и 10—11 миллионов.

Сердце Пруссии — Померания и Бранденбург — подарило этой группе из тридцати двух имен только две фамилии — Путбус и фон Бер-Регенданк. Одна из ветвей семьи Арним, всегда занимавшая выдающееся место среди прусского юнкерства, в

финансовом отношении оставила других аристократов далеко позади, благодаря приобретению поместья принца Пюклера в Мускау и превращению его в крупный промышленный центр.

Большой интерес представляет группа состоятельных землевладельцев из Вестфалии, уступающая в этом списке миллионеров только силезцам. Самым богатым аристократом был, пожалуй, герцог Аренберг, за ним следовали члены трех семей из прежних Stiftsadel: графы фон Вестфален, Фюрстенберг-Гердринген и Дросте Вишерингский. Согласно данным Мартина, эти трое были несравненно богаче, чем обе ветви Сайн-Витгенштейнов, выходцев из вестфальских *Standesherren*, не говоря уже об очень известных баварских, гессенских и, тем более, о восточных провинциальных фамилиях мелкопоместного дворянства. Поскольку никакие события, происходившие в девятнадцатом веке, не объясняют столь разительный скачок в благосостоянии этих вестфальских фамилий, следовательно, источники, которые в 1820-х годах подчеркивали процветание этой части германского провинциального дворянства, были вне всякого сомнения верны.

Подавляющее большинство, которое составляло пятьдесят три *Freiherren* и простых нетитулованных дворян, были из семей финансистов и коммерсантов, пожалованных в дворянство не далее, чем два поколения назад. Девять из них жили в Берлине, двенадцать — во Франкфурте и пять — в Кельне. Двое Экардштейнов, из семьи, пожалованной во дворянство в 1799 г., и двое Карстаньенов, получивших это звание в 1881 г., назвали своим основным местом жительства сельские имения. Как и *Freiherr* Карл фон Камп-Массауен, который в фискальных статистических данных фигурирует как самый богатый налогоплательщик по всей сельской Восточной Пруссии. Однако по происхождению Камп-Массауен был отнюдь не из старинных юнкеров. Преуспевающий гражданский служащий, он сколотил свое состояние благодаря браку, породнившему его с текстильной династией Байер. В предвоенные годы по своему доходу он вдвое превосходил принца Рихарда Дона-Шлобитгенского, второго по богатству человека в Восточной Пруссии, потому что прибыли от хозяйства Дона не могли сравниться с дивидендами ведущей промышленной фирмы⁶². Доход «нового дворянства» по отношению к стоимости их состояний равнялся 5,46 процентам, тогда как представители «старого дворянства» получали ежегодно лишь 3,83 процента от стоимости имущества. И тут наивысшие дивиденды шли богатым предпринимателям, восемьдесят два представителя которых получали в среднем 5,66 процентов чистого дохода в год.

ТАБЛИЦА 2.13. Прусские графы, принцы и герцоги, проживающие в провинции. 1912 г.

Стоимость собственности (в млн. марок)	Саксония	Силезия	Позен	Гессен	Бранденбург	Рейнская область	Померания	Ганновер	Вестфалия	Общая
Более 100		2								2
50 — 99,9		4							1	5
25 — 49,9	1									1
15 — 24,9	1	10	2	1	1	1				16
10 — 14,9	1	8			1	1	2	1	4	18

Источник *Martin R. Jahrbuch des Vermögens und Einkommen der Millionäre in Preussen* Berlin, 1912

ТАБЛИЦА 2.14 Богатейшие прусские поместные дворяне (в миллионах марок)

	Богатство	Доход	Провинция
1. Принц Хенкель ф. Доннерсмарк	177	12	Силезия
2. Принц Христиан-Крафт, Гогенлоэ-Оринген (герцог Уйестский)	151	7	Силезия
3. Ганс-Гейнрих, Фюрст фон Плесский	84	1.9	Силезия
4. Ганс-Ульрих, граф фон Шаффготш	79	4—5	Силезия
5. Франц-Губерт, граф Тиле-Винклер	74	3—4	Силезия
6. Энгельберт, герцог Аренбергский	59	2.6	Вестфалия
7. Граф Франц фон Баллештрем	56	2—3	Силезия
8. Евгений фон Кулмитц	32—33	1.0	Силезия
9. Баронесса фон Штумм-Гальберг	32—33	1—2	Рейнская область
10. Христиан-Эрнст принц Штольберг-Вернигеродский	27—28	0.4	Саксония
11. Герберт фон Мейстер	27—28	1.8	Гессен
12. Барон Фердинанд фон Штумм	23—24	1.8	Гессен
13. Альберт, принц Турн-унд-Таксис	20—21	0.67	Позен
14. Фридрих, Рейхсграф фон Шаффготш	20—21	1.5	Силезия
15. Лазарус, граф Хенкель ф. Доннерсмарк	20—21	1.5	Силезия
16. Виктор (Гогенлоэ), герцог Ратиборский	20—21	0.78	Силезия
17. Вильям, Великий герцог Саксе-Веймар	19—20	0.79	Силезия
18. Йост Христиан, принц Штольберг-Россла	18—19	0.54	Саксония
19. Артур, граф Хенкель ф. Доннерсмарк	17—18	0.75	Силезия
20. Король Саксонии Фридрих Август	17—18	0.75	Силезия
21. Принц Шольмз-Барут	17—18	0.7	Силезия
22. Фердинанд, князь Радзивилл	16—17	0.6	Позен
23. Антон граф ф. Магнис	16—17	0.68	Силезия
24. Густав, принц Бирон Курляндский	16—17	0.68	Силезия
25. Эрнст-Юлиус, граф ф. Зедлитц	16—17	0.6	Силезия
26. Хлодвиг, Ландграф ф. Гессен-Филипсталь	15—16	0.65	Гессен
27. Германн, принц ф. Хатцфельд, герцог Трахенбергский	15—16	0.56	Силезия
28. Граф Андреас ф. Мальцан	15—16	0.56	Силезия

ТАБЛИЦА 2.14 (Продолжение)

	Богатство	Доход	Провинция
29. Принц и герцог Иоганн ф. Аренберг	15—16	0.6	Рейнская область
30. Граф ф. Арним-Мускау	14—15	0.6	Силезия
31. Гуто, барон ф. Штамм	14—15	1.1	Гессен
32. Франц, принц Путбусский	14—15	0.5	Померания
33. Август, Великий герцог Олденбургский	14—15	0.41	Шлезвиг-Гольштейн
34. Эдгар, Рейхсграф Хенкель ф. Доннерсмарк	13—14	0.8	Силезия
35. Фридрих ф. Мартин	13—14	0.5	Силезия
36. Рихард ф. Хиндерзин	12—13	0.5	Силезия
37. Ганс Георг, Рейхсграф Опперсдорфский	12—13	0.5	Силезия
38. Карл фон Гогенлоэ-Ингельфинген	12—13	0.4	Силезия
39. Карл, принц Лисновский	12—13	0.4	Силезия
40. Кай Фридрих ф. Бюлов	12—13	0.36	Шлезвиг-Гольштейн
41. Мария ф. Крамста	12—13	0.5	Силезия
42. Карл, граф ф. Альтен-Линзинген	11—12	0.13	Ганновер
43. Карл, барон ф. Камп-Массауэн	11—12	0.6	Восточная Пруссия
44. Моритц ф. Карстаньен	11—12	0.45	Рейнская область
45. Роберт ф. Карстаньен	11—12	0.45	Рейнская область
46. Клеменс, граф ф. Вестфален Фюрстенбергский	11—12	0.45	Вестфалия
47. Граф Энгельберт ф. Фюрстенберг-Гердринген	11—12	0.45	Вестфалия
48. Гейнрих ф. Тидеман-Зехейм	11—12	0.51	Позен
49. Эмма ф. Крамста	11—12	0.5	Силезия
50. Мария, принцесса Видская	10—11	0.33	Рейнская область
51. Клеменс, граф Дроште Вишерингский	10—11	0.47	Вестфалия
52. Граф Август ф. Бехр-Регенданк	10—11	0.21	Померания
53. Карл, герцог Кройский	10—11	0.35	Вестфалия

ТАБЛИЦА 2.14 (Продолжение)

	Богатство	Доход	Провинция
54. Вольф-Генрих, принц Штольберг-Штольбергский	10—11	0.39	Саксония
55. Карл ф. Наэрих	10—11	0.46	Силезия
56. Гуго, граф Хенкель ф. Доннерсмарк	10—11	0.51	Силезия
57. Ванда, графиня Хенкель ф. Доннесмарк	10—11	0.49	Силезия
58. Арнольд, барон ф. Экардштейн	10—11	0.44	Бранденбург
59. Граф Фридрих- Франц ф. Брюль	10—11	0.39	Бранденбург
60. Карл, граф ф. Брюль-Ренард	10—11	0.35	Силезия
61. Рихард, барон ф. Экардштейн	10—11	0.44	Западная Пруссия

Источник: R. Martin. Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen. Berlin, 1912.

Можно в порядке критики указать, что эти статистические данные, охватывающие миллионеров-дворян не включают восточное провинциальное нетитулованное дворянство, то есть ту часть дворянства, которая играла наиболее важную роль; в конце концов, именно это рядовое дворянство, а не *Standesherren* и не силезские магнаты, создали Пруссию. Именно они, а не богатая аристократия, проводили аграрную политику, которая явилась столь значительным фактором при жизни Вильгельма. В таблице 2.15 мы попытались учесть данную критику и представить всех землевладельцев-дворян Прусского королевства, чья собственность в 1912 г. оценивалась свыше миллиона марок (50000 фунтов)⁶³.

Из приведенной таблицы становятся вполне очевидными различия между провинциями Пруссии. В 1912 г., как и в 1806 г., на всех имущественных уровнях силезцы представлены в наибольшем числе, но в пропорциональном соотношении они преобладали в более богатых категориях, чем в бедных. В историческом ядре Пруссии, в Бранденбурге и Померании, крупных землевладельцев почти не существовало, и подавляющее число дворян владело собственностью стоимостью от 1 до 5 миллионов марок, если вообще попадали в эти оценочные рамки. Причем померанских дворян, «стоивших» свыше 5 миллионов марок, было гораздо меньше, чем бранденбургских. Картина богатства в Прусской Саксо-

ТАБЛИЦА 2.15

Имущественное состояние (в миллионах немецких марок)	Восточная Пруссия	Западная Пруссия	Бранденбург	Померания	Позен	Силезия	Шлезвиг-Гольштейн	Саксония	Ганновер	Вест-фалия	Гессен Рейнская область	Всего
Более 50					1	6		1		1	2	7
20 — 49,9					1	4		1			1	9
15 — 19,9					1	9		1			1	12
10 — 14,9			2	2	1	14	2	1	1	4	3	33
5 — 9,9	1	1	16	1	14	35	9	12	6	11	15	128
2 — 4,9	5	2	32	38	42	99	28	44	22	23	18	409
1 — 1,9	12	11	71	99	60	133	22	76	38	18	36	636
Всего	35	30	44	140	119	300	61	135	67	57	42	1234

Источник: Martin R. Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen. Berlin, 1912.

нии и Познани напоминала бранденбургскую с той разницей, что в Познани многие дворяне-землевладельцы были поляками. Дворянство Восточной и Западной Пруссии было гораздо слабее, чем в других восточных провинциях.

В таблице 2. 15 хорошо видны основные различия, касающиеся всех восточных княжеств, с одной стороны, и Шлезвиг-Гольштейна, Вестфалии и Рейнской области, с другой. В этих трех германских государствах дворян, владеющих собственностью, оцениваемой от 1 до 2 миллионов марок, фактически было меньше, чем владеющих собственностью в 2 — 5 миллионов марок. Значительного числа бедного провинциального «джентри» здесь не наблюдалось. Напротив, наличествовало более малочисленное, но зато явно более обеспеченное сельское дворянство.

Различия между структурой и имущественным состоянием дворянства в Рейнской области, Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейне, с одной стороны, и юнкерами, с другой, имело огромное политическое и культурное значение в Германии в девятнадцатом веке. Характеризуя члена богатого знатного рода Рейнской области, барон фон Штейн говорил о юнкерстве:

«Дворяне Пруссии являются бременем для нации, так как они многочисленны, в большинстве своем бедны и жадны до всякого рода должностей, жалований, привилегий и льгот. Из-за бедности им недостает образования, они вынуждены получать его в нищенски оборудованных кадетских корпусах, и высокие должности для них закрыты <...> эта огромная армия полубразованных людей реализует свои претензии за счет своих соотечественников в двойном качестве — как дворяне и как чиновники»⁶⁴.

Католицизм, исповедуемый дворянами Вестфалии и Рейнской области, резко отличал их от юнкерства при всем сходстве и различии этих двух групп. Однако хотя дворянство Шлезвиг-Гольштейна было протестантским, оно во многих отношениях не походило на высшее сословие Пруссии. Вот что пишет об этом Иоахим фон Диссов:

«...среди дворян Шлезвиг-Гольштейна откровенно провинциальные и неотесанные юнкера встречаются реже, чем в других наших аграрных районах Северной Германии. Отчасти это происходит от того, что эти семьи исторически связаны с Королевством Дании, а отчасти благодаря лучшему экономическому положению. Наследники крупных майоратов (Fideikommissii) в юные годы посещали иностранные государства и несли военную службу не в маленьких гарнизонных городках, а по большей части в полках гвардейской кавалерии, главным образом в Берлине и Потсдаме. И культурные традиции в этой земле были также не-

редко более прочными, чем в соседних, богаче поместные библиотеки, ценнее мебель, а семейные портреты писались более изрядными живописцами»⁶⁵.

Из этой сложной, порой, возможно, даже утомительной главы, насыщенной статистическими данными, следуют четыре основных вывода.

Во-первых, хотя проследить географическое распределение аристократии в обществе и измерить различие в ее доходах вполне возможно, дать точное перекрестное сопоставление дворянства разных стран — задача крайне сложная. Статистические данные для разных стран известны с разной степенью достоверности и относятся к различному времени. Сравнение статистических данных о налогах в Пруссии, начиная с 1912 г., скажем, с частными отчетами русских дворян примерно за тот же период и английскими данными, составленными за четыре предшествующие десятилетия, таит немалые опасности.

Тем не менее, можно все же наметить отдельные основные пункты для сравнения. Если в 1800 г. русская и английская аристократическая элита имела примерно равные доходы, то к 1850-му году англичане вырвались далеко вперед, сохраняя первенство вплоть до 1914 г. Немцы, за исключением крупных собственников Богемии, в 1815 году были гораздо беднее как англичан, так и русских. К 1914 г. наиболее богатые немцы догнали русских и стали в один ряд с англичанами. Доход Хенкеля фон Доннерсмарка, равный 12 миллионам марок в год (600000 фунтов), уступал, по видимому, лишь ежегодному доходу герцога Вестминстерского. Семнадцать британских пэров в 1883 г. имели доход свыше 100000 фунтов в год, однако, поскольку большинство из них владели городской и промышленной собственностью, состояния их за последующие три десятилетия, несомненно, увеличились. В 1912 г., с другой стороны, только шестеро прусских титулованных землевладельцев получали доход свыше 100000 фунтов в год. Английские магнаты по-прежнему оставляли прусских далеко позади.

Однако, что касается большинства аристократов и более богатых родов поместного дворянства, то здесь картина вырисовывается гораздо менее ясно. В 1873 г. 2500 британских землевладельцев, не считая тех, кто имел собственность в Лондоне, получали доходы от ренты свыше 3000 фунтов. К 1912 г. их число несомненно сократилось из-за падения арендной платы на пахотные земли в южной части Англии и резкого ухудшения положения ирландских джентри. В Пруссии, менее плотно населенной стране, 493 землевладельца из дворян владели собственностью, которая в 1912 г., согласно налогообложению, оценивалась

свыше 2 миллионов марок (100000 фунтов), и даже самые бедные из них имели годовой доход в 4000 фунтов. Многие из 636 дворян-землевладельцев, владевших собственностью от 1 до 2 миллионов марок, получали такой же доход и даже выше. Однако, для достоверного сравнения с Британией необходимо учесть как прусских землевладельцев недворянских сословий, так и многочисленных собственников земли, дворян и недворян, ежегодный доход которых соответствовал 3000—4000 фунтам. Стоит добавить эти группы, к тому же учесть различие в численности населения Великобритании и Пруссии, и разрыв между доходами аристократии этих двух стран исчезнет. В полную противоположность ситуации, характерной для 1815 г., столетие спустя представители прусской знати уже не уступали типичному английскому аристократу, не принадлежащему к плутократии, или наиболее состоятельным семьям в графствах.

Однако ни в Германии, ни в Британии, ни в России, богатство аристократии не могло уже играть решающую роль в обществе, как это было в прединдустриальную эпоху. Прибыли от торгово-промышленной деятельности, или даже от государственных облигаций, приносили большие доходы. Подавляющее число богатых людей не были ни аристократами, ни землевладельцами. Поэтому вполне логично, что во всех этих трех странах, аристократам, чтобы не сдавать своих позиций, оставаясь в числе очень богатых, необходимо было иметь неаграрные источники дохода.

Глава 3. Источники благосостояния: земледелие

Если давать определение европейским аристократам в экономических терминах, то они прежде всего были землевладельцами. Это отнюдь не означает, что доход им приносило исключительно сельское хозяйство; даже в 1800 г. нескольким английским дворянам солидную прибыль давала городская собственность. В тот же период кое-кто из крупных русских аристократов немалой долей своего состояния был обязан заводской собственности. Леса играли важную роль в России и Германии, а шахты — во всех трех странах. В 1800 г. русское и немецкое дворянство все еще владело крепостными крестьянами, и, хотя большую часть дохода, выжимая его из труда крестьян, оно в конечном счете получало из сельского хозяйства, существовали и другие источники. Например, в неплодородных северных районах России крестьянин вполне мог платить оброк, занимаясь одним из сельских ремесел или работая в городе. Кроме того, огромные доходы нередко приносила выгодная должность или покровительство властей предрежущих, что особенно характерно для России и Англии.

Тем не менее, в целом верным остается то, что в период с 1815 по 1914 гг., для большинства европейских аристократов крупнейшим источником дохода было, как правило, земледелие. Это вовсе не означало, что аристократы непременно сами занимались сельским хозяйством или управлением своими поместьями. Даже в 1914 г. лишь единицы из них имели специальное образование, чтобы соответствовать данной роли. Проявлять или не проявлять интерес к земледелию было личным делом богатого дворянина, имевшего возможность нанять опытного управляющего и положить на него. Однако непосредственное участие аристократа в хозяйствовании на своей земле зависело также и от системы, в соответствии с которой в данном регионе или стране земля сдавалась в аренду и обрабатывалась.

В 1800 г. на большей части территории Германии к западу от Эльбы, и в более северных областях российского Нечерноземья (то есть в северной России) землевладелец-дворянин выступал

отчасти как рантье, отчасти как судья и отчасти как полицейский. Его роль как земледельца была минимальной, хотя для удовлетворения личных потребностей небольшие земельные угодья могли им сохраняться. В этих регионах доход землевладельца складывался из оброка, десятины и трудовых повинностей, которыми облагались крепостные крестьяне. Характер и бремя этих обязанностей в Германии значительно отличались от района к району, в зависимости от законных прав, какими пользовались данные крестьяне. И в России оброк, или денежная подать, не был единым, а взимался в каждой семье, в каждом поместье различно. Основные различия между крепостными немецких и русских помещиков-рантье в 1800 г. заключались в том, что в Германии обязанности крепостных были определены законом и введены государством, тогда как в России они почти не имели никаких прав, защищавших их от хозяев. Русский помещик мог ради большего дохода заменить взимаемую с крепостных денежную ренту (оброк) на принудительную трудовую повинность (барщина), и зачастую именно так и поступал.

Различия между землевладельцем-рантье Западной Германии (Grundherr) и свободным фермером в восточном бассейне Эльбы (Gutsherr) восходят к позднему средневековью. Прежде на востоке земельные владения по величине были также очень небольшими, однако в результате развития международной торговли зерном и последующего за этим роста городов в Западной Европе производить излишки зерна на равнинах восточной Германии стало весьма выгодно. Ради этой цели крестьян прикрепляли к земле и принуждали нести трудовые повинности, поскольку в данной части Германии, в особенности после эпидемии чумы, рабочих рук на селе стало крайне не хватать. Недостаток трудовых ресурсов в России также послужил основной причиной закрепощения крестьян в шестнадцатом и семнадцатом веках, однако, в допетровскую эпоху крупномасштабных земледельческих хозяйств не существовало. Только в восемнадцатом веке, с развитием рынка и транспортной системы производство больших излишков зерна стало приносить прибыль, и то лишь в том случае, когда поместья находились не слишком далеко от соответствующих средств сообщения.

В восемнадцатом веке даже в восточной Германии, не говоря уже о России, поместные хозяйства представляли собой отнюдь не современные капиталистические предприятия, управляемые предпринимателями дворянского звания. Собственность, в особенности в России, делилась между наследниками весьма беспорядочным образом, и крестьянские земли перемежались с дво-

рянскими. Как в Германии, так и в России крестьяне были не только рабочей силой, но им также принадлежал весь скот и орудия труда, крестьянскими были и методы обработки земли. В обеих странах у мелкопоместного дворянства, большей частью ориентированного на военную службу, не доставало времени посвящать себя повышению культуры земледелия или управлению своими имениями. Многие прусские поместья сдавались в аренду. Крупные землевладельцы в этих двух странах, имеющие в собственности несколько имений, при всем желании непосредственно ими управлять не могли и были вынуждены полагаться на управляющих. В особенности широко это практиковалось русской придворной аристократией, чьи земли были разбросаны по всей обширной территории огромной страны, но случалось это и среди высшей знати в той или иной прусской провинции. Например, в Восточной Пруссии в конце восемнадцатого века принц Леопольд Анхальт-Дассау владел тридцатью девятью поместьями, граф Карл Финк фон Финкенштейн — сорока пятью, граф Карл фон Донхофф — тридцатью тремя, графы Леопольд фон Шлибен и Фридрих фон Дона — двадцатью девятью каждый¹.

Уникальная английская система землевладения находилась между двумя полюсами — дворянами-рантье и дворянами-фермерами. Хотя подавляющее большинство земель принадлежало аристократии и джентри, на деле ни те, ни другие сами сельским хозяйством не занимались. К концу средних веков земля была в основном передана в аренду фермерам-арендаторам, чьи наделы уже тогда были, по меркам крестьян континентальной Европы, весьма велики. Первоначально многие из этих арендаторов пользовались землей на основании различных видов общепринятых лизгольдов, но к 1800 г. в подавляющем большинстве случаев стали преобладать договоры об аренде по соглашению сторон. Условия аренды и рентная плата определялись ежегодно в соответствии с изменением цен на сельхозпродукцию и процветанием сельского хозяйства. Хотя в принципе договор об аренде не обеспечивал арендатору ни защиты лизгольда, ни компенсации за усовершенствования, которые тот произвел бы на арендуемой им ферме, на практике хорошие фермеры, исправно платившие ренту, крайне редко лишались лизгольда. Почти все решения и связанный с аграрным предпринимательством риск ложились на плечи арендатора. Он решал, что выращивать, ему принадлежал и эксплуатационный капитал, он рисковал банкротством, если падали цены на сельхозпродукцию. Хозяин же земли получал небольшую ренту (3—4 процента), сочетая праздность рантье с престижем владения поместьем.

Тем не менее, некоторую роль в ведении сельского хозяйства землевладелец все-таки играл. Он отвечал за инвестирование основного капитала. С началом огораживания, когда вменялось в обязанность обносить изгородью поля, очищать землю, строить дороги и возводить новые здания, все это оказалось дорогостоящим, но в конечном счете весьма прибыльным бременем. Куда менее доходными нередко были огромные инвестиции землевладельцев в дренажные работы в середине девятнадцатого века, часть которых себя совершенно не оправдала, остальные же не могли даже отдаленно сравниться в прибыли с государственными облигациями, не говоря уже о доле в промышленном капитале. Кроме того, что землевладелец нес ответственность за основной капитал, в тяжелые времена он, чтобы удержать хороших арендаторов, был вынужден уменьшать ренту, тем самым разделяя убытки от сельскохозяйственной депрессии. Даже к 1800 г. договоры об аренде некоторых поместий содержали условия, оговаривающие при необходимости смену арендатора, однако подобное было исключением.

В общем и целом, многие аристократы поддерживали и финансировали введение новых сельскохозяйственных методов, учреждали аграрные общества и выставки, гордились выведением высокопородистого скота, а иногда заводили на своих домашних фермах образцовые экспериментальные хозяйства. Поскольку такие фермы редко оказывались прибыльными, их образовательная ценность для фермеров-арендаторов, которые не могли себе позволить развлекаться агрономическими играми, которыми увлекались аристократы, весьма спорна. Однако другие вводимые аристократией методы играли важную роль в сельскохозяйственном прогрессе в восемнадцатом и девятнадцатом веках, и если дворянин-землевладелец отнюдь не всегда являлся главным героем перемен на сельской ниве, каким его изображали викторианские панегерики, то проявлять разумный и эффективный интерес к «новому ведению сельского хозяйства» он начал гораздо раньше, чем его континентальный собрат. В этом, как и во многом другом, в девятнадцатом веке английская аристократия служила примером для континентальной знати².

В 1800 г. сельское хозяйство Англии было намного современнее, чем в Германии или в России. Что и говорить, почти вся история европейского сельского хозяйства вплоть до 1870 г. являлась попыткой усвоить нововведения, примененные в Англии в восемнадцатом веке. В основе этих нововведений лежало усовершенствование севооборота. Трава и корнеплоды улучшали качество почвы, делая ненужным ежегодно оставлять треть обраба-

тываемой земли под паром, а обеспечивая кормами скот, позволяли значительно увеличить стада и, соответственно, получать больше навоза. Новый севооборот, большая упитанность крупного рогатого скота и улучшение его породы требовали, чтобы фермы огораживались; таким образом старая система полосного земледелия и общинных земель к 1815 г. в основном себя изжила. Хотя в период наполеоновских войн молотилки широко пошли в ход в Шотландии и северо-восточной Англии, где не доставало рабочих рук, до конца девятнадцатого века механизация играла не слишком большую роль в сельскохозяйственных переменах. Искусственные удобрения в Англии стали широко применяться с середины девятнадцатого столетия, но до эпохи расцвета сельскохозяйственной химии было еще далеко. Как отмечает Мингей, в период между 1700 и 1850 годами «увеличение продукции в основном достигалось за счет существенного расширения культивируемых земель <...> и, надо полагать, лишь около трети этого показателя — благодаря улучшению урожайности и увеличению среднего веса скота»³.

Вести об английской революции в сельском хозяйстве быстро облетели Европу в восемнадцатом веке. Термин «новая агрикультура» вошел в русский язык, а к 1770-м гг. Джетро Талл образовал круг преданных пропагандистов, многие из которых примкнули к Свободному экономическому сообществу. Однако к 1800 г., разве что за исключением Балтийских провинций, новые аграрные методы практически не нашли успешного применения в России.

Иначе складывались дела в Германии: Шлезвиг-Гольштейн и Мекленбург первыми ввели в практику новые травяные культуры и севооборот, хотя в конце восемнадцатого века и землевладельцы Восточной Пруссии также нередко стали отдавать предпочтение вольнонаемному труду, а некоторые силезские магнаты обращались к интенсивному земледелию. Несмотря на то, что в 1800 г. в Германии все еще господствовало трехполье, в некоторых регионах паровые поля начинали засевать клевером и другими кормовыми культурами⁴.

Однако, поскольку аграрные методы были связаны с тем, каким образом была организована и управлялась сельская община, изолированно их изменить было нельзя. Эта очевидная истина нередко сводилась к краткой формуле: при крепостном праве модернизация сельского хозяйства невозможна. Здесь следует быть осторожным, так как под крепостной зависимостью в различных регионах понимали разные уложения. Например, это понятие могло включать отсутствие у крестьянина личной свободы и, ска-

жем, возможности создать семью без согласия хозяина. Оно могло означать принудительный труд или выплату оброка или десятины, а, возможно, и того и другого вместе. Иногда историки к этому понятию относят весь прежний сельский уклад, в том числе совместные и неточно определенные права на общинные земли и леса, полосное земледелие и чересполосность дворянских и крестьянских угодий. Все это вместе безусловно делало модернизацию сельского хозяйства невозможной, но ей препятствовали отнюдь не все эти характерные для старого уклада черты, и многие из них сохранялись еще долго и после отмены крепостничества. В Пруссии, например, вплоть до 1918 г. *Gesindeordnung* привязал так называемых «фермерских работников» к режиму, который был весьма далек от вольнонаемного труда. В центральном аграрном регионе России в течение десятилетий после 1861 г. многие крестьяне продолжали работать на помещичьих угодьях за землю, которую помещик разрешал им использовать в личных нуждах, тем самым увековечивая барщину, главный метод ведения хозяйства при крепостном праве.

Столь же иллюзорна мысль, что отмена крепостного права сама собой гарантирует сельскохозяйственный прогресс. Так, например, весьма убедительное объяснение того, что мешало аграрному прогрессу на русских помещичьих землях до 1861 г., находим у Мишея Конфино. Он совершенно верно указывает на отсутствие у многих землевладельцев интереса к сельскому хозяйству и полное их невежество, не говоря уже о нежелании перенимать иностранный опыт. Однако более важными были другие факторы. Еще в 1771 г. А. Т. Болотов, самый увлеченный нововведениями дворянин, указывал, что при несомненной полезности и необходимости этих выдумок и опытов, нельзя, однако, упускать из виду, что они сопряжены с многочисленными трудностями⁵.

Разводить чужеземный рогатый скот и засеивать семена, введенные из заграницы, вводить севооборот при российском климате было гораздо труднее и опасней. Очень короткий сельскохозяйственный сезон практически не позволял делать ошибки, которые были неизбежны при введении новых методов и культур в чуждом для них климате в эпоху, когда метод проб и ошибок был единственно возможным в научном эксперименте. При немногочисленном городском населении, огромных расстояниях и плохих средствах сообщения основной проблемой России стал доступ на прибыльные рынки сбыта. В малонаселенных регионах такой же проблемой были рабочие руки. В отличие от Англии и Пруссии, в России не существовало избытка безземельных сель-

ских работников. Так как принадлежавшая сельской общине земля периодически перераспределялась в соответствии с числом членов семьи, той резкой дифференциации крестьянства, которая характерна для Германии, в России не было. При отмене подневольного труда сложно было представить себе, откуда взамен ему найдутся вольнонаемные работники за приемлемую плату. Но и крепостной труд создавал препятствия дворянам, желавшим вести сельское хозяйство по-новому. Для нового севооборота и разведения скота требовалось гораздо большее число работников, к тому же лучше обученных. Крепостной труд, как правило, не отличался добросовестностью и требовал тщательного надзора, даже в случае применения проверенных временем методов и принадлежащих крепостным орудий труда. Выращивание кормовых культур и зерновых, предпочтительно пшеницы, а не ржи, заставляло помещиков приобретать гораздо более крепкие плуги и сильных лошадей, чем те, которые обычно использовались в крестьянском хозяйстве. Мало того, что они стоили в десять раз дороже, но в традиционно сложившемся в России сельском хозяйстве оснащение и тягловый скот обеспечивались крестьянами, дворянину же обходились бесплатно⁶.

По утверждению либералов, доходы усовершенствованного сельского хозяйства с использованием вольнонаемного труда компенсируют землевладельцам все тяготы и стоимость нововведений. Опыт некоторых новаторов этого не подтверждал, более того, как вполне убедительно доказывает Стивен Хох, поместья, где применялась барщина, приносили при Николае I весьма солидные доходы. Август Гаукстаузен давно уже утверждал, что крепостное хозяйство в России во время правления Николая I являлось наиболее жизнеспособным по сравнению с любой другой альтернативной ему системой. По мнению Г. Павловского, «каким бы ужасным, с точки зрения морали и общества, ни было крепостное право в середине девятнадцатого века, экономически это была единственная система, при которой в то время в России могло существовать крупное прогрессивное сельское хозяйство»⁷.

С освобождением крестьян встал вопрос о самом существовании сельской аристократии, как в центральных и восточных районах Германии, так и на севере русского Нечерноземья. Дворянство утратило свою полицейскую и судебную власть, передав ее государству. Взамен крепостнических податей и услуг оно получило ценные бумаги, превратившись в рантье в полном смысле этого слова. Поскольку связи с деревней рушились, искушение переехать в город становилось неодолимым. Наименее обеспеченные дворяне, нередко оказавшиеся не в состоянии прожить

на проценты от обязательств и на доходы от оставшейся у них земли, были особенно склонны искать прибыльную должность в городе. Нетитулованные дворяне северной России, которые еще до отмены крепостного права были гораздо беднее своих южных собратьев, усиленно покидали деревни, и города этой части страны наводнили рантье из благородного сословия. Так, семья Тыртовых, обитавшая в своем Тверском поместье с пятнадцатого века, служила ярким примером того, как высшее провинциальное дворянство, сохраняя некоторую часть своей сельской собственности для жизни за городом или из сентиментальных соображений, в качестве основной своей деятельности и источников дохода избирала вооруженные силы. Мемуары и статьи, написанные современниками того периода, говорили о переизбытке «Вишневых садов», оплакиваемых северным провинциальным дворянством⁸.

Северные аристократы, сохранившие за собой земельную ответственность, в основном полагались на доходы от лесного хозяйства или разведение крупного рогатого скота, а не на производство зерна. Например, в С.-Петербургской губернии на рубеже XIX и XX веков вспахивалось только пять процентов принадлежавшей крупным помещикам земли, среди которой преобладали лесные массивы. В окрестностях Москвы широкое развитие получили молочные фермы. В центральном промышленном районе процент частных земельных владений от всего количества земель в целом понизился с 37,3 в 1877 г. до 30,6 в 1905 г. В то время, как в середине 1870-х годов дворянству принадлежало две трети всей частной земли (то есть, не являющейся собственностью крестьянских общин), три десятилетия спустя их доля составила всего 34,3 процента.⁹

А. Н. Куломзин, сам костромской землевладелец, отмечал в своих мемуарах, что освобождение крестьян разорило основную массу провинциального поместного дворянства в южных губерниях. Сам же он процветал, благодаря разработке фосфатных месторождений на своих землях, что же до многих других, то, с его точки зрения, они выживали, если вообще выживали, за счет лесного хозяйства. Это подтверждает мрачное пророчество Гаукстаузена в 1840-х годах, писавшего, что «в этих северных районах доходное сельское хозяйство в крупных поместьях как таковое невозможно <...> большие частнособственнические фермы могут существовать здесь только в двух случаях; либо как хозяйства с применением *сogée**, при которой землевладелец сам не

* Даровая рабочая сила (фр.).

обязан содержать работников за свой счет (другими словами, не нести никаких расходов на ведение своего сельского хозяйства), либо как обычные фермы с наемными рабочими и крупным рогатым скотом, но объединенные с мануфактурным производством, что позволяет постоянно и выгодно использовать не задействованную в сельском хозяйстве рабочую силу»¹⁰.

У дворян центральной и южной Германии после освобождения крестьян оставалось обычно меньше земли, чем у русских помещиков Нечерноземья. В 1905 г., например, в семи губерниях центрального промышленного района вокруг Москвы, дворянам принадлежало 13,7 процентов земли. Эта цифра была гораздо ниже показателей, характерных для большей части российских губерний, но значительно выше уровня дворянского землевладения в большинстве регионов центральной, западной или южной Германии¹¹.

К западу от Эльбы во владении немецкого дворянства оставались, в целом, лесные угодья, независимо от того, какие земельные владения и арендованные земли за ним числились до освобождения крестьян, а также от полученных в качестве компенсации за потерю оброка и трудовых повинностей выкупных облигаций. Как и в России, именно более бедное провинциальное дворянство чаще всего оказывалось вытесненным с земли. Так, в Баварии, например, в 1815 г. большая часть дворянских поместий были небольшими и обремененными долгами. Сельское хозяйство в них целиком и полностью зависело как от крестьянского труда, так и от принадлежавших крестьянам крупного рогатого скота и орудий труда. Многие из «феодальных повинностей» выплачивались натурой. Выкупные облигации не являлись им полноценной заменой, а капитала, чтобы наладить фермерское хозяйство, или желания опуститься до крестьянского сословия у этих дворян не было. Их манил город. Даже в Средней Франконии, где дворянство в целом было богаче, чем в Баварском курфюршестве, многие дворяне к середине столетия переехали в город Нюрнберг. В 1815 г. приблизительно половина баварского дворянства владела землей, к 1921 г. эта цифра уменьшилась до трети¹².

Совсем иную картину являли собой наиболее состоятельные германские дворяне. Они приложили большие усилия к тому, чтобы на выкупные облигации приобрести новые земли, что почти всегда считалось наиболее предпочтительной формой вложения капитала. Например, в 1854 г. принц Гуго Гогенлоэ-Эринген, глава рода Гогенлоэ и сам крупный силезский промышленный магнат, утверждал, что «повторные инвестиции ликвидного капитала

в землю являются важным условием существования аристократии». Ни один из остальных Гогенлоэ, слышавших эти слова принца Гуго в 1854 г. на семейном совете, ему не возразил, ибо в Германии, в противоположность, в известной степени, России, гордость своим дворянским родом и кастовый дух были не только сильны, но также подкреплены верой в то, что дворянство и землевладение неразделимы»¹³.

Приверженные этим ценностям и традиционно сложившимся представлениям о том, что земля является надежным объектом капиталовложения, богатые дворяне предпочитали приобретать в собственность целые поместья, а, в случае необходимости, не брезговали и крестьянскими фермами. Так, Ферстенберги вложили большую часть полученных ими в качестве выкупа денег в Шварцвальд. В 1806 г. они приобрели 22791 гектар земельных владений, 62 процента из которых составляли леса. К 1919 г. в одной только Швабии им принадлежало 42000 гектара, три четверти из которых являлись лесными угодьями. Мало кому из дворян был по средствам такой воистину княжеский размах, однако вскоре после того, как прошел первый шок и дворяне стали получать выкупные ценные бумаги, их поместья стали увеличиваться в размерах. Так, семья Лейнингенов, скупившая на аукционе множество лесов, лугов и разорившихся крестьянских ферм, вызвала крайнее негодование в Бадене: их предприимчивость усугубила горечь разочарования в Оденвальде после революции 1848 г. Невзирая на это, Лейнингены между 1849 и 1853 годами приобрели земли еще на 474000 флоринов. Дворянство Вестфалии и Гессена, стоявшие на иерархической лестнице ниже *Standesherren*, и богатейшие семейства Баварии также стали весьма активными покупателями на земельном рынке. Согласно Гейнцу Рейфу, аристократия Мюнстера в Вестфалии большую часть приобретений осуществила между 1830 и 1860 гг., в среднем утроив размеры *Rittengüter**¹⁴.

Для многих дворян западной, южной и центральной Германии поворот к сельскому хозяйству и воспитание в себе верности «родному месту» стал сознательной политикой класса, статус которого был поставлен под вопрос и которому угрожала, если не нищета, то, по крайней мере, перспектива оказаться на обочине. Как писал барон Ротенхан, стоявший во главе дворянства Франконии, у его класса была единственная возможность выжить — управлять своими имениями эффективными, научными и совре-

менными методами, наладить связи с местным крестьянством и использовать преимущества своего состояния и образования на благо местного сельского хозяйства и сельского населения. Таковой же линии придерживался в 1849 г. Оберпрезидент Вестфалии, фон Винке, побуждавший местное дворянство отринуть чрезмерную кастовую гордость и реакционную жажду привилегий, которыми оно пользовалось в Старом Рейхе. Вместо этого они должны стать лучшими фермерами на селе, создав прочный союз с другими передовыми земледельцами¹⁵.

Такая стратегия была верной, хотя тут подстерегали свои ловушки. В Вестфалии, как и по всей Европе, богатые аристократы, горевшие желанием оправдать положение своего класса, взяв на себя ведущую роль в передовом сельском хозяйстве, могли потерять массу денег из-за того, что у них отсутствовала предпринимательская мотивация, да и сами они были лишены предпринимательской жилки. Граф Йозеф фон Вестфален, например, в 1820 г. решил прекратить сдавать землю внаем, чтобы вести свое хозяйство самому. Однако дворянство Вестфалии не имело в этом деле никакого опыта, депрессия 1820-х годов была не лучшим временем для обучения профессии земледельца. Необходимость вкладывать деньги в то, чтобы оборудовать скотные дворы и фермы повлекла за собой крупные расходы, и его долги быстро возросли до 180000 талеров¹⁶.

Самая большая проблема, с которой столкнулось богатое дворянство, стремившееся по-новому оборудовать поместья в западной, южной и центральной Германии, заключалась просто-напросто в отсутствии доступных земель. Мотив этот постоянно повторяется в отчетах о недвижимости. В 1850-х годах принц Фюггер фон Бабенхаузен писал, что «в настоящее время невозможно быстро приобрести землю без крупных потерь, так как цена на нее, с точки зрения рентабельности, очень высока». Спрос на поместья существенно превосходил их наличие и, как отмечает Винкель, «цены на полностью обустроенные поместья непомерно высоки, поскольку продающие знают, каким огромным спросом пользуется такая собственность у получивших выкупные деньги помещиков». Многие дворяне, лучшим примером которых служит семейство Гогенлоэ, покупали земли, расположенные очень далеко от их наследственных владений. Небольшое число — те, кто был связан с промышленностью, — вкладывали деньги в фирмы и фабрики. Однако, большинство в конечном счете приобретали государственные и железнодорожные акции, и на этом немецкая знать только выиграла. Если бы они приобрели огромные земельные массивы в южной, восточной и центральной Германии,

* Дворянские поместья (нем.)

они не только имели бы менее надежный доход, но, оказавшись куда больше на виду, были бы более непопулярны. В создавшихся обстоятельствах, они, не теряя связи с поместным сельским хозяйством и одновременно имея другие источники дохода, могли пережить депрессию куда более благополучно, чем восточногерманские производители ржи, и уже не встречали к себе того недоброжелательного отношения, какое окружало аристократию западной и южной Германии в 1848 г.¹⁷

Хотя существуют достаточные сведения о принадлежащих дворянству землях в германских государствах девятнадцатого века¹⁸, самым лучшим и всеобъемлющим источником информации по этому вопросу является труд Теодора Гэбиха, опубликованный в 1930 г. Потеря Пруссией части восточных пограничных земель, которые отошли к Польше, разумеется отразилась на картине землевладения к востоку от Эльбы, однако нет никакого основания полагать, что после 1914 года ситуация в центральной, западной и южной Германии существенно изменилась¹⁹.

Таблицы 3.1, 3.2 и 3.3 основаны на статистических данных Гэбиха для регионов западной, южной и центральной Германии. Они показывают, что в среднем дворянам принадлежало 500 гектаров земли или даже больше, и это составляло приблизительно 5 процентов от всей площади²⁰. В двух германских государствах — Шлезвиг-Гольштейне и Вестфалии — доля дворянских владений превышала 10 процентов. В двух других, Бадене и Баварии, она была ниже 2,5 процентов. В Вестфалии и Шлезвиг-Гольштейне крупные поместья (свыше 2500 гектаров) играли значительно более важную роль, чем в восьми других государствах: в этих двух государствах они занимали соответственно 6,5 и 7,3 процента от всей площади — значительно больше половины того, что принадлежало дворянству по всей Германии. В других германских государствах площадь крупных поместий никогда не превышала 3,2 процента от всей территории и всегда составляла менее половины всей дворянской собственности.

Во владении дворян Германии находилось значительно больше лесов, чем сельскохозяйственных угодий страны. В десяти государствах, вошедших в три таблицы, 3,6 процентов сельскохозяйственных земель и 8,7 процентов лесов принадлежали к дворянским поместьям в свыше 500 гектаров. За исключением Шлезвиг-Гольштейна, Вестфалии и Саксонии, дворянские сельскохозяйственные угодья играли второстепенную роль. Однако везде, кроме двух регионов, дворяне имели более 5 процентов лесов, причем список вновь завершают Баден и Бавария. Но в Вюртемберге доля дворян составляла 13,8 процентов, в Вестфалии и Сак-

ТАБЛИЦА 3.1 Доля земли, принадлежавшей аристократии в западной, южной и центральной Германии

	Баден	Вюртемберг	Бавария	Рейнская область	Вестфалия	Гессен (-Нассау)	Саксония (провинция)	Саксония Ганновер	Шлезвиг-Гольштейн
Вся земля (гектары)	1 261 078	1 750 202	6 655 066	1 908 747	1 761 549	1 385 718	2 244 564	1 349 167	3 270 638
Принадлежащая аристократии (более 500 га)	30 625 2,4%	121 322 6,9%	154 274 2,3%	86 135 4,5%	190 594 10,8%	64 280 4,6%	205 042 9,1%	67 979 5%	98 350 3%
Принадлежащая аристократии (более 2500 га)	24 499 1,94%	84 964 2,06%	46 064 0,69%	25 039 1,3%	115 026 6,5%	31 154 2,2%	70 820 3,2%	26 995 2%	44 186 1,35%
Всего земли: 22 929 103 га									
Всего земли, принадлежавшей аристократии: 1 163 799 га = 5 1%									

Источник: T. Habicht Deutsche Latifunden, Königsberg, 1930.

ТАБЛИЦА 3.2. Доля сельскохозяйственных угодий, принадлежавших аристократии в западной, южной и центральной Германии

	Баден		Вюртемберг		Бавария		Рейнская область	Вестфалия	Гессен (-Нассау)	Саксония (провинция)	Саксония (королевство)	Ганновер	Шлезвиг-Гольштейн
Вся земля (гектары)	637 790	1 128 692	3 948 395	1 137 029	992 709	700 901	1 608 372	927 901	1 779 519	1 038 053			
Принадлежащая аристократии (более 500 га)	8 461 1.3%	24 371 2.2%	52 629 1.3%	40 539 3.6%	83 174 8.4%	14 623 2.1%	95 994 6%	32 442 3.5%	43 481 2.4%	106 206 10.2%			
Принадлежащая аристократии (более 2500 га)	3 546 0.56%	15 005 1.3%	13 640 0.3%	6 087 0.5%	46 675 4.7%	3 818 0.5%	20 424 1.3%	9 584 1%	10 854 0.6%	70 271 6.8%			
Всего сельскохозяйственных угодий: 13 899 361 га													
Всего сельскохозяйственных угодий, принадлежавших аристократии: 493 459 га = 3.6%													

Источник: T Häbich Deutsche Latifunden. Königsberg, 1930.

ТАБЛИЦА 3.3. Доля лесных угодий, принадлежавших аристократии в западной, южной и центральной Германии

	Баден		Вюртемберг		Бавария		Рейнская область	Вестфалия	Гессен (-Нассау)	Саксония (провинция)	Саксония (королевство)	Ганновер	Шлезвиг-Гольштейн
Все леса (гектары)	567 825	634 907	2 187 033	611 376	518 632	617 205	522 376	362 431	671 345	107 217			
Принадлежащие аристократии (более 500 га)	21 908 3.8%	87 605 13.8%	91 532 4.2%	43 588 7.1%	101 952 19.7%	46 342 7.5%	102 293 19.6%	33 375 9.2%	37 265 5.6%	28 155 26.3%			
Принадлежащие аристократии (более 2500 га)	20 914 3.7%	55 954 8.8%	26 031 1.2%	18 602 3%	64 904 12.4%	27 196 4.4%	48 897 9.4%	16 859 4.7%	18 192 2.7%	21 229 19.8%			
Всего лесных угодий: 6 800 347 га													
Всего лесных угодий, принадлежавших аристократии: 594 015 га = 8.7%													

Источник: T Häbich Deutsche Latifunden. Königsberg, 1930.

сении — почти пятую часть, а в Шлезвиг-Гольштейне, где лесов было мало — более четверти. В целом, поместья величиной свыше 2500 гектаров имели более высокий процент лесов (56, 2 процента), чем поместья, площадью более 500 гектаров (51 процент).

В результате освобождения крестьян усугубились различия между аристократией западной и восточной Германии. С упразднением дворов мелких властителей и погашением всех повинностей влияние аристократов в большинстве западных сельских районах резко снизилось. Однако в Восточной Пруссии судебная и полицейская власть аристократии сохранялась еще не одно десятилетие, а ее земельные владения в результате освобождения крестьян практически только увеличились. Отчасти это произошло потому, что определенные категории крестьян-арендаторов были вынуждены уступить до половины своих земель взамен на освобождение от трудовых повинностей. Дворянство также получило львиную долю общественных земель (4,3 миллиона гектаров) которые были поделены в соответствии с уложением 1821 г., причем крестьянам досталось от них всего 14 процентов. Кроме того, в 1820-х годах многие крестьянские хозяйства разорились и были поглощены крупными поместьями, поскольку теперь земли крестьян, в отличие от периода крепостного права, могли быть приобретены другими группами населения. «В Померании (не считая большую часть ее западной области) помещики присвоили в 1807—1848 годы больше крестьянских земель, чем за два предшествующих века». Так, в двух бранденбургских марках (Укермарк и Миттельмарк), дворянские поместья между 1800 и 1860 годами увеличились в размере на 18 процентов. Тем не менее крупные прусские помещики, даже в лучшие свои времена, никогда не держали монополию на владение землей по английскому образцу. Только в двух областях Пруссии, Померании и Познани, крупные поместья в девятнадцатом веке занимали более половины всего земельного фонда. Сверх того, многие прусские «крупные» поместья, с точки зрения английского джентри, считались бы ничтожно малыми²¹.

Между 1820 и 1870-ми годами большие прусские поместья находились на переднем рубеже сельского хозяйства страны, в котором в этот период начались преобразования. При меньшей, чем во Франции плодородности почв, в Германии отмечался больший, чем во Франции, прирост сельхозпродукции. Германские ученые во главе с Альбрехтом Таэром пропагандировали английские сельскохозяйственные методы. Влияние Таэра на восточных землевладельцев, которых он считал естественными лидерами сельскохозяйственного прогресса Германии, трудно было пере-

оценить. К 1862 г. в Пруссии существовало 361 аграрное общество, в состав которых входило 30000 членов. Раздел общинных земель, размежевание земли на дворянскую и крестьянскую, а также конец полосного земледелия позволили ввести новые культуры, усовершенствованный севооборот и лучшие породы крупного рогатого скота. В период между 1800 и 1860 гг. производство зерна на один гектар возросло в Германии на 45 процентов. В употребление вошел картофель, хорошо прижившийся на песчаной почве северо-восточной Германии, появились огромные стада мериносовых овец, которых стали разводить в восточных поместьях. Другим признаком крупного поместья, в особенности в Силезии и Саксонии, было производство сахара, которое, как и в России, резко поднялось в 1830-х годах. В Германии в 1834—1835 гг. двадцать один сахарный завод производил 25346 центнеров нерафинированного сахара. Спустя шестнадцать лет 185 заводов производило около миллиона центнеров. В отличие от зерна, картофеля и сахар требовали очень много рабочих рук весной и осенью, так что эти культуры особенно устраивали землевладельцев, у которых без них в этот период оставались бы не занятые делом работники. Хотя в 30-е годы прусское поместное хозяйство стало более интенсивным, тем не менее, увеличение урожайности зерна, как и в Англии, происходило преимущественно за счет сокращения земель, оставляемых под паром, и широкомасштабной разработки залежных земель. В результате резкого роста населения в Пруссии, начиная с 1830 г., и повышения международных цен на зерно, те землевладельцы, которые пережили сельскохозяйственный кризис 1820-х годов стали получать огромные доходы. К 1870 г. восточные поместья продавались в три-четыре раза дороже по сравнению с ценой полувековой давности²².

Судьба русского дворянства после 1861 г. была совсем иной, резко контрастируя с успехами прусских землевладельцев. Единственным районом, в котором сельское хозяйство было процветающим, капиталистическим и эффективным, был Прибалтийский край — Эстляндия, Лифляндия и Курляндия. Здесь крупные поместья были на самом деле богаче и, как правило, лучше оснащены, чем в Восточной Пруссии. Однако традиции, общественное устройство и форма аренды земли в этих губерниях в корне отличались от таковых в остальной части Романовской империи, а землевладельцы-аристократы были германского происхождения. Хотя отдельные принадлежащие знати поместья в России отличались хорошим управлением и преуспевали, общий уровень крупных поместий, по меркам Германии и Англии, был чрезвычайно низким. Огромные участки земли были либо розданы крестьянам

под небольшие наделы, либо обрабатывались крестьянством в пользу землевладельцев на условиях трудовой ренты или издольщины. Возделываемые таким образом угодья, по всей видимости, использовались еще более непроизводительно, чем собственные владения крестьян. Нерентабельность помещного хозяйства привела к массовой продаже дворянством своих земель. После отмены крепостного права дворянству по-прежнему принадлежало 87,2 миллиона десятин земли, но в течение последующих двух десятилетий почти 20 процентов было уже им утрачено, а к 1902 г. — еще 20 процентов. К 1914 г. в руках дворянства осталось лишь 41,1 миллиона десятин²³.

И все же контраст между успехами прусского дворянства в ведении капиталистического сельского хозяйства и упадком помещичьего земледелия в России не был столь резок, как можно вывести из приводимых выше сравнений. За два десятилетия после освобождения крестьян значительная часть прусских землевладельцев из дворян не смогла адаптироваться к капиталистическим методам хозяйствования, разорилась и была вынуждена продать свои поместья: в течение нескольких лет после падения крепостного права 40 процентов дворянской собственности в Силезии оказались в руках буржуазии, а в Восточной Пруссии этот процесс происходил еще быстрее. К 1856 г. в семи восточных областях только 7023 из 12330 (56,9 процента) поместий по-прежнему принадлежали дворянству, в том числе выходцам из буржуазии, лишь недавно получившим дворянское звание. Основными причинами разорения дворянства, как и в России, были отсутствие предпринимательского опыта, расточительность, недостаток средств для приобретения собственного оборудования и тяглового скота, а также чрезмерные долги. Прусские помещики покупали и продавали собственность с головокружительной скоростью и не проявляли никакой сентиментальной привязанности к старым фамильным имениям, которая была так свойственна России. По тому же образцу, как в России, мелкие землевладельцы часто полностью прогорали, тогда как крупные обычно выживали. В Российской империи, например, в период между 1900 и 1914 гг. 155 крупнейших землевладельцев продали 3 процента своей собственности, а дворянство в целом — более одной пятой. В 1885 г. в Пруссии, при том, что 43,1 процента из всех Rittergüter оказалось в руках буржуазии, в это число вошло лишь 32 процента поместий площадью свыше 1000 гектаров. Из 159 владений величиной свыше 5000 гектаров в семи восточных областях только десять принадлежало буржуазии²⁴.

В противоположность России, в сельских краях Пруссии еще

до реформы наличествовали довольно многочисленные группы крупных фермеров из буржуазии. 10 процентов Rittergüter, хотя и не законно, принадлежали собственникам недворянского происхождения. И еще много дворянских поместий были переданы фермерам-арендаторам, представителям буржуазии. Это также касалось части обширных королевских земель, которые до реформы не разрешалось сдавать в аренду. В Восточной Пруссии в 1800 г. насчитывалось около 800 землевладельцев и 250 зажиточных арендаторов; подобное соотношение, согласно Шислеру, существовало и в других провинциях. В экспортирующих зерно Прибалтийских портах также обитали состоятельные купцы, подерживавшие тесные связи с сельским хозяйством. После 1807 г. эти группы населения, и в особенности фермеры-арендаторы, стали собственниками большого числа поместий. В последующие годы они в большей степени, чем дворянство, представляли передовой рубеж в прогрессе сельского хозяйства, отчасти потому что проявляли к нему больший профессиональный интерес и большую осведомленность в новых английских технологиях, а отчасти потому что жили менее расточительно и значительную долю получаемых доходов вкладывали вновь в поместья.

Эти землевладельцы, выходцы из буржуазии, в целом стремившиеся к ассимиляции с благородным обществом, существенно помогли юнкерам справиться с теми требованиями — как политическими, так и экономическими — которые предъявлял им меняющийся мир. Примером тому может служить история семьи Натузиус. После отмены крепостного права Готхобб Натузиус, занимавшийся производством табака, приобрел бывшее имение Альвенслебен вблизи Магдебурга. Он не только превратил его в образец земледельческого хозяйства на капиталистической основе, но также создал в нем целый ряд производств по переработке сельскохозяйственной продукции, в том числе по переработке фруктов и изготовлению картофельного крахмала, а также маслосеяльные и винокуренные. Все четыре сына Натузиуса получили дворянское звание, двое из них стали известными животноводцами, а двое других играли важную роль в политике²⁵.

Чтобы найти объяснение, почему крупные поместья процветали в одном случае, и не процветали в другом, следует обратиться к структуре дореформенного сельского общества в Пруссии и в России, а также к пореформенным порядкам, установившимся в обеих странах. Прусское крестьянское общество до 1806 г. было сильно дифференцировано, и особенно ярко этот процесс проявился после освобождения крестьян. Чтобы защитить свою частную собственность и ориентированное на рынок сельское хо-

зяйство, крупные крестьянские фермеры вскоре примкнули к дворянству и относились враждебно к работникам, зараженным идеями бунта или социализма. В самых восточных провинциях даже в 1806 г. свыше половины населения не владели земельной собственностью или имели ничтожно малые наделы. Они создали рынок рабочей силы, из которого после раскрепощения могли черпать юнкера. Более того, прусские реформы 1807—1819 гг. коснулись лишь зажиточных крестьян, то есть таких, кто был в состоянии приобрести собственный плуг. Многочисленное крестьянство, не входившее в эту категорию, продолжало нести трудовые повинности и после революции 1848 года. Прусским землевладельцам, которые до 1872 г. в своем округе пользовались политической и судебной властью и до 1918 г. жестко контролировали жизнь фермерских труженников, принадлежали все рычаги управления рабочей силой.

Совсем иным было положение в России. До 1861 г. ни одного арендатора, принадлежащего к так называемой буржуазии, в сельской местности не было. Если купцы и покупали поместья, то не для того, чтобы заниматься сельским хозяйством, а в спекулятивных целях. После перераспределения общинных земель между крестьянами установилось относительное равенство, и помещики лишились при этом верных сторонников закона и собственности, что усугубило общее ощущение незащищенности, которое, в особенности в двадцатом веке, побуждало дворян продавать земли, а не вкладывать деньги в сельское хозяйство. До 1900 г. совершенно безземельные, постоянно батрачившие крестьяне, встречались редко и зачастую представляли собой подонки деревенского общества. После 1861 г. русские сословные суды и помещичьи полицейские функции были упразднены, а русского эквивалента *Gesindeordnung* в царской России не существовало. Равно как не существовало и таких слоев крестьянства, которые исключались из новых порядков и были обязаны нести трудовые повинности. И, наконец, в полную противоположность Пруссии, русские крестьянские земли оставались защищенными: их нельзя было ни продать, ни конфисковать за неуплату долгов²⁶.

К несчастью для русского и прусского дворянства, издержки и неурядицы, связанные с освобождением крестьян, сопровождалась почти сразу последовавшим за ним падением международных цен на сельхозпродукцию и долгими годами депрессии. В Пруссии бремя депрессии 1820-х гг. усиливалось еще тем, что за предыдущие десятилетия дворяне привыкли к стремительному росту цен на зерно и поместья, и, исходя из этого, строили свой образ жизни и экономическую стратегию. В период между 1797 и

1817 г. цены на рожь в портах восточных областей более, чем удвоились. В Силезии в период 1801—1805 гг. стоимость поместий более, чем утроилась, а в Бранденбурге увеличилась почти в пять раз по сравнению с той, какой была в течение предыдущих пятидесяти лет. Спекуляция землей приняла массовый характер, поскольку дворянство могло получить у государства ссуду за проценты, которые были гораздо ниже, чем взвинчивающиеся цены на поместья. Когда цены на сельхозпродукцию резко упали, а вместе с ними прекратился и спекулятивный бум вокруг поместий, многие землевладельцы обнаружили, что заложили свою собственность за цену, существенно превышающую ее рыночную стоимость²⁷.

Падение цен на зерно после 1817 г. стало катастрофическим. В 1825 г. цены на хлебные злаки в германских портах составляли 28 процентов от уровня 1817 г., на внутреннем рынке они соответствовали всего 23 процентам. Но тут вмешалось правительство, наложив запрет на лишение права выкупа по закладной и оказав многим дворянам прямую финансовую помощь. Кое-кто из предприимчивых землевладельцев переключился с производства зерна на разведение овец, но для многих продажа своего поместья была единственно возможным выходом. Кроме того, наибольший удар пришелся по тем областям Померании, Западной и Восточной Пруссии, которые были ориентированы на экспорт зерна, — прежде всего потому, что в 1820-х годах Хлебные законы* закрыли перед ними прибыльный английский рынок. Согласно Вильгельму Абелю, цены на пшеницу в портах Германии составляли 28 процентов от уровня английских в 1825 г., и даже если к этому прибавить расходы на транспортировку и доставку в Англию, все равно германская пшеница была на 56,6 процентов дешевле английской. Хотя английские фермеры также громко сетовали на депрессию 1820-х годов и с тоской вспоминали на редкость благоприятные годы войны, их положение было куда легче, чем у прусских землевладельцев. То же можно сказать и о русских помещиках, которые в этот период значительно меньше были вовлечены в международную торговлю зерном, чем прусские²⁸.

Однако, когда в 1870-х годах сельское хозяйство охватила Великая депрессия конца девятнадцатого века, она отразилась на землевладельцах всей Европы, поскольку к этому времени щупальца рынка проникли во все ее уголки. Основной причиной

* Имеются в виду ряд принятых Англией законов, которые с помощью высоких пошлин регулировали ввоз и вывоз зерна и др. сельхозпродуктов.

падения цен на сельхозпродукцию был выход Европы на мировой рынок. Перед сельским хозяйством уже открылись обширные территории Нового света. Производство зерна получило бурное развитие в Северной Америке, животноводство — в Южной Америке, а овцеводство — в Австралии. Стоимость продукции, произведенной на колониальных целинных землях была ниже, чем в Европе. Транспортные расходы стремительно падали; судя по обычно приводимым цифрам, с конца 1860-х до начала 1890-х годов стоимость морских перевозок пшеницы из Чикаго в Ливерпуль снизилась на 75 процентов. Тем временем, появление судов-рефрижераторов позволило транспортировать мясо на большие расстояния²⁹.

Депрессия отразилась на всем сельском хозяйстве Европы, но наибольший удар пришелся на крупные поместья, главным образом, по трем причинам. Во-первых, сельское хозяйство в дворянских поместьях было преимущественно ориентировано на производство зерна, а во-время депрессии больше всего пострадало именно зерновое земледелие. Между 1808 и 1866 гг. процент выращивания зерновых культур в Англии и Уэльсе поднялся с 40 до 58 процентов. Огромные хлебные поля в южных российских степях в эти десятилетия пустовали. В северо-восточных провинциях Пруссии, на родине дворянского земледелия, в девятнадцатом веке также наблюдалось усиленное расширение производства зерна за счет освоения прежде не возделываемых земель. Когда же в 1870-х годах в Европу стало поступать американское зерно, для мелкопоместного хозяйства это превратилось в сущее бедствие. В 1850-х годах среднегодовой экспорт зерна США в Европу составлял 5 миллионов бушелей. К 1875—1879 гг. он достиг 107 миллионов. Цены падали до тех пор, пока не были установлены тарифы: в 1894 г. минимальные цены на английскую пшеницу соответствовали всего третьей части от уровня 1867—1868 г. В Пруссии цена на пшеницу при наименьшем уровне (1901—1905 гг.) была на 20 процентов ниже, чем в 1871—1875 гг., а цены на рожь упали на 25 процентов. По сравнению с застоєм в 1820-х годах, сельскохозяйственная депрессия конца века сказалась на Англии и Пруссии противоположным образом, в основном, потому что на этот раз прусские фермеры оказались защищенными, а англичанам пришлось испытать на себе всю тяжесть международной конкуренции³⁰.

Второй главной проблемой, с которой столкнулось дворянское земледелие, было повышение стоимости рабочей силы. В России тариф ежедневной заработной платы сельских работников вырос на 40 процентов между 1882—1891 гг. и 1911—1914 гг., прав-

да, региональные различия были тут весьма велики. То же самое происходило в Германии. Так, например, королевство Саксония, где оплата сельскохозяйственного труда между 1896 и 1911 гг. повысилась на 50 процентов, переманило к себе из восточных поместий многих работников, что вызвало гнев юнкеров. Однако быстрое увеличение оплаты труда было характерно даже для восточной части Пруссии: как и в Англии, этому преимущественно способствовали железные дороги, облегчившие доступ к городам, а также вызванная дефицитом рабочей силы конкуренция с промышленностью. В первой половине девятнадцатого века на сельском юге Англии, как и в восточной Пруссии, отмечался быстрый рост населения, изрядный излишек рабочей силы и весьма низкая заработная плата. В северной Англии, где как и в западной Германии, была сильно развита промышленность, приходилось гораздо щедрее оплачивать труд сельскохозяйственных рабочих. Однако в последней четверти девятнадцатого века из сельской южной Англии, да и из восточной Пруссии начался отток рабочей силы. Даже там (как, например, в Пруссии), где политические и законодательные репрессии не позволяли рабочим объединяться в союзы, перемена рыночных условий порождала у рабочих нувства большей собственной значимости и востребованности. Даже крайне консервативные протестантские священники в Восточной Пруссии приветствовали тот факт, что баланс сил изменился в сторону лучшего отношения к труду, и не только в материальном аспекте, но также в части уважения к достоинству работников. Символично, что юнкера оставили привычку обращаться к своим рабочим с бесцеремонным и презрительным «du» («ты»)³¹.

По сравнению с крестьянским семейным фермерством помещичий управленческий аппарат был чрезмерно велик и лишен гибкости. При низкой цене на зерно землевладельцы были вынуждены по-прежнему выплачивать ту же заработную плату, тогда как крестьяне могли работать усерднее, сократить расходы и даже ограничиться самими необходимыми средствами существования. Однако в дворянском сельском хозяйстве главнейшим источником расходов был, по-видимому, сам аристократ. Слова, брошенные Ллойд-Джорджем в 1911 году, что герцог стоит больше ланкара, имели под собой основание. Немногие крупные аристократы имели возможность — а иногда и желание — финансировать сельское хозяйство за счет других доходов, но большинство брали от земли гораздо больше, чем ей давали. Приличествующий аждентльмену образ жизни, тем паче славу земельного магната, непросто было поддерживать за счет доходов от промышленности, которые стремительно шли на убыль, не говоря уже о сравни-

тельно падающих доходах от других источников. Правда, ввиду депрессии аристократический стиль жизни можно было ограничить. Роберта Маннинг описывает, как в 1890-х годах младшее поколение русской знати решило сохранить и развить свое состояние, ведя скромный образ жизни, вкладывая доходы обратно в сельское хозяйство. В Англии во время депрессии сокращались расходы, а в некоторых случаях даже сдавали внаем на большую часть года поместные особняки. Но ни один аристократ не мог уменьшить свои траты до уровня крестьянина, не отказавшись от всех притязаний на положение и уважение в обществе, не говоря уже о том, что ему пришлось бы стать свидетелем того, как его собственность рушится в пух и прах. Прежде крестьянина он вынуждаем был распродать свое имущество и искать счастья в городе³².

Хотя депрессия в равной степени ударила по сельскому хозяйству Британии, Германии и России, но о последней стоит сказать особо. Вплоть до 1914 г. сельское хозяйство России, по английским и германским меркам, в целом оставалось отсталым. В то же время проблема, перед которой оказались Германия и Британия, старавшиеся прекратить засилие на внутреннем рынке дешевого иностранного зерна, русских не коснулась. Напротив Россия сама была крупным экспортером зерна, причем до 1914 г. самым крупным в мире.

Проводя отмену крепостного права в 1861 г., русское правительство наметило стратегию, которая в общих чертах совпадала с планами аграрной реформы, разработанными мятежником-декабристом П. И. Пестелем и другими радикалами в 1825 г. Вся земля делилась приблизительно пополам. Предполагалось, что община с ее надельным земледелием и запретом продажи своего надела предохранят русских крестьян от дифференциации, обнищания и пролетаризации, которые стали уделом большинства их прусских собратьев. На некоторое время они будут хотя бы частично ограждены от мощи капиталистического рынка. А когда экономика разовьется настолько, чтобы обеспечить бывшим крестьянам рабочие места в промышленности, с общиной можно будет покончить, безболезненно и мирно. Тем временем на своей половине земли русское дворянство могло следовать примеру своих прусских собратьев по классу, развивая капиталистическое сельское хозяйство³³.

Но эта стратегия провалилась. Община сдерживала развитие крестьянского земледелия, а огромный прирост сельского населения вызвал в некоторых районах сильный земельный голод. Да и большинство дворянских поместий не превратилось в совре-

менные капиталистические предприятия. На пути к эффективному сельскому хозяйству стояло множество препятствий. Среди них — извечные проблемы русского земледелия: неплодородные северные почвы, суровый и непредсказуемый климат, короткий сельскохозяйственный сезон. В ряде районов также и доступ на рынки был долгое время сопряжен с трудностями. Большая часть дворян никогда не были предпринимателями, и им было трудно справиться со строгими правилами капиталистического сельского хозяйства³⁴. Работники сплошь и рядом не отвечали требованиям: они были неквалифицированы, разболтаны и дисциплинировать их было невозможно. Учитывая размер дворянских владений, отношение капитала к выраженной в акрах площади земли нередко было весьма низким, а управление огромными латифундиями порождало административные проблемы. Если бы у советских руководителей достало ума и терпения изучить некоторые уроки дворянского земледелия конца девятнадцатого века, они, право, избежали бы многих провалов крупномасштабного коллективного хозяйства.

Пожалуй, самое большое по значению препятствие развитию капиталистического сельского хозяйства в России по прусскому образцу заключалось в пугающем контрасте между большими трудностями и риском, с которыми сталкивался крупный капиталистический фермер, в особенности в период депрессии, и гораздо более простыми путями, доступными русским помещикам, жаждавшим надежного дохода и спокойной жизни. Даже такому выдающемуся специалисту по сельскому хозяйству, как помещику Сергею Бехтереву, который владел превосходным поместьем в Орловской губернии в конце девятнадцатого века, было крайне трудно поддерживать дворянский образ жизни на доходы, получаемые при ведении хозяйства по капиталистическому образцу. А при том, что стоимость земли с 1861 по 1914 гг. стремительно возрастала, искушение продать свои земельные владения частично или целиком, чтобы поместить вырученные деньги в облигации или долевого капитал, было слишком велико. «В период между 1862 и 1912 гг. дворянские земли повысились в цене на 443 процента, в размерах же сократились более, чем наполовину <...>, в 1910 г. из 137825 дворян, проживающих в С.-Петербурге, 49 процентов существовали на доходы от ценных бумаг»³⁵.

С другой стороны, дворянин мог не распродавать свои поместья, а наблюдать, как взвинчиваются на них цены, и получать гарантированный доход, сдавая землю в аренду местным крестьянам и не подвергая себя неоправданным расходам и риску капиталистического хозяйствования. В то время, как в Англии цены

на землю в период Великой депрессии падали, в Уэльсе они оставались стабильными, и Ф. М. Л. Томпсон объясняет это различие «постоянным земельным голодом среди крестьянства». Арендная плата за землю, которую должны были вносить крестьяне, делало доходное капиталистическое хозяйство невозможным. Но во многих регионах России и Украины земельный голод вынуждал их идти на это. В результате дворянам, распоряжавшимся землей подобным образом, пришлось заплатить политической ценой в стране, где крестьяне никогда не испытывали уважения к частной собственности, а среди интеллигенции были сильны социалистические симпатии, дворянство, превратившее свои поместья в образцовые сельскохозяйственные предприятия, могло бы укрепить законность своего благосостояния. Разве трудно было увидеть, что эксплуатация крестьянского земельного голода посредством ренты ничто иное, как паразитизм. Но и положение мелкопоместного дворянина было нелегким. При дефиците земли землевладелец, который отказывался сдавать ее в аренду и сам занимался сельским хозяйством, лично осуществляя надзор над работниками и стараясь обеспечить усердный труд и дисциплину, также, скорее всего, не нашел бы поддержки в обществе. Растущая классовая напряженность и шаткое положение в деревне, приведшие к взрывам 1902—1906 гг., лишний раз побуждали дворян избавляться от своей земли. Вслед за событиями 1905 г., в районах, которые более всего пострадали от беспорядков, началась массовая продажа земель³⁶.

К началу двадцатого века роль дворян в русском сельском хозяйстве была уже второстепенной. К 1914 г. подавляющее большинство крупного рогатого скота принадлежало крестьянам; они же производили 78 процентов поступающего на рынок зерна. Будущее русской деревни гораздо меньше зависело теперь от дворян, чем от способности крепких хозяев-крестьян преобразовать сельское хозяйство в капиталистическое, используя беспрецедентные возможности, которые давали им грамотность, кооперация, растущий городской рынок и столыпинские земельные реформы. Тем не менее, нельзя вовсе сбрасывать со счетов и значение дворян. В крупном лесном хозяйстве и сахарной промышленности они играли первостепенную роль. Принадлежащие им стада, как правило, по качеству превосходили крестьянский скот, а в части злаковых культур в крупных дворянских поместьях, по самым скромным оценкам, производилось на 50 процентов больше зерна с гектара, чем на крестьянских наделах. Поскольку крестьянское сельское хозяйство большей частью оставалось отсталым, образовательная роль прогрессивного помещного дво-

рянства в России по-прежнему имела гораздо большее значение, чем в Германии и Англии³⁷.

В отличие от России, Германия и Англия периода позднего викторианства, во многом, по-видимому, были схожи, хотя бы уже тем, что представляли собой индустриальные и урбанизированные общества. Однако судьба сельского хозяйства этих двух стран была как нельзя более различной. В период между 1870—1876 гг. и 1904—1910 гг. производство зерна в Британии упало с 25,5 до 13 процентов от величины всей ее сельхозпродукции. Продукция животноводства возросла от 58,6 до 71,5 процентов. В Британии цены на пшеницу в 1894—1898 гг. в среднем составили половину уровня 1867—1871 гг., тогда как в Германии между 1871—1875 гг. и 1901—1905 гг. максимальное падение цен было 20 процентов для пшеницы и 25 процентов для ржи. В предвоенной Германии процент пахотных земель по существу увеличился, а цена на юнкерские поместья стала вновь стабильно повышаться. В Англии арендная плата и цены на землю сильно понизились. В среднем падение между 1874—1878 гг. и серединой 1890-х годов составило 26 процентов, причем на пахотные юго-восточные земли — 41 процент, а на самые легкие (рыхлые) и самые твердые почвы — даже больше³⁸.

Легкие почвы Восточной Англии были родиной новаторства и предпринимательства в период английской сельскохозяйственной революции, однако во время депрессии они очень сильно упали в цене. Между 1873 и 1894 гг. стоимость земли в Норфолке уменьшилась вдвое, а арендная плата понизилась на 43 процента; две трети джентри Норфолка продали свои поместья. Не удивительно, что прусское дворянство, которое в основном вело свое хозяйство даже на более легких и песчаных почвах, с ужасом следило за развитием событий по другую сторону Северного моря. «Без тарифов, — считает С. Б. Уэбб, — крупные поместья не разорились бы, но сокращение рабочей силы, годового дохода и основного капитала было бы неизбежно». Многие прусские дворяне не разделили бы даже этот «оптимистический» взгляд. Печальная судьба незащищенного английского земледелия была тем оружием, которым они охотно потрясали в своих речах, ибо как однажды выразился барон Хеерманн, «долг государства <...> не допустить падения сельского хозяйства до уровня, какого оно достигло в Англии, пусть даже для этого необходимо классовое законодательство». Вильгельм фон Карддорф, лидер Свободной консервативной партии, предсказывал, что если Пруссия последует примеру Англии, восточные поместья попросту станут охотничьими угодьями для богатых бизнесменов³⁹.

Относительное процветание сельского хозяйства в Германии было приобретено ценой защитных тарифов и ожесточенных политических споров, которыми историческая литература переполнена и по сей день. С позиций 1990-х годов, некоторые современные нападки на юнкеров кажутся несправедливыми. Когда дело касается обеспечения защиты сельского хозяйства, фермеры современных либерально-демократических государств ведут себя не менее решительно и успешно, чем юнкера до 1914 г. — и это в гораздо более урбанизированных обществах, чем была в тот период Имперская Германия. В то же время крепкая защита сельского хозяйства современной Германии и Японии не помешала им выдвинуться на передний план в международной торговле и технологии. Даже сугубо националистическая критика Макса Вебера в адрес юнкерства, которое он справедливо обвинял в привлечении польской рабочей силы в восточные пограничные районы, звучит несколько тягостно для слуха нынешних людей, не питающих большой симпатии к национализму и относящихся к миграции рабочей силы через границы с позиций логики международной капиталистической экономики. Конечно, дебаты о протекционизме в Имперской Германии никогда не носили только — или даже преимущественно — экономического характера. Да и к тарифам относились в целом отрицательно, потому что они защищали интересы могущественной юнкерской элиты, которую многие немцы ненавидели и с радостью уничтожили бы. И выудить правду о состоянии дел дворянского земледелия в кайзерской Германии из-за огневой завесы пропаганды, порожденной этим конфликтом, ой как непросто!⁴⁰

С одной стороны, создается впечатление, что во время Великой депрессии крупные восточные поместья потеряли свое неоспоримое первенство как прогрессивные сельские хозяйства. После 1840-х годов зажиточные крестьяне частично освободились от финансового бремени, легшего на их плечи сразу после освобождения от крепостной зависимости, в большей степени приобщились к образованию и научным сельскохозяйственным технологиям, а также не были, как правило, обременены большими долгами — не в пример восточным помещикам, которые в 1850-х и 1860-х годах продолжали с особым усердием заниматься земельными спекуляциями. Крупнейшей группой передовых аграрных хозяйств к 1900 г. были небольшие фермы в Саксонии, выращивающие сахарные и корнеплодные культуры, но даже на востоке сторонники мелкомасштабного сельского хозяйства заявляли, что крестьяне-новоселы получают по 266,2 немецких марок с гектара от животноводческой и зерновой продукции против всего

213,9 немецких марок, которые давали крупнопоместные хозяйства. Новосельские фермы, благодаря своим размерам, были удобнее в управлении, не требовали больших затрат на рабочую силу, гораздо лучше удобрялись навозом и, согласно утверждению Эрика Кемпа, производили на 25—90 процентов зерна с гектара больше, чем местные крупные хозяйства⁴¹.

Тем не менее, неэффективность юнкерских хозяйств была излишне преувеличена критиками, как и возможность легкого перехода к формам крупномасштабного сельского хозяйства, включавшего в себя не только выращивание зерна. «Большинство фермеров из восточных территорий, — утверждает Д. А. Перкинс, — не могли откармливать на мясо крупный рогатый скот или создавать молочные фермы на базе постоянных пастбищ вследствие неплодородности почв». Между 1873 г. и 1910 г. сельское хозяйство Германии значительно продвинулось, заняв ведущее место в мире по применению науки в сельском хозяйстве и став в один ряд с британским по урожайности зерновых с акра земли. Важную роль в этом сыграли крупные поместья. В периоды 1899—1903 гг. и 1904—1908 гг. урожай пшеницы с гектара возрос на 29 процентов, а ржи (зерновая культура юнкерских хозяйств *par excellence* — на 36 процентов, отчасти потому что все шире применялся севооборот, при котором зерновые культуры чередовались с корневыми. По-прежнему хороший доход давал картофель, выращиваемый для перегонки на спирт, и сахарная свекла, которые хорошо произрастали в крупнопоместных хозяйствах. Как заключает Перкинс: «Юнкера, производящие сахарную свеклу и картофельно-алкогольную продукцию, далеко не отвечали образцам, известным по исторической литературе. Они практически совершили полную метаморфозу — из феодальных землевладельцев XVIII века, чье родовое имущество требовало от них службы прусскому государству, они превратились в главных акул «агробизнеса», в котором наиболее прогрессивнейшее сельское хозяйство объединялось с промышленными предприятиями, основанными на передовых технологиях и принципе получения максимального дохода»⁴².

Как в Германии, так и в Англии, вследствие бурного роста и процветания городов увеличивался спрос на мясную и молочную продукцию. В Германии ее преимущественно производили на крестьянских фермах в центральном, западном и южном регионах. В Англии региональное деление было еще четче выражено: десять ведущих графств по производству зерна, располагались на востоке, а десять ведущих в молочной продукции — на севере и западе. Среднее уменьшение арендной платы, составлявшее 26

процентов в период с середины 1870-х до середины 1890-х годов, сгладило различия между снижением платы на 41 процент в южно-восточных пахотных регионах и 12 процентами в северо-западных скотоводческих, причем в последних оно в период общего падения цен катастрофическим отнюдь не было. Между 1858 и 1881 гг. герцог Сатерлендский потратил 100000 фунтов стерлингов на строительство и осушительные работы в своем живоино-водческом поместье в графстве Шропшир, но его капиталовложения окупились тем, что он пережил депрессию без каких-либо общих снижений арендной платы. Однако герцог Бедфорд, также потративший десять тысяч фунтов в борьбе с депрессией, улучшая земли в окружающих Лондон графствах (Мидлсекс, Эссекс, Кент, Сурей) обнаружил, что его инвестиции ничего не решили: дорогостоящий переход от пахотных земель к пастбищам не окупился, и значительное снижение арендной платы было неизбежно⁴³.

Хотя упадок британского земледелия в период Великой депрессии проявлялся в разных регионах по-разному, общее положение дел в сельском хозяйстве по сравнению с британской промышленностью, так и с иностранными фермами, было незавидным. По утверждению К. О'Града, «столкнувшись с иностранной конкуренцией, сельское хозяйство Британии выглядело не лучшим образом, по крайней мере, судя по чрезвычайно медленному общему росту продуктивности». Главным фактором здесь являлась защищенность: так, к 1890-м годам тарифы на германскую пшеницу соответствовали 30 процентам от британских цен и 40 процентам от французских. Тем не менее, как утверждает Эвнер Оффер, защищенность не являлась единственной составляющей «Британия была не единственной страной с открытой экономикой. Бельгия, Голландия и Дания разрешили свободный ввоз зерна, при этом не прекратив выращивать его сами. Все три страны умеренно сократили этот сектор сельского хозяйства, с лихвой компенсировав его усиленным развитием животноводства. Дания, в частности, завоевала часть британского рынка, поставляя сыр, масло, бекон и яйца, тогда как Бельгия расширила производство скота для домашнего потребления»⁴⁴.

Пытаясь найти причины плохого функционирования британского сельского хозяйства, с точки зрения международных стандартов, Оффер рассматривает такие факторы, как транспорт, почвы, потребительские вкусы и механизацию; слабым местом Британии, имевшим, по его мнению, роковые последствия, являлась система земельной аренды. Ради престижа обладания землей аристократы поддерживали цены на землю на уровне, не со-

ответствующем ее сельскохозяйственной ценности. Но прежде всего британским фермерам вредило чрезмерное, по международным масштабам, число наемных работников и низкий уровень семейного участия в трудовом процессе. Кроме того, им приходилось поддерживать не только чрезвычайно состоятельную и живущую на широкую ногу аристократию, но также и класс крупных фермеров, которые, не выполняя никакой физической работы сами, желали жить относительно беззаботно и комфортно, по меркам Америки и континентальной Европы. По мнению Оффера, «хижина бедняков» попросту оставила поместный особняк далеко позади. Тезис Оффера подтверждают выводы О'Града. В качестве подтверждения своего мнения О'Град с одобрением цитирует одного современного специалиста, объясняющего, почему в Восточной Англии, где многие местные арендаторы и лендлорды обанкротились, процветали шотландские фермеры-иммигранты: «они и их семьи работают не покладая рук. Шотландские женщины без дальних слов берутся за работу, делать которую ни одной жительнице Суффолка даже в голову не могло придти». Сами шотландские фермеры «обычно берут на себя работу бригадиров или управляющих; когда поутру приезжают их работники, они уже на посту и продолжают заниматься делами фермы, когда те вечером отправляются домой»⁴⁵.

Глава 4. Источники благосостояния: лесное хозяйство

В 1800 г. леса в Великобритании занимали менее миллиона гектаров, половина из которых находилась в Англии. Для английской аристократии девятнадцатого века, за редким исключением, лесное хозяйство играло второстепенную роль. Однако этого отнюдь нельзя сказать о Германии и России. Многие германские и русские аристократы, в особенности после отмены крепостного права, большую часть своего дохода получали от лесных угодьев. Прежде всего это относилось ко всем землевладельцам западной Германии и наиболее северных регионов российского нечерноземья¹.

В 1800 г., в Западной Европе преимущественно преобладали лиственные леса, а на севере и востоке континента — хвойные. Более мягкий и влажный климат запада (благодаря теплоте Гольфстрим) в большей степени благоприятствовал развитию лесоводства, нежели резко континентальный климат восточных равнин. На востоке снежный покров обычно лежал по четыре месяца в году, а почвы, в особенности в северо-восточной части Европы, были неплодородными и рыхлыми. В результате на западе деревья произрастали быстрее, а леса отличались большей густотой. Поэтому они также считались более ценными.

В Германии лиственные породы из лесов Саксонии, Вюртемберга и Бадена имели большую стоимость, нежели продукция (во всяком случае, более редких) восточных хвойных лесов Пруссии. В лесах было много прогалин, особенно в Бранденбурге, нижней Померании и восточной Пруссии, и количество лесоматериала, которое получали с гектара этих угодьев было гораздо ниже, например, среднего показателя Австрии. В 1860-х годах подлесья (Niederwald) Рейнской области могли вырубаться каждые 6—12 лет, но в восточных землях во избежание обезлесивания требовался интервал в 40 лет².

В российском нечерноземье нередко положение складывалось еще хуже. Вследствие более сурового климата и менее плодородных почв для произрастания деревьев требовалось больше света,

и леса становились менее густыми. Короткий теплый сезон, сильные ветры и нерегулярные дожди не содействовали лесоводству. Сравнивая неблагоприятные природные условия в России с Западной Европой, Фридрих Арнольд отмечал, что русским «для того, чтобы получить определенное количество древесины, требуется вырубить большую территорию леса, чем немцам, французам и итальянцам; еще важнее, что для поддержания лесов, нужно применять более разнообразные методы, чем за границей; и, главное, нужно с большой оглядкой разрешать рубку леса или выгон туда скота». В начале двадцатого века в Бадене получали больше древесины от хвойных 20-летних деревьев, чем в С.-Петербургской губернии, где на выращивание подобных лесов уходило в четыре-шесть раз больше времени³.

После отмены крепостного права в Германии и России леса преимущественно принадлежали одной из трех групп: государству, крупным землевладельцам, как правило, дворянам, и крестьянам. В Баварии большая часть лесных угодьев принадлежала крестьянам. В европейской части России 68,6 процентов земли находилось во владении государства. Напротив, в Пруссии в 1855 г. 13,9 миллионов гектаров леса из общего числа, равного 25,6 миллионам, являлось частной собственностью — как правило, крупных землевладельцев. Однако обобщенные статистические данные зачастую больше скрывают, чем отражают истинное положение дел. Например, в Восточной Пруссии государство владело большей частью лесных угодьев, тогда как в Мюнстере, в преимущественно польском районе Познани и в округах Оппелн и Легниц (Силезия), леса фактически целиком принадлежали частным землевладельцам. В потсдамском округе Бранденбурга, государственные владения приблизительно равнялись частным⁴.

Гораздо более важное значение имели региональные различия в России. Более трех четвертей государственных лесов находилось в пяти самых северных губерниях, европейской части России. Однако большая часть Архангельской, Вологодской, Пермской, Олонецкой и Вятской губерний представляли собой девственные территории, огромная протяженность которых и отсутствие сообщений препятствовали коммерческому использованию лесов. Если не считать этих пяти огромных губерний, то в России преобладали частные лесные владения. На остальной ее европейской части 49 миллионов десятин занимали лесные массивы, менее четверти которых принадлежало государству, а преимущественная часть находилась в руках знати. В двадцати восьми из сорока девяти губерний более половины лесных угодьев было за частными землевладельцами⁵.

В России, как и в Германии, львиную долю крупнейших поместий обычно составляли леса. В Пермской губернии, родине уральских магнатов, концентрация дворянской лесной собственности в России была наивысшей. В Германии дворянские поместья величиной свыше 2500 гектаров содержали более высокий процент лесов, чем более многочисленная группа имений в 500 гектаров и выше. Из перечисленных Гэбичем шестнадцати поместий площадью свыше 20000 гектаров, все они почти на 70 процентов были покрыты лесами. Леса ценились очень высоко. Так, в 1910 г. поместье принца Штольберг-Вернигеродского в Оттовальде (Верхняя Силезия), которое содержало 26517 гектаров леса, было продано за 17 миллионов марок. В Силезии, однако, крупные владельцы лесных угодьев могли с равным успехом быть и важнейшими промышленными тузами. Но прежде всего леса являлись первостепенным источником дохода *Standesherrn*, крупнейших собственников в западной, южной и центральной Германии⁶.

К счастью для крупных землевладельцев, в течение девятнадцатого века цены на лес сильно поднялись. Если уголь как топливо вытеснил дрова, то эта потеря была с лихвой компенсирована широко развернувшимся строительством деревянных кораблей и домов, а, начиная с 1840-х годов, стала с огромной скоростью возрастать потребность в дереве для железнодорожных шпал и крепежных стоек. Цены на лес в Германии плавно поднимались на протяжении всего восемнадцатого века, но в период между 1780 и 1810 гг. резко подскочили; затем с 1830-х годов вновь поднимались с все нарастающей скоростью вплоть до 1870-х годов, когда в течение шести лет упали в среднем на 30 процентов. Однако в 1880-х годах начался новый период роста цен, который продолжался до 1914 г. В 1850-х годах князья Фюрстенберги подсчитали, что всего за шесть лет стоимость их лесных угодьев удвоилась. В период между 1780-ми и 1860-ми годами доход от лесных угодьев семейств Гессианов фон Буттлар-Элбербергов и фон Дэрнбергов приумножился в десять раз⁷.

Доходы от лесного хозяйства — в особенности в век, предшествующий развитию железных дорог, — отличались в зависимости от региона, не говоря уже о качестве леса; главную роль здесь играла величина местных потребностей и сложность транспортировки при условии бестарности перевозок. В 1870-х годах гектар леса в Клеве (Рейнская область) приносил в семь раз больший доход, чем в Восточной Пруссии. В девятнадцатом веке этот разрыв уменьшился, частично благодаря тому, что с возросшей квалификацией управляющих восточным лесным хозяйством увеличи-

чились и объемы поставляемого леса. При всем при том, в 1865—1869 гг. доход с гектара лесных угодьев в королевстве Саксония был в 2,5 раза выше, чем в Баварии и вчетверо выше, чем в Пруссии. В 1875—1879 гг. кубометр дуба стоил 32 марки в Трире, в сердце индустриальной Рейнской области, и всего 20 марок в отдаленной Восточной Пруссии. Только с развитием железных дорог стало возможным реализовать огромный потенциальный доход от лесного хозяйства в Баварии. До 1850 г. заготовленный лес в огромном количестве попросту гнил, из-за того, что плохое сообщение делало его использование убыточным⁸.

Еще более резкими были региональные различия в России. В конце 1880-х годов доходы с одной десятины государственного леса колебались от 3 копеек в Костромской, Пермской, Вологодской, Вятской и Архангельской губерниях до 5 копеек в густонаселенных и малолесистых Тульской и Харьковской. Гораздо больше были различия между частными владениями. В западных губерниях в 1870-х годах. прибрежные районы были обезлесены вследствие усиленной торговли лесоматериалами через Балтийское и Черное моря, тогда как в более отдаленных районах Смоленска, Минска и Могилева коммерческое лесоводство оставалось убыточным. Строительство железных дорог дало лесному хозяйству новую жизнь — и не только благодаря потребности в древесине для шпал, но и вследствие открывшегося доступа на рынки сбыта. Когда в 1860-х годах вблизи брянских лесов (Орловская губерния) прошла железная дорога, цены на лес мгновенно взлетели. К двадцатому веку стало возможным использовать даже могучие леса уральских магнатов. В 1903—1905 гг. Строгановы в среднем получали за свой лес 168000 рублей чистого дохода в год и 599500 рублей — в 1910-е. Однако в столь отдаленном районе предельно возможные доходы с гектара оставались низкими: запустить опытных десятников было крайне трудно, цены на древесину лесоторговцы давали разорительные, а завлечь их в эту тауш можно было, лишь предоставив им почти что *carte blanche*⁹.

Превращение лесного хозяйства в коммерческую структуру усилило напряженность между дворянами и крестьянами как в Германии, так и в России. При крепостном праве крестьянам позволялось рубить лес для строительного материала и топлива. Им также разрешалось пасти там скот. Теперь леса превратились в ценную частную собственность, эффективное использование которой, не говоря уже о рентабельности, требовало, чтобы крестья-

* Свобода действий (франц.).

янам и их скоту доступ в них был закрыт. Возникшие в результате этого конфликты содействовали как повсеместным беззакониям, творимым на селе, так и революциям 1848 г. и 1905 г.¹⁰

Коммерциализация могла также привести к более интенсивному и основанному на научных достижениях лесоводству, которое позволило бы существенно повысить производство древесины без ущерба для лесов, а иногда даже с увеличением лесных угодьев за счет искусственных посадок. Здесь лидерство принадлежало германцам, ставшим такими же новаторами интенсивного лесоводства, каковыми англичане являлись в прогрессивном земледелии. Благодаря тщательному изучению деревьев, почв и климата, интенсивное лесоводство позволяло определить, какие части леса, а со временем даже какие именно деревья следует срубить, как долго необходимо проводить ротацию, и где желательно обновить лес искусственными насаждениями. Чтобы дело поставить на прибыльные рельсы, нужно было знать, сколько лесоматериала может без ущерба для себя дать данное угодье и какие виды деревьев лучше всего подходят для него в коммерческих целях. По этому пути могли благополучно следовать лишь наиболее крупные землевладельцы, поскольку стоимость трудовой силы из расчета на гектар в небольших лесах была значительно выше, тогда как богатые дворяне скорее могли себе позволить строить постоянный доход на систематической вырубке 1—2 процентов своих деревьев, чем на стремлении к случайной одноразовой прибыли от сплошного лесоповала. Поскольку наиболее выгодно и эффективно оказалось рубить лес самим и иметь собственные лесопильные заводы значительные запасы лесоматериала и наличие соответствующего капитала здесь оказывались весьма кстати¹¹.

На протяжении девятнадцатого века в Германии ухаживали за лесами со все возрастающим умением и тщательностью. В первой половине столетия, возможно, многие землевладельцы, подобно принцу Пюклеру, опустошили свои леса, чтобы оплатить долги. Даже в 1850-х и 1860-х годах, в особенности на востоке, высокие цены на сельскохозяйственную продукцию побуждали в некоторых округах рубить леса и превращать их в пахотные земли. Однако в других местах, где доходы от лесного хозяйства были очень высоки, подобного искушения не возникало. В 1862 г. прусский специалист по лесоводству Е. В. Марон отмечал, что в последние годы произошли значительные прогрессивные сдвиги. Быстро распространялись эффективное управление и научное планирование, а также получившая широкое распространение пересадка саженцев. Произвольная рубка деревьев, как и на-

дежда на то, что природа сама восстановит нанесенный ей ущерб, стали делом прошлого. Описание крупных лесных владений Арнимов в Саксонии и Фюрстенбергов в Шварцвальде созвучно замечанию Марона¹².

Совсем иначе обстояли дела в России, хотя положение было не совсем безнадежным. Рубнер, например, утверждает, что в девятнадцатом веке, несмотря на уничтожение большого числа лесных массивов (с 1804 по 1914 г. треть лесов в центральной и южной России исчезла), российское правительство, не в пример Соединенным Штатам, имело, по крайней мере, какую-то лесную политику. Согласно Рубнеру, хотя закон о лесоводстве 1888-го года и не лишен многих недостатков, он оказался бесполезен. Более того, к 1880 г. в России появились собственные специалисты по лесному хозяйству, а также собственные семена и оборудование, благодаря чему отпала необходимость для потенциального рационализатора импортировать из Германии дорогостоящие знания и товары. У Арнольда и у Анфима приводятся примеры частных лесных хозяйств, где эффективное управление основывалось на современных методах, причем Арнольд добавляет, что такое встречалось в каждом районе. Между тем, несмотря на то, что до 1914 г. уже вводились некоторые преобразования в двух крупнейших районах частного лесовладения, а именно, на Урале и в районе Западной Двины, леса по-прежнему вырубались даже в период, непосредственно предшествующий войне. На Урале крах местной металлургической промышленности толкал некоторых магнатов к тому, чтобы возместить потери за счет лесного хозяйства. Огромные потребности Германии и Англии в древесной массе, бочарных клепках и крепежных стойках удвоили экспорт молодых еловых и сосновых пород между 1901 и 1908 гг., что вело к губительным последствиям для лесов региона¹³.

Д. К. Браун, шотландский специалист по лесоводству, посетивший западную Россию спустя двадцать лет после отмены крепостного права, вынес из своей поездки мрачные впечатления. Хотя некоторые частные леса, например, в Курске, «сохранились в довольно удовлетворительном состоянии», обстоятельства, побуждавшие дворянство стремиться немедленно получать высокую прибыль были весьма настоятельны. Лучшее, что можно было сказать о приднепровских частновладельческих лесах, это то, что они «не полностью истощены». Мыслить перспективно вышло из моды после освобождения крестьян. Что касается, скажем, посадки лесов, то «пока помещики пользовались крепостным трудом, этим в своих владениях занимались многие, но нынче перестали, и теперь коммерческие соображения на многие годы пре-

рвали медленный процесс выращивания леса <...> Управляющий, немец по происхождению, на ответственности которого находился целый ряд поместий под Киевом <...> сказал <...> что русские землевладельцы крайне непредусмотрительны, крайне беспечно относятся к завтрашнему дню, и побудить их сажать деревья, которым для полного роста нужно 170 лет, затруднительно»¹⁴

Среди прочего расточительное и хищническое отношение к лесам русских дворян объяснялось колониальным менталитетом, весьма схожим с менталитетом, преобладающим в Соединенных Штатах. При многовековой истории расширения границ и захвата обширных пустующих земель рачительное отношение к природе никогда не получало развития. Во многих случаях, по мнению Фридриха Арнольда, понимание того, что леса могут быть непоправимо погублены, почти полностью отсутствовало. В качестве еще одного объяснения хищнического отношения русских к своим лесам можно привести также часто цитируемое утверждение Гаукстгаузена, что дворянские семьи не отличались большой привязанностью к поместьям и редко удерживали их более трех поколений. Не все вышеприведенные аргументы равно убедительны. Если бы долговременное владение поместьем одним семейством гарантировало заботливое и бережное управление им, то между лесными хозяйствами центральной России и ее западными и южными пограничными районами, по всей вероятности, возникло бы ярко выраженное различие. Но ни о чем подобном в литературе не упоминается. К тому же, правомерно задать вопрос, почему прусское дворянство, которое, как известно, до 1806 г. охотно продавало и обменивало свою недвижимость, во второй половине девятнадцатого века оказалось намного бережливее русских в отношении к своим лесам.

Более простое объяснение проблем русского частного лесовладения дано Арнольдом. В России, в отличие от Германии, очень немногие дворяне непосредственно занимались лесным хозяйством, однако те, кто это делал, внимательно следя за рыночными ценами, обычно процветали. Как и во Франции, большинство землевладельцев продавали лес на корню подрядчику на (кубические) сажени, или делянками, или целыми лесами. Там, где вырубка шла целиком, угоды в результате этого всегда опустошались, а землевладелец нес крупные потери. Даже, при продаже отдельных участков, это часто делалось без понимания ценности леса или необходимых для его восстановления условий. Над подрядчиками не существовало должного надзора, и ничто не заставляло их производить вырубку в строго предписанные сроки: во многих случаях, они годами «странствовали» по лесу, оставляя за

собой хаос и опустошение в таких масштабах, которые делали рост молодой поросли невозможным.

Обуздать лесоторговцев разумными контрактами не удавалось по ряду причин, среди которых можно назвать беспечность, недостаток опытных лесников, способных дать землевладельцам должный совет, а также отсутствие деловой хватки. Но основной причиной чаще всего являлось то, что землевладельцы испытывали острую нужду в наличных деньгах и были вынуждены принимать любые предлагаемые поставщиками условия, не имея даже, чем расплатиться за землемерную съемку леса до его продажи¹⁵.

Арнольд предлагает традиционное объяснение упадка русского дворянского лесовладения в духе «Вишневого сада». Просматривая приводимые им контракты, вынужденные и невыгодные, трудно не согласиться с тем, что его аргументация убедительна, равно как и с тем, что продажа дворянами своих лесов, очень часто была актом отчаяния, некомпетентности, или того и другого вместе. Все же в отдельных моментах истории лесоводства после 1861 года можно отыскать в дворянских умах намеки на рациональные расчеты, подобные тем, которыми руководствовался Беккер. М. А. Цветков, возможно, прав, доказывая, что инвестиции в лесное хозяйство, в отличие от других отраслей, приносили более низкие прибыли при большем риске и хлопотах. Если это так, то дворянам имело смысл продать свой лес и переместить капитал во что-нибудь другое. Переход, между 1905 и 1914 гг., от лесного хозяйства к земледелию на Волыни означал вступление на путь, по которому по сходным причинам в девятнадцатом веке последовали многие прусские землевладельцы и который, возможно, вполне отвечал интересам волынских землевладельцев, какими бы ни были его долговременные результаты в их губернии. Стратегия Юсуповых и Шереметевых, сменивших основной источник дохода от сельского хозяйства на торговлю лесом, с одной стороны, и на акции и облигации, с другой, также имела долговременное значение. Вскоре основной доход стал давать лес, и чистая прибыль Юсуповых к 1916 г. составила 344568 рублей, а Шереметевых в 1909 г. — 250000 рублей. Если же заглянуть еще дальше вперед, то отказ от не доходной и непопулярной аренды сельскохозяйственных угодий и переход к зависимости от акций, облигаций, лесов и нескольких образцовых сельскохозяйственных ферм — означало переход к весьма успешной стратегии выживания, осуществляемой богатым западным и южным немецким дворянством¹⁶.

Глава 5. Источники благосостояния: городская собственность

Когда в 1820-х годах принц Пюклер посетил Англию, он был поражен, узнав, что английская аристократия владеет не только огромными сельскими поместьями и особняками, но также, говоря его словами, «большей частью Лондона», которую за огромные деньги сдавала в аренду, оставляя за собой права собственности. К моменту пюклеровского визита главные лондонские владения аристократии уже прочно утвердились: большинство из них обустраивалось уже не одно десятилетие. Самые крупные были: поместье в 500 акров в Мейфер, Белгравии и Пимлико, которое в результате удачного брака перешло к семейству Гросвеноров в 1677 г.; 119 акров в Блумзбери и Ковент Гардене, принадлежащих Расселам; усадьба герцога Портлендского в Сент-Мерилебоне; и земля лорда Портмана рядом с Оксфорд-стрит. И это была лишь верхушка айсберга. Многие лондонские аристократические владения даже в 1820-х годах приносили очень большой доход. К 1830-м годам одно только поместье герцога Бедфорда в Блумзбери давало 66000 фунтов стерлингов в год, а герцог Портлендский, который к тому же владел частью Сохо, в 1828 г. получал от Мерилебона ренты в 43326 фунтов стерлингов. В период между 1821 и 1835 гг. ежегодный доход Гросвеноров от лондонской собственности увеличился с 20000 фунтов до 60000¹.

В девятнадцатом веке доход, получаемый аристократией от арендной платы за владения в Лондоне по сравнению с прочими источниками благосостояния, круто возрос. В те же годы аристократы по всей Британии стали получать большие доходы от городской собственности. «В 1800 г. только пятнадцать городов (не считая Лондона) имели население, превышающее 20000, а через сто лет число таких городов увеличилось до 185»². Как в Лондоне, так и в большинстве провинциальных городов, собственность аристократов передавалась по наследству. Они снимали сливки с развития городского общества (в которое сами вносили весьма скромный вклад), однако предоставляя землю в пользование, сохраняя за собой права собственников и контролируя за-

стройку многих городских кварталов, отнюдь не были просто праздными паразитами. Ряд городов — за небольшим исключением — это были приморские курорты — создавались аристократами в девятнадцатом веке фактически, что называется, на голом месте.

Самыми увлеченными предпринимателями из аристократов были Кавендиши. Седьмой герцог Девонширский предпринял попытку превратить поселок Барроу-ин-Фернесс в крупный город и порт, который затмил бы собой Ливерпуль. Учитывая разработку крупных местных залежей железной руды, строительство железной дороги, доков, сталелитейного завода и джутового производства, герцог потратил на Барроу свыше 2 миллионов фунтов стерлингов. Вместе со своим наследником он также построил приморский курорт Истборн. При его жизни Истборн приносил лишь небольшой доход, однако со временем повышение цены на землю в новом курорте вполне вознаградило Кавендишей. С другой стороны, Барроу, в котором в 1870-х годах дела шли с невероятным успехом, в 1880-х претерпел еще более сокрушительный крах, в результате чего герцог Девонширский, получавший, вероятно, самый высокий доход среди английских аристократов-миллионеров, опустился до положения, когда его долги также выросли до почти беспримерных размеров³.

Кавендиши, как никто из землевладельцев, хотели и могли вливать огромные суммы в строительство новых городов. Тем не менее во второй половине девятнадцатого века несколько приморских курортов были построены старанием аристократов-землевладельцев, спешащих нажиться на воскресной торговле в доступных теперь благодаря железным дорогам местах отдыха горожан. Наряду с Истбоном, Торки и Бексхилл, Скегнесс и Фолкстоун, Саутпорт и Борнмут стали памятниками вклада аристократов в строительство приморских городов. Однако воздвигнуть на голом месте город со всей его инфраструктурой и защитой от наводнений было дорогостоящим предприятием, и очень скоро выяснилось, что осилить его в одиночку большинство аристократов не в состоянии. Да и вознаграждение за владение приморскими землями часто уступало прибыли от более простого дела — развития городских владений вокруг обустроенных провинциальных городов, как уступало и рентному доходу, получаемого от арендной платы за лондонскую собственность⁴.

Единственным английским городом, за исключением приморских курортов, земля в котором почти полностью принадлежала одной семье, был Хаддерсфилд, построенный на территории поместья Рамсденов, величиной 4230 акров. Почти так же несомненно, однако, что Бьют «создал» Кардиф, как Кавендиши поло-

жили начало Истборну. Второй маркиз Бьют построил доки, вокруг которых начиная с 1830-х годов стал разрастаться город, и век спустя потомкам маркиза все еще принадлежала половина земли в Кардифе. Доход Бьютов от уэльсского капитала возрос в восемь раз, с 3487 фунтов стерлингов в 1850 г. до 28348 к 1894 г. — хотя, по меркам лондонских магнатов, все еще был незначительным⁵.

Даже там, где большей частью городской земли владела одна аристократическая семья, к началу двадцатого века она уже не имела возможности осуществлять контроль над городскими делами, нередко лишаясь его уже в последней четверти девятнадцатого. Что оставалось за владельцами в эдвардианскую эпоху, так это солидный доход и — весьма часто — большой престиж, который символизировал собой глава семейства, избираемый на почетную, но совершенно декоративную должность мэра. Однако в подавляющем большинстве крупных городов аристократические семьи делили земельные владения между собой или с другими многочисленными собственниками.

Например, бароны Колторп, владея пригородом Эдгбастон и вкладывая деньги в его развитие, в 1880 г. получили 30000 фунтов дохода, но никогда не притязали на контроль над Бирмингемом. Маркизам Солсбери и графам Дерби и Сефтон принадлежал по частям Ливерпуль, причем Сефтоны, подобно Колторпам, имели в собственности небольшой, но густо населенный пригород, который пытались превратить в комфортабельный район проживания среднего класса. В других городах аристократы получали крупные доходы не только за счет земельной ренты, но также от владения муниципальными предприятиями и рыночными правами. Например, к 1880-м годам герцог Норфолк получал от рынков Шеффилда чистый доход в размере 10000 фунтов стерлингов в год⁶.

В это время, однако, ведущие лондонские магнаты наживали огромные состояния. В период между 1828 и 1872 гг. доход от Мэрилебона, принадлежащего Портлендам, подскочил от 34 316 до 100000 фунтов стерлингов. К 1880-му году прибыль, получаемая Бедфордами от Блумзбери, составила 104880 фунтов, к которым прибавлялось еще 32000 фунтов от рынка Ковент-Гарден. Помимо и сверх постоянного дохода в виде ренты дополнительные крупные суммы иногда поступали от штрафов или при истечении срока длительной аренды: «Подсчитано, что в марте 1888 г. Портмены получили миллион с четвертью фунтов дохода, когда закончился срок договора об аренде». В лондонском поместье Гросвеноров средний доход в виде ренты к 1894 г. достиг 179000 фунтов, а штрафы и возобновленные арендные договоры повы-

шили общие доходы до 491135 и 427533 фунтов в 1893 и 1894 гг. соответственно. Даже маркиз Солсбери, отнюдь не принадлежавший к лондонским магнатам, в 1888 г. получил 200000 фунтов стерлингов за счет продажи двух небольших улиц, отходящих от Стрэнда, неподалеку от городского дома, в котором прежде проживала его семья⁷.

В отношении городской собственности английская и немецкая аристократия являли собой разительный контраст. Даже в 1883 г. больше половины из семнадцати британских пэров, имеющих годовой доход свыше 100000 фунтов стерлингов, получали большую часть своего богатства от городской земли, а к 1914 г. процент городских собственников в ряду богатейших аристократов, вероятно, только еще увеличился. В то же время в Пруссии ни один знатный сановник не получал значительной прибыли от городской собственности, равно как ни один граф, принц или герцог, состояние которого оценивалось свыше пяти миллионов марок (250000 фунтов). Даже среди тех, кто был пожалован в дворянство недавно, владельцы большого числа городских домов, не говоря уже о целых улицах, встречались редко. Ни один прусский дворянин не владел собственностью, равной Белгравии, Ковент-Гардену или Сефтон-Парку⁸.

В Берлине только два дворянина обладали значительной собственностью: одним из них был Рихард фон Кауфман, профессор экономики и известный археолог, который породнился с богатой семьей дельцов и предпринимателей из Кельна Кауфман, будучи сам дворянином, выступал на рынке собственности северного Берлина как главный делец. Другим городским лендлордом был барон фон Экардштейн, чья семья получила дворянское звание в 1799 г. и чье состояние — частично в виде жилого фонда в Берлине, частично в виде сельских поместий — составляло около 10—11 миллионов марок (около полмиллиона фунтов). Среди старой знати было лишь небольшое число домовладельцев — как, например, граф Карл фон Денхоф, имевший шесть домов, в одном из которых жил сам. Возможно, кое-кто из старых дворян — как, например, Элард фон Ольденбург-Янушау — купив или наследовав землю под Берлином, надеялся извлечь пользу из повышенного спроса на жилье, вызванного ростом городского населения. Однако, по меркам Гросвеноров и Расселов, даже сделки Ольденбурга выглядели в некотором смысле «мышьиной возней»⁹.

Единственными вполне состоятельными аристократами, владеющими землей в предместье Берлина и достаточно богатыми, чтобы Рудольф Мартин удостоил их упоминания, были графы фон Восс. На самом деле, продав городу свое имение Бах в 1898 г., они

взамен приобрели в собственность поместье Дользиг величиной в 3381 гектар в сельской части Бранденбурга. Если бы в результате продажи поместья Бах семья Восс получила только Дользиг, такая сделка была бы для них чрезвычайно невыгодной, в собственности если учесть, что граф Макс фон Восс уже имел другое сельское поместье, куда мог бы удалиться из окрестностей Берлина. Интересно, что стратегия семьи Колторп, была полностью противоположной. Когда в конце восемнадцатого века Бирмингем, разрастаясь, вторгся на территорию их главного поместья Эдгбастон, они покинули Эдгбастон-Холл и поселились в другом, совершенно сельском имении в графстве Суффолк. Но Колторпы не стали продавать, а, напротив, развивали Эдгбастон и, поступая таким образом, переместились из разряда провинциальных джентри в группу полу-плутократической аристократии.¹⁰

По всей Пруссии (за исключением Берлина) ценность нескольких аристократических поместий, благодаря их близости к городским центрам, резко возрастала. Но доходы в целом оставались небольшими. Любопытно, что ежегодный доход графа Карла фон Альтен-Линзинген, чья земля в 1910 г. оценивалась примерно в 10—11 миллионов марок (более полумиллиона фунтов), составлял всего каких-то 130000 марок (6500 фунтов). А ценилась его земля так высоко потому, что часть ее поглотил растущий промышленный город Линден, являющийся окраиной Ганновера. Сельский особняк графа теперь имел адрес: Линден, Альт Гартен Штрассе, дом 1А. Поскольку поместье принадлежало Альтен-Линзингенам шестьсот лет, о продаже его не могло идти и речи. К тому же оно, вероятно, представляло собой *fideikomissus* (т. е. майоратное поместье), и коммерческая эксплуатация его — осуществление продажи или долгосрочной аренды участков земли под жилищное строительство — также не представлялась возможным. Точно также огромное лесное *fideikomissi* семьи Бисмарков в Саксенвальде и принцев Штольберг-Россла в горах Гарц, каждое из которых имело бы большую ценность в случае продажи небольшими участками под строительство вилл, приносили сравнительно малые доходы.¹¹

За пределами Пруссии картина повторялась, хотя законы управления *fideikomissi* оказывали гораздо менее жесткое давление. В Старом Рейхе между имперскими городами, которыми управляли их собственные олигархи и гильдии, и сельским дворянством пролегла четкая граница. Во всяком случае наиболее крупные аристократы непрусского происхождения в прошлом были суверенными властителями, чьи собственные «города» всегда были маленькими, а сами они по определению вряд ли имели

городскую собственность на чужой территории. Даже Турны-унд-Таксисы, гиганты среди *Standesherren*, владели лишь «коллекцией» вилл, садов и оранжерей, хотя не одно столетие управляли из города Регенсбург имперской почтовой службой¹².

Во всей южной Германии на владении городской собственностью разбогател только один древний аристократический род — Тукеры. Однако Тукеры никогда не принадлежали ни к крупным аристократам-землевладельцам, ни к старому сельскому дворянству. Зато являлись патрициатом старого имперского города Нюрнберга, который был присоединен к Баварии в 1806 г. Один из шестнадцати старых патрицианских родов Нюрнберга, Тукеры были единственными, разбогатевшими к двадцатому веку, причём собственность барона Кристиана фон Тукера к 1914 г. составила 14 миллионов марок (700000 фунтов стерлингов), а ежегодный доход — 45000 фунтов. Только Тукеры удержались на своей земле в северных предместьях Нюрнберга до второй половины девятнадцатого века, когда, благодаря быстрому росту города, значительно повысилась стоимость пригородных поместий. В период между 1882 и 1910 гг. земля, проданная под строительные участки в этих предместьях, принесла Тукерам почти миллион марок¹³.

В отношении городской собственности место русской аристократии находилось тут где-то между английской и германской. В России, преимущественно аграрной стране, города были меньше, а городская собственность имела меньшую стоимость, чем в Англии. С другой стороны, в отличие от лоскутной Германии, русская аристократия всегда тянулась ко двору и владела землей в царских столицах и вокруг них. Определить размеры городской собственности русского дворянства в городах весьма сложно из-за отсутствия информации. Для России в нашем распоряжении нет работы, равной труду Дэвида Кэннедайна об английских городских лендлордах или обзора Руперта Мартина германской налоговой статистики. Существуют лишь отрывочные сведения о принадлежавшей аристократам собственности в Москве и С.-Петербурге. Но все остальное остается для нас белым пятном.

Возможно, это не столь важно, поскольку русские провинциальные города были по большей части очень маленькими, и дворянская собственность в них почти наверняка не была крупной, а цена ее не слишком высокой. Примером может служить процветающий текстильный город Иваново-Вознесенск в Московской губернии. До 1861 г. Иваново вместе со всеми жителями и окрестными землями принадлежало графам Шереметевым. Вот, что в 1840-х годах писал о нем Гаукстгаузен: «Русский Манчестер, де-

ревня Иваново; в одном этом месте более 42000 человек работает на ткацких фабриках, которые производят ежегодно около 900000 штук хлопчатобумажной ткани стоимостью в 23400000 рублей» (1017200 фунтов). Однако при освобождении крестьян помещики не получили компенсации за своих крепостных, их дома и сады, и вложения Шереметевых в Иваново значительно сократились. Тем не менее прилегающая к нему земля оставалась собственностью графов, а со временем строительство жилья, заполнив все пустующие места старого городского поселения, стало распространяться на собственность Шереметевых. Даже в этих обстоятельствах граф С. Д. Шереметев в 1916 году получил только в качестве ренты за пригородные земли 42500 рублей (4427 фунтов), за крупные здания в Иваново, которые сдавал в аренду в коммерческих целях — 3200 рублей, и за подъездные пути, проходящие через его территорию — 600 рублей. Если эта сравнительно небольшая сумма составляла весь доход владельца земель в окрестностях российского Манчестера, то доход от ренты за городскую собственность в других губерниях вряд ли мог быть значительным¹⁴.

По-другому обстояли дела в Москве и С.-Петербурге, хотя без тщательного исследования принадлежащей дворянам собственности в двух столичных городах, ее размеры и доходы владельцев остаются неясными. Некоторые дворяне открыто использовали все возможные углы и закоулки своей собственности. Граф Сергей Дмитриевич Шереметев, например, не только сдавал внаем землю, примыкающую к знаменитому приюту, основанному его семьей в Москве, но и мостовую перед входом в здание.

В 1910 г. это принесло 46800 рублей дохода, который Шереметевы целиком передали сиротскому дому. Граф Александр Граббе, командующий казацким эскортом Николая Второго, был беднее и менее альтруистичен, чем Шереметевы. Унаследовав по линии жены «несколько объектов старой городской собственности» в С.-Петербурге, он, наряду с военной карьерой, принялся делать другую — тайную, которая заключалась в приобретении и реконструкции петербургских домов под «современные квартиры для быстрорастущего социального слоя — рабочих среднего достатка». Под романтической униформой казака-гвардейца скрывался ум и талант капиталистического воротилы по части недвижимости¹⁵.

Большинство дворян, однако, ничего не предпринимали со своей собственностью, а просто были ее владельцами. Многие (среди них значительное число составляла высшая знать) владели несколькими домами в Москве и С.-Петербурге. Подавляющее число собственников городской земли, особенно в Москве, пред-

почитали придерживаться политики Карла Дэнхоффа в Берлине, другими словами, получать достаточные, но отнюдь не огромные доходы в виде ренты. Однако «дома» могло означать не только семейные особняки, но также весьма крупные многоквартирные дома — преобладающая в С.-Петербурге и широко распространившаяся к началу девятнадцатого века в Москве форма жилища.

Пожалуй, наиболее известным многоквартирным конгломератом в собственности аристократа был дом Щербатова в самом центре светской Москвы, владелец которого, князь Щербатов, разрушил свой городской особняк, а на его месте выстроил импозантное многоквартирное здание, лучшие апартаменты в котором предназначил себе. Подобные здания бывали чрезвычайно рентабельными. Один из графов Шуваловых, например, в конце девятнадцатого века вложил большую часть свободных средств в шесть крупных жилых домов, страховочная стоимость которых составляла 2562700 рублей (266948 фунтов). Граф Зубов имел только один дом, но в С.-Петербурге и на Невском проспекте, и в начале двадцатого века этот дом оценивался в 487000 рублей. К 1910 г. ежегодный доход от него достиг 62000 рублей (6458 фунтов), а чистый прирост капитала, равный 12,5 процентам, значительно превышал прибыль, на которую мог рассчитывать сельский землевладелец со своей земли. Но самым прибыльным зданием из всех, принадлежащих аристократам, был, пожалуй, дом графа С. Д. Шереметева на углу Никольской улицы и Черкасского переулка в деловом квартале Москвы. Он сдавался в аренду под магазины и конторы и в 1900 г. приносил 126800 рублей (13208 фунтов) дохода, а к 1910 г. — 250400 рублей (26083 фунтов)¹⁶.

Из высшей знати самыми крупными землевладельцами в Москве были, вероятно, Сергей Дмитриевич Шереметев и его брат; им совместно принадлежали земли в Марьиной Роще, Останкине и Кускове. Даже в 1899 г. в Марьиной Роще ими сдавалось внаем 54 десятины (146 акров) земли, а это давало 26000 рублей дохода. Из тех же коммерческих соображений Шереметевы сдавали в аренду сорок шесть из принадлежавших им зданий, из которых только четыре приносили в 1899 г. 2975 рублей (310 фунтов) чистой прибыли. В 1910 г. доход от 363 участков в Кусково, сдаваемых под летние дачи, составил 27800 рублей. Останкино было менее рентабельно, так как тысячи проживающих там на земле Шереметевых людей продолжали платить первоначально установленную сумму, которая значительно уступала рыночным ценам двадцатого века. В 1912 г. граф Сергей Шереметев, решив использовать эту землю как можно выгоднее, объединился с фран-

цузскими инвесторами для строительства больших многоквартирных домов. В ответ московская администрация забила тревогу: осуществление планов Шереметевых лишило бы крова первоначальных арендаторов¹⁷.

В С.-Петербурге крупнейшими аристократами-землевладельцами были князья Белосельские-Белозерские. Они владели огромным особняком на Фонтанке напротив дворца престолонаследника. В 1890-х годах дом был продан императорской семье, а князь К. Е. Белосельский-Белозерский переселился в свой летний дом на Крестовском острове в пригородной части С.-Петербурга. Дом на Крестовском, красивее, но несколько меньше по размерам, чем дворец на Фонтанке, принадлежал Белосельским-Белозерским со времен царствования Павла I (1796—1801).

Белосельским-Белозерским также принадлежал и весь Крестовский остров величиной около 2,65 квадратных миль, который они откупили у графа Разумовского за смехотворно малую цену, даже по ценам того времени меньшую, чем пятая часть стоимости покрывавшего остров леса. Ф. Ф. Вигель вспоминает, как он снимал часть летнего дома на этом острове в 1815 г., когда «Крестовский остров был наиболее обособленным местом в окрестностях Петербурга, более других островов выдавался в открытое море; его трехверстовая территория, окруженная со всех сторон широким руслом Невы, была покрыта густым непроходимым лесом». Между тем, даже в 1815 г. Белосельские-Белозерские не просто построили и сдавали внаем несколько загородных домов, но также превратили один уголок острова в развлекательный центр, куда летом стекался чуть ли не весь Петербург. Вигель отмечает, что хуже и дороже пищи, чем в княжеском трактире, не было во всем С.-Петербурге. На протяжении всего девятнадцатого века остров оставался главным центром спортивных и развлекательных мероприятий. Здесь находились речной яхт-клуб и центр стрельбы по голубям, а также отмечались различные ежегодные события в столице. К 1890 г. на Крестовском насчитывалось 1120 человек постоянного населения, и 6000 проживающих в летний период. Между 1903 и 1908 гг. земельные участки, составлявшие менее десятой части площади острова, были проданы за 1,3 — 1,5 миллионов рублей, а расширение границ С.-Петербурга предсказывало неуклонный и быстрый рост стоимости принадлежавшей князю собственности. Соответственно, вместе с развитием транспортных связей с Уралом, повысилась стоимость нескольких тысяч акров леса, по-прежнему принадлежавшего князю в этом регионе¹⁸.

Однако в 1914 г., даже Крестовский остров, скорее всего, не

обладал такой ценностью, как 8,3 десятины (22,4 акра) земли в самом центре С.-Петербурга, где располагался рынок Степана Антоновича Апраксина. Апраксин Двор имел самый большой оптовый оборот среди всех рынков Европы, здесь находились оптовая торговля фруктами, чаем и вином, главное управление Общества взаимного кредитования и широкая сеть магазинов и ларьков. Даже в 1895 г. некоторые частные лавки имели оборот свыше 100000 рублей, а к 1914 г. доходы от рынка, надо полагать, были колоссальными. Мы не располагаем сведениями о доходе Апраксиных, но в 1873 г. графу Антону Степановичу его хватило, чтобы выкупить доли всех остальных наследников. Также и масштаб расходов его семьи на благотворительность достаточно свидетельствует о богатстве графа.

В период между 1883 и 1894 гг. граф, а после него его вдова, воздвигли церковь Воскресения Христова на набережной Фонтанки, строительство которой обошлось им в 1 миллион рублей (104167 фунтов). И еще они пожертвовали 130000 рублей (13540 фунтов), чтобы обеспечить церковь и ее служителей достаточным содержанием. В конце 1870-х годов граф Апраксин построил Малый Театр на Фонтанке за некоторую необъявленную, но несомненно крупную сумму. В 1901 г. театр сгорел и всего за год был восстановлен вдовой графа. Кроме того, Апраксины отдали в дар большой дом на Фонтанке под школу и квартиры для ее учителей. Между 1893 и 1901 гг. они выделили 68500 рублей для поддержки ее учеников. Графиня Апраксина пожертвовала землю на дом «Мурзинка» для слепых, куда она также вложила 243000 рублей (25312 фунтов) в виде дара и назначила 7000 рублей ежегодно на содержание данного заведения. Несомненно, Апраксины были невероятно щедры, но жертвования такого масштаба предполагают царские доходы, которые, безусловно, не могли дать несколько десятин сельской земли, принадлежавшей этой семье. В двадцатом веке семья Апраксиных могла позволить себе такого рода благотворительность, какой занимались богатейшие помещики до 1861 года, потому что выжимала все соки из богатств городской и промышленной России¹⁹.

Глава 6. Источники благосостояния: промышленность

До начала XIX века европейская промышленность в основном оставалась мелкомасштабной как в отношении капитала, так и в отношении рабочей силы. Большинство предприятий находилось в сельской местности и принадлежало аристократам. Знатные дворяне выполняли ведущую роль как предприниматели и инвесторы. Согласно утверждению Лоуренса Стоуна, именно такова была ситуация в Англии за столетие до Гражданской войны*. В тот же самый период аристократия занимала господствующие позиции в металлургической и горнодобывающей промышленности Германии, и некоторые из предприятий, например, заводы по производству меди, принадлежавшие графам Мэнсфилдам, были весьма крупными и располагали относительно сложными технологиями. В последние десятилетия правления Людовика XVI придворная аристократия была самым тесным образом связана с производством, и чем более технически развитым и передовым было дело, тем значительнее становилось участие в нем аристократии¹.

Индустриальная революция кардинально изменила положение, почти по всей Европе практически вытолкнув аристократию из участия в промышленном производстве на обочину. В английской текстильной промышленности, с которой промышленная революция началась, аристократы не играли значительной роли ни в качестве предпринимателей, ни в качестве инвесторов. В металлургической промышленности они имели несколько большее влияние, но учитывая количество принадлежавших им рудников и шахт, оно было далеко не столь велико, как можно было ожидать. Если в первой половине XIX века лишь небольшое число дворян владело металлургическими заводами, то во второй половине столетия среди владельцев подобных предприятий дво-

рян практически не было. Примечательным исключением из этого правила был седьмой герцог Девонширский, который в 1866 г. основал Барроу Хеметайт Стил Компани, самый крупный завод в стране, где применялся бессемеровский процесс².

Даже в деле преобразования английских средств сообщения, аристократия не играла хоть сколько-нибудь важной роли. По мнению Бекета, наиболее весомым было участие дворянства в улучшении дорог, так как эта сфера традиционно находилась в ведении гражданских служб и местной администрации. Что касается железных дорог и каналов, то они рассматривались как частные прибыльные концерны, весьма привлекательные своей доходностью для промышленников и коммерсантов, которые, как правило, и вкладывали в них капитал. Пример с герцогом Бриджвотером, выступившим в качестве проектировщика и инвестора Уорсли Кэнэл, можно рассматривать, как исключение. Еще меньшую склонность питали аристократы к участию в железнодорожных компаниях. Бекет приводит данные, показывающие, что всего 23 процента инвестиций, вложенных в строительство каналов в период с 1755 по 1815 гг., и 18 процентов номинального капитала, вложенного в строительство железных дорог в период с 1820 по 1844 гг., принадлежало аристократии и джентри. На заре строительства железных дорог высший класс отнюдь не стремился рисковать капиталами, правда, со временем, когда железные дороги завоевали всеобщее доверие, капиталовложения аристократии в эту отрасль начали расти³.

Пожалуй, наиболее значительной сферой участия дворянства в промышленности было горнодобывающее дело. Аристократам принадлежала большая часть английских земель, и, соответственно, львиная доля минеральных богатств. Среди них были и корнуэльские медные и оловянные руды, добыча которых до конца 1850-х годов приносила крупные доходы. Медная шахта Грейт Консол, находившаяся в корнуэльском имении герцога Бедфордского, в первые двадцать лет своего существования принесла владельцу доход в размере 102453 фунтов стерлингов, а так как предприятие это было сдано в аренду, оно требовало от Расселов минимальных усилий. Пик добычи свинца, главные месторождения которого находились в северной Англии, также пришелся на 1850-е годы; и на протяжении этого десятилетия шахты, где добывали свинцовую руду, приносили своему владельцу, герцогу Девонширскому, в среднем доход 12000—15000 фунтов стерлингов в год. Впоследствии конкуренция с зарубежными предприятиями сделала добычу свинцовых, оловянных и медных руд менее выгодной. Наиболее крупные рудники герцога Девонширского были закрыты в

* Имеется в виду гражданская война 1642—1646 гг. между сторонниками парламента и роялистами

1896 г., а после 1884 г. Бедфордские медные шахты также перестали приносить дивиденды⁴.

Добыча железа имела более широкое распространение и приносила доходы большему числу аристократов, чем олово, медь и свинец, вместе взятые. Но даже эта отрасль была незначительна в сравнении с добычей каменного угля, который в период с 1815 по 1914 гг. служил Британии основным источником энергии. В 1800 г. в Британии добывалось примерно 10 миллионов тонн угля, уже к 1885 г. этот показатель возрос до 160 миллионов тонн. По мнению Дерека Спринга, «маловероятно... чтобы в первой половине девятнадцатого века значительное число поместий получали половину или более своего валового дохода из (несельскохозяйственных) источников», однако к 1914 г. ситуация изменилась в корне. Из двадцати девяти сверхбогатых аристократов, включенных Рубинштейном в перечень на 1883 г., большинство в значительной мере черпало доход именно из несельскохозяйственных источников. Среди этих источников добыча угля занимала второе место, уступая лишь недвижимости в Лондоне, и была чрезвычайно широко распространена. Некоторые удачливые магнаты, среди которых наибольшей известностью пользовались герцоги Девонширский, Портлендский и Норфолкский, наряду с крупными углеразработками, владели также и участками городских земель. Что касается герцогов Нортумберлендского и Сатерлендского, маркизов Бата и Лондондерри, графа Дадли и графа Фитцвильяма, то они своим богатством были обязаны главным образом углю. Если подобное утверждение было справедливо уже в 1883 г., еще более справедливым оно стало в 1914 г., когда сельское хозяйство пришло в упадок, а уголь еще не уступил нефти своих мировых позиций в качестве основного ресурса энергии⁵.

В восемнадцатом веке большинство аристократов лично управляли своими угольными шахтами, но в девятнадцатом веке подобные примеры становились все более редкими. Как утверждает Бекет, в 1890 г. «всего одна восьмая часть йоркширского угля по-прежнему добывалась непосредственно владельцами», отмечая, что показатель этот был куда выше, чем в среднем по стране. К 1914 г. лишь незначительное число крупных угледобытчиков дворянского происхождения лично управляло собственными шахтами, хотя шахта, по-прежнему находившаяся в руках компетентного владельца-управляющего, приносила больший доход, чем сданная в аренду. Даже Лэмтены, графы Даремские, которые в 1856 г. получили со своих шахт прибыль в 84207 фунтов стерлингов, а в 1873 г. — исключительно высокую прибыль в 380000 фунтов стерлингов, в 1890-х годах отошли от угледобывающего

дела, «вложив крупные суммы, вырученные от продажи шахт, в биржевые акции и облигации»⁶.

Одной из причин, побуждавших аристократию отказываться от непосредственного участия в угледобывающей и других отраслях промышленности, являлись риск и расходы, неизбежно связанные с подобной деятельностью. В девятнадцатом веке, по мере того, как промышленность становилась крупномасштабной, технически сложной и требовала больших капиталовложений, и риск, и расходы неимоверно возросли. Даже в конце восемнадцатого века герцогу Бриджуотеру на строительство проводимого им канала пришлось сделать заем на сумму 346806 фунтов стерлингов, и хотя со временем его проект начал приносить доходы, мало кто из аристократов обладал достаточными денежными ресурсами, решительностью и побудительными мотивами, чтобы рискнуть подобной суммой. Добыча угля требовала не меньших затрат. По финансовым отчетам графа Фитцвильяма невозможно судить о размерах инвестиций, но известно, что «к началу 1830-х годов шесть шахт графа Даремского поглотили 400000 фунтов его состояния... в то время как в период с 1819 по 1854 гг. лорд Лондондерри вложил в усовершенствование и расширение своего дела около 1 миллиона фунтов». И даже эта сумма составляет лишь половину той, что Кавендишам в конечном итоге пришлось вложить в Барроу⁷.

Не удивительно, что аристократы викторианской эпохи, даже те из них, кто располагал достаточными средствами, в большинстве своем не стремились подвергать свое состояние риску, сопряженному со столь крупными инвестициями. Обладая богатством — по крайней мере до начала 1870-х годов, — и прочным социальным статусом, аристократы в меньшей степени, чем любая другая группа английского общества, имели побудительные причины для риска. В то время как представители других групп путем рискованных инициатив стремились обеспечить себе комфортные условия жизни, повысить свой статус или основать династию, аристократы уже пользовались всеми этими благами. Аристократ, как правило, исполненный семейной гордостью, прекрасно понимал, что одна неудачная спекуляция способна за месяц-другой уничтожить то, что поколения его предков создавали веками и что вверили ему на сохранение. По всей вероятности, предприниматели-аристократы — например, седьмой герцог Девонширский или третий маркиз Лондондерри — были людьми необыкновенного темперамента и склада⁸.

Сложившиеся в Англии обстоятельства также благоприятствовали аренде. Владельцы нередко сетовали, что на управляющих

нельзя положиться. С другой стороны, в отличие от большинства европейских стран, в Англии вполне возможно было найти компетентных и поддающихся контролю арендаторов-буржуа, которые обеспечивали владельцам постоянный доход от шахт. Так как английская аристократия имела давнюю традицию отдавать в аренду фермы, было не лишено смысла применять те же самые принципы в сфере горного дела, более затратной и по природе своей связанной с куда большим риском.

В континентальной части Европы бытовали иные традиции, а ситуация на востоке способствовала тому, чтобы дворянин лично управлял своими владениями. В Германии лишь дворянство южных и западных регионов было склонно рассматривать не только ручной труд, но и любую торговую и промышленную деятельность, как недостойное аристократа занятие. Юнкеры, которые на протяжении длительного исторического периода собственными усилиями вели ориентированное на рынок фермерское хозяйство, были свободнее от подобных предрассудков. Наиболее ярким примером может служить винокурение. В восточных областях оно составляло для дворян один из главных источников дохода. Но, хотя в Мюнстере в 1820-х годах несколько бедных дворянских семей также открыло винокурни, в большинстве своем дворянство Вестфалии считало, что подобное буржуазное коммерческое дело несовместимо со званием дворянина. Мартин сетует, что управление в имениях *Standesherren* было, увы, крайне раздуто, неэффективно и редко умело извлечь из усадьбы весь возможный доход. Однако подобная критика справедлива по отношению лишь к некоторой части *Standesherren*. Например, эксплуатация земель Фюрстенберга, после назначения в 1856 г. Иохана Престинари на должность старшего управляющего, осуществлялась, судя по всему, в жесткой и разумной капиталистической манере. Создается впечатление, что Престинари выдвинул условия своего вступления в должность резкое сокращение расходов на содержание «двора», диктат экономической рациональности, и невмешательство самого Фюрстенберга в решение деловых вопросов⁹.

В России соображения, связанные с социальным статусом, редко заставляли аристократов отказываться от прибыльных занятий. С. М. Троицкий, например, перечисляет множество сфер деятельности, которыми в восемнадцатом веке занимались аристократы, не чуравшиеся в исключительных случаях даже ростовщичества и розничной торговли. Если, с одной стороны, подобная свобода действий могла быть связана с отсутствием в России древних феодальных традиций, то с другой стороны, французс-

кая аристократия восемнадцатого века, в которой русское дворянство видело основной образец для подражания, столь же свободно включалось в весьма широкий спектр деловой активности. Законы, принятые российским правительством, способствовали вовлечению дворян в промышленное предпринимательство. Дворяне обладали монополией не только на владение крепостными «душами», но и на винокурение, добычу соли, экспорт зерна, а также производство табака и свечного сала. Что особенно важно, вооруженные силы были крупнейшими потребителями сукна и железа, и в огромном большинстве случаев правительственные контракты на поставки этих товаров заключались с аристократами. Не удивительно, что в 1880 г. 80 процентов чугуна, 85 процентов меди и 46 процентов сукна производилось на фабриках, принадлежавших дворянам: «Уже к 1825 г. подавляющее большинство рабочих, занятых в металлургической и текстильной промышленности, принадлежало дворянам в качестве помещенных или оброчных крепостных»¹⁰.

После 1825 г. дворянство начало уступать свои доминирующие позиции. Прежде всего это коснулось текстильной промышленности, где уже к началу 1850-х годов фабрики по производству хлопчатобумажных тканей, принадлежавшие крестьянам, потеснили старые дворянские сукновальни. Так, в Калужской губернии, где в 1839 г. насчитывалось пятнадцать сукновален, причем одиннадцать из них принадлежало дворянам, всего девять лет спустя осталось лишь четыре, причем одна только Александровская мануфактура, принадлежавшая купцу, по объему производства перекрывала все остальные. Меж тем в период с 1812 по 1860 г. производство хлопчатобумажных тканей возросло в пятьдесят раз. Однако же упадок принадлежавших дворянам промышленных предприятий, наблюдавшийся до 1861 г., не следует преувеличивать. По мнению А. Дж. Рибера, накануне освобождения крестьян «дворянство все еще старалось сохранить контроль над такими жизненно важными, хотя и разрушавшимися отраслями, как горнодобывающее дело и металлургия, и держало монополию на выгодные сферы сельскохозяйственной промышленности — винокурение, производство сукна, лесоматериалов, и в особенности сахара». Только на винокурнях, принадлежавших дворянам, работало от 70000 до 100000 крестьян. Также, как и хлопко-ткацкие фабрики, сахарные заводы представляли собой наиболее технически развитые и быстро растущие отрасли российской промышленности. В 1830 г. в стране насчитывалось двадцать сахарных заводов, к 1861 г. число их возросло до 448, причем почти

все они принадлежали дворянам, и 85 процентов было оснащено паровыми котлами¹¹.

К началу 1900-х годов ситуация изменилась, и подавляющая часть российских промышленных предприятий оказалась в руках владельцев недворянского происхождения. Освобождение крестьян повлекло за собой закрытие многих заводов, выгодность которых обеспечивалась трудом крепостных. После 1861 г., по мере развития средств сообщения и роста городской промышленности, которая привлекала все больше инвестиций и использовала современную технику, многие мелкие и устаревшие дворянские предприятия оказались неконкурентноспособными. Во многих отраслях предприятия, оставшиеся от эры крепостничества, были столь редки, что к 1914 г. они, подобно знаменитому стекольному заводу Бахметьева, обрели чуть ли не легендарный статус¹².

Аристократия сохраняла твердые позиции лишь в тех промышленных сферах, которые были связаны с сельским хозяйством, лесоводством и горнодобычей, но даже и здесь владельцы-дворяне находились в меньшинстве. В 1900 г. дворянам принадлежало лишь 10 процентов лесопилок и заводов по производству бумаги. В области винокурения аристократия располагала более значительной долей, но здесь интересы дворян защищало государство, в 1890-х годах просто-напросто запретившее открытие в городах новых винокурных заводов. Даже в производстве сахара — области, традиционно являвшейся центром дворянского предпринимательства — двадцать шесть лет спустя после освобождения крестьян только половина заводов принадлежала дворянам, другая же половина находилась в руках представителей украинской и еврейской буржуазии. Более того, «заводы, принадлежавшие последним, как правило, и по размеру, и по уровню оборудования намного превосходили принадлежавшие дворянам». В результате принятого в 1867 г. соглашения между ведущими сахарозаводчиками, многие дворянские заводы центрального сельскохозяйственного района были вынуждены прекратить свое существование. Более того, хотя графы Бобринские, которые в 1830-е годы положили начало сахароварению в России, по-прежнему входили в «большую четверку» российских сахарных магнатов, они переместились в ней на последнее место, уступая Бродским, Терещенко и Харитоненко, то есть одной еврейской и двум украинским купеческим семьям. Точно также, мукомольные заводы, расположенные в чрезвычайно благоустроенном и доходном имении Мекленбург-Штрелица в Карловке, не могли конкурировать по масштабу производства с заводами недворянина Л. С. Аржанова.

Таким образом, даже в тех областях промышленности, где аристократия была наиболее сильна, она уступила первенство¹³.

Самым поразительным примером упадка дворянских промышленных предприятий служит судьба уральских металлургических магнатов. В 1800 г. Россия занимала первое место в мире по выплавке железа, и неоспоримое главенство среди уральских металлургических предприятий принадлежало заводам Строгановых и Демидовых. Эти семьи, изначально купеческого происхождения, теперь вращались в высших кругах аристократии. Крупные предприятия принадлежали также различным ветвям семей Голицыных, Шуваловых, Пашковых, Белосельских, Балашевых, — аристократическим родам, занимавшим высокое положение при дворе. К 1850 г. по выплавке железа Россия немногим уступала Бельгии. В период между 1887 и 1901 гг. уральская металлургическая промышленность утратила первенство даже в пределах империи, уступив его Украине; если в 1887 г. производство железа и стали на Украине составляло одну пятую от продукции уральских заводов, то всего четырнадцать лет спустя украинская выплавка вдвое превышала уральскую. На протяжении девятнадцатого века уральские металлургические заводы оставались в руках частных владельцев-дворян, и сохраняли верность традиционным технологиям и производственным отношениям. Напротив, новая украинская угольная промышленность принадлежала акционерным обществам, которые были связаны с петербургскими банками и зарубежным капиталом. Управление этими предприятиями осуществлялось профессиональной космополитической элитой, среди которой аристократы встречались чрезвычайно редко, а магнатов традиционного уральского типа не было ни одного¹⁴.

Упадок уральской металлургической промышленности определялся многими причинами. Как правило, в девятнадцатом веке основным залогом успеха в металлургии было наличие железного рудника и угольного месторождения, который находился в непосредственной близости от предприятия или был надежно связан с ним железной дорогой. Уральские железные руды были чрезвычайно удалены от угольных шахт, и до 1890-х годов, когда железнодорожная сеть стала достаточно разветвленной, перевозить уголь на столь огромные расстояния не представлялось возможным. А при колоссальных лесных массивах, которые никто не мешал переводить на древесный уголь, подобные перевозки казались попросту нерентабельными. Однако производство, основанное на допотопных древесно-угольных технологиях, не могло конкурировать с современными предприятиями черной металлургии, которые появлялись в Европе, особенно если учесть, что

транспортировка уральской продукции даже на российские рынки осуществлялась медленным и опасным речным путем. К тому же, законный статус крупных предприятий, так называемых «собственных заводов», ограничивал возможность их владельцев по личному усмотрению продавать железную руду и древесину. Управление также нередко оставляло желать лучшего. Например, когда в 1902 г. чиновники Государственного банка провели инспекцию крупных, но обанкротившихся заводов князя К. Е. Белосельского-Белозерского, они пришли к выводу, что географическое положение этих заводов весьма благоприятно, так как они расположены поблизости от новой железнодорожной линии, с избытком обеспечены железной рудой и окружены богатейшими лесами. По их мнению, все проблемы заводов Белосельского-Белозерского были порождены некомпетентным планированием и ведением учета, что привело к инвестициям, не отвечающим ни требованиям рынка, ни сложившимся на месте условиям. Не менее убийственным было и заключение Совета Министров, согласно которому «индустриальные предприятия Демидовых, некогда прочно стоявшие на ногах, уже длительное время находясь в состоянии полного упадка»¹⁵.

Но хотя Демидовым угрожало банкротство, а Строгановы в 1910 г. решили закрыть свои предприятия, будущее уральской металлургии, несмотря на всю тяжесть ее положения, было отнюдь не безнадежно. Завершение в 1906 г. строительства железнодорожной магистрали С.-Петербург — Вятка — Пермь способствовало преодолению изоляции уральского региона. Урал располагал намного более крупными месторождениями железной руды, чем Украина, а в Западной Сибири находились богатые угольные месторождения. На помощь пришла финансовая поддержка Петербурга, направленная на реорганизацию уральских заводов и основание картеля по сбыту «Кровля», который должен был составить конкуренцию гигантской украинской монополии «Продамет». Однако на тот момент могущество «Продамета» оказалось неодолимым, и картель «Кровля», среди основателей которого были Демидовы, Строгановы и Шуваловы, мог рассчитывать лишь на доминирующие позиции на рынках Урала, Сибири и Центральной Азии. Тем не менее, с течением времени принадлежавшие дворянам огромные уральские рудники, заводы и леса вполне могли снова оказаться весьма прибыльными¹⁶.

Но пока лидерство в области металлургии и добычи угля оставалось за Украиной. До 1880-х годов большая часть минеральных ресурсов Южной Украины находилась в руках дворян, но «к началу 1890-х они были уже не в состоянии сохранять контроль над

принадлежавшими им месторождениями. Крупные землевладельцы, которые сами разрабатывали находившиеся на их земле подземные ископаемые, как например, И. Г. Иловайский, Г. В. Депрерадович, Я. И. Древицкий, П. А. Карпов, В. Н. Рутченко, П. П. Рыковский и М. Щербатов, после освобождения крестьян начали отдавать свои месторождения в аренду еврейским предпринимателям. Позднее многие месторождения были проданы крупным зарубежным капиталистам, которые имели возможность оснастить их новейшей техникой и нанять владевших ею инженеров-специалистов»¹⁷.

Центром украинской металлургической и угледобывающей промышленности была Екатеринославская губерния, особенно южные ее уезды. На протяжении большей части восемнадцатого века это были пустынные места, где в царствование Елизаветы Петровны (1741—1762) возникли редкие поселения беженцев с Балкан. Однако, как отмечалось в статье 1916 года: «Во второй половине девятнадцатого столетия снова иностранцы являются культуртрегерами этой области. Поэтому-то так мало здесь усадеб. Здесь не найти коренного, постоянного класса населения. Остались больше случайные пришельцы, а если и были земли, принадлежавшие лучшим русским фамилиям, то владельцы и представители их не жили на местах и даже не бывали никогда в своих владениях. Позже они стали усиленно продавать свои земли. Как только обнаружилось местонахождение каменного угля или руды, и промышленники предлагали деньги (хорошие по тем временам), сейчас же собственники охотно расставались со своим имуществом. Но они делали невыгодное дело»¹⁸.

В Донбассе, центре украинской угольной промышленности, наиболее известным шахтерским поселением стала Юзовка, основанная в 1870-е годы выходцем из Уэльса, фабрикантом железных изделий Дж. Дж. Юзом. Его шахты, содержавшие «самые богатые в Донбассе залежи коксового угля» были частью имения размером в 20000 десятин, которое принадлежало князю Павлу Ливену, камергеру при дворе императора Александра II и предводителю дворянства в далекой Ливонии, куда уходили корни Ливенов и где находилось большинство их имений. Когда Юз взял землю в аренду, «там находились две хижины и загон для овец, а вокруг них, насколько хватало глаз, расстилалась ровная степь, «совершенно открытая местность, лишенная какой-либо растительности»». Первоначально Ливены передали Юзу права на шахты на девяносто девять лет, но в 1882 г., после смерти князя, вдова его продала принадлежащие ей земли. Решить проблемы, связанные с созданием буквально на пустом месте города и шахт, было

не под силу ни самой княгине Ливен, ни одному из тех управляющих, каких она могла бы нанять. К тому же, знатная дама, как и ее управляющий не смогли бы контролировать предприимчивого капиталиста, взявшего в аренду их отдаленные земли. Подобное положение дел лишь привело бы к угрозам, обвинениям и тяжбам. В 1887 г. княгиня посетила свое имение, и вид бунтующих шахтеров и казачьих отрядов отнюдь не развеял ее опасения. Согласно воспоминаниям ее сына, неприятности, создаваемые Юзом, который постоянно нарушал условия контракта, в конце концов вынудили Ливенов продать имение за 2,5 миллиона рублей. Вырученные деньги пошли на приобретение в Ливонии лесных угодий, по размеру не уступавших проданным землям, а также были вложены в ценные бумаги. Сделка была явно невыгодной, и за Юзовку Ливены выручили куда меньше ее настоящей цены, однако в сравнении с приграничными землями, уэльскими литейщиками и бунтующими шахтерами прибалтийские леса и российские акции казались знакомыми, надежными и необременительными источниками дохода¹⁹.

Роль, которую аристократия играла в промышленности Германии, существенно различалась в разных регионах страны. В сердце германской промышленности, Рейне-Руре-Вестфалии, аристократия не играла сколько-нибудь значительной роли в предпринимательстве. Лидерство в индустриальной сфере принадлежало городским семьям, занимавшим прочное коммерческое и финансовое положение. Тем не менее, к 1914 г. двоим *Standesherrn* принесло огромные прибыли королевское право заниматься горнодобывающим делом, унаследованное от предков, правителей немецких княжеств при Старом Рейхе. Одним из этих наследников был Энгельберт, герцог Аренбергский и Кройский, чьи огромные владения в Германии уступали лишь его еще более колоссальным владениям в Бельгии и Франции. Другим был принц Альфред Зальм-Зальмский²⁰.

Эти потомки прежних суверенов, наделенные королевскими правами, делали на горнодобывающем деле состояния, затрачивая даже меньше усилий, чем английские аристократы, сдававшие свои шахты в аренду. Они заключали соглашения с отдельными капиталистами и компаниями, специализирующимися в этой области, и те получали возможность открывать и эксплуатировать шахты, соблюдая тщательно оговоренные условия контракта. При этом они могли рассчитывать как минимум на 1 процент от всего добытого угля. Только одна из множества вестфальских угольных шахт, королевские права на которую принадлежали герцогу Аренбергскому, принесла ему в период с 1893 до 1909 гг.

доходов на сумму 1,7 миллионов марок (85000 фунтов стерлингов). В двадцатом веке, по мере быстрого роста добычи угля, с каждым годом стремительно увеличивались и его доходы. По подсчетам Р. Мартина, к 1909 г. ежегодный доход, который приносило Аренбергу его королевское право, превысил полмиллиона марок, а общий доход, получаемый герцогом в Пруссии, возрос с 255000 марок в 1892 г. до 2,9 миллионов марок (145000 фунтов стерлингов) в 1909²¹.

Для принца Зальм-Зальмского, напротив, право заниматься горнодобывающим делом было куда более важным источником дохода, чем его относительно небольшие земельные владения. Как отмечает Р. Мартин, «благодаря широкому масштабу своих королевских прав и борьбе между теми, кто хотел добывать черные алмазы, принц оказался в самом выгодном положении, какое только можно себе представить». Получив от принца право эксплуатировать шесть из его шахт, Эссенская угледобывающая компания заявила, что «приобретение столь обширной и ценной области угледобычи обеспечивает существование и дальнейшее расширение компании в отдаленном будущем. Эта собственность является резервом, который компания сможет использовать тогда и в той мере, когда рурские шахты истощатся». Неизвестно, какой доход принесла эта сделка принцу Зальм-Зальмскому, но имеются сведения относительно двух контрактов с другими компаниями, один из которых принес ему как минимум 800000 марок (40000 фунтов стерлингов), а другой — 120000 марок и один процент от стоимости добываемого угля²².

Что касается южной Германии, то баварским дворянам никогда не принадлежало хоть сколько-нибудь значительных индустриальных концернов, правда, расположенные в Бадене чугунолитейные заводы Фюрстенбергов в первой половине девятнадцатого века были в стране вторыми по значимости, уступая лишь государственным. В первые десятилетия девятнадцатого века лишь лесные владения приносили этому семейству большой доход. В определенной степени чугунолитейные заводы Фюрстенбергов страдали от тех же недостатков, что и владения магнатов уральской металлургии. Заводы находились далеко от угольных месторождений, а средства сообщения были развиты слабо. Плавка, основанная на использовании древесного угля, не могла конкурировать с каменноугольной, особенно с продукцией рурских металлургов, качество которой к середине столетия значительно возросло. Начиная с 1830-х годов, в производство вкладывались огромные суммы. Только в период между 1849 г. и 1860 г. в чугунолитейные заводы было вложено 1,2 миллиона флоринов. Иоганн

Престинари и другие управляющие Фюрстенбергов с самого начала считали подобный уровень инвестиций неоправданным, утверждая, что выплавленный на древесном угле чугун в конечном итоге не выдержит длительной конкуренции с рурским, что Фюрстенберги никогда не смогут собрать сумму, необходимую для создания крупномасштабного и конкурентноспособного современного производства и лишь опустошат свои бесценные леса. По окончании 1840-х годов, периода, когда благодаря огромным инвестициям заводы на некоторое время восстановили свою доходность, правота сомневающихся была доказана. Закрытие заводов, вопреки рациональным экономическим соображениям, откладывалось лишь потому, что Фюрстенберги гордились своей традиционной ролью промышленников и тем, что не хотят оставлять 15000 рабочих и их семьи без средств к существованию. Однако с течением времени стратегия Престинари, в соответствии с которой основной упор делался, с одной стороны, на лесоводство, а с другой — на ценные бумаги, возоблада и принесла успех. Впрочем, Фюрстенберги были так богаты, что могли позволить себе выбрасывать деньги в горнила своих чугунолитейных заводов, но при этом их общий доход во второй половине столетия продолжал стремительно возрастать²³.

Во второй половине девятнадцатого века пришло в упадок и давнее, основанное на применении древесного угля чугунолитейное производство в старинном поместье принца Пюклера в Мускау. И тут сочетание технической отсталости, нехватки капитала и устаревших средств сообщения предопределило печальную участь завода. В 1864 г. был также закрыт находившийся в имении принца и существовавший там с шестнадцатого века завод по производству поташа, хотя он располагал цехами, выпускающими мыло, купорос и поташ, и в принципе мог послужить весьма перспективной базой для развития современного химического производства. Однако конкуренция с более крупными и лучше оборудованными городскими химическими предприятиями и огромные издержки, которых потребовала бы модернизация, привели к тому, что управляющие Мускау решили закрыть завод. В 1872 г. по сходным соображениям был продан берлинскому предпринимателю и завод металлических изделий Койла, который в руках нового владельца начал приносить значительную прибыль. В то же самое время дела в Мускау, принадлежавшем чрезвычайно богатому принцу Фредерику Нидердландскому, судя по всему, велись более чем неэффективно и неразумно: управляющие стремились отступить от старых традиций развития промышленных производств, уделяя основное внимание лесоводству. Однако в этом

регионе Германии нечего было и надеяться получить от лесоводства прибыли, сопоставимые с теми, какие приносили Фюрстенбергам леса Шварцвальда²⁴.

В 1883 г. Мускау было продано графу Трауготту Герману фон Арним, который унаследовал от предков хорошее деловое чутье и юнкерскую традицию, согласно которой владельцу следовало управлять своей собственностью самому. Арним расширил в Мускау продажу леса, проложив небольшую железную дорогу, и, таким образом, решив транспортные проблемы, которые в прошлом существенно ограничивали лесоторговлю. Он сумел также вернуть вспять происходивший в Мускау процесс промышленного упадка. В 1883 г. он открыл оснащенный паровым котлом завод по производству кирпичей, который здесь, в центре германской стекольной промышленности, стал приносить значительные прибыли. Не менее доходными оказались и угольные шахты, которые при Арниме увеличили выпуск угля с мизерного уровня в 1883 г. до 200000 тонн в 1915 г. Наиболее крупные инвестиции он вложил в весьма преуспевающий завод по производству картона, который, вместе с лесопилками и фабриками по переработке стружки явился основой его деятельности по использованию лесоматериалов. Мускау, купленное в 1883 г. за 6,6 миллиона марок, в 1913 г. было оценено Мартином (скорее всего, ниже подлинной стоимости) примерно в 14 миллионов²⁵.

Богатство графа Арнима-Мускау и огромные размеры его владений не позволяют считать его типичным юнкером, однако принятая им организация промышленных предприятий в сельской местности была довольно распространенным делом, особенно в отношении винокуренных и сахарных заводов. Вернеру Людвигу фон Альвенслебену, в 1901 г. получившему титул графа, принадлежали и винокуренный и сахарный заводы, а также угольная шахта, печь для обжига извести, каменоломня и завод по производству гравия. Все предприятия Альвенслебена были мелкомасштабными, на шахте в 1916 г. числилось всего 57 рабочих, а на сахарном заводе в Нойгаттерслебен в 1789 г. — 155 мужчин и женщин. Другими отличительными особенностями предприятий графа была низкая заработная плата и то, что работали на них по большей части женщины и крестьяне, которые во время уборки урожая и других страдных периодов покидали заводы и отправлялись на поля. К началу 1890-х годов сахарный завод, построенный в 1846 г., явно устарел, собственные же ресурсы Альвенслебена не позволяли построить новый. Тогда он объединился с двумя своими соседями-дворянами, и втроем они открыли новый сахарный завод, который работал на их собственной сахарной

свекле и в период между 1885 и 1916 гг. обеспечил им чистый доход на сумму свыше 82463 марок²⁶.

Однако по стандартам магнатов Верхней Силезии предпринимательская деятельность даже «больших юнкеров», таких, как граф Вернер фон Альвенслебен, представлялась незначительной. В 1913 г. из одиннадцати богатейших подданных Пруссии шесть были промышленниками-аристократами из Верхней Силезии. Как горнодобывающий и индустриальный центр Силезия занимала в Германии второе место, уступая только Руру. Она была крупнейшим в мире производителем цинка, а более богатыми месторождениями каменного угля располагали в Европе лишь центральные графства Англии. Многие ведущие силезские магнаты занимались не только углем, который был основным источником их благосостояния, но также и железом, цинком, свинцом, а иногда и целым рядом других промышленных отраслей. На угольных шахтах одного лишь принца Плесского работало более 8000 шахтеров; на угольных шахтах принца Кристиана Крафта Гогенлоз-Эрингенского, герцога Уестского, который одновременно являлся крупнейшим в мире производителем цинка, работало свыше 5000 шахтеров. В 1914 г. среди европейской аристократии силезские аристократы были уникальны²⁷.

Промышленное развитие Верхней Силезии определялось богатыми месторождениями угля, железной руды, цинка, алюминия, и многих других полезных ископаемых. Крупнейшим потребителем добываемого в регионе угля была промышленность всей же Верхней Силезии. До начала 1850-х годов индустриальное развитие тормозилось главным образом отсутствием развитых средств сообщения. Верхняя Силезия, богатая углем и другими полезными ископаемыми, находилась на отдаленной юго-западной окраине Пруссии, и была отрезана от естественного экономического центра страны российскими и австрийскими тарифами. Лишь в 1850-е годы развитие железных дорог позволило отправлять добываемый в Верхней Силезии уголь в Берлин и северную Германию по достаточно низким ценам, и это вынудило Рур и Англию также сбавить свои расценки. До 1850-х годов основой процветания Верхней Силезии служил цинк. Начиная с середины века железные дороги позволили шире использовать ресурсы региона, и добыча цинка начала расти с головокружительной скоростью. В течение двух десятилетий, предшествующих 1914 году, состояния, наживаемые на цинке, многократно увеличились, так как доходы от силезского угля и цинка неимоверно взлетели²⁸.

Именно крупные аристократы обеспечивали промышленное

развитие Силезии, в особенности до 1850-х годов. Их политическое значение в Берлине было чрезвычайно весомо. Прежде всего, в ситуации, когда состоятельная буржуазия практически отсутствовала, лишь аристократы имели возможность одновременно предоставлять капитал и выдвигать предпринимательские инициативы. До наступления эры железных дорог транспортные трудности уменьшали прибыли и прибавочный капитал, и делали рискованными крупные инвестиции. Для того, чтобы основать высокоразвитую цинковую промышленность, главное достижение Гогенлоз-Эрингенов, потребовалась определенная предпринимательская смелость. Смелость была необходима и для того, чтобы преодолеть отставание Силезии в области выплавки железа. В 1837—1840 гг. это сделал граф Гуго Хенкель фон Доннерсмарк, который, заложив все свои земли до последней пяди, основал в Лаурахютте самое передовое чугунолитейное производство в Германии, оснащенное воздуходувными доменными печами и прокатными станами²⁹.

После 1850-х годов положение Силезии существенно улучшилось, и получение прибылей стало более легким делом. К аристократам присоединились, не пытаясь, однако, их вытеснить, несколько представителей состоятельной буржуазии, среди которых наибольшей известностью пользовались Годуллы, Винклеры и Борзиги. Со временем большая часть аристократов объединила свои заводы и шахты в компании с ограниченной ответственностью, обеспечив себе места председателей правления. Граф Андреас фон Ренард в 1855 г. первым показал подобный пример, создав «Лесную, Производственную и Горнодобывающую компанию Минерва». Но, хотя большинство немецкой знати и последовало тем же путем, некоторые, например, Плесс и Баллештрем, предпочли управлять своими предприятиями в традиционной манере³⁰.

К концу столетия, вне зависимости от того, являлись ли шахты и заводы собственностью одного владельца или частью компании с ограниченной ответственностью, степень участия самого магната в управлении производством зависела лишь от его личных качеств. Некоторые силезские аристократы, например, принц Гуго фон Гогенлоз-Эринген и граф Франц фон Баллештрем, принимали весьма активное участие в политической жизни. Что касается главы семьи Плесс, то он, судя по всему, предпочитал ограничиваться минимальной ролью в экономических делах, и в двадцатом веке его предприятия выделялись среди владений других магнатов укоренившимися там консервативными методами управления. Принц Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк, богатейший прусский аристократ, напрогив, играл в промышленности

исключительно активную и действенную роль, расширяя целый ряд новых отраслей (производство целлюлозы, проволоки, хрома, вискозы, бумаги), и развивая свои деловые интересы в России, Австрии, Венгрии, Франции и Италии³¹.

Проблема, однако, состояла в том, что предпринимательство было неотделимо от риска, а многие аристократы, не обладая ни опытом, ни соответствующей подготовкой, не могли судить о том, насколько этот риск велик. Принц Кристиан Крафт Гогенлоэ-Эрингенский попытался помериться силами с Гвидо Хенкелем фон Доннерсмарком, и в результате едва не стал банкротом. Совместно с принцем Фюрстенбергом он учредил корпорацию, получившую название «Handels-Vereinigung», интересы которой включали: «строительство в Берлине, перевозки, добычу угля и производство поташа, банковское дело, судостроение, торговлю и экспансию в Турцию, а также создание собственной газеты». «К 1909 г. корпорации угрожал крах сразу на нескольких фронтах», а печальным итогом ее деятельности стало «самое знаменитое банкротство эры Вильгельма, которое повлекло за собой угрозу судебной тяжбы между Гогенлоэ и Фюрстенбергом, вмешательство Вильгельма II, и вынудило Гогенлоэ продать часть своих фамильных владений». На основании этого случая австрийский посол пришел к заключению, что «одного дилетантизма, чтобы управлять крупными владениями в капиталистическом мире, уже недостаточно». Баронесса фон Шпитцемберг была более сурова в своих суждениях, отметив, что по глупости Гогенлоэ множество людей осталось без работы, и его деятельность несомненно привела бы в ужас старшее поколение почтенной семьи³².

Опасение потерпеть крах, подобный тому, что выпал на долю Гогенлоэ-Эрингенского, был главной причиной, отбивавшей у крупных аристократов охоту принимать непосредственное участие в развитии промышленности. Приобретение акций позволяло получать прибыли от индустриального роста с меньшим риском, без личного участия в делах, а это, в свою очередь оставляло аристократам достаточно свободного времени, необходимого, чтобы играть ту роль в политике и светской жизни, к которой они были наилучшим образом подготовлены традициями и воспитанием.

К началу двадцатого века и в Англии, и в России именно аристократы являлись главными держателями акций. По мнению Спринга, приобретение крупных пакетов акций ведет свое начало с 1860-х годов. Томпсон добавляет, хотя свидетельства и достаточно скудны, что, начиная с 1880-х годов помещики «весьма возможно» увеличивали свои доходы за счет фондовых бирж. В ка-

честве наиболее известного примера подобных действий можно указать на семью Рассел, которая в канун Первой мировой войны обменяла свою лондонскую земельную собственность на ценные бумаги. В данном случае определяющее значение для городских землевладельцев имел страх политического риска, возраставший по мере того, как «социализм» обретал почву под ногами, однако наиболее частой причиной, заставлявшей аристократов вкладывать капитал в ценные бумаги, было падение сельскохозяйственной ренты, уменьшение политической значимости крупных поместий, и все более откровенная плутократическая природа высшего общества³³.

В России земельные владения, в отличие от английских дворянских поместий, никогда (а тем более после 1861 г.), не имели статуса источника гарантированного дохода. Закономерно, что в неустоявшемся обществе с влиятельной придворной аристократией и почти полным отсутствием интереса к политике в провинции, социальный и политический престиж земельных владений был несоизмеримо ниже, чем в английских графствах. Не удивительно, что традиционные рантье, а зачастую и обосновавшиеся в городах помещики-аристократы восприняли акции, как большое удобство. «В 1910 г. из 137825 дворян, постоянно проживающих в Петербурге, 49 процентов жили на доходы от ценных бумаг». Для наиболее крупных землевладельцев, доходы которых были тщательно изучены, именно акции имели первостепенное и неизменно растущее значение. В 1913 г. 62 процента от своего годового дохода, составившего 1 550 000 рублей, граф А. Д. Шереметев получил благодаря ценным бумагам. «В 1905 г. Юсуповым принадлежало ценных бумаг на сумму всего лишь 41000 рублей, но после 1905 г. они продали многие из своих имений, а вырученные деньги вложили в акции, и к 1915 г. стоимость принадлежавших им ценных бумаг возросла до 5,1 миллиона»³⁴.

Наиболее подробный анализ различных форм, которые приобретало в аристократической среде владение акциями, приводится в исследовании Гарольда Винкеля, где рассматриваются различные способы вложения денежных поступлений, которые в середине девятнадцатого столетия буквально переполняли карманы представителей высшего немецкого дворянства. По большей части аристократы пытались приобрести землю в тех местах, где цены не были чрезмерными. Лишь немногие, обычно те, кто имел прочные семейные связи с индустрией, старались совершить выгодные капиталовложения в производство или приобрести акции промышленных компаний. Тем не менее, расплатив-

шись, в конце концов, с долгами и приобретаемая предлагаемую по приемлемой цене землю, большинство дворян было вынуждено обратиться к фондовой бирже. В подавляющем числе случаев они действовали с минимальным риском, покупая государственные ценные бумаги, первоначально, как правило, немецкие, а позднее и иностранные. Помещением капитала, наиболее близко связанным с индустриальными инвестициями, обычно являлось приобретение железнодорожных облигаций. Управляющие имуществом *Standesherrn*, в большинстве своем глубоко консервативные, могли бы с полным правом заявить, что их основная задача — неизменно обеспечивать старинным семействам возможность достойного существования. Они не захотели продавать или сдавать в аренду шахты, чугунолитейные производства и заводы для того, чтобы теперь производить изначально рискованные, как это считалось, биржевые спекуляции с ценными бумагами³⁵.

Глава 7. Жизнь, этикет, нравы

В 1874 году кронпринцесса Пруссии впервые посетила Россию, чтобы присутствовать на бракосочетании своего брата с дочерью царя. В письме к матери, королеве Англии Виктории, кронпринцесса признается, что Москва поразила ее, и во всей Европе она не встречала подобного города. Столице империи, С.-Петербургу, она уделяет в своих письмах меньше внимания. «Я не говорю о Петербурге, — замечает кронпринцесса, — так как те, кто предпочитает кружиться в возбуждающем вихре беззаботной жизни, могут вести точно такую же в Париже или Вене, не имея времени ни для чего иного, не замечая мира, лежащего за пределами блистательных салонов, *luxe ecrasant** дворцов и безумных излишеств величественного двора». Здесь слышен голос любимой дочери принца-консорта Альберта, которая благодаря серьезности и цельности своей натуры нажила себе множество врагов среди английской аристократии, праздной и любящей удовольствия. Но юная принцесса была права, полагая, что аристократия отдавала значительно больше времени и сил погоне за роскошью и развлечениями, чем всем прочим сторонам жизни. Столь же справедливо она считала, что во всех главных столицах Европы высшее общество руководствуется по сути теми же жизненными принципами¹.

Говоря о развлечениях и образе жизни, необходимо отметить существенное несходство между миром городского высшего общества и миром поместного дворянства. Однако еще более важными были различия между образом жизни представителей разных полов.

Викторианское аристократическое общество отнюдь не походило на гарем, где женщины невежественны и полностью исключены из социальной жизни, в которой господствуют одни мужчины. Если клубы, полковые собрания, курительные комнаты в сельских особняках были отданы на откуп сильной половине человечества, то при дворе, в бальных залах, салонах и гостиных

* Подавляющая роскошь (фр.)

представители обоих полов вращались на равных, и были неотделимы друг от друга. Городское высшее общество, соединяя молодых мужчин и женщин, обеспечивало непрерывность аристократических родов, выполняя тем самым свою основную функцию. Замкнутость высшего света, доступ в который был регламентирован тщательно разработанными ритуалами, а поведение девиц подвергалось строгому контролю — помимо всего прочего, была вызвана необходимостью гарантировать, что молодые аристократки выйдут замуж за равных себе по положению. Теперь, когда браки устраивались уже не по сговору родителей, склонных к упрочению династий, но в значительной степени зависели от выбора и взаимного расположения самих молодых людей, возросла необходимость исключить самую возможность угрозы неравного брака. Замужние представительницы аристократии, и прежде всего высокопоставленные пожилые вдовы, имели огромное влияние в высшем обществе, и не только на молодых женщин. В большей степени, чем мужчины, они определяли правила поведения общества в той или иной ситуации, это по их воле распахивались или захлопывались двери наиболее престижных гостиных. Рассуждая о положении Алмак в светском обществе периода Регенства, капитан Гроноу вспоминает, что «женское правительство Алмак было чистой воды деспотизмом <...> подобно любому другому деспотизму, оно грешило злоупотреблениями»².

Хотя представители обоих полов принимали равное участие в жизни общества, роли их, тем не менее, существенно различались. Воспитание мальчиков было более основательным и целенаправленным. Даже в тех случаях, когда образование, получаемое мальчиками, бывало прискорбно недостаточным, а в семьях, особенно в России, воспитанию дочерей уделялось большое внимание, девочки были ограждены от суровой, проникнутой духом соперничества жизни кадетских корпусов, закрытых школ и университетов, которые распахивали перед своими воспитанниками двери в большой мир и готовили отпрысков аристократических родов к ведущей роли, уготованной им в обществе. В большинстве аристократических семей дочерям давали изящное воспитание, необходимое для того, чтобы привлечь будущих мужей, но мало заботились об их всестороннем умственном развитии. Дэйзи Корнвейлисс-Вест, будущая принцесса Плесская, вспоминает: «Я не получила образования, дающего верные представления о мире» Зато ее вместе с сестрой отправили во Флоренцию, где они обучались итальянскому языку и пению³.

Мужчина-аристократ, в том случае, если он был достаточно

богат, мог проводить свои дни в совершенной праздности. При этом он мог выбирать между военной, дипломатической или политической карьерой. Деятельное участие в управлении собственным имением также могло быть сферой приложения его энергии. Для женщины о карьере не могло быть и речи. До 1914 года для женщин, даже для получивших хорошее образование дочерей адвокатов, профессоров и других представителей этой прослойки средних классов, редко находились вакансии, а у молодых аристократок, как правило, не было нужды поступать на службу по материальным соображениям; тем, кто все же избрал ее, приходилось преодолевать откровенно неодобрительное отношение общества и к тому же недостатки собственного образования, не соответствующего предъявляемым требованиям. Значение, которое в викторианскую эпоху придавалось ответственности аристократов перед всеми нижестоящими, усиливало ту роль, которую представительницы женской половины аристократии, в особенности поместной знати, играли в благотворительной и учебно-воспитательной деятельности. В России, где до 1890-х годов в селах практически не существовало государственных лечебных и образовательных заведений, школы, больницы, сиротские дома и богадельни, которые создавались и обеспечивались усилиями некоторых крупных землевладельцев, открывали их женам возможность на достойном поприще проявлять свои способности к руководству и организации. Благодаря подобному положению вещей, именно представительницы женской половины аристократии оказывали эффективное содействие развитию крестьянских ремесел⁴.

Во всей Европе отношения между родителями и детьми потеплели и стали менее формальными, и по сравнению с периодом до 1815 г. материнство приобрело большой престиж. Теперь матери-аристократки стали видеть свою основную цель в том, чтобы окружить собственных детей любовью и заботой, а также сыграть главную роль в формировании их нравственных и религиозных ценностей. Многие женщины с готовностью выполняли это предназначение, но, когда дело касалось сыновей, им приходилось мириться с укоренившейся в обществе традицией, в соответствии с которой мальчикам следовало получать образование в военных или закрытых школах. К тому же, в том случае, когда чрезмерная преданность материнскому долгу, не говоря уже о благотворительности, отвлекала женщину от светских обязанностей, в аристократических кругах к этому относились неодобрительно. В обществе дамы соперничали, стремясь стать хозяйками наиболее модных салонов, самыми элегантными представитель-

ницами фешенебельных кругов, законодательницами вкусов и манер. Но в силу того, что королевские дворы неуклонно утрачивали свое главенствующее значение, бюрократические и парламентские институты, напротив, стремительно росли, а в аристократической среде настойчиво ощущалась необходимость сохранять хотя бы видимость соблюдения нравственных норм, аристократки отказались от той роли, которую в прежние времена играли фаворитки царствующих особ. Последней представительницей высшей знати, с грандиозным размахом исполнявшей роль такой фаворитки, была Екатерина Долгорукая, которая благодаря своей длительной связи с Александром II на протяжении 1870-х годов оказывала влияние на возвышение и падение министров, заключение контрактов на строительство железных дорог и отношения императора и его наследника⁵.

Принц Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингфюрст, будущий канцлер Германии, объясняя, почему представители верхних слоев южно-германского дворянства в XIX веке ведут бесцельную и не способную дать чувство удовлетворения жизнь, заявлял, что в современном мире дворяне почти лишены возможности играть важную роль в какой-либо сфере — политической, военной или экономической. Он добавлял также, что «истинными счастливыми в этой стране, по крайней мере, среди представителей нашего класса, являются не мужчины, а женщины, в том случае, если они способны оценить все выгоды своего положения». Смысл этих слов ясен: так как женщины по природе своей не могут оказывать значительного воздействия на жизнь государства, они, в отличие от мужчин, по крайней мере не испытывают разочарования⁶.

Большинство представительниц аристократии безоговорочно принимали тот образ жизни, к которому были предназначены по рождению. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что традиционная роль женщины в обществе была не только заранее предначертана, престижна и необременительна, но и одобрялась с точки зрения древних и глубоко укоренившихся ценностей. Баронесса фон Шпитцемберг могла согласиться со своей сестрой, утверждавшей, что большинство представительниц немецкого дворянства мало образованны и, в сущности, их интересы не выходят за пределы собственного дома. Но она и сама считала, что жена не имеет права влиять на своего мужа, когда он принимает важные решения относительно своей карьеры; ей следует всем сердцем поддерживать его, какой бы выбор он ни сделал. Принцесса Дэйзи Плесская, значительно менее счастливая в браке, и с презрением отзывавшаяся о подчи-

ненным положением женщины в Германии, придерживалась более независимых взглядов.

Она отмечала в своих мемуарах, что «всякая женщина, у которой есть муж, дети и дом, связана. <...>Такая женщина вынуждена жить согласно тому положению, для которого ее едва ли не наняли. (И если случается так, что это положение ее не удовлетворяет, она не может ни заявить об этом, ни что-либо изменить). И только в том случае, если женщина согласна любоваться своим отражением в зеркале, заводить друзей среди дураков (по большей части) и радоваться тому, что у нее есть меха и бриллианты, забывая о своей душе, она может быть счастлива»⁷.

Высшее общество руководствовалось множеством правил и условностей, публичное пренебрежение которыми обычно вело к изгнанию из светских кругов. Иногда эти правила коренились, по крайней мере в теории, в моральных принципах. Баронесса Шпитцемберг пришла в ужас, столкнувшись с гомосексуальным окружением Вильгельма II, центральной фигурой которого был принц Филипп Ойленбергский, интимный друг кайзера. «Все это весьма прискорбно, так как в обществе царит полное равнодушие... — отмечала баронесса. — Но этика и нравственные представления требуют, чтобы такой грешник подвергался бойкоту, полному ostrакизму»⁸.

Большинство правил, однако, были связаны не столько с принципами морали, сколько со стремлением сохранить недоступность высшего общества и заставить его новых членов, как молодых аристократов, так и тех, кто пробился из более низких слоев, соотносываться с его кодексом. Главное правило определяло, кого и в каких случаях следует или же не следует принимать в общество. Даже в конце девятнадцатого века относительно свободомыслящая графиня Уорвик полагала, что «армейских и морских офицеров, дипломатов и священнослужителей можно пригласить ко второму завтраку или обеду. Викария, в том случае, если он джентльмен, можно постоянно приглашать к воскресному обеду или ужину. Докторов и адвокатов можно приглашать на приемы в саду, но ни в коем случае — ко второму завтраку или обеду. Всякого, кто связан с искусствами, сценой, торговлей или коммерцией, вне зависимости от достигнутых на этих поприщах успехов, не следует приглашать в дом вообще»⁹.

Утренние визиты, во время которых гости непременно должны были оставлять свою визитную карточку, приглашения на обед и даже случайные встречи на улице — все совершалось в соответствии с тщательно разработанным этикетом. Согласно мнению Леоноры Давыдовой, эти правила этикета позволяли уважа-

емым членам высшего общества решать, следует ли принять или отвергнуть новых претендентов. Были написаны книги, целью которых являлась помощь претендентам или иностранцам, блуждающим в лабиринте светских правил и условностей. Например, путеводитель по России, выпущенный Марри* предупреждал тех, кто намеревался возвращаться в петербургском аристократическом обществе, что этому может содействовать свободное владение французским языком, существенны также рекомендательные письма и туго набитый кошелек. «В Петербурге неизбежны значительные, чтобы не сказать чрезмерные, расходы, в особенности, если гость столицы пожелает принять участие в развлечениях и увеселениях, которые на протяжении зимних месяцев следуют друг за другом непрерывно; издержки будут примерно в полтора раза больше, чем в Вене или в Риме»¹⁰.

В 1865 г. Марри сообщает своим читателям, что «дамам, желающим провести «сезон» в Петербурге, следует помнить: русские дамы одеваются весьма роскошно, хотя и с большим вкусом. Так как заказать туалеты в Петербурге чрезвычайно дорого, дамам лучше иметь при себе весь необходимый гардероб. Что же касается балов, единственным танцем, к которому иностранец не сможет присоединиться сразу же, является мазурка». Подобно высшему обществу всех европейских столиц, жизнь петербургского света подчинена строгому распорядку:

«Зима в России является временем развлечений. Прибывшие в Петербург путешественники, снабженные рекомендательными письмами, убедятся, что салоны здесь так же блистательны, как и салоны Парижа. Обеды, приемы, званые вечера и балы следуют друг за другом столь быстро, что светскому человеку зима покажется скорее слишком короткой, чем слишком длинной. Однако в течение сорока дней, предшествующих Пасхе, балов не бывает. Рождество, сопровождаемое маскарадами, является самым веселым временем. В эти дни дается два или три придворных бала».

При дворе необходимо появляться в мундире. В обществе говорят в основном по-французски, но многие понимают и по-английски. Прибывшим в город иностранцам полагается первыми наносить визиты, их либо возвращают лично, либо оставляют визитную карточку. В том случае, если хозяина нет дома, оставляя карточку, следует загнуть один из ее углов. Если иностранец был представлен на званом вечере несколькими лицами, на следующ-

щий день ему следует оставить свою визитную карточку в приемной у каждого из них. Лица, представленные иностранцу, в свою очередь, соблюдают по отношению к нему то же правило учтивости. В С.-Петербурге очень пунктуальны по части визитных карточек, которые оставляют после приемов и представлений <...> визиты полагается наносить между тремя и пятью часами пополудни; обеды, по обыкновению, назначаются на шесть или на половину седьмого; приемы начинаются около десяти часов вечера и длятся до очень позднего часа»¹¹.

Москва, свободная от присутствия императорского двора, уступала Петербургу и в роскоши, и в педантичности, но даже в восьмидесятых годах прошлого века в бывшей столице блюлись достаточно строгие правила. Дамам не полагалось в театре сидеть в креслах партера, а также ездить на извозчике. Им следовало занимать ложи, и передвигаться по городу в собственном экипаже в сопровождении ливрейного лакея. Семьи, где были дочери на выданье, часто устраивали приемы и танцевальные вечера. Любой, кто пригласил девушку на танец, должен был в ближайшие несколько дней нанести визит к ней домой, представиться ее родителям и поблагодарить за доставленное удовольствие. Если учесть, что во время зимнего сезона еженедельно устраивались два-три больших бала, эта обязанность становилась довольно утомительной. Князь Евгений Трубецкой отмечает, что «этот громоздкий великосветский аппарат с его китайскими церемониями почти всем был в тягость. Он оставлял чувство гнетущей пустоты в душе и весьма дорого стоил карману». Трубецкой, как и его брат Сергей, также студент философского факультета Московского Университета, обладал незаурядным умом; братья отказались от той жизни, которую вела московская аристократия, так как светские обязанности занимали все их время и были несоместимы с серьезной работой и научными занятиями¹².

Тем не менее, московская аристократия, как и аристократия всей Европы, пала жертвой вторжения промышленного и буржуазного мира. В 1880-х годах дворянство и промышленное сословие по-прежнему не соприкасались. Князь Трубецкой вспоминает, что представители среднего класса, промышленного и коммерческого, никогда не допускались на аристократические приемы, хотя молодые дворяне уже начинали появляться в некоторых купеческих домах. К 1914 г. в этом отношении произошли значительные перемены, и представители обоих классов стали общаться куда теснее. Очень многие старинные аристократические особняки, расположенные в самом центре Москвы, в районе Пречистенки, перешли теперь в руки преуспевающих купцов или

* Дж. Марри (1808—1892) — английский издатель справочников и путеводителей

промышленников. В других особняках разместились госпитали, школы и военные академии. В ноябре 1916 г. журнал «Столица и усадьба», российский аналог английского «Country Life»*, рассчитанный на представителей знати, писал о старой Москве с ее дворянскими особняками, огромными садами, домами, гостеприимно распахнутыми для гостей, как об исчезающем мире. Накануне Первой мировой войны британский генеральный консул в Москве отмечал, что этот город являет собой «торговый центр России и купец является наиболее характерным представителем его ведущего класса <...> В настоящее время в Москве осталось совсем немного аристократов, и те остались там потому, что занимают государственные должности или связаны с университетом». Вследствие подобного положения большинство устаревших и негибких светских правил ушло в прошлое: «Если вас пригласили обедать в русский дом, вы, возможно, обнаружите, что большинство мужчин явится в сюртуках, некоторые в обычных визитках, и лишь немногие — во фраках или вечерних костюмах. Что касается дам, то несколько будут весьма глубоко декольтированы и увешаны драгоценностями, меж тем как остальные явятся в скромных нарядах, которые на наш взгляд напоминают темные домашние платья»¹³.

Объединенное системой ритуалов и условностей, высшее общество в то же время разделялось на клики и обособленные круги. Некоторые из этих сообществ создавались по очевидным политическим соображениям. В Лондоне, где политика всегда была излюбленной игрой, в наибольшей степени поглощавшей внимание аристократии, супруги политических деятелей могли значительно содействовать сплоченности кабинета или парламентских фракций. Группировка, образованная вокруг Голландского Дома, являла собой одну из самых знаменитых семейно-политических клик в Европе начала девятнадцатого века; именно эта клика стала ядром парламентской фракции вигов. Даже в С.-Петербурге аристократия была весьма далека от того, чтобы отказаться от политических споров и группировок в высшем обществе. В 1880-х годах наблюдатель отмечает, что дамы в С.-Петербурге «весьма честолюбивы в том, что касается их мужей, а также их собственных персон. Все они в большей или меньшей степени охвачены желанием играть какую-либо роль, прежде всего политическую <...> В этой империи, управляемой системой абсолютного самовластия, в этом городе, где всякий — такое, по крайней мере,

* «Кантри Лайф» («Сельская жизнь») — иллюстрированный еженедельный журнал, рассчитанный на землевладельцев, фермеров и т. д.

«создается впечатление — подвергается полицейской слежке, в разговорах царит свобода, какую не встретишь более нигде». Близкие к политике салоны, где собирались люди со сходными убеждениями в области политики и культуры, уже давно стали неотъемлемой чертой жизни С.-Петербурга. В сороковых и пятидесятых годах дворец Великой княгини Елены был местом сбора политических деятелей, которые вынашивали замыслы либеральных реформ Александра II и в 1860-х провели их в жизнь. Распознавая талант в том или ином молодом либерале, Великая княгиня способствовала его знакомству с более зрелыми и влиятельными реформаторами, занимающими государственные посты, и благоволила более или менее свободным политическим дискуссиям, происходящим в ее дворце. Ее роль в объединении реформаторов и в поддержке развития согласованных мер либерального переустройства трудно переоценить¹⁴.

При всем том многие политические группировки не имели возможности оказывать влияние на государственную политику и, в сущности, представляли собой нечто вроде замкнутого дружеского кружка с общими вкусами и интересами. В 1890-х годах наиболее престижным и недоступным кружком в светском обществе С.-Петербурга был так называемый кружок «русских лордов», предметом особой гордости которых было безупречное английское произношение и англоизированный образ жизни, который характеризовала привычка к роскоши, безупречность в одежде и в соблюдении правил этикета, а также культивирование холодного и надменного аристократического снобизма. Истинным светочем этого кружка была княгиня Бетси Барятинская, «одна из тех женщин, вся жизнь которых направлена на то, чтобы завоевать власть в обществе. Она знает, как привлечь каждого, кто выделяется благодаря своей красоте, или же остроумию, происхождению, богатству и элегантности. Дом ее охотно посещают, так как этим подтверждается право принадлежать к кругу ее друзей. В ее салон стремятся еще и потому, что у нее непременно можно встретить нескольких членов императорской семьи, а также же сильных мира сего»¹⁵.

Артур Понсонби весьма произвольно разделяет лондонское аристократическое общество эдвардианского периода на три основных круга. Представители первого из них, названного Понсонби реакционным, тервергали практически все аспекты современной жизни, хотя терпимо относились к тем переменам, которые делали их существование более комфортабельным. По мнению Понсонби, реакционеры отличались приверженностью ко всем отжившим условностям и неколебимой уверенностью в том, что

все более низкие общественные слои обязаны им безграничным почтением.

Вторая группа представляла собой «кружок спортсменов, члены которого отчасти просто по беспечности, отчасти — вследствие откровенной распущенности, посвящали себя охоте, верховой езде, стрельбе и прочим видам спорта; глубоко необразованные, расточительные, сумасбродные, безрассудные и смугло сознающие, что надвигающиеся перемены, судя по всему, неизбежно лишат их некоторых излюбленных развлечений < . > они полагают, что «простой народ», с которым они ежедневно сталкиваются, то есть жокеи, букмекеры, лесники, егеря, лакеи и группы вполне довольны своей участью».

Третья группа, гораздо более образованная и яркая, теснее соприкасалась с жизнью общества. Предметом гордости представителей этой группы был высоко развитый интеллект и понимание явлений культуры и современности. Они «в совершенстве владеют искусством вести беседу. Благодаря светскости, внешнему блеску и якобы передовым идеям, члены этой группы производили впечатление выдающихся людей, общества которых добивались многие. Никто не станет отрицать наличия у них светских талантов и привлекательных качеств. Их окружает ослепительный ореол, благодаря которому они преуспевают во всем. Хотя бы раз попав в их орбиту, как недоброжелатели, так и откровенные враги, с готовностью подчиняются их обаянию»¹⁶.

Задолго до того времени, когда Понсонби писал свою книгу, центром этого третьего круга было сообщество, называвшее себя «Souls» («Души»). Эта группа сформировалась в 1880-х годах, и первоначально являла собой тесный дружеский кружок, собиравшийся с целью совместных развлечений. Излюбленным способом приятно скоротать досуг была остроумная беседа, которую дополняли любительские спектакли, адюльтеры, при общих представлениях об эстетических ценностях и увлечениях. Члены этого кружка были равно чужды унылому и ограниченному здравомыслию викторианской аристократии, обывательскому жизнелюбию кружка «спортсменов» и кружка принца Уэльского, группировавшегося вокруг Дома Мальборо. Среди наиболее известных представителей сильного пола, входивших в кружок «Души», следует назвать Артура Бальфура и Джорджа Керзона. Но все же именно женщины, главный смысл существования которых заключался в светском общении и личных взаимоотношениях, формировали истинную сердцевину группы. Признаками, отличающими ее членов, были безупречные манеры, легкость в общении и несколько надменная, но при этом привлекательная независи-

мость, основанная на твердом общественном положении и сознании своего интеллектуального превосходства¹⁷.

В мире, где респектабельные дамы лишь в 1900-х годах начали посещать рестораны и останавливаться в отелях, высшее общество, как правило, вращалось в нескольких великолепных городских особняках. Даже в викторианском Лондоне, богатейшем городе Европы, подобных домов насчитывалось не так уж много, хотя влияние четырех десятков аристократических дворцов усиливали многочисленные небольшие особняки, которые принадлежали или нанимались менее знатным дворянством, стремящимся принять участие во всех развлечениях светского сезона. При том, что архитектурному облику многих аристократических дворцов не хватало оригинальности, в начале девятнадцатого века строгие старинные интерьеры нередко заменялись чрезмерно пышными и вычурными. Мало что отличало эти великолепные лестницы, огромные залы для приемов и сверкающие позолотой потолки от убранства дворцов в С.-Петербурге, хотя в столице царской России роскошных аристократических особняков было даже меньше, чем в Лондоне. Как бы то ни было, в 1914 г. во всех городах Европы мир дворцов погиб безвозвратно. Из наиболее известных аристократических резиденций Лондона, лишь дворец герцога Нортумберлендского был разрушен во время войны. Подобно князю Белосельскому-Белозерскому, герцог владел еще и великолепной загородной резиденцией, Сайон Хаус. В С.-Петербурге потери за три десятилетия, последовавшие за 1914 годом, были куда значительнее, чем за то же время в Лондоне, но все же здесь сохранилось больше аристократических дворцов, чем в Москве. Самые роскошные из них — Строгановский дворец на Невском, Шуваловский и Шереметевский дворцы на Фонтанке, Юсуповский на Мойке — находились в прекрасном состоянии¹⁸.

Берлин всегда существенно отличался и от Лондона, и от С.-Петербурга. Английский путеводитель по этому городу, изданный в 1840-х годах, предупреждал, «что общество высших классов в целом не слишком доступно для иностранцев, и не отличается гостеприимством, главным образом потому, что здешние аристократы ограничены в средствах. Отели, в которых проживают представители дипломатических корпусов, являют собой исключение; именно здесь на протяжении зимнего сезона устраиваются приятнейшие званые вечера. Чрезмерная обособленность военных, идущая от двора Фридриха Великого, во многих отношениях сохраняется до сих пор — так, мундир, в особенности если это русский мундир, до определенной степени служит пропуском в наиболее привилегированные круги прусской столицы». С дру-

гой стороны, в Берлине можно найти «приятное образованное общество, состоящее из наиболее одаренных людей Германии, которых правительство сумело обязать государственными постами, или же должностями профессоров университета»¹⁹.

Стиль жизни и дух берлинского высшего общества находились под сильным влиянием традиций двора Гогенцоллернов. Правители Пруссии основывали свои притязания на международный статус и престиж на могущественной армии, а также бесперебойно действующем государственном аппарате. Они редко пытались состязаться с Веттинами и Виттельсбахами во внешних проявлениях придворной роскоши. В восемнадцатом веке Романовы, которые по богатству, во всяком случае, многократно превосходили Гогенцоллернов, претендовали на первенство в Европе по части строительства дворцов и постановки придворных спектаклей, стремясь затмить все прочие европейские дворы. Фридрих II, напротив, практически не имел собственного двора, и хотя его племянник, Фридрих Вильгельм II, изменил положение, с 1797 по 1888 гг. Пруссией поочередно правили три монарха, чья скромность, умеренность и уважение к семейным традициям побуждали их сохранять в придворной жизни предельный уровень простоты и безыскусности, совместимый с их положением. Даже став первым прусским королем и впоследствии императором, Вильгельм I продолжал жить в своем старом дворце на Унтер-ден-Линден, «скромном, лишенном всяких притязаний здании, с изящными пропорциями, в незамысловатом утилитарном стиле <...> Многие частные дома, принадлежащие особам, которые являются — или хотели бы стать — членами нашего Коммерческого Совета, превосходят императорский дворец и размерами, и роскошью». Контраст между жилищем сдержанного, бережливого и исполненного достоинства Вильгельма I и пышными дворцами новых финансовых олигархов, часто еврейского происхождения, служил иллюстрацией многих аномалий и перекосов, присущих движению старой Пруссии к статусу мировой капиталистической державы²⁰.

Иностранцы-аристократы, посещавшие Берлин, редко были о нем высокого мнения. «Графу Васили» в восьмидесятых годах прошлого века Берлин показался «в сущности, маленьким городком. Здесь сплетничают и злословят больше, чем где бы то ни было; кроме того, здесь плетется множество интриг. У здешнего общества чрезмерно злой язык, и оно только и ждет, когда разразится какой-нибудь скандал; читать здесь не принято, образование не в чести и почти отсутствует интерес к чему-либо, выходящему за пределы сиюминутного <...> В основном берлинские дамы

принадлежащие к высшему классу, не читают, не работают и ничем практически не занимаются. Они проводят свои дни в пустой болтовне и без конца наряжаются».

Среди городской буржуазии, напротив, можно встретить «честные души, возвышенный образ мыслей, людей, исповедующих благие идеи и ведущих жизнь, направленную на пользу общества». Как бы то ни было, лишь в гостинных кронпринцессы и графини фон Шлейниц члены высшего общества встречались с представителями литературы, науки и искусства. Хотя по мнению «графа Васили», сосредоточение огромного богатства в руках еврейской финансовой олигархии влекло за собой серьезную политическую опасность, она признавала, что дочери и жены этих олигархов нередко очень привлекательны и прекрасно воспитаны: «они обладают намного более живым и развитым умом, чем дамы из высшего класса»²¹.

Хью Витетелли, англичанин, который изучал жизнь Берлина в 1870-е годы, во многом согласен с «графом Васили». По его мнению, Берлину «в целом не хватает веселой, пестрой суеты крупного метрополиса <...> аристократия держится со всей возможной отчужденностью по отношению к нетитулованной бюрократии <...> различные кружки берлинского общества образуются из людей одного ранга и служебного положения, и вращаются вокруг собственных центров, почти не соприкасаясь друг с другом <...> напыщенный церемонный этикет минувшего столетия сегодня de rigueur* на всех берлинских приемах любого ранга <...> как правило, встречаются и «мыслящие женщины», однако в Берлине их не слишком ценят <...> Общество <...> чрезмерно поглощено чинопочитанием, низкопоклонством перед старинным происхождением и откровенным благоговением перед высшей военной кастой, и отнюдь не беспокоится о том, как поощрить передовые умы <...> Соединение высокого положения, богатства и ума, которое порой встречается в лучших лондонских гостинных, и не снилось берлинскому обществу, где все писанные и неписанные законы этикета и традиции запрещают собрания, хоть сколько-нибудь разнородные»²².

Трудно сказать, насколько подобные критические замечки, написанные в 1870-х и 1880-х годах, справедливы по отношению к Берлину периода 1900-х. Можно ли, например, утверждать, что баронесса Штитцемберг — умная, au fait** мировых событий, занимавшая видное положение при дворе, уделявшая много внима-

* Строго соблюдается (франц.)

** В курсе (франц.)

ния благоговорительной деятельности, посещавшая спектакли по пьесам Горького — соответствовала стереотипу, представленному «графом Васили» или Вицетелли? Даже Вильгельм II время от времени пытался следовать примеру ненавистного Эдуарда VII, стремясь соединить аристократию и плутократию и создать новую социальную элиту. Берлинский двор по немецким представлениям никогда не отличался недоступностью, и последний кайзер привлекал богатых и процветающих силезских промышленников и финансовых олигархов, а реакционных и неотесанных провинциальных юнкеров скорее презирал, питал страсть к современным техническим новшествам, и обладал достаточной широтой взглядов для того, чтобы удостаивать своей дружбой людей, подобных судовому магнату еврейского происхождения, Альберту Баллину.

Несомненно, Берлин никогда не был аристократическим городом — таким, как Лондон и С.-Петербург. Если немецкая аристократия и имела собственную столицу, по крайней мере до начала 1900-х годов, то такой столицей была Вена, город, дворянское общество которого было богаче, значительнее и недоступнее, чем в Берлине. Вицетелли отмечал, что даже на берлинских улицах всякий, кто знаком с жизнью крупных аристократических городов, быстро поймет, что Берлин не относится к их числу: «Лишь немногие среди богатейших и знатнейших представителей придворного круга имеют свой собственный выезд <...> хорошо подобранная упряжка резвых чистокровных лошадей с блестящей шелковой шерстью — большая редкость в Берлине»²¹.

Главной причиной подобного положения было то, что «в Берлине до сих пор плохо представлены крупные землевладельцы, которые по большей части предпочитают провинциальные города, такие, как Бреслау, Мюнстер, Кенигсберг, Штеттин и другие, где они исключительно весело проводят время в своем кругу. Дворянские семьи, приезжающие для того, чтобы глава их в течение сезона мог заседать в Ландтаге или Рейхстаге, в большинстве своем охотно принимают приглашения, но у себя вечеров не устраивают. Лишь немногие из них владеют собственными домами или живут в условиях, позволяющих принимать гостей. Бесчисленные мелкие князьки и герцоги, когда долг или интересы влекут их в Берлин, как правило, живут в гостиницах, таким образом обязанность развлекать всех, кто принадлежит к знати <...> является уделом двора, различных отпрысков правящего дома иностранных послов, министров, и нескольких дворян, обладающих состоянием и помещениями, приличествующими этой задаче»²⁴.

Среди последних особое место занимала принцесса Плесская, владелица великолепного дворца на Вильгельмштрассе. Дворец был построен в 1870-х годах, отчасти для того, чтобы содействовать превращению Берлина в столицу великой империи. Примечательно, что в то время считалось необходимым создавать дворец, достойный *grand seigneur*, следуя исключительно французским образцам, приглашать французских архитекторов и даже рабочих. В 1895 г. баронесса Шпитцемберг посетила бал во дворце принцев Плесских, на котором присутствовало 150 гостей, и среди них, по мнению баронессы, — все первые красавицы и лучшие танцоры Берлина. Роскошный дом, восхитительные цветы, вышколенная прислуга и приятное общество создавали, согласно воспоминаниям баронессы, сочетание, которое редко встретишь в Берлине. Однако к 1914 г., по словам принцессы Дейзи Плесской, «большой уродливый дом на Вильгельмштрассе был заколочен», не в последнюю очередь потому, что, согласно европейским обычаям, принцессе и ее мужу пришлось разделить особняк с родственниками принца, что пришлось супругам не по нраву. Теперь, посещая Берлин, они предпочитали останавливаться в отеле. К тому же, берлинский двор, первенствующее положение в котором традиционно отдавалось верхушке прусского чиновничества, уязвлял аристократическую гордость принца Плесского и его жены. Так, например, в 1903 г. принцесса писала, что ни за что не приедет в Берлин вновь до тех пор, пока ее муж не займет значительный государственный пост, так как для ее достоинства унизительно идти к обеденному столу вслед за «фрау» какого-нибудь чиновника. К тому же, по ее мнению, отказ от визитов в столицу отнюдь не являлся чувствительной потерей, так как «Берлин никогда не был блистательным средоточием светской жизни»²².

Затруднения, сходные с теми, какие возникали у принцессы Плесской при дворце Гогенцоллернов, были знакомы и английским аристократам, хотя традиции и культура последних не имели ничего общего с прусским бюрократическим государством. История Англии, на всем протяжении которой главенствующую роль играли аристократы, а не чиновники, отразилась в том факте, что, по крайней мере до 1905 г., согласно правилам «местничества», на торжественном обеде премьер-министра могли посадить ниже сына герцога. В условиях военно-бюрократических режимов России и Пруссии такая ситуация была немыслима. Вопросы, связанные с «местничеством», вне сомнения, чрезвычайно волновали придворную знать. Это было следствием процесса, начатого Людовиком XIV, который приручил французскую высшую

аристократию, призвав ее ко двору, поощряя состязаться в роскоши и излишествах, и, таким образом, усилив ее зависимость от королевской благосклонности и денежных наград. Напряженная борьба за первенство, которая в восемнадцатом веке обладала некоторым политическим значением, в индустриальную эпоху стала выглядеть причудливым пережитком прошлого, но, тем не менее, продолжалась. В девятнадцатом веке многие английские аристократы потратили немало денег и усилий, пытаясь обеспечить себе титул пэра. В Германии борьба за первенство при дворе отличалась еще большей остротой, и усугублялась подлинной генеалогической манией и приверженностью букве закона, которая практически была неизвестна в Англии, и еще меньше в России. Значительное число мелких дворов, существовавших в Германии, способствовало усилению забот о «местничестве» и статусе. К тому же, немецкая аристократия унаследовала от Старого Рейха тщательно расписанную иерархическую систему, которая в 1806—1815 гг. была перевернута сверху вниз, в 1866—1871 годах подверглась дальнейшим разрушениям, а затем была буквально сметена разнонаправленным влиянием нескольких состоятельных семей в эпоху индустриальной революции. Таким образом, существовало достаточно поводов для конфликтов относительно престижа и опасений за свой статус. Так, семейство Реусс покинуло берлинский двор после того, как его представительницам не было дозволено носить шлейф, и, таким образом, подверглась сомнению их близость к правящему дому. Когда Вильгельм I удостоил званием Королевского Высочества представителей побочной ветви династии Гогенцоллернов, у большинства *Standesherren* это вызвало недовольство. Хуже всего было то, что Рыцари Черного Орла, которые зачастую являлись наиболее влиятельными прусскими государственными деятелями и военачальниками, неизменно занимали положение выше *Standesherren*; эта традиция вызывала такую ярость, что Вильгельм I попытался смягчить ее, издав указ, согласно которому привилегии не распространялись на жен рыцарей²⁶.

В девятнадцатом веке политическое значение королевских дворов неуклонно шло на убыль, при этом в Британии этот процесс был более очевиден, чем в абсолютных монархиях Восточной Европы. Тем не менее, даже в Британии Дуглас Хейг извлек пользу из событий Первой мировой войны, пользуясь связями, издавна существующими между его семьей и двором Георга V, а Эдуард VII имел значительное влияние на назначения наиболее важных послов. Не говоря уже о непосредственном политическом значении королевских дворов, именно там приобретались

могущественные связи. В 1884 г. баронесса Шнитцемберг вернулась ко двору после многолетнего отсутствия, последовавшего за смертью ее мужа; несмотря на то, что жизнь при дворе была сопряжена с крупными расходами, баронесса предприняла этот шаг — отчасти вследствие того уважения, которое питала к старому императору, отчасти для того, чтобы обеспечить своим детям продвижение по службе и хорошие партии.

Королевский двор придавал жизни высшего общества значительность и окружал ее ореолом славы. Благодаря системе представлений ко двору, государство благословляло разделение между теми, кто принадлежал к числу избранных, и теми, кто к нему не принадлежал. Дворцовый этикет и четко определенная «табель о рангах» усиливали иерархию и приверженность условиям, определявшим жизнь социальной элиты, и предоставляли аристократии удобную сцену для демонстрации роскоши и эффектного гостеприимства. В Петербурге, чей двор не знал себе равных в пышности среди прочих европейских дворов, и чье высшее общество до 1914 г. уступало в богатстве лишь лондонской аристократии, отсутствие придворной жизни после 1905 г. было воспринято знать с раздражением. Подобное положение содействовало отдалению петербургского аристократического общества от Николая II и его режима, и явилось важным политическим фактором, который повлек за собой готовность элиты освободиться от Романовых, что и произошло в феврале 1917 года²⁷.

Даже в Англии, где богатые и обладающие политическим влиянием представители знати не столь уж сильно зависели от двора, последний вносил немалую лепту в формирование светских ценностей и обычаев. Любовь к роскоши, присущая принцу Уэльскому, отказ от простых ценностей его отца, Георга III, прекрасно гармонировали с настроениями, царившими в ту пору среди аристократии, чья приверженность к роскоши неуклонно усиливалась в период с 1780 по 1815 год, по мере роста цен на сельскохозяйственные продукты. С другой стороны, королева Виктория, отказавшись от роскоши и той морали, которая была характерна для периода Регенства, поступила в полном соответствии с желанием высшего класса, членам которого необходимо было проявлять уважение к кодексу христиански богобоязненного правления в противовес критическим настроениям среднего класса и идеям французской революции. Что касается самой королевы, она всегда хорошо понимала, как аристократин следует вести себя, если она хочет сохранить свое положение; именно поэтому распущенность и недостаток серьезности, проявляемые ее старшим сыном, вызывали у королевы такую горечь. Эдуард VII питал при-

страстие к роскоши любил блестящее общество и не отличался особым снобизмом — все это сыграло свою роль в том, что высший класс Англии из аристократического превратился в plutократический

И в Лондоне и в Петербурге, и в Берлине были свои аристократические кварталы. К 1900 г. английская аристократия на протяжении уже нескольких столетий постоянно стремилась селиться в западной части города подальше от Сити, промышленных районов порта и железнодорожных вокзалов подальше от сажи, копоти и соседства грущоб, поближе к паркам и относительно чистому воздуху Вест-Энда. Что касается Берлина, который в период между 1850 и 1900 гг. из провинциального города превратился в метрополис, переселение аристократии в район Тирпартена началось намного позднее. В 1850 г. в этом районе было несколько фабрик и пивных, хотя и царил «сельская, а не городская атмосфера». К 1900 г. Тирпартен превратился в район фешенебельных особняков, изобилующий «тенистыми аллеями и дорожками для верховой езды, которые в течение сезона более или менее заполняются цветом берлинского общества». В Петербурге незадолго до революции наиболее аристократической частью города оставался центральный район между Зимним дворцом и Таврическим садом, однако ситуация постепенно менялась. Согласно утверждению журнала «Столица и усадьба» эти кварталы, раскинувшиеся вокруг улиц Сергиевской, Фурштадской и Моховой, постепенно теряли свой престиж, и внимание высших кругов все больше привлекал расположенный в северной части города Каменный остров, где было много простора и свежего воздуха, и где уже возводились новые великолепные особняки⁷⁸.

В своих фешенебельных жилищах аристократы ели, пили и флиртовали. Они посещали оперу и драматический театр, а иногда развлекались постановками любительских спектаклей. Не пренебрегали и чтением, но большую часть времени посвящали игре в карты, визитам и, прежде всего, шлетням. Столичное аристократическое общество весьма напоминало маленькое селение, большинство обитателей которого состояло друг с другом в родстве, и почти все были с самого детства хотя бы шапочно знакомы друг с другом. Аристократия была по-сельски замкнутым мирком, где каждый испытывал живой интерес к делам соседа. И этот интерес жители «аристократической деревни» сочетали с преувеличенным представлением о собственной значимости. Им должны были принадлежать ведущие роли на мировой сцене, в то время как простым смертным в большинстве своем предоставлялось доволь-

ствоваться ролями второстепенными, а то и вовсе бессловесными. Живущие поблизости друг от друга, аристократические семьи, женская половина которых проводила значительную часть своих дней в бесцельной праздности и скуке, являли собой исключительно плодородную почву для сплетен и пересудов.

Согласно мнению капитана Гроноу, в 1850-х годах лондонские аристократы злоупотребляли спиртным намного меньше, чем два поколения назад. «Если бы представители хорошего общества 1815 года появились бы перед своими более умеренными потомками в том виде, в каком они обычно бывали после обеда, современники наши заявили бы предкам их прежде всего необходимо проспать!» Однако же, неумеренное пьянство по-прежнему считалось *rite de passage** для молодых офицеров, в особенности в России, в наиболее престижных конногвардейских полках. На протяжении десятилетий трапезы становились все более изысканными, и зачастую именно в зависимости от того, пользуется ли представитель высшего сословия услугами дорогостоящего французского повара, его причисляли к истинной аристократии или к обычному дворянству. Русские аристократы неизменно находившиеся под сильным влиянием культуры французского высшего света, как правило, оказывались в гастрономическом отношении на высоте, что же касается Англии, то Гроноу, описывая «на редкость плотные, горячие и питательные» трапезы, которым английское общество предавалось во времена его юности, отмечает, что непререкаемыми атрибутами их являлись «всеми любимый вареный картофель», приготовленное без затей мясо и «весьма неудачные попытки подражать ухищрениям континентальной кухни». Автор приведенных выше строк перебрался в Париж отчасти и для того, чтобы потешить свой желудок. На долю парижского *manque***, Эдуарда VII, выпало представить Англии более утонченное искусство кулинарии, причем принц выполнял эту задачу с таким знанием дела, что заслужил титул «*tum-tum*» («пузан»). Прусскому королевскому дому — во благо или во вред — подобные устремления были совершенно чужды. В 1880 г. среди членов наиболее престижного берлинского клуба подавляющее большинство по-прежнему составляли «респектабельные пожилые помещики, настроенные весьма консервативно» и требовавшие, чтобы «в Казино царил истинно германский дух, без всяких развращающих влияний французской кухни».

* Обрядом принятия в клан (франц.)

** Неудачник (франц.)

По мнению Гроноу, англичанки в период Регентства отнюдь не превосходили француженок добродетелью, напротив, с большей откровенностью демонстрировали свои супружеские измены. Основная причина этих измен заключалась в том, что «мужья их пропадали в охотничьих угодьях, или с головой уходили в политику». Граф Соллогуб, возможно, несколько преувеличивая, вспоминает, что в это же самое время «в высшем петербургском обществе редкий человек <...> в действительности являлся сыном своего номинального отца». Этот факт Соллогуб, убежденный русский патриот, без всяких веских оснований связывает с тем, что «некоторые дамы совершенно не умеют изъясняться по-русски». Двумя поколениями позже «граф Васили» тактично предостерегал молодых берлинских атташе аристократического происхождения от флирта с хорошенькими дочерьми еврейских буржуа, «так как манеры этих девиц совсем не те, что приняты в *grande monde* и у них <...> очень строгие правила»³⁰.

Свобода нравов, царившая в аристократических кругах, отнюдь не удивительна. Помимо всего прочего, представители знати проводили свои дни в полной праздности, и развлечения любого рода зачастую являлись основными их занятиями. Браки заключались прежде всего с учетом социальных и финансовых соображений, и хотя некоторые представители аристократии горячо верили в нормы супружеской жизни, установленные христианской этикой и общественной моралью, другие полагали, что все эти ограничения необходимы для низших сословий, а их самим связывать не должны. Согласно требованиям общественного порядка, на супружескую неверность набрасывался стыдливый покров, дабы клубные разговоры не появились в печати; и, как правило, высший свет от своих членов большего и не требовал.

При всем том не так просто вынести обобщенные заключения относительно поведения целых классов и даже отдельных семей в этой сфере. Например, Шарлотта Ливен едва не отказалась от почетного положения воспитательницы отпрысков царствующего дома, так как она не одобряла той нравственной атмосферы, какая царила при дворе Екатерины II. Среди любовников ее невестки Доротеи, вместе с супругом-послом проживавшей в Лондоне, были Меттерних и Гизо. Внучка Шарлотты, княгиня Мария Ливен, также была хозяйкой лондонского светского салона, но отнюдь не походила на свою тетушку Доротею. Покинув Россию по политическим соображениям, она стала одной из убежденных покровительниц немецких радикалов, бежавших после революции 1848 года. Согласно воспоминаниям одного из ее *protegés*, который впоследствии стал сенатором США, в мораль-

ном отношении княгиня была «совершенно безупречна и неприступна», и «для многих изгнанников стала настоящей доброй феей». Следующему женскому поколению семьи любовные эскапады Доротеи Ливен были столь же чужды, как и политический радикализм Марии. Значительную часть своей энергии они отдавали религии и прежде всего стремились повернуть на путь истинный падших женщин. Все три дочери камергера Александра II так и не были представлены ко двору, так как, согласно убеждению их матери, придворное общество служило притоном разврата и рассадником венерических заболеваний³¹.

В начале девятнадцатого века курортные городки являли собой нечто среднее между пышными аристократическими столицами и тихой провинцией. В Англии наиболее знаменитым курортом был Бат, хотя благодаря принцу регенту не менее модным стал Брайтон. Что касается континента, то, хотя по численности курортных мест Франция превосходила Германию, немецкие курорты, и в первую очередь излюбленные королями и императорами Карлсбад и Баден-Баден, отличались большим космополитизмом и великолепием. В 1840 г. британский наблюдатель отмечал, что в летние месяцы «все, что есть выдающегося в Германии» можно встретить на курортах, здесь продолжается светская жизнь, однако в менее обременительном варианте, так как требования этикета менее строгие, а развлечения представлены в изобилии: «Положение, формальности этикета и титулованная надменность в значительной степени отбрасываются во время непринужденного общения на водах». В объяснение причин чрезвычайно сильного влияния, которое курорты оказывают на жизнь Германии, в путеводителе Марри утверждается, что оно отчасти связано с отсутствием в стране как единой крупной столицы, так и культуры сельских усадеб, столь развитой в Англии. Немцы, лишенные и возможности проводить досуг в различных спортивных занятиях, предоставляемой загородными домами, и круговертью столичной жизни, нашли замену и тому, и другому в своих курортных городках³².

На протяжении девятнадцатого столетия ведущие курорты Германии разрастались и становились все комфортабельнее. Один за другим появлялись роскошные отели: к концу 1860-х годов только в Баден-Бадене насчитывалось двенадцать крупных отелей, самым великолепным из которых был знаменитый Кур де Бад. Предпринимались значительные усилия для того, чтобы гости не скучали. Неподалеку от Баден-Бадена, в Иффезхайме, был построен ипподром, и теперь прибывавшие на курорт аристократы могли не изменять своим излюбленным привычкам. К тому

же, по соседству устраивались великолепные охоты. На протяжении 1860-х годов Берлиоз дал множество концертов в Баден-Бадене, перед самой космополитической в мире аудиторией аристократов и богачей. Начиная с 1840-х годов, у многих русских аристократов вошло в обыкновение съезжаться на курорты Германии, где они смешивались со знатью из Центральной и Западной Европы³³.

Растущая элитарность и космополитическая атмосфера знаменитых немецких курортов была возможна лишь благодаря железной дороге, обеспечившей недостижимый прежде уровень перевозок, обслуживания и развлечения летних посетителей. Современные средства связи оказали еще одно важное воздействие на стиль жизни аристократии. Английский джентльмен, живущий в Лондоне, мог теперь погрузить свою лошадь на поезд и скоротать день, охотясь в одном из провинциальных графств. Можно было без всяких затруднений проводить уик-энды за городом, что в эдвардианскую эпоху вошло у аристократов в обыкновение. Скачки стали в Англии одним из любимых занятий аристократов, начиная с шестнадцатого века, но внедрение в жизнь железной дороги отразилось и на них. Теперь присутствовать на скачках и любоваться холеными скаковыми лошадьми, которые как правило, принадлежали аристократам, могли огромные толпы людей, для которых с 1870 г. была введена плата за вход. Остроумные пэры сравнивали торжество победителя Дерби с тем, что испытывал вновь назначенный премьер-министр. Подобно прочим развлечениям, характерным для девятнадцатого века, скачки с течением времени проводились все более организованно. Их главный устроитель, Жокейский Клуб, членами которого были преимущественно аристократы, дал возможность высшему классу играть новую и весьма популярную роль. Благородный джентльмен, под восторженные возгласы толпы ведущий свою лошадь-победительницу в загон Дерби, в зависимости от ракурса взгляда воспринимался по-разному: или как воплощение новой роли, оправдывающей существование аристократии в современную эпоху, или, напротив, как иллюстрация вырождения, опошления и вульгаризации того, что некогда было правящим классом. Несомненно, сближение города и сельской местности сказывалось не только на стиле жизни. Если английские привилегированные закрытые школы — паблик-скул — способствовали слиянию ценностей землевладельческой, интеллектуальной и деловой элиты, создавая неповторимый тип джентльмена-спортсмена, то железные дороги, а позднее автомобили позволили этому джентльмену соединять городские дела с приличествующими его положению спортивными развлечениями в загородной усадьбе³⁴.

Впервые в истории европейского дворянства английская аристократия стала образцом для подражания, причем не только в политических или сельскохозяйственных нововведениях, но и в способах проведения досуга. Английская загородная усадьба соединяла в себе комфорт и роскошь. Владельцем ее был относительно просвещенный и весьма самоуверенный светский человек, имеющий к тому же глубокие сельские корни и пользующийся уважением в своем округе, что не только усиливало присущее ему чувство собственного достоинства, но и обеспечивало политическое влияние в Вестминстере. Он разводил превосходных скаковых лошадей и натаскивал лучших охотничьих собак в Европе. Охоты на лис, которые он устраивал в своих владениях, были истинным испытанием храбрости и навыков, которые по части возбуждения нервов и риска затмевали battues* на животных, устраиваемые континентальными аристократами. По всей Европе скука, однообразие и замкнутость сельской жизни всегда нагоняли на аристократов тоску и побуждали их устремляться в города. В прошлом такая же ситуация была характерна и для Англии: «начиная с семнадцатого века высшие классы проводили все больше времени в Лондоне <...> Даже находясь в своих усадьбах, помещики зачастую рвались оттуда прочь». Однако, к началу девятнадцатого века соединение многих условий — улучшение связи, развитие загородных видов спорта и ощущение того, что аристократия, сталкиваясь в городах с растущими трудностями, должна искать опору в своих сельских владениях, — повернуло этот процесс вспять. Судя по всему, праздный класс английских землевладельцев предложил европейскому дворянству ответ на насущный вопрос — какая роль и стиль жизни ему необходимы, чтобы противостоять современному обновляющемуся миру.

Подражание англичанам, однако, влекло за собой множество трудностей, порой исключительно практического свойства. Английский стиль жизни и привычки основывались на солидном достатке: «К 1800 году английские лошади не знали себе равных», но охотничья лошадь, «способная брать препятствия и длительное расстояние промчаться во весь опор», порой стоила сотни гиней. Богатый английский землевладелец, который имел своры гончих и множество лошадей, ежегодно тратил тысячи фунтов на их содержание, а также на компенсации за причиненный фермерам ущерб и другие охотничьи издержки³⁶.

Масштаб развития спортивных развлечений, весь уровень и

* Облава (франц.)

стиль жизни, который был достигнут в английских загородных усадьбах в девятнадцатом веке был невозможен для большинства представителей прусского дворянства. Из всех старых земель Гогенцоллернов, лишь в Восточной Пруссии насчитывалась горстка семей — Доны, Денхофы, Лендорфы, Эйленберги — чьи сельские особняки могли сравниться с домами английской знати, хотя даже там не встречалось ничего подобного Чэпсуорту, Эвику или Вубену. Историк сельской жизни и архитектуры из Бранденбургской провинции (марки) отмечает, что «люди здесь в основном отнюдь не стремятся возводить chateaux (замки) или роскошные дома. Для этого они не только слишком бедны, но также слишком замкнуты, угрюмы и неотесанны. Большинство помещичьих домов в марке — относительно скромные сооружения. Если с конца восемнадцатого века бранденбургские дворяне с энтузиазмом принялись устраивать у себя английские сады, уничтожив бесследно все признаки прежних регулярных парков, это «отражало не столько влияние идей Руссо, или же победу романтизма и сентиментальности — в сельской местности эти идеи не слишком способствовали утонченности нравов, во многих случаях основной причиной перепланировки парков являлось то, что новый их облик требовал меньших расходов»³⁷.

Бранденбургский дворянин, пожелавший подражать английским обычаям, должен был выделяться богатством среди соотечественников, но даже при этом условии ему приходилось довольствоваться стилем жизни заурядной английской сельской дворянской семьи, а не земельного магната. Карл фон Хертефельд, состоятельный отпрыск старинного знатного рода, владелец прекрасного дома, библиотеки, парка и поместья Либенберг, представлял собой образец прусского англофила. С детства лейб-хертефельд разделял присущую сельской знати страсть к лошадям и собакам. Его англофилия зародилась в результате длительного визита в Британию в 1814 г., хотя ей, по всей видимости, немало способствовала и участие в рядах английских войск в битве при Ватерлоо. Эта англофилия выражалась во множестве проявлений, среди которых выделим постоянную заботу о сельскохозяйственных усовершенствованиях и либерально-консервативные политические взгляды. Но, разумеется, прежде всего Хертефельд был страстным приверженцем охоты и скачек в английском стиле. Он разводил скаковых лошадей, и, вместе с друзьями, создавал в Берлине ипподром. Чтобы тешить свою страсть к охоте, он арендовал леса и пустоши за пределами своих владений. После 1848 г. ему пришлось отказаться от охоты в английском стиле, отчасти потому, что теперь его внимание было приковано к другому ан-

лийскому новшеству, а именно к парламентской политике, в которой он играл активную роль, в итоге обеспечив себе место в Прусской Верхней палате (Herrenhaus). В 1867 г. Хертефельд умер бездетным, и поместье перешло к его внукашнему племяннику, графу Филиппу Эйленбергскому. Сын графа был ближайшим другом последнего кайзера, и со временем Либенберг стал излюбленной загородной усадьбой Вильгельма II³⁸.

Однако, подражание образу жизни английской аристократии зачастую требовало не только денег, и это подтверждает пример с охотой на лис. Благородному охотнику необходимы были огромные равнинные пространства, чтобы он и его друзья могли скакать во весь опор, сметая все на своем пути. Необходимы были также и лисы, чьи норы, используя законы об охране дичи или же социальное давление, нужно было оберегать от фермеров, стремившихся истребить хищников. В Англии, где большинство земель находилось в руках аристократов и трепетавших перед ними арендаторов, которые получали изрядные компенсации за причиненный ущерб, а зачастую и сами были страстными охотниками, все эти условия успешно выполнялись по крайней мере до начала 1880-х годов. На континенте, где преобладали мелкие крестьянские фермы, ситуация была совершенно иной. Попытки английских эмигрантов устроить на севере Франции охоту на лис в привычном им национальном стиле привели к столкновениям с полицией и крестьянами. Русские и немецкие крестьяне во второй половине девятнадцатого века также были не склонны безропотно взирать, как их посеы выпалываются благородными охотниками. Так же, как и во Франции, к этому времени они могли в своих протестах опираться на поддержку закона.

В России, согласно наблюдению негодующего английского путешественника, «до сих пор не издано ни единого закона об охране дичи», хотя с точки зрения англичанина уже к началу 1800-х годов подобные законы стали насущной необходимостью. Уильям Тук с удивлением отмечал в 1799 г.: «Когда охотник вместе с друзьями, егерями и гончими пересекает поля и леса, не заручившись наперед разрешением владельца, это неизменно воспринимается как должное. Лишь малая часть помещиков запрещает своим подданным ходить с ружьями, но и в случае запрещения достигается результат: совершенно прогнано желаемое, и вред, причиненный украдкой, оказывается куда больше явного»³⁹.

Даже в 1865 г. путеводитель Марри советовал английским охотникам не рассчитывать, что battue в России принесет им завидную добычу, так как эта страна в особенности близка к

С-Петербурга не слишком богата дичью «Зимой охотятся и медведей, волков, лосей и рысей» < > На волков устраивали или псовая охота, или же обычная облава а порой их просто затапывают лошадьми. Но такая охота гребует плотного снежного покрова, или же земли, по которой можно скакать верхом. Даже конная охота в России редко напоминала традиционную английскую, с хорошо натасканными сворами гончих и псаря в одетыми в нарядную форму, оплаченную из кармана представителя местной знати. Подобные явления в России, в особенности в двадцатом столетии, как правило относились к разряду исключительных — так роскошные охоты устраивал великий князь Николай Николаевич, а также Школа кавалерийских офицеров — иными словами, они были доступны или членам императорской семьи или государственным учреждениям⁹.

Единственным исключением из этого правила являлись прибалтийские губернии Российской империи. Здесь помещики по преимуществу немецкого происхождения, по-прежнему владели огромными сворами гончих и устраивали охоты в английском стиле, хотя к началу двадцатого века — так же как и в самой Англии — редко кто из аристократов единолично брал на себя полное содержание собачьей своры. Журнал «Столица и усадьба» помимо всего прочего, связывает уникальную способность прибалтийских землевладельцев сохранять охотничьи традиции с следующим обстоятельством: в отличие от большинства русских аристократов, балтийское дворянство проводило в своих имениях круглый год. К тому же, законы царившие во всецело феодальной Прибалтике, по-прежнему сохраняли за владельцами дворянских усадеб (Rittergutter) право охотиться с собаками¹¹.

В Германии истинные представители аристократии вели весьма решительные арьергардные бои в защиту своих охотничьих прав. Хельмут фон Герлах, рассуждая о юнкерах отмечает, что «невозможно понять консервативных крупных землевладельцев до тех пор, пока не осознаешь, какое важное место в их жизни занимает охота». С весны до осени они со страстью предавались самому важному своему занятию — охоте на различных животных. Охотничьи права знати повсеместно вызывали негодование у сельского населения, отчасти потому что они обязывали крестьян всячески содействовать благородным охотникам и предоставлять им загонщиков. Но еще серьезнее был вред который причиняли скоту и посевам дикие животные — крестьянам же по традиции искони запрещалось не только использовать против них оружие, но даже строить надежные ограждения для своих полей и скола. Французская революция, уничтожив охотничьи права

усилила напряжение, которое связанные с охотой проблемы возбуждали в сельской местности Германии и в 1848 г. разразился взрыв. Представители знати защищая свои охотничьи права проявили намного больше упорства чем отстаивая прочие права и привилегии, которые они в случае удовлетворительной компенсации, уступали практически без борьбы. Подобная негибкость в отношении охотничьих прав обуславливалась тем что для некоторых аристократов именно охота была самым излюбленным удовольствием и более всего скрашивала сельскую жизнь. К тому же, охотничьи навыки относились у дворянства к числу наиболее древних и почитаемых. Но, возможно, прав Х. В. Экхардт, усматривая здесь элемент оборонительной групповой психологии, характерной для класса, который все сильнее ощущая себя лишним и подвергаясь нападкам, упорно защищал свои охотничьи права, дабы оградить от вторжения современного мира хотя бы одну сферу жизни, которая традиционно являлась монополией аристократии и сохраняла для нее главенствующее значение¹².

Однако в 1848—1850 гг. аристократия, как правило, терпела в этой битве поражение. В Пруссии, Баварии и некоторых других германских государствах охотничьи права дворянства были отменены навсегда, причем без всяких компенсаций. В Ганновере, Саксонии Бадене и Брунсвике за них полагался выкуп. В 1848 г. крестьяне начали настоящую войну против диких животных, неуклонно уничтожая их, и в результате количество дичи обитавшей в сохранившихся небольших дворянских усадьбах резко сократилось. Адам Швапах писал в 1883 г. что «пересмотр охотничьих законов исчезновение дичи и отказ от обязанности способствовать охотникам привели к тому, что старые методы охоты претерпели важные изменения. Прежние охоты, проводимые с большим размахом, и величайшая их гордость — преследование зверя с гончими собаками, почти полностью отошли в область воспоминаний, и исключения становились все более редкими»¹³.

На их место пришла стрельба из засады, которая к 1914 г. стала популярнейшим времяпрепровождением аристократии — для некоторых ее представителей подобная охота стала, в сущности, настоящей страстью. Стрельба-battue требовала куда меньшей ловкости и храбрости чем конная охота на лис или пешее преследование крупного зверя. Современное огнестрельное оружие и патроны, не говоря уже об искусственном разведении диких птиц, позволяло аристократам возвращаться с охоты с полными сумками дичи, охотничья добыча стала предметом состязания и подсчитывалась с азартом который предки этой знати

направляли на более важные дела. Пожалуй, наиболее отталкивающей была охота на чрезвычайно редких диких животных, например, на силезских зубров, или даже на экзотических зверей, специально приобретающихся в зоологических садах и становившихся мишенью наиболее выдающихся участников охоты. В 1913 г. герцог едва не набросился с кулаками на молодого адъютанта: то ли, по его словам, навел ружье на кенгуру, приберегаемого для королевских гостей, прибывающих на бракосочетание дочери кайзера, которому сопутствовали различные развлечения, в том числе и охота. Этот случай свидетельствует о причудливом соединении аристократической страсти к охоте, современных транспортных средств и технических успехов в области баллистики¹¹.

Среди всех представителей европейской аристократии лишь высшая знать Австрии с успехом переняла английские обычаи. Отчасти это произошло потому, что по богатству австрийские аристократы немногим уступали английским. Возможно также, что исключительно замкнутая и обособленная, но при этом интернациональная по своему воспитанию австрийская элита нашла для себя легкий способ уйти от современности, удовлетворяясь лошадьми, сверхэлегантными и недоступными простым смертным светскими собраниями и прочими весьма изысканными способами скоротать досуг, которые не требовали чрезмерных умственных усилий. Наследники Лихтенштейна и Шварценберга, вступившие во владение отцовскими землями в 1830 г., в ранней молодости оба совершили длительную поездку в Англию и вынесли оттуда много уроков. Казалось, что главенство в сельском хозяйстве, стремление к изяществу и сельское общество обещают дворянству, которое государство и его чиновники вытеснили из управления страной, новую и устойчивую роль. Анти-централистские и бюрократические устремления возвращались на романтическом неофеодализме сэра Вальтера Скотта, горячо обожаемого, например, принцессой Элеонорой Шварценберг. Проявления подобной тенденции усматриваются и в романтическом жесте владельцев Лихтенштейна, в 1807 г. выкупивших владения своих предков, и в растущей популярности «естественных» (пейзажных) английских садов. Обеды, которые в начале века обычно начинались в два часа пополудни, с течением лет, в подражание английскому обычаю, передвигались на все более и более позднее время. В период между 1840 и 1857 годами Шварценберги даже перестроили замок Фрауенберг в стиле нео-Тюдор. Однако ни в одной сфере жизни англомания не заходила так далеко, как в увлечении лошадьми, которое приобрело размеры подлинного культа. Жокейский клуб превратился в «социальный центр при-

тяжения аристократии». Принц Карл II Шварценберг потратил на своих скаковых лошадей целое состояние. Принц Алоиз II Лихтенштейн питал страсть к охоте на английский манер. Его конюшни, управляемые исключительно англичанами, поглощали от 3 до 5 процентов его годового дохода. Как отмечает Ганс Кудлих, принц Лихтенштейнский «подражал изысканному образу жизни старой английской аристократии и стремился познакомиться с высшей австрийской знатью с чопорным стилем этой жизни, со всеми ее обычаями, лошадьми, скачками, экипажами и вышколаженными слугами»¹².

Русские аристократы также нередко подражали английским, хотя и не столь самозабвенно, как австрийские. Согласно утверждению Д. В. Уоллиса, крупнейшего викторианского специалиста по России, только петербургская аристократическая элита усвоила холодную, сдержанную неприступность английской знати, решительно пойдя вразрез с привычными для русского просвещенного общества обычаями и устремлениями. На протяжении всего девятнадцатого столетия доминирующим стилем русских помещичьих усадеб оставался «ампир», хотя русский неосредневековый стиль, погружающий интерьеры домов в угрюмый полумрак, также имел своих почитателей. При этом к началу девятнадцатого столетия в России приобрели немалую популярность английские сады, горячей поклонницей которых была императрица Екатерина II. К 1914 г. спорт приобрел все большее значение в кругах аристократии; например, граф Сумароков-Эльстон стал российским чемпионом по теннису. Тем не менее, единственной российской школой, отдаленно отразившей спортивную манеру, столь характерную для английских паблик-скул, стало одно из самых аристократических цивильных учебных заведений империи, а именно Александровский Лицей. Однако и коннозаводчество, и скачки были широко распространены в России и имели там давние традиции. Впервые крупные скачки были проведены в Москве в 1785 г., и главным их устроителем являлся ведущий коннозаводчик империи, один из графов Орловых. В высших кругах российской аристократии умение выносить суждения о лошадиных статях и возвращаться с охоты с полными сумками дичи ценилось так же высоко, как и повсюду в поздне-викторианской и эдвардианской Европе. К 1914 г. в моду также вошло отдавать детей на попечение английской няни¹³.

Однако, учитывая русские традиции, попытки российских аристократов внедрить у себя стиль английской усадебной жизни сталкивались с исключительными трудностями. Веками наиболее выдающиеся представители российской знати становились

придворной аристократией. Таково было желание царей. Экономическая отсталость, слабо развитые средства связи и разделение наследственных владений делали невозможным получение значительных доходов с помещичьих имений: если крупные землевладельцы желали поддерживать аристократический стиль жизни, им необходимо было заручиться благосклонностью монарха. В семнадцатом и восемнадцатом веках, по мере расширения империи, с головокружительной быстротой росли и размеры вознаграждений, раздаваемых царствующими особами своим царедворцам. Западнические устремления аристократии, усилившиеся в восемнадцатом веке, расширяя культурные горизонты, тем самым пробуждали у дворян желание жить в столичном городе, а не хоронить себя в селе, в лесной глуши, за сотни, а то и за тысячи километров от цивилизации.

В воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля, посвященных крупным землевладельцам конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века, которые в силу различных соображений были вынуждены безвыездно жить в своих поместьях, весьма рельефно показано, что люди эти вели крайне уединенный образ жизни и по отношению к сельскому обществу держались особняком. И князь С. Ф. Голицын, и князь А. В. Куракин не испытывали ни малейшего желания жить в деревне: однако оба пали жертвами императорской опалы. Голицыну пришлось удалиться на Украину, а Куракину в свое поместье на границе Саратовской и Пензенской губерний, и хотя их владения не были столь уж отдаленными уголками империи, все же, в отличие от близлежащих к Москве губерний, отнюдь не являлись центрами дворянской культуры. Как ни хороши были пейзажи, окружавшие имение Голицыных, с точки зрения владельцев, они жили в настоящей глуши. К соседнему мелкому дворянству, несопоставимому с ними ни по социальному статусу, ни по культурному развитию, знатные изгнанники относились с откровенным пренебрежением, а от имений аристократов, которых они считали ровней, их отделяли многие и многие версты. В этой сравнительно недавно освоенной местности, где семья провела всего год, деревянный господский дом отнюдь не отличался великолепием и изысканностью планировки, а сады лишь начали разбивать. Положение князя Голицына, который проводил целые дни в охоте на зайцев, не слишком отличалось от положения английского пэра, изгнанного в 1760-х годах в далекую американскую колонию. Князь Куракин, имение которого, напротив, располагалось в обжитой местности, избрал для себя образ жизни польского магната. Удалившись в свое превосходное имение Надеждино, он обустроил свой быт в соответствии

со строгими правилами чуть ли не королевского этикета. Целый рой мелких провинциальных дворян, которые исполняли при своем повелителе должности мажордомов, дворецких, секретарей и управляющих, составлял «двор» князя Куракина. Куракин, преклонявшийся перед королевой Марией Ангуанетгой, потешил себя, выстроив в сельской глуши церковь в память о ней¹⁷.

В губерниях, расположенных ближе к центру России, в первой половине девятнадцатого столетия образованные дворяне жили совсем не так уединенно, как Голицын или Куракин. Гаукстаузен описывает жилища и образ жизни многих просвещенных дворян в 1840-е годы. Мемуары и воспоминания, относящиеся к этому периоду, подтверждают, что в царствование Николая I во многих губерниях проживало немало высокообразованных, достаточно состоятельных семей, по своим устремлениям даже не чуждых космополитизму. Именно из этой среды, из помещиков богатых черноземных губерний, вышли, например, наиболее выдающиеся славянофилы. Даже в нечерноземном Нижнем Новгороде можно было встретить такое, вовсе не столь уж нетипичное явление, как А. Д. Улыбышев, чье имение находилось примерно в тридцати верстах от города. Подобно другим представителям высшего дворянства, Улыбышев в течение ряда лет занимал государственный пост, прежде чем удалиться в свое имение, библиотека которого содержала богатейшую коллекцию драматической, философской, исторической и музыкальной литературы. Улыбышев содержал свой собственный маленький оркестр; к тому же, вокруг него собирался кружок друзей, «которые были замечательными и увлеченными музыкантами-любителями». Десятилетия между 1812 и 1861 годами стали значительным периодом в развитии русской усадебной архитектуры; именно в эти годы российская аристократия достигла наибольшей культурной зрелости и плодovitости. Усадьба просвещенного помещика все еще являлась истинным оазисом культуры посреди крестьянской дикости, и представляла собой резкий контраст с многочисленными гнездами невежественных мелких дворян; тем не менее, подобные оазисы встречались не столь уж редко, и уровень культуры в них был исключительно высок¹⁸.

Однако по мере удаления от центра страны, как на север, так и на юг, культурная дворянская прослойка становилась все тоньше. На далеком юге, в Херсонской и Екатеринославской губерниях, в северной части Крыма, дворянские усадьбы были немногочисленны, и меж ними пролегали огромные расстояния. В. Н. Коковцев доводился племянником предводителю дворянства Новгородской губернии, расположенной в неплодородном северо-

западном районе. В годы его детства, пришедшегося на 1840-е годы, яблоки считались роскошью, а образованные соседи были чрезвычайно редки и жили далеко друг от друга. После 1861 г. островков дворянской культуры в таких местностях стало еще меньше, и многие помещичьи усадьбы, даже и в богатых центральных губерниях, пришли в упадок. Однако появление железных дорог в значительной степени способствовало тому, что помещики уже не ощущали себя оторванными от мира, а создание земства обеспечило дворян новой сферой деятельности, дав им возможность участвовать в выборных губернских учреждениях. Столетие спустя после того, как князь А. В. Куракин в гордом уединении проводил свои дни в пензенско-саратовской глуши, князь А. Д. Оболенский, помещик той же самой губернии, вел в своем имении весьма насыщенную культурную жизнь, в качестве предводителя дворянства помогая превратить Пензу в выдающийся центр музыкальной культуры, и активно участвуя в деятельности земства. При этом он мог всего лишь за сутки добратся до С.-Петербурга, где работал в различных комитетах Государственного Совета, который после 1905 г. являлся высшим законодательным органом России¹⁹.

Глава 8. Воспитание и культура

В воспитании и образовании, как и во всем другом, английская аристократия придерживалась не в пример большего единообразия, чем немецкая или русская. Еще в восемнадцатом веке разгорелись споры об относительных достоинствах воспитания в домашних условиях и образования, получаемого в школах. (Под последними имелись в виду привилегированные закрытые учебные заведения для мальчиков — паблик-скул). Победа осталась за сторонниками паблик-скул, которые, кроме всего прочего, особенно упирали на то, что будущим правителям необходимо расти в более суровой и коллективистской обстановке, чем та, которая возможна в тепличном и замкнутом мирке молодого аристократа, пестуемого дома. Среди пэров восемнадцатого века, чье воспитание пришлось на конец семнадцатого, питомцами Итона, Вестминстер-скул, Винчестер-скул и Харроу-скул было 16,2 процента, а среди родившихся после 1740 г. процент этот подскочил до 72,2 с явным преобладанием выпускников Итона. В девятнадцатом веке эта тенденция сохранилась. К 1900 г. пэр, который не учился бы в одной из престижных закрытых школ, был редким исключением, и за Итоном непоколебимо утвердилось положение главного наставника аристократической молодежи. Сверх того, за викторианский период эти школы стали более однородны по части критериев и организации учебно-воспитательного процесса, равно как и гораздо систематичнее и эффективнее в осуществлении контроля над жизнью своих питомцев. Ни один человек, знающий, что представляют собой английские высшие классы, не сомневался в значении того отпечатка, какой паблик-скул налагала на личность и ценности своих выпускников. По мнению Кларендонской комиссии*, учрежденной в шестидесятых годах прошлого века с целью обследовать и в известной мере реформировать девять привилегированных школ, они «сыграли, пожалуй,

* Кларендонская комиссия — королевская комиссия, образованная в 1861 г. под председательством графа Кларендона для обследования девяти главных привилегированных школ

важнейшую роль в формировании характера английского джентльмена». Не удивительно, что «стиль и манера поведения управляющей элиты — в высшей степени отличалась однородностью»¹.

Несколько факторов определили тип этих школ. Как школы-интернаты, они были более или менее замкнутыми мирками, которые ставили целью не только образовать интеллект, но и сформировать личность, выработать нравственные ценности и привычки у своих подопечных. Хотя, по крайней мере до 1860-х годов в большинстве ведущих школ имелось немало тупых, плохо подготовленных мальчиков, значительная часть учащихся и учителей относилась к ним с презрением, и не они играли решающую роль в определении школьных ценностей. В тех же шестидесятых, благодаря Кларендонской комиссии, отстаивавшей социальное единообразие состава учеников и добившейся его введением таких экзаменов, выдержать которые могли рассчитывать только дети из элитных семей, школы избавились от балласта. Высшие классы решительно взяли ведущие привилегированные школы под свою опеку и защиту. Фонды на их содержание складывались главным образом из платы, вносимой состоятельными родителями, очень многие из которых сами вышли из стен этих школ. Это обстоятельство, как и то, что ведущие паблик-скул существовали с незапамятных времен и в основном не зависели от государственного контроля, обеспечивало следование в них — в определенной степени — установившимся традициям, однако и не мешало восприимчивости к меняющимся веяниям в высших классах и в еще большей мере в высших эшелонах средних классов. Эти веяния школы и выражали, и создавали сами. После суровой но жизнелюбивой, и подлинно свободолюбивой эры Регентства² для паблик-скул наступил период Евангелического мира Томаса Арнольда³, а затем долгие годы несколько отупляющего конформизма позднего Викторианства, принесшего увлечение спортивными играми и восхваление империи.

Хотя в течении века ценности, исповедуемые паблик-скул, в некоторой степени менялись, во все времена «большинство англичан относительно меньше интересовала интеллектуальная сторона школьной жизни, чем нравственная». Томас Арнольд, с 1828 по 1842 г. возглавлявший Рагби, одну из девяти престижных закрытых школ, и оказавший огромное влияние на школы этого типа

в Викторианский период, ставил во главу угла нравственные ценности. Превосходный воспитатель, он не обладал глубокой эрудицией, а к чувственной и эстетической сторонам жизни был почти глух. Эдмунда Уарра, главу Итона с 1884 г. по 1905 г. по сравнению с Арнольдом не назовешь ни великим моралистом, ни духовным наставником. Для него, человека «по-юношески восторженного» и совершенно неинтеллектуального, главными ценностями были честность, верность и храбрость. Эти три добродетели воспитывались, по мнению Уарра, в хорошо организованных спортивных играх, и «поэтому он сделал спортивные игры центром жизни Итона, и это привело к тому, что все иные виды деятельности были либо подчинены им, либо вытеснены ими». Уарр вряд ли разошелся во мнениях с отцом Тома Брауна⁴, которому нужно было от школы только одно — чтобы его сын вышел из нее «смелым, полезным, правдивым англичанином, и джентльменом, и христианином». Кларендонская комиссия признала, что интеллектуальные успехи рядового ученика престижной школы «невозможно даже по самым мягким требованиям считать удовлетворительными», но она же подчеркнула значение той жизненно важной роли, какую школы играли в формировании характера у молодой поросли британской элиты. «Трудно даже оценить, в какой степени английский народ обязан этим школам теми качествами, которыми более всего гордятся англичане — способностью руководить другими и контролировать себя, умением сочетать свободу и порядок, общественным духом, энергией и мужеством, глубоким, но не рабским уважением к общественному мнению, любовью к здоровым видам спорта и физическим упражнениям»⁵.

По традиции воспитанники паблик-скул пользовались значительной свободой в своей частной жизни. И хотя до тридцатых годов прошлого века положение это было по-прежнему неизбежным в силу того, что на одного наставника приходилось большое число мальчиков, британская элита всегда гордилась этим фактом, противопоставляя свои независимость и ценности людей вольномыслящих континентальному деспотизму. Антиподом паблик-скул выступал давний жупел — иезуитский колледж. В нем — как утверждалось — начальство осуществляло строгий и мелочный надзор над мыслями и высказываниями своих подопечных, практиковало даже шпионство за ними, стремясь овладеть их сер-

¹ Имеются в виду годы 1811—1820, период правления принца-регента Георга, принца Уэльского, в связи с недееспособностью его отца Георга III.

² Арнольд, Томас (Arnold Thomas, 1795—1842) известный педагог и просветитель.

³ Персонаж широко известного в Англии «романа о воспитании» Т. Хьюза (Hughes, Thomas, 1822—1896) «Школьные годы Тома Брауна» (Tom Brown's Schooldays, 1857).

дцами и умами с тем, чтобы впоследствии манипулировать людьми, страдающими комплексом неизбежной вины, — людьми незрелыми и беззащитными, которых еще в детстве и в отрочестве они себе покорили. Свободолюбивый англичанин, напротив, предоставлял своим мальчишкам-школьникам возможность дышать полной грудью, тем самым не препятствуя развитию крепких самостоятельных индивидуальностей. Зазнайство и самомнение искоренялось из младших мальчиков старшими, меж тем как старшие учились брать на себя ответственность руководителей в сообществе, которое благодаря культу школьных традиций, уважению маленького аристократа к кодексу чести и мужества и силе мнения сотоварищей держало в узде всяческое своеволие. Иными словами, такая школа была аристократическим георгианским обществом в миниатюре. Она была суровым и анархическим миром, в котором возможность массового хаоса сдерживалась жестоким, даже репрессивным, раз и навсегда узаконенным режимом. Слабосильные и слабовольные отгеснялись на задний план, зато мальчики своеобразные, достаточно крепкие, чтобы защитить себя — «байроны» — могли расцветать в полную силу, пользовались свободой образовывать себя и даже вызывали восхищение соучеников и учителей. Для резких перипетий георгианской политики или для еще больших испытаний на поле боя, — а политика и война были главными функциями аристократии — привилегированные закрытые школы давали неплохую подготовку.

Томас Арнольд вознамерился начать на заре викторианского периода попытку реформировать — «христианизировать» — элитные школы. Это удалось ему отчасти еще и потому, что его усилия отразили смену вех в высшем обществе — пересмотр ценностей, в котором сказались преобразование двора Регентства в двор Виктории и Альберта. Сила личности Арнольда, его религиозных убеждений и преданности делу также сыграли тут не последнюю роль. В основном он придерживался такой тактики: чтобы расширить свое понимание жизненных ценностей в Рэгби, он завоевывал расположение и поддержку старших классов, и прибегал к примеру и авторитету старост, широко используя при этом благоговение младших школьников перед старшими и чувство преданности школе, к которым могли апеллировать старосты. Арнольд многое сделал, чтобы уничтожить разрыв, существовавший в георгианский период между учениками и учителями, объединив обе стороны в поддержке общих ценностей и стремлений. Знаменательно, что его принципы встретили самое резкое неприятие в аристократическом Итоне. Социальный престиж этой школы внушал ее питомцам уверенность, что они могут обойтись

без «передовых идей». Морализм Арнольда, не говоря уже о прославлении им честного труда, не прельщали, как правило, молодых людей, чье материальное благосостояние гарантировало, что им не придется искать работу, а чванство и гонор восставали против чужака из среднего класса, вздумавшего затронуть священные привилегии и обычаи их учебного заведения.

Во второй половине девятнадцатого века евангелический консенсус, на котором основывался успех Арнольда, стал сдавать. Верность школе как воплощение религиозных и нравственных ценностей — идеал Арнольда — стала верностью традициям, путям и ценностям школьного сообщества как такового. В публической школе господствовал дух милитаризма и прославления империи, и нигде дух этот не был так силен, как в Уарровом Итоне. Итон служил полигоном, где вырабатывался слепой жертвенный патриотизм — вера в «мою страну — неважно права она или не права», вера, упрощаемая удобным утробным чувством, что «мой круг» никак не может быть так уж не прав. Э. Ч. Мекк в качестве достоинств питомцев элитных школ, называет «хорошие манеры, стоицизм, правдивость и преданность своему сословию». По мнению Альфреда Литтлтона, эти школы прививали «чувство верности, *esprit de corps**, благоговение, впитываемое из возбуждающей атмосферы воодушевленной среды, склонность к корпоративным действиям, а также надлежащее стремление к благородству в поступках и заботе о сотоварищах». За все эти доблести приходилось, однако, платить. Сравнивая фотографии середины викторианского и эдвардианского периодов, Артур Понсонби отметил возросшую элегантность и, в особенности, единообразие во внешнем облике эдвардианцев. «Даже в лицах! — восклицал он. — Вы вряд ли отличите одно от другого... А это, без сомнения, зримый признак не только вкуса к изяществу во внешности, но и показатель влияния нашей современной системы образования на стереотипизацию и стандартизацию общества»³.

Недостатки элитных школ викторианского периода были в значительной степени недостатками не в меру самодовольной элиты самой большой империи в пору апогея ее мощи. Но в них проявились и слабые стороны классического образования — незнанием основы в большинстве публических школ на протяжении всего девятнадцатого века. Хотя в Винчестере умственное развитие ставили много выше, чем в Итоне и Харроу, ни существенного объема полезных знаний, ни умения критически мыслить питомцы

* Корпоративный дух (франц.).

этих заведений не приобретали. Классические дисциплины господствовали в программах в 1815 г., и все еще занимали в них главное и преимущественное место век спустя. «В 1884 г. в Итоне при двадцати восьми классиках было шесть математиков, ни одного учителя современных языков, ни одного специалиста по естественным наукам и только один историк». Такое положение классического образования являлось бледным отражением гуманизма эпохи Возрождения и укоренившегося представления, что Греция и Рим вкупе с Христианством — те столпы, которыми держится европейская цивилизация¹.

Лишь очень немногие ученики вынесли из изучения античности чувство восхищения Афинами и холодной сдержанностью, стоицизмом, общественным духом римского правящего класса — восхищение мужами, «отличительными качествами которых», по наивному суждению Томаса Арнольда, «были любовь к государственным учреждениям и порядкам и уважение к законам». Для этого меньшинства классическое образование, получаемое в школе, было попросту подступами к «*literae humaniores*»* в Оксфорде — самому престижному из всех университетских курсов в глазах викторианского правящего класса. Платон и Аристотель узаконили правление элиты, а в искусстве политики видели одно из высших призваний человека. Этим они снискали себе популярность в английских правящих кругах, которые ничтоже сумняшея проводили аналогию между Англией и Афинами, Британской империей и Римом. Власть и политика всегда — и в беспримерной для Европы степени — были *métier*** английской аристократии, и теперь, когда нужно было управлять еще и империей, появилось более, чем достаточно места для пополнения рядов «платоновских» стражей закона и правопорядка, за счет представителей средних классов. Всеобщий взгляд на Английскую империю как на второй Рим помогал объединить всех выпускников Оксфорда — и аристократических отпрысков, и выходцев из средних классов. Для многих из них, окончивших Оксфорд в последние годы викторианского периода, «стоицизм античности и вера в империю должны были» — на взгляд Ричарда Симонда — «заменить утраченную веру в Христианство»³.

Если что-то из классической премудрости просачивалось в мозги юных воспитанников элитных школ, то вряд ли благодаря методам, какими она в них вколачивалась. Большинство школь-

ников слишком крепко увязали на подходах к латинской грамматике, чтобы учиться чему бы то ни было у Платона, Аристотеля и Фукидида. В большинстве школ главным в обучении считалось вбить в учащихся грамматику древних языков, да натаскать на писание на них сочинений, но прилагался минимум усилий (за исключением отдельных случаев), чтобы передать дух литературы античности, античного общества и истории. Цель обучения виделась, главным образом, в воспитании привычки к запоминанию, усердию, систематическому мышлению и пристальному вниманию к частностям. А так как эти качества, само собой понятно, не даны человеку от природы, то, особенно в первой половине девятнадцатого века, роль воспитания и образования виделась в том, чтобы дисциплинировать и обуздывать человеческую натуру, а не в том, чтобы — в духе Руссо — следовать ей. Хотя после рекомендаций Кларендонской комиссии в 60-х годах в курс обучения стали чаще вводить и «современные» предметы; попытки сочетать их с все еще, в основном, классической программой, приводили к крайней перегрузке расписания, и даже у смысленных учеников не оставалось времени для самостоятельной мысли. Методы преподавания классических дисциплин почти не менялись, увлечение спортивными играми становилось поголовным, и даже в 1906 г. высказывалось мнение, что «наши английские средние школы <...> куда терпимее к беспечно-благоразумному невежеству», чем за границей, так что едва ли следует удивляться бездумному и самодовольному филистерству большинства питомцев элитных школ. Артур Понсонби совершенно справедливо подчеркивал бесполезность сухо и дурно преподаваемых классических предметов, из которых ни один школьник не мог уразуметь, что греческие стихи на самом деле поэзия, или узреть хотя бы отдаленную связь между тем, что он учит, и проблемами его собственной эпохи. К тому же история, которую не требуется сдавать при поступлении в университет, преподавалась очень поверхностно, а «ни один ученик паблик-скул, если ему не привелось побывать за границей, не умел сносно говорить по-французски»⁶.

В то время как в Англии среди аристократов насчитывалось мало католиков и их значение было сравнительно невелико, в Германии эта конфессия играла важную роль. В результате событий 1789—1815 гг., католическая церковь усилилась. Преследования со стороны революционеров делало из католиков мучеников. Вандея превратилась в великую легенду, расписываемую и расцвечиваемую консервативными писателями; в ее армии сражались крестьяне-католики, руководимые местными аристократа-

* «Гуманитарные науки» (лат.) — четырехгодичный курс классических языков и филологии в Оксфордском университете.

** Занятие (франц.)

ми и священниками. Приверженцы старых порядков повсеместно видели корни революционной идеологии в индивидуализме и рационализме, которым поклонялось Просвещение. Нетрудно было указать их истоки в бунте Реформации против власти церковников. Немецкая лютеранская церковь восемнадцатого века разделяла, в целом, рационализм просветителей, тогда как католическая церковь была главным врагом и Просвещения, и Революции. Теоретики — противники революции с ностальгией вспоминали о корпоративном и иерархическом обществе Средних веков. Для всех, кто клял эгоизм и материализм, которым, по их мнению, вольномыслие освободило путь, защита церковного семейного и общественного единства казалась очень привлекательной. Столь же привлекательной была для них и вера церкви в нерушимый, Богом данный порядок и в нравственные ценности, основание которых было вне этого мира и вне понимания разумом. Даже протестантские мыслители консервативного толка отзывались с похвалой о многих сторонах католицизма, а некоторые (например, Карл Людвиг Халлер в Германии и Джон Генри Ньюмен в Англии) перешли в католичество.

Если подобные течения существовали внутри немецкого протестантизма, то неудивительно, что подавляющее большинство немецких католиков-аристократов не могло не укрепиться в своей вере под воздействием событий 1789—1815 гг., не говоря уже о пригнесениях, которым в Германии подвергались католики со стороны все более набиравших силу протестантских княжеств и общин. Приверженность католической церкви, однако, различалась от семьи к семье и даже от человека к человеку. То же можно сказать и о готовности немецкой аристократии проглотить во всем объеме антилиберальные папские буллы, включая *Syllabus** Пия IX и его догмат о непогрешимости папы. Среди высшей знати смешанные браки были отнюдь не редкостью и часто приводили к тому, что сыновья следовали вере отцов, а дочери выбирали религию матери. Вряд ли в таких обстоятельствах между конфессиями могла разыгаться острая вражда, и верность католической церкви в значительной мере оставалась таким же, как и в восемнадцатом веке сочетанием семейной традиции с разумным уважением к нравственным принципам, лежащим в основе общественного порядка.

Таким, например, было отношение к сложившемуся положе-

* *Syllabus errorum* — приложение к папской эдиктике от 8.XII 1864 г., в которой перечислялись и осуждались формы современной жизни, не соответствующие учению папской католической церкви. Таковых было указано папой восемьдесят

нию вещей у Карла Эгона II, вольнодумца и масона, родившегося в эпоху Просвещения и женатого на протестантке. Он проявлял огромный интерес к естественным наукам, развитию техники и образованию. Своему наследнику он решил дать образование, наилучшее из всех возможных, и с этой целью взял ему в гувернеры протестанта, а затем отправил в Гейдельбергский университет для серьезных занятий историей и юриспруденцией. Только семейная традиция и сознание, что религия связывает его с бывшими подданными, давая легитимность его власти в глазах местного населения, удерживали Карла Эгона II в лоне католической церкви. Его сын (хотя он тоже был женат на протестантке) был куда более ревностным католиком, чем его отец; но своим ближайшим пожизненным другом Карл Эгон III считал Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингфюрста, будущего имперского канцлера и старейшину католиков-либералов, самую выдающуюся личность в той небольшой группе крупных аристократов-католиков, которая продолжала поддерживать либеральное Прусское государство даже в период *Kulturkampf**⁷.

Гогенлоэ был, однако, исключением; подавляющее большинство аристократов-католиков решительно не одобряли либеральную политику, которая, по их мнению, не только притесняла их собственный класс, но и разрушала политический и нравственный порядок в целом. Из всех групп аристократов-католиков, наиболее последовательными в защите своих консервативных религиозных принципов были, пожалуй, вестфальцы. Бургхард фон Шорлемер-Альст, по всем данным не самый предвзятый наблюдатель, в 1866 г. заявлял, что «католическое дворянство Вестфалии, не в пример более, чем дворянство любой другой страны, хранит верность своей церкви».

По сравнению с Гогенлоэ и Фюрстенбергами вестфальская *Stiftsadel* была менее державной и более провинциальной. Мюнстерская знать, например, заключала браки почти исключительно в своем узком кругу. К тому же в этих, в прошлом подчиненных папству землях судьба дворянства неизменно была тесно связана с судьбой церкви. В ответ на секуляризацию и давление со стороны прусского либерального государства мюнстерское дворянство, считает Гейнц Райф, вдохнуло новую жизнь в свой католицизм. В восемнадцатом веке многие аристократы жили за счет церковных доходов, но лишь немногие были истинно верующими. В девятнадцатом веке это положение изменилось: члены знат-

* «*Kulturkampf*» — имеется в виду борьба между прусским канцлером Бисмарком (1815—1898) и католической церковью в 1872—1888 гг.

ных семей сплошь и рядом стали служить церкви с самоотверженностью и глубокой верой, точно так же занимаясь благотворительными делами, которые исходили от церкви. Хотя вера эта и служение были несомненно искренними, справедливо и то, что католицизм многообразно помогал вестфальской аристократии. В революционный период единству семейного клана — жизненно важному там, где старались сохранить права первородства, — угрожал дух индивидуализма, распространившийся среди младших сыновей и дочерей. Воздействие воспрянувшего католицизма вместе с куда более глубокими и задушевными отношениями между родителями и детьми должно было противостоять этой угрозе и сementировать верность семейным началам. К тому же, церковь давала дворянству основательную, освященную веками и сильную антилиберальную идеологию, с помощью которой аристократии легче было восстанавливать свое положение лидера среди католического населения на основе общей вражды к многим сторонам прусского государственного либерализма.

В ходе борьбы за предохранение духа верности католицизму и семье от ядовитого соприкосновения с либерализмом и прусской государственностью, аристократия Вестфалии и Рейнской области создала в Бедбурге Рыцарскую академию, где ее отпрыски могли получать общее образование, соответствующее тому, какое давалось в гимназии, но получаемое в чисто дворянской, католической среде, и где вместе с *poblesse oblige** их наставляли бы и по части семейной, религиозной и сословной гордости. Точно так же ряд швабских католических *Standesherren*, оказавшихся после 1806 года подданными протестантского либерального Вюртемберга, открыли в Нейтраухбурге свою дорогую частную школу-пансион, которая должна была обеспечить их сыновьям образование равное гимназическому, но в чисто католическом и дворянском окружении. Учителям Нейтраухбургской школы было, однако, не легко подвигнуть ленивых и беспечных наследников южно-германской знати к ревностным усилиям в постижении наук, религии и политики. В Бедбурге с этой задачей справлялись успешнее, но и там вера и сильный характер ценились выше, чем интеллект⁸.

У прусской протестантской аристократии для получения образования было два канала. Многие мальчики из верхних слоев общества посещали обычную государственную среднюю школу, гимназию, — общедоступную дневную школу. Однако дворяне

всегда составляли там меньшинство. «Дворянство не гнушается сидеть за одной партой с сыновьями торговцев» — восхищался заезжий британец. Будучи дневными школами, гимназии сосредоточивали усилия на развитии в своих питомцах интеллекта, а не всей личности в целом, однако, исповедуемая в гимназиях философия образования была несравненно более передовой, чем в публич-скул. Как государственные учреждения, гимназии предназначались частично и для подготовки развитых, культурных чиновников, но принятая в них концепция образования была откровенно антиутилитарной и направлена не на набивание учеников сведениями или вдавливание в них грамматических правил, а скорее на поощрение того, что Ч. Э. Мак-Клелланд определял как «чуть тронутый аристократизмом дух саморазвития и досуга». Через неогуманистический курс в гимназии и изучение философии, права и политики в университете «Фихте и даже Гумбольдт намеревались создавать для управления Пруссией если не королевей-философов, то, во всяком случае, бюрократов-философов»⁹.

Краеугольным камнем неогуманистического образования были классические дисциплины, однако, его адепты черпали вдохновение из немецких научных исследований античности и стремились не просто научить своих учеников грамматическим правилам, а открыть им глаза на культуру, философию и общество Греции и Рима. Как заметил Мэтью Арнольд*, при таком обучении учащихся (в сравнении с мальчиками, питаемыми голой грамматикой) «возникает гораздо более живой и жадный интерес к греческому и латыни; и намного более вероятно, что их память удержит эти языки навсегда». Если лучшие ученика прусской классической гимназии имели перевес над своими английскими собратьями, то и число пруссаков, извлекавших что-то стоящее из классических штудий, было намного большим, чем в Англии. Наряду с классическими языками прусским гимназистам преподавались математика, немецкий и французский языки, история и естественные науки. Правда, кроме гимнастики, да и то не везде, спортом там не занимались. Вывод, который сделал Мэтью Арнольд, звучал весьма мрачно: «в Англии подавляющее большинство учеников публич-скул работают куда меньше, чем школьники за рубежом»¹⁰.

С типом обучения, существовавшим в английских элитных школах, прусский дворянин знакомился только по окончании гим-

* Благородство обязывает (франц.).

* Арнольд, Мэтью (1822—1888) — английский эссеист, критик и поэт.

назии — если вступал в одну из университетских корпораций. В отличие от Оксфорда и Кембриджа, в немецком университете студенты жили не совместно на университетской территории, а расселялись по отдельным квартирам. Те, кто тянулся к организованным формам образования, находили их в корпорациях, ассоциациях и обществах, членство в которых было сугубо добровольным. Из этих различных «братств» именно корпорации выделялись как наиболее закрытые сообщества, куда принимали в основном знатных и состоятельных студентов юридического факультета, справедливо имевшего репутацию самого ленивого и богатого из всех по составу своих учащихся. Нельзя, однако, забывать, что к началу двадцатого века «общее число дворян в корпорациях понизилось до восьми процентов»¹¹.

Корпорация всегда состояла из малого числа членов, и, как правило, не более десяти активных в каждый данный период. В ней соблюдалась четкая иерархия; новички (*Fuchse*)* должны были проходить через обряды посвящения и обслуживать старших корпорантов, выполняя их поручения. В корпорациях существовали свои ритуалы и свой жаргон: «для такого серьезного занятия как попойка имелся детально разработанный неформальный ритуал» Дуэли считались *de rigueur***, а их целью было выказать мужество, хладнокровие и готовность защищать свою честь в глазах себе равных. Товарищество, чувство исключительности, любовь к ритуалу и особой форме одежды объединяли корпорантов. Они гордились своей манерой поведения, своим самообладанием и не требующим особых усилий превосходством над другими студентами. Старые бурши, часто горячо преданные корпорации, помогали в устройстве будущей карьеры. Сентиментальные воспоминания о былой вольнице и буйных пирушках связывали их с корпорациями; узы братства были на редкость крепки, в особенности в более аристократических департаментах гражданской и дипломатической службы. Здесь многое напоминало английские паблик-скул: и тут и там молодые люди щеголяли в странных — но важных как символ — головных уборах, форменной одежде, носили «свои» цвета и тому подобное «свое». Сравнивая в 1911 г. аристократическую молодежь в разных странах Европы, некий русский обозреватель отмечал, что англичане, «самые юные» среди сверстников, по большей части сочетают в себе наивность, любовь к спорту и ограниченность во взглядах или миропонимании. Ближе всего к ним стояли немцы, хотя последние превосходили

англичан в уважении к властям предрежащим. По мнению этого русского, немецкие юноши — нравственно чистые и физически сильные — были сентиментальны, нудны, неуклюжи и туповаты, зато, как и англичане, менее распущены, чем французы. И отличались значительно лучшим поведением и большим единообразием, чем русские юнцы. Если этот русский господин сравнивал студента-корпоранта и выпускника одной из более элитных паблик-скул, то он был весьма недалек от истины¹².

Альтернативой гимназии для прусского дворянства был кадетский корпус. В девятнадцатом веке туда принимали мальчиков десяти лет, и в этих закрытых военно-учебных заведениях они проводили от шести до восьми лет, прежде чем — при условии успешного окончания — получить назначение в армию. Начиная с 1840-х годов общеобразовательный курс в кадетском корпусе почти не отличался от курса реальной гимназии: иными словами, в области теории равнялся гимназическому курсу, но с большим удельным весом математики и преобладанием современных, а не классических наук. Хотя изучение военных предметов начиналось только со старших классов, в корпусе на всех его ступенях царила военная атмосфера и высоко ставились воинские доблести. Кадеты знали, что начальству гораздо милее «сильный характер» и воинские добродетели, чем блестящие успехи в науках. Мальчикам, выбравшим службу в армии своим жизненным поприщем и, как правило, происходившим из военных семей, редко когда требовалась особая помощь, чтобы привести их понятия и поведение в соответствие с принятыми в корпусе.

Даже по критериям поздневикторианской паблик-скул, кадетский корпус был школой с суровым, консервативным, тоталитарным режимом. Кадет вставал в половине шестого утра, ложился спать в десять вечера, и каждая минута в течение дня, каждый его шаг строго регламентировались. Индивидуальность искоренялась даже прежде, чем он достигал подросткового возраста. От кадета требовалась строжайшая дисциплина и беспрекословное подчинение. Никакие скидки на слабое здоровье или психологические особенности не допускались: от прусского офицера ожидали, что он будет достойно блюсти честь своего мундира, каким бы превратностям ни подвергся и перед какими бы трудными задачами ни оказался. Как и в английской паблик-скул, в кадетском корпусе среди воспитанников существовала иерархия, и на каждом ее уровне имелись определенные привилегии и обязанности, обеспечивающие поведение согласно установленным правилам и ценностям. Как и в паблик-скул, подготовка к жизни в обществе (социализация) проводилась неформально, са-

* Букв. лисы (нем.)

** Обязательными (франц.)

мими мальчиками. Цель ставилась — воспитать крепких, уверенных в своих силах младших офицеров, беззаветно преданных офицерскому корпусу и полностью разделяющих его ценности. В соответствии с этими целями в юных кадетах воспитывали дух повиновения, и подавляющее их число с честью выдержало проверку практикой. Престиж офицерского звания был очень высок; выросшие в большинстве в сельской местности, мальчики отличались крепким здоровьем и самостоятельностью, а жизненные принципы, внушаемые им в корпусе, полностью совпадали с теми, какими руководствовались их отцы, какие культивировались у них дома. Кадетский корпус был предназначен для того, чтобы сделать стальной волю и сильным тело. Для развития интеллекта было мало времени, а на воспитание чувств, включая эстетическое, не оставалось совсем. В защиту кадетского корпуса можно, однако, сказать, что главной задачей этого учебного заведения была подготовка офицеров для действия на поле боя, и качества, которые оно воспитывало в своих питомцах, полностью соответствовали этой цели¹³.

У русского дворянства восемнадцатого века не было собственных, российских, традиций в воспитании и образовании, как не было и давно учрежденных школ с установившейся репутацией. Принципы образования заимствовались у Запада и плохо укоренялись в русской почве. Да и часто принципы эти приходили в столкновение друг с другом. К 1800 году на одном полюсе было государство, которое нуждалось в знающих голковых чиновниках. На другом — действовали принципы, внушаемые своим питомцам французскими губернаторами-эмигрантами, которые стремились привить русской знати манеры, нравы и идеи парижских салонов времен Старого режима. Между этими двумя крайностями обосновались педантичные немцы из третьего сословия — главные наставники русской дворянской молодежи, которые содействовали развитию у нее идеи культурного лидерства и общественного служения. Идеи, навеянные Руссо, также имели успех. Иностранные влияния не прекращались и в девятнадцатом веке. На протяжении десятилетий велись, то разгораясь, то затихая, жаростные дискуссии о пользе или, напротив, вреде классического образования, заимствования целиком западного опыта при отсутствии местных корней и государственной поддержки обучения греческому и латыни¹⁴.

В России не было полуавтономных университетов в прусском духе, не говоря уже о независимых престижных школах в духе английских паблик-скул. Государство держало образование под прямым контролем и его колебания в образовательной полити-

ке — следствие, как правило, смены политических течений — приводили к тому, что в девятнадцатом веке подход к преподаванию в образовательных учреждениях России был намного менее устойчивым и неизменным, чем в Англии и Германии. В обеих этих странах, во всяком случае на протяжении викторианского периода, школьное обучение было весьма успешным и редко давало повод ставить под вопрос основные принципы и методы, согласно которым элита получала воспитание и образование. Пруссия пережила свои годы кризиса с 1807 по 1815 гг., радикально реформировав систему образования. Мэтью Арнольд писал о прусских гимназиях, что «пруссаки довольны ими, гордятся ими и имеют к тому все основания; прусская школа умно спланирована и соответствует их интеллектуальным потребностям». Россия же, напротив, получила свою Йену* в Крымской войне 1854—1855 гг. и поэтому только в середине века прошла через период радикальных реформ, включая и реформу образования¹⁵.

К тому же русское дворянство было более разнородным, чем прусское юнкерство, а русское государство начала девятнадцатого века менее эффективно и не так спаяно, как прусское. Эти обстоятельства отражались на образовании, которое давалось в кадетских корпусах до 1861 года. Большинство русских кадетских корпусов обладало теми же достоинствами и недостатками, что и их прусские аналоги, — правда, степень образованности их воспитанников в силу нехватки соответствующих учителей была зачастую несколько ниже. Как и в Пруссии, эти учебные заведения, однако, отличались жестким режимом и антиинтеллектуальной направленностью, но готовили крепких, храбрых и преданных строевых офицеров, которые могли претендовать, по крайней мере, на некоторую образованность. Но в России отношение к различным армейским специальностям всегда было очень дифференцированным, да и образованность, как и культурность — редкие гости в российском захолустье — были в большем почете, чем на Западе. При Николае I артиллерийские и инженерные училища имели (по западным критериям) на удивление высокий статус среди других военных учебных заведений, а от воспитанников требовался более высокий образовательный уровень, чем существующий в обычных кадетских корпусах.

В отличие от Пруссии (исключая Силезию) аристократия в России состояла из владетельных особ — крупных землевладельцев, и два кадетских корпуса — Пажеский корпус и Школа гвар-

* Имеется в виду Йена-ауэрштадское сражение (1806), в котором прусские войска были разбиты Наполеоном

дейских подпрапорщиков, — которые предназначались для этой элиты, резко выделялись из общей массы военных училищ. Пажеский корпус был ближайшим аналогом Итона; в старших классах презирали наставников из третьего сословия и противились малейшему отступлению от пажеских традиций или от власти над младшими мальчиками — что напоминало реакцию итонцев на «арнольдизм». В воспитании и образовании учащихся Пажеского корпуса особое внимание уделялось элегантно, изысканным манерам и безупречной французской речи — качествам, типичным для русской высшей знати этого времени. Не случайно главным лицом в этом заведении при Николае I был французский эмигрант Жирардо. Школа гвардейских подпрапорщиков отличалась от Пажеского корпуса, прежде всего потому, что его глава, А. Н. Сутгоф, высоко ставил развитый интеллект. Поскольку его аристократические питомцы приходили из гораздо более просвещенных семей, чем рядовые кадеты из дворян, и к тому же вносили очень большую плату, Сутгоф мог предъявлять к ним высокие требования, поощрять в них стремление к общему развитию и нанимать лучших из наличествующих в Петербурге учителей¹⁶.

Николаевский режим употреблял большую часть своих усилий, чтобы обеспечить России положение великой военной державы. Право на такое положение, в значительной степени, было следствием того факта, что в результате кампании 1812 года царская империя считалась, в целом, мощнейшим государством Европы. Поражение в Крыму подточило это право, а среди правящей элиты вызвало значительную переоценку ценностей почти во всех областях национальной жизни. Система военного образования была преобразована, и в духе, напоминающем прусские реформы 1807—1812 гг., установлено, что современному офицеру необходимо — прежде чем окунать его в военную атмосферу и муштровку — дать полное среднее образование. Организационная непоследовательность, свойственная царскому правительству, также внесла свою лепту в специфическую, но успешную роль, которую кадетские корпуса сыграли в шестидесятых-семидесятых годах девятнадцатого века. Многочисленные военные училища контролировались Военным министерством, глава которого Дмитрий Милютин, был либералом, весьма приверженным к высокому образовательному уровню, «современному» курсу математики и обучению живым иностранным языкам, а также к подготовке первоклассных наставников в военном искусстве. Напротив, Министерство образования, возглавляемое архиконсерватором Дмитрием Толстым, старалось вбивать в сопротивляющихся русских учащихся обычных гимназий курс классичес-

ких наук. В результате военные училища стали прибежищем для сравнительно «прогрессивных» образовательных принципов, хорошего преподавания и дружеских отношений между учителями и учащимися. Однако вновь вмешалась политика: за восшествием на престол Александра III последовала отставка Милютина и восстановление в армейских кадетских училищах более консервативного духа. Правда, образовательный уровень уже не понижался до тех степеней, какими отличался до реформ 1861 года¹⁷.

Таким образом, военное образование в России внешне выглядело очень похожим на прусское, однако на практике часто весьма от него отличалось. То же самое, и даже в большей степени, относится и к русской гимназии, и к русскому университету. До 1860 г. русская гимназия уступала прусской из-за недостатка хороших учителей, из-за отсутствия последовательной образовательной доктрины, отвечавшей новым гуманитарным веяниям, и в силу политических ограничений, налагаемых на предметы обучения. Тем не менее, программа обучения в гимназиях отличалась большей широтой, а преподавание большей тщательностью, чем в обыкновенных средних учебных заведениях. В 1860-х годах Россия обрела руководящую образовательную доктрину. В качестве противоядия растущему в молодежи нигилизму и отсутствию в русской жизни самодисциплины, порядка и устойчивости, Дм. Толстой предписал ввести в гимназиях изучение грамматики классических языков. Государственных воспитателей юношества, озабоченных единственно тем, чтобы русские молодые люди обладали натренированной памятью и строгим, логичным и систематичным мышлением, мало заботили — скорее даже пугали — идеи античного мира и структура античного общества. Усилия Толстого деполитизировать русскую молодежь дали, однако, обратный результат. Мир классических языков и гимнастика ума привлекали русских гимназистов даже меньше, чем их английских сверстников, которые, по крайней мере, принадлежали к обществу, чьи ценности были, в конечном итоге, заимствованы из древней Греции и Рима, и которых в викторианский период обучало достаточное число отменно знавших античность учителей. Русские же гимназисты, замученные зубрежкой грамматики, от которой, в отличие от английских мальчиков, они не имели возможности отдохнуть, сбежав из классной комнаты на спортивную площадку, сплошь и рядом исполнялись ненависти к школе и создавшему ее государству. Как полагает Томас Дарлингтон, ведущий английский специалист по вопросам образования в России, на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков «русский юноша,

окончивший курс гимназии или *realschule**, несомненно был лучше развит, чем его сверстник из английской паблик-скул». Это был комплимент русскому обществу, которое с уважением относилось к умственному развитию и образованию, а вовсе не методам толстовской гимназии¹⁸.

Политические ограничения, налагаемые режимом, равно как и воздействие на преподавание политизации студенческого сообщества дурно сказывались на университетах. Тем не менее, начиная с сороковых годов девятнадцатого столетия Московский, а несколько позднее Санкт-Петербургский, были первоклассными университетами, сопоставимыми с любым высшим учебным заведением Европы. По мнению Томаса Дарлингтона, обычно не склонного к преувеличениям, «мало найдется периодов в истории любой страны, когда бы в стенах одного учебного заведения сосредоточилась такая интеллектуальная мощь, как в Московском университете в сороковые годы». В России, как и в Германии, студенты из высшего класса в основном заполняли юридический факультет, пресловутое убежище бездельных светских фатов. Более того экзамены в русских университетах не отличались той строгостью, с какой прусское государство относилось к студентам, стремившимся поступить на государственную службу. Тем не менее и в России и в Пруссии университеты много чему могли научить то меньшинство, которое желало приобрести навыки и знания¹⁹.

Различие в образовании, получаемом в России, с одной стороны, и в Англии и Германии, с другой, больше всего определялось не программами, а составом учащихся, их средой. Если прусские гимназии были в этом плане значительно демократичнее английских паблик-скул и Оксбриджа**, то к России это относилось в равной, вернее, даже в еще большей степени. И дело тут не только в том, что русские школьники и студенты вышли из менее обеспеченных и более низких социальных слоев, чем прусские и английские. Они, особенно во второй половине девятнадцатого века, были весьма склонны придерживаться радикальных и анти-аристократических взглядов; и в гимназии, и в университете аристократические отпрыски нередко ощущали враждебность к имперскому режиму и социальной элите — враждебность не только со стороны учащихся, но и со стороны учителей. Так, князь С. С. Волконский вспоминает, что со школьных дней сознавал: его успехи и старания в учении не получают должной оценки един-

ственно из-за того, что он — аристократ. Князю Евгению Трубецкому запала в память враждебность, окружавшая его в гимназии, не говоря уже о той ярости, какая вызывала у его одноклассников толстовская программа классического образования и попытки превратить школу в механизм политического контроля. Трубецкой, выходец из аристократической и славянофильской среды, сам на какое-то время стал нигилистом. Что и говорить, толстовские гимназии воспитывали в своих питомцах чувства прямо противоположные тем, какие владели учениками английских паблик-скул, отличавшимися странной верой в справедливость и компетентность арбитров, судей и прочих авторитетных фигур. К тому времени, когда Трубецкой поступил в университет, его вновь захватили идеалистические, религиозные и националистические идеи; это сделало его «белой вороной» среди студентов и преподавателей и вынудило отражать либеральные, материалистические и позитивистские идеи, которые проповедовались чуть ли не всеми профессорами. Для молодого мыслящего аристократа путь к знаниям через гимназию и университет был в России намного труднее, чем через английскую паблик-скул или германский имперский университет, где «учащиеся в большинстве своем были монархистами, антисемитами и империалистами». Вряд ли стоит удивляться тому, что закаленные подобным опытом русские юноши с умом и душой оказались интеллектуально более дееспособными, менее защищенными, менее беспечными и более взрослыми, чем их прусские и английские сверстники²⁰.

Засилие классических языков в гимназии, а в университетах политики служило лишним стимулом для родителей определять своих сыновей в одну из двух дворянских гражданских закрытых школ, учрежденных в самом начале века с целью подготовки мальчиков из высшего класса к исправлению ведущих должностей в правительстве. Из этих заведений Училище правоведения совмещало гимназический курс с университетским курсом юридических наук (в старших классах). Оно имело лишь одно предназначение: выпускать образованных, верных идеалу справедливости, неподкупных юристов. У Александровского лицея была более интересная история, и она многое раскрывает в культурных чаяниях аристократии и в тех разочарованиях, которые ее постигли при царском режиме.

Лицей был основан в 1811 г., в начальный — либеральный период царствования Александра I. Один из первых директоров лицея, Е. А. Энгельгардт, придерживался руссоистской концепции воспитания. Чуть ли не друг и наставник своих питомцев, он имел с ними самые близкие — какие только возможны между

* Реальная гимназия (нем.).

** Т. е. Оксфордского или Кембриджского университетов.

начальником и его подчиненными — отношения. Он истово верил, что учителю, стремящемуся привить принципы любви, чести и долга своим ученикам, надлежит завоевать их сердца. Его главной целью было добиться доверия, симпатии и искренности своих воспитанников, и, хотя по английским понятиям они не пользовались свободой, но обращались с ними исключительно гуманно, и получали они широкий хорошо продуманный и стимулирующий курс наук. Особое внимание в лицейской программе уделялось современным иностранным языкам и литературе — выбор, отвечающий вкусам тогдашней романтической эры в России. К тому же, в законоведческих и политических предметах, читавшихся в старших классах, говорилось об естественных правах, правосудии, различных политических системах и общественном договоре²¹.

Этой необыкновенной либеральной идиллии существовать в царской России было, само собой разумеется, нелегко. В 1817 г. политические курсы начали свертывать. При Николае I лицей стали военизировать, мелочный надзор над воспитанниками граничил со шпионством. При всем том внешнее давление — во всяком случае, оказываемое менее рьяно, чем в других местах, — мало изменило дух, царивший среди учеников. Первый выпуск дал России Александра Пушкина, величайшего ее поэта, и князя А. М. Горчакова, впоследствии почти бессменного министра иностранных дел на протяжении всего царствования Александра II. В лицее быстро установился свой дух, свои традиции, и по сравнению с кадетскими корпусами и привилегированными публическими школами, это было исключительно культурное, либеральное и космополитическое учебное заведение. Вплоть до 1917 г., лицеисты свободно владели тремя иностранными языками, а в своих ранцах носили не маршальский жезл, а перо поэта. Вот как даже в последние наиболее реакционные годы правления Николая I характеризовал питомцев лицея К. К. Арсеньев, ученик Училища правоведения: «...Я хорошо знал многих моих сверстников, учившихся в Лицее, и ясно помню, что они куда больше, чем правоведа, интересовались политикой и литературой <...> Предания, шедшие еще от пушкинских времен, и если и потерявшие свою силу, то гораздо дольше описываемой мною эпохи, поддерживали между лицеистами такое умственное брожение, которому правоведа были совершенно непричастны». Во второй половине девятнадцатого века стремление научить своих воспитанников слишком многому за слишком малый срок несколько повредило лицее. Учитывая социальные корни мальчиков и исключительно привилегированное и высокое положение, занимаемого лицеем, он не мог быть ни-

чем иным, как консервативным, патристическим и монархическим заведением. Со временем у его питомцев появилось больше самолюбования, чем в первые годы. Однако, верный своим традициям, лицей всегда оставался одним из самых либеральных, культурных и космополитических учреждений при царском режиме. Даже в послепушкинский период из лицея вышел целый ряд ведущих деятелей культуры, самым знаменитым среди которых был сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. Именно бывшие лицеисты возглавляли министерство иностранных дел почти все время между Крымской и Второй мировой войной²².

Сравнение между образованием, которое получали высшие классы в России, Пруссии и Англии девятнадцатого века, дает ключ к ответу на вопрос, почему русская аристократия оказалась как носитель культуры гораздо интереснее и плодотворнее, чем прусская и английская. Единственным немецким дворянином, оставившем значительный след в мировой литературе девятнадцатого века, был Генрих фон Клейст. Из английских аристократов можно назвать лорда Байрона, да еще Шелли, который по образу жизни был гораздо ближе к джентри. Русская же аристократия, напротив, вместе с верхушкой провинциального дворянства дала миру Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тютчева и Тургенева плюс целое созвездие более мелких светил. И как бы не истощился к 1900 году вклад аристократии в литературу, Владимир Набоков был все-таки внуком министра и отпрыском очень старинной и знаменитой дворянской семьи.

Вклад русской аристократии в музыку еще разительнее. Вряд ли можно представить себе дворянскую английскую или прусскую семью девятнадцатого века, из лона которой, как из семьи Танеевых, в течение шести десятилетий вышло два известных композитора и три личных секретаря царствующего монарха. Подобно русским литераторам, русские композиторы считали главным своим делом — создать национальную музыку на основе европейских и русских веяний. Сергей Рахманинов, последний неоспоримо великий композитор благородного происхождения, принадлежал к верхушке новгородского поместного дворянства. Сочетание в нем русского и европейского послужило созданию, с одной стороны, классической музыки огромной силы, технического совершенства и всемирного значения, а с другой, таких произведений, как его глубоко волнующие «Всенощное бдение» и «Литургия Иоанна Златоуста». От своих первых шагов при Николае I, начиная с Глинки, русская музыка прошла через поколение «могучей кучки» и Чайковского к миру звуков Рахманинова, Скрябина и Стравинского. Как и в литературе, среди ее творцов

были и не аристократы (Стравинский); и те, кто, подобно Чайковскому, вел жизнь на грани между профессиональной и дворянской; и полновесные аристократы, такие как Модест Мусоргский, воспитанник Школы гвардейских подпрапорщиков и офицер самого элитного в русской армии Преображенского гвардейского полка. Дрожь пробегают при мысли, что прусский Первый пехотный гвардейский полк или английский Гренадерский произвел бы такое чудо творчества и фантазии²³.

В сфере западной культуры русский аристократ чувствовал себя куда менее свободным и самостоятельным, чем английский или прусский. Оказавшись к девятнадцатому веку уже в Европе (хотя еще и не окончательно), он был открыт для приобщения ко всем ее национальным культурам, многие из которых мог познавать и оценивать на языке оригинала. Европа казалась ему единым культурным целым — чего никак нельзя сказать об англичанах или пруссаках, чье восприятие неизбежно окрашивалось сильнейшим воздействием собственной культуры, которую лишь немногие из них были способны видеть как часть более широкого целого.

У русских была и своя отечественная культура. Она звучала в крестьянских народных песнях и в ритуале православной службы, вставала со страниц древнерусских рукописей. Но в начале девятнадцатого века к обработке ее сокровищ — так, чтобы ими стали пользоваться и ценить их образованные русские, — еще только-только приступали. В образованных кругах велись жаркие споры о том, в какие формы облечь литературный русский язык, и из всех радетелей русской речи именно Пушкин подвел тут черту: его изысканный и удивительно красивый язык стал образцом и нормой последующей русской литературы. Чтобы стать образованным русским европейцем и в то же время обладать патристическим самосознанием, требовалось выковать новый культурный тип. Иначе чувствительный русский аристократ не мог жить в мире с самим собой. Но в начале девятнадцатого века только аристократическая элита обладала богатством, досугом и образованием, которые давали возможность решать этот вопрос. В отличие от английских пэров, русская знать не имела возможности развивать свои политические таланты, главенствуя в учреждениях, свойственных парламентскому режиму. Не мог и цивилизованный аристократ, оказавшийся один на один с захолустной окраиной России, безраздельно посвятить себя сельскохозяйственным работам по образцу грубого провинциального юнкера. Эта проблема стала для русских аристократов первостепенной — вызовом, на который они дали достойный ответ.

Жизнь их не назовешь безоблачной. Люди просвещенные и образованные, они жили словно на острове среди мира дворян, все еще по большей части невежественных и одержимых погоней за чинами и царскими милостями. Крестьянство и купечество были в культурном отношении совсем другим миром. И потому эти русские европейцы, воспитанные, как правило, в культурной и вольной домашней обстановке, сталкивались, выходя в свет, с жестоким деспотическим режимом, установленным людьми и для людей совсем иных, чем они, понятий. До 1850 г. провинциальная жизнь во многих районах России была незаконной вольницей, близкой по нравам американскому Фронтиру. Помещик-крепостник распоряжался в своем поместье как никому не подвластный король. В целом, жизнь в России была менее, чем в Центральной и Западной Европе, стеснена обычаем, условностями, законом и приличиями. Так, когда в 40-х годах девятнадцатого столетия немецкое и русское сообщества Санкт-Петербурга собрались на совместное заседание, немцы соблюдали торжественный, заранее установленный порядок, русские произносили речи, не иначе как взобравшись на столы. Не даром русский высший чиновник немецкого происхождения, Федор Тернер сравнивает «узость и связанность условностями жизни» в Германии со «столь отличной от этого свободой и открытостью в России, с ее широкой семейной жизнью». Первое, что в дни царствования Николая I потрясло юного отпрыска аристократической семьи, был разительный контраст между домом его отца с библиотекой и парком — и миром кадетского корпуса. Из этих противоречий, неурядиц и трудностей в существовании русской аристократии и родился высший класс России, который, подобно европейскому, дал ряд достойнейших государственных деятелей и воинов, но, в отличие от европейских аристократов, послужил еще и почвой, взрастившей писателей и музыкантов с мировой славой... И — во второй половине девятнадцатого века — двух самых знаменитых вождей анархизма²⁴.

Глава 9. Дворянин на поле брани

Война была одним из самых древних занятий аристократии. Корни английского и немецкого дворянства уходят в средневековое рыцарство. В обеих странах многие семьи из числа наиболее знатных могли проследить свою родословную вплоть до периода средневековья и назвать славных предков, а те, что не могли, усвоили корпоративные традиции, присущие их классу. В России также было исключительно много старинных фамилий, которые на протяжении столетий удерживали свой статус в аристократической придворной элите — от Московии до Империи. Аристократией Московии в ранние периоды были соратники Великого князя, составлявшие его дружину. В пятнадцатом веке, по мере роста военных нужд Московского государства и численного увеличения аристократии, развивалось и мелкое дворянство, которое в награду за военную службу получало земельные угодья в бессрочное владение¹.

Переход от рыцарской эпохи к эпохе современных офицеров-дворян, избравших военное дело в качестве профессии, не был прямым и ровным. В шестнадцатом и семнадцатом веках над благородным воином-конником нависла угроза оказаться не у дел. С появлением пушек и мушкетов надобность в одетых в латы рыцарях отпала, а постоянная королевская армия еще не сформировалась до такой степени, чтобы служить альтернативным поприщем боевым навыкам и воинскому инстинкту дворян. Взамен военной специализации, крупные аристократы стали совершенствоваться в искусстве быть придворным или просвещенным носителем гуманистических идеалов эпохи Ренессанса. Даже в Пруссии и Бранденбурге в шестнадцатом и в начале семнадцатого века владетельный аристократ чаще всего являлся не воином, а джентльменом-землевладельцем-государственным деятелем, сыновей же своих он отправлял совершать паломничество по королевским дворам для изучения их нравов и обычаев. Российский дворянин того периода, хотя и не испытал влияния гуманистической философии эпохи Ренессанса, также оказался под угрозой оказаться невостребованным, так как военная кавалерия, в

которой издавна служило дворянство, настойчиво вытеснялась профессиональными войсками, где командирами являлись иностранные офицеры. Согласно утверждению Джона Кипа, семнадцатый век был временем, когда начало быстро развиваться провинциальное дворянство, прочными корнями связанное с родной землей. Его представители предпочитали удел земледельцев и местных заправил, нежели воинов и государственных деятелей. Петр I повернул этот процесс вспять, вынудив старое дворянство идти на государственную службу и силой превратив его представителей в винтики машины абсолютизма².

В восемнадцатом и девятнадцатых веках вооруженные силы являлись излюбленным местом службы английской, прусской и российской аристократии; правда, к германской католической аристократии, включая баварскую и вестфальскую это относилось в значительно меньшей степени. К середине девятнадцатого века примерно половина армейских и флотских офицеров Британии происходила из аристократии или джентри, хотя определить точные границы последней из упомянутых групп не так просто. Если офицер, сын баронета или землевладельца, несомненно являлся «джентри», следует ли отнести к этой же группе сына этого офицера, безземельного дворянина, или же его следует отнести к служащим или просто к среднему классу? По мнению Дэвида Кэннедина, «в начале 1870-х годов в офицерском корпусе по-прежнему преобладали представители высшего класса», однако произошедшее в 1870 г. упразднение системы покупки офицерских званий значительно содействовало уменьшению числа аристократов среди офицеров. В канун Первой мировой войны даже среди генералов всего 35—40 процентов составляли титулованная знать или джентри³.

Точное сопоставление Англии и России существенно затрудняется терминологическими проблемами. Российское столбовое дворянство, численность которого к 1897 г. составляла не менее миллиона человек, по большей части состояло из людей, которых в Англии отнесли бы к среднему классу, мелким клеркам, или, во многих случаях, к фермерам. Тем не менее, данные, в соответствии с которыми в канун Крымской войны из десяти русских офицеров девять были дворянами, тогда как в 1913 г. дворяне составляли всего лишь половину российского офицерства, свидетельствуют о том, что в последние десятилетия господства старого режима в составе офицерского корпуса происходили значительные перемены. В России наиболее отчетливо проявился наблюдавшийся во всей Европе процесс, в результате которого в различных частях армии утверждались различные социальные

группы. Высшая аристократия прежде всего монополизировала три гвардейских кавалерийских полка и три полка гвардейской пехоты. Офицеры прочих гвардейских полков были менее знатного происхождения. То же относится и к артиллерийским частям. Сравнительно низкий престиж образования в России и его сравнительно малая распространенность отразились на артиллерии. При отсутствии в России широко образованного среднего класса, артиллеристы, род деятельности которых требовал превосходного владения специальными знаниями, зачастую были выходцами из относительно привилегированных кругов дворянства или из русско-немецких семейств. Даже в 1914 г. артиллерийские офицеры, подобно гвардейцам, довольно пренебрежительно относились к офицерам пехотных строевых полков, которые, даже и в мирное время, в большинстве своем были потомками крепостных крестьян¹.

В Пруссии, как и в России, в 1860-х годах в офицерском корпусе преобладали дворяне, а к 1913 г. среди офицеров насчитывалось уже 70 процентов не-дворян. Подобно тому, как это происходило в Британии и в России, прусские аристократы монополизировали определенные полки. Наиболее престижным в армиях всех трех стран считалось положение офицера трех кавалерийских полков: Лейб-Гвардейского в Англии, Кавалергардского в России и *Garde du Corps** в Пруссии. При этом в Пруссии подавляющее большинство офицеров не-дворян происходило из благополучных и образованных семейств, главы которых были чиновниками или занимались коммерцией. Даже в 1888 г. 28 процентов прусских офицеров являлись выпускниками университетов. Ускорившийся после 1870 г. процесс слияния взглядов и ценностей прусского высшего класса и верхушки среднего, не говоря уже о социализации кадетов, происходившей в пределах самой армии, способствовали тому, что офицерский корпус Пруссии был более однородным и куда более аристократическим по общему тону, чем в императорской России перед ее закатом².

Относительное снижение влияния аристократии на офицерский корпус можно связать либо с тем, что вооруженные силы слишком разрослись и аристократия была уже не в состоянии сохранять монополию над ними, либо с тем, что представители высшего класса утолили свою тягу к военной службе. Если последнее предположение соответствует истине, его можно считать признаком того, что аристократия становилась более современной: она перестала быть замкнутой военной кастой, обратив на-

конец свое внимание на бесчисленные новые возможности, предоставляемые развивающейся экономикой и общественной деятельностью. Разумеется, автор данной книги не в состоянии проследить все те карьеры, которые избирали десятки тысяч европейских аристократов. Пожалуй, это вообще за пределами чьих-либо возможностей, так как — особенно в случае с Россией — мы не располагаем достоверной статистической информацией, на основании которой можно сделать убедительные выводы и обобщения. Даже относительно Англии и Германии существует подозрение, что авторы генеалогических трудов склонны упоминать традиционные, признанные и престижные поприща, и при этом обходить молчанием виды деятельности более современные и связанные с требованиями жизни. Тем не менее, доступные нам свидетельства подтверждают, что образцы построения успешной карьеры, которым до 1914 г. следовали представители аристократии и нетитулованного дворянства, претерпели некоторые изменения, хотя эти изменения не были резкими или безоговорочными.

По мнению Майкла Томпсона, стремление представителей аристократии и джентри служить в вооруженных силах Британии до начала 1880-х годов отнюдь не шло на убыль: напротив, оно неуклонно возрастало. Среди младших сыновей и внуков пэров и баронетов, родившихся между 1750 и 1800 годами, военная карьера пользовалась наибольшей популярностью: 45,5 процента представителей поколений, исследуемых Томпсоном, служило в армии и во флоте; 25 процентов посвятило себя церкви; 13 процентов отправилось в Индию и 7 процентов стало юристами. Из прочих областей деятельности ни одна не была представлена сколько-нибудь значительными цифрами. К тому времени, когда свой жизненный путь определяли поколения, родившиеся между 1800 и 1850 годами, привлекательность армии еще усилилась, и ее избрали 52 процента представителей аристократии. Церковь (23 процента) и Индия (8,5 процента) несколько утратили свои позиции. В последнем случае это связано с тем, что в Индии уже невозможно было с легкостью нажать состояние, а также с тем, что специальные полки Восточной Индии прекратили свое существование, и индийский офицерский корпус считался теперь одной из составных частей королевской армии. К тому же, возникла новая сфера применения сил и способностей, так называемая «гражданская служба», но она привлекла в данных поколениях лишь 4 процента — незначительная доля по сравнению с количеством российских или прусских дворян, занятых в тех или иных подразделениях гражданских служб.

* Личная охрана короля (франц.)

Младшие сыновья и внуки нетитулованных джентри шли путями, которые во многом совпадали с теми, какие избирали для себя отпрыски пэров и баронетов. Тем не менее среди джентри, родившихся между 1750 и 1800 годами, 48 процентов решило посвятить свою жизнь церкви, и лишь 28 процентов — армии. К тому времени, как свой путь определили поколения, родившиеся между 1800 и 1850 годами, ситуация в корне изменилась: 29 процентов представителей этих поколений избрали церковь, а 47 процентов предпочли армию или флот. 11,5 процентов представителей этих поколений джентри стали юристами, и, в противоположность прусским или российским дворянам, ни один не пошел на гражданскую службу⁶.

Таблица 9.1 предоставляет данные на 1883 г. о семнадцати богатейших семьях, позволяющие сделать вывод относительно служебных занятий, предпочитаемых английской аристократической элитой. Данные эти свидетельствуют о том, какие карьеры в девятнадцатом веке избрали младшие сыновья этих семейств. Хотя выборка в 109 человек — это относительно немного, но речь идет о представителях одного сплоченного круга, и результаты сопоставления различных поколений достаточно впечатляющи. В каждом поколении наиболее часто избираемым поприщем являются вооруженные силы, а среди прочих сфер деятельности можно назвать лишь политику, дипломатию и церковь. По ходу столетия популярность армии все более явственно начинает превосходить популярность флота. В поколении, родившемся после 1850 г., число младших сыновей, служивших в армейских частях, было больше, чем во все другие времена, что отнюдь не свидетельствует о снижении престижа вооруженных сил в девятнадцатом веке. Как и можно было предполагать, господствующая в тот период система неукоснительного майоратного наследования, способствовала тому, что главы семей были менее склонны к избранию военной карьеры, хотя очень немногие из них все же стали офицерами. Однако гораздо чаще они удовлетворялись положением члена парламента в нижней палате, собираясь в будущем занять место потомственного законодателя в верхней. Политика, за редкими исключениями, являлась наиболее распространенной сферой профессиональной деятельности этих крупных землевладельцев⁷.

ТАБЛИЦА 9. 1 Карьеры младших сыновей английских пэров

	ВСЕГО	АРМИЯ	КОРОЛЕВСКИЙ ФЛОТ
Первое поколение (род. до 1800 г.)	26	7	7
Второе поколение (род. в 1800—1824)	27	9	5
Третье поколение (род. в 1825—1849)	8	10	2
Четвертое поколение (род. после 1850 г.)	28	19	4
ВСЕГО	109	45	18

Источники: J. B. Burke. A Genealogical and Heraldic Dictionary of the Peerage. London, 1815—1914.

К представленным в Таблицах 9.2 и 9.3 данным относительно путей карьеры, избравшихся представителями российской аристократии и рядового дворянства, необходимо относиться с некоторой долей скептицизма. Нельзя утверждать с уверенностью, что Н. И. Иконников, на чьих трудах по генеалогии основаны данные таблицы, не пропустил отдельных представителей дворянства или не обошел вниманием карьеры тех, область деятельности которых вообще не назвал. О поколениях, живших до 1861 года, он предоставляет более полную информацию, чем о тех, чей жизненный путь совпал с десятилетиями, непосредственно предшествовавшими революции. Таблицы 9.2 и 9.3 ни в коем случае нельзя рассматривать, как доказательство вырождения русского дворянства. В Таблице 9.2 собраны данные относительно деятельности шестнадцати крупнейших российских землевладельцев, перечисленных в Таблице 2.7. В расчет берутся не только занятия глав семейств, но и всех их родственников по мужской линии — братьев, дядей, племянников — родившихся после 1760 года. В Таблице 9. 3 представлены данные относительно занятий представителей мужской линии восемнадцати наиболее выдающихся, но нетитулованных семей, ведущих свои родословные от старомосковского дворянства; все данные касаются лишь тех, кто родился между 1775 и 1874 годами.

ТАБЛИЦА 9.2 Российские крупные землевладельцы

	Всего	Военные	
Поколение 1 (род. в 1760—1799)	26	18	(69,2%)
Поколение 2 (род. в 1800—1824)	34	24	(70,1%)
Поколение 3 (род. в 1825—1874)	30	17	(56,6%)

Источник: N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie.

ТАБЛИЦА 9.3. Российское нетитулованное дворянство

	Военные	Гражданские служащие	Всего
Поколение 1 (род. в 1775—1799)	53 (65,4%)	32 (39,5%)	81 (100%)
Поколение 2 (род. в 1800—1824)	35 (55,6%)	19 (30,2%)	63 (100%)
Поколение 3 (род. в 1825—1874)	29 (29,9%)	49 (50,5%)	97 (100%)

Источник: N. Ikonnikov. La Noblesse de Russie.

Из этих двух таблиц можно сделать заключение, что на протяжении девятнадцатого века военная служба утрачивала популярность среди русской аристократии и рядового дворянства. Примерно 70 процентов представителей высшей знати, рожденных до 1825 г., избрали для себя военную карьеру, меж тем как среди представителей следующего поколения их примеру последовало всего 56,6 процента. Более того, именно самые молодые представители последнего поколения испытывали наименьшую склонность к военной службе. Среди рядового дворянства количество офицеров уменьшалось еще заметнее: в поколении родившихся между 1775 и 1799 гг. военную карьеру избрали 65 процентов, в следующем поколении уже 55 процентов, а из тех, кто родился после 1825 г. — всего 30 процентов. При всех допускаемых Иконниковым неточностях, отчетливая выраженность этой тенденции, наблюдаемой в обеих таблицах, позволяет предположить,

что данные отражают реальную перемену, произошедшую в карьерных приоритетах. Среди рядового дворянства, уменьшению популярности военной службы сопутствовала неуклонно растущая популярность службы гражданской. Скорее всего, это также соответствует реальности, так как в России, как и в Венгрии, сыновья крупных помещиков, материальное положение которых ухудшилось в результате отмены крепостного права и упадка сельского хозяйства, вступали в быстро растущие ряды гражданских чиновников. При этом с точностью определить, кто является, а кто не является государственным служащим в императорской России, дело весьма мудреное; кроме того, Иконников, вероятно, охотно упоминает гражданские чины и должности, обходя при этом молчанием бытовавшие среди дворян занятия свободными профессиями или коммерцией. Но даже при этом среди членов семьи Арсеньевых, родившихся после 1850 г., можно, например, встретить тех, кто служил землемерами, докторами или страховыми агентами; предки их с презрением отвергли бы подобные занятия. Скорее всего, в аристократической среде примеры такой деятельности не встречались. Гражданская служба отнюдь не пользовалась у аристократов такой популярностью, как у нетитулованных дворян. Должности при дворе, как правило, хотя и не всегда, приносившие лишь почет, но не деньги, дипломатическая служба и членство в Государственном Совете, высшем органе законодательной власти империи, — все эти сферы, в отличие от обычных гражданских служб, являлись для аристократии излюбленным поприщем⁸.

Ни один здравомыслящий исследователь не станет отрицать существование аристократии в России или Англии девятнадцатого века. В Пруссии, несомненно, была своя знать, а также рядовое дворянство, однако по отношению к этой стране мы не можем говорить о национальной аристократической элите в том смысле, который привычен для России или Англии. Разумеется, в девятнадцатом веке Пруссия могла блеснуть значительным числом крупных аристократических семей. Они включали в себя *Standesherren*, после 1800 г. ставших подданными королевства, и силезских магнатов. Лишь немногие аристократические семьи из Восточной Пруссии: Дона, Денхофы, Эйленберги и Лендорфы — с полным правом могли считаться аристократами, также, как и Путбусы из Померании. Что же касается прочих знатных семей Померании и Бранденбурга — Арнимов, Шуленбергов, Шверингов и еще нескольких — то вопрос о том, относятся ли они к истинной аристократии, оставался спорным. Наиболее знатные семьи Пруссии явно не стремились создать единую аристократи-

ческую элиту. Даже если не говорить о католиках, *Standesherren* протестантского вероисповедания отнюдь не считали, что силезские магнаты, и тем более Эйленберги или Арнимы, являются им равней. В любом случае, к тому времени, когда прусская аристократия стала осознавать себя таковой, перспектива ее отношений с новым Рейхом вновь стала шагкой.

Именно по этой причине карьеры *Standesherren* и прочих прусских аристократов в данной книге будут рассмотрены по отдельности. Как и можно было предположить, именно *Standesherren*, особенно дорожившие своим статусом, выбирали наиболее надежные карьеры. В подавляющем большинстве случаев аристократы протестантского вероисповедания, в том числе и главы семейств, служили в прусской армии. Также поступали и немногочисленные католики, в особенности после 1871 г., хотя они намного чаще предпочитали армии таких государств, как Австрия, Бавария или даже Вюртемберг. Помимо армии и передававшегося по наследству членства в одной (или более) из верхних палат Германии, единственным поприщем, приемлемым для *Standesherren* и их братьев, была дипломатия. Браки, заключаемые *Standesherren*, также отличались большей предсказуемостью и традиционностью, чем браки других европейских аристократов, в том числе и представителей тех выдающихся немецких семейств, которые нельзя было безоговорочно отнести к «высшей знати». Тщетно было бы искать в среде *Standesherren* примеры неожиданных брачных союзов, подобных тем, какие заключил Хатцфельд, женившийся на японке, или же Гвидо Хенкель фон Доннерсмарк, аристократ и крупнейший промышленник Пруссии, женившийся на женщине, которая успела дважды побывать замужем — за итальянцем и за русским — и дважды получила развод⁹.

В Таблице 9.4 представлено семь аристократических семей из Восточной Пруссии, Бранденбурга и Померании, а именно графы Дона, Денхоф, Клейст, Шуленберг, Финк фон Финкенштейн, Арним и Лендорф. В каждом поколении представителей этих семей, родившихся между 1775 и 1875 годами, примерно половина избрала для себя поприще армейского офицера. К ним не относятся те, кто просто выполнял определенные поручения в Ландвере или служил в запасе. Лишь среди представителей семьи Дона в последнем поколении энтузиазм по части военной карьеры явно пошел на убыль. Те же, кто не стал профессиональным военным, зачастую являлись главами семей и управляли крупными поместьями, но при этом некоторые из *Fideikomissherren* постоянно выполняли различные служебные поручения. Помимо армии, наиболее распространенной сферой деятельности был Ландрат, хотя

многие члены семейств Денхоф, Лендорф и в особенности Дона занимали высокие должности при дворе. Учитывая положение этих семейств в Пруссии, не удивительно, что лишь немногие их представители избрали для себя дипломатическую карьеру¹⁰.

ТАБЛИЦА 9.4. Прусские графы

	ВСЕГО	ВОЕННЫЕ
Поколение 1 (рожд. 1775—1799)	17	9 (52,9%)
Поколение 2 (рожд. 1800—1824)	43	20 (46,5%)
Поколение 3 (рожд. 1825—1849)	48	28 (58,3%)
Поколение 4 (рожд. 1850—1874)	79	39 (49,4%)

Источник:Gothaisches genealogisches Taschenbuch der gräflichen Häuser (Gotha, 1930—1939)

ТАБЛИЦА 9.5 Прусское нетитулованное дворянство

	ВСЕГО	ВОЕННЫЕ
Поколение 1 (рожд. 1775—1799)	38	21 (55,3%)
Поколение 2 (рожд. 1800—1824)	85	51 (60%)
Поколение 3 (рожд. 1825—1849)	125	80 (64%)
Поколение 4 (рожд. 1850—1874)	231	105 (45,4%)

Источник:Gothaisches genealogisches Taschenbuch der uradeligen Häuser (Gotha, 1930—1939).

В противоположность прусской аристократии, среди последней группы представителей нетитулованного дворянства популярность военной карьеры, судя по всему, значительно снизилась. При том, что 45,4 процента представителей этого поколения решили надеть военный мундир — а по современным стандартам это весьма значительный показатель, нельзя сбрасывать со счетов и то, что по сравнению с предыдущим поколением число военных снизилось почти на 20 процентов. Как и можно было ожидать, по сравнению с аристократами нетитулованные дворяне являли собой не только более крупную, но и намного более разнородную социальную группу. К 1815 г. некоторые ответвления этих семей уже не принадлежали к высшему классу, и члены их в

большинстве своем занимали довольно незначительные государственные должности. Среди представителей двух последних поколений встречается небольшое количество эмигрантов, и столь же небольшое число людей, занимавшихся частной коммерцией. Намного более значительная часть посвятила себя исключительно управлению собственными земельными угодьями; несколько меньшую группу составляют государственные чиновники. В эту группу входят и Landräte*, хотя они составляют здесь меньшую часть, чем среди титулованных аристократов. По сравнению с соответствующими группами русского дворянства, здесь намного меньше средних и высших государственных чиновников, и почти нет дипломатов¹¹.

Богатые аристократы, отпрыски знатных семей, поступая офицерами в наиболее престижные полки гвардейской кавалерии, редко относились к военной службе, как к профессиональной деятельности. Как правило, прослужив несколько лет в приятном и веселом обществе людей, равных им по положению, они оставляли казармы ради тех занятий и удовольствий, которые предоставляло крупное состояние, доставшееся по наследству. У таких людей не было стимула совершенствоваться в различных аспектах военного искусства или карабкаться вверх по армейской иерархической лестнице. Граф А. А. Игнатьев вспоминает, что в 1890-х годах поступить в кавалергардский полк было все равно, что стать членом престижного модного клуба. Все офицеры прекрасно знали, что расходы их многократно превысят жалование. Клубная атмосфера усиливалась и благодаря тому, что представители многих семей из поколения в поколение служили в одном и том же полку. Например, отец Игнатьева в прошлом был командиром кавалергардского полка, а сам он появился на свет в полковой казарме. В офицерских собраниях разговоры по большей части вертелись не вокруг профессиональных вопросов, а вокруг светских новостей, там царила атмосфера учтивости, беспечности и терпимости, свойственных благополучию — и действительно, жизнь кавалергардских офицеров не была обременена чрезмерными служебными обязанностями¹².

У незнатных и небогатых дворян было больше стимулов относиться к военной службе как к профессии, связывая с нею свои честолюбивые устремления. В Европе наиболее известным дворянским сословием, посвятившим себя военной карьере, было прусское юнкерство, но и в России, и в Англии имелись подоб-

ные классы — пусть не столь многочисленные и несколько иные по образу жизни. Два величайших полководца России, Суворов и Кутузов, вышли из верхних слоев рядового дворянства, а не из придворной аристократии, и то же самое можно сказать про многих русских военачальников девятнадцатого века. В восемнадцатом и в начале девятнадцатого века российское государство осыпало благодеяниями придворную аристократическую элиту, однако и провинциальные дворяне имели возможность подняться на самую вершину военной или гражданской бюрократической лестницы; в этом Россия упомянутого периода принципиально отличалась от России донетровской, а также от Польши, где безраздельно царили крупные земельные магнаты. Открытая перед рядовыми дворянами возможность продвижения вверх в действительности являлась одним из ключевых условий, обеспечивших как процветание послепетровской монархии, так и лояльность дворянства по отношению к абсолютистскому государству.

Как считает Корелли Барнет, из всех сословий в Британии англо-ирландское дворянство было «наиболее близко классу прусских юнкеров. Зачастую более бедные, чем их английские собратья, — так как ирландская деревня была бедна, и, следовательно, доходы от нее были низки — англо-ирландские дворяне не вылезали из седла, и жизнь их была бесконечно далека от современного мира промышленности и крупных городов. Как и у юнкеров, из поколения в поколение сын, следуя по стопам отца, шел служить в армию. Робертс, Уоллси и Китченер — все они были сыновьями военных, и, в отличие от многих английских офицеров, ни один из них не был богат, хотя все они имели достаточный годовой доход и, разумеется, были весьма честолюбивы». Барнет вполне мог бы продолжить эту параллель между англо-ирландским дворянством и прусским юнкерством. Помимо всего прочего, англо-ирландцы являлись колониальной аристократией. Многие из них занимали весьма жесткие позиции, что считалось естественным для землевладельцев, живущих среди покоренных крестьян. Ирландский протестантизм, окруженный католическим морем, мог принять прусский отгенок, имея мало общего с терпимостью и широтой взглядов, которые часто встречались среди английской аристократии. Вклад англо-ирландского дворянства в высшее руководство британской армии не ограничился только Китченером, Робертсом и Уоллси. Даже три наиболее известных британских генерала времен Второй мировой войны — Монгомери, Брук и Александер — происходили именно из этой среды. Гарольд Александер, сын пэра и сам гвардеец, вышел из верхних слоев англо-ирландского дворянства. В 1919 г., во время граждан-

* Ландрат, глава округа в Германии (нем.).

ской войны в России, он командовал ополчением балтийских помещиков немецкого происхождения. Более состоятельные и преуспевающие, чем большинство прусских дворян, они в известном смысле могли считаться «сверх-юнкерами»; не удивительно, что и их командир из «сверх англо-ирландского» дворянства без труда нашел с ними общий язык¹³.

Ценности офицеров-аристократов полностью соответствовали тем, что исповедовались в кадетских корпусах. Важное место среди них занимали физическая смелость, сила и выносливость, способность переносить боль, а также любые невзгоды и опасности, не теряя хладнокровия и присутствия духа. Развитое чувство товарищества, преданность и готовность подчинить собственную индивидуальность требованиям офицерства как группы и армии в целом также входили в этот кодекс. Очень высоко ценились стремление к лидерству и желание служить образцом. То же самое можно сказать и о некоторых практических военных навыках, например, об искусстве верховой езды, и, в особенности в последние десятилетия века, о меткой стрельбе и о способности быстро ориентироваться на местности. Аристократические и военные ценности и отличительные свойства зачастую создавали своеобразный симбиоз. В воспоминаниях графини Денхоф о детстве, проведенном в аристократическом прусском поместье, можно найти длинный перечень лошадей, развлечений на лоне природы и испытаний физической силы; все болезненные и неприятные случаи переносились без жалоб; иерархический порядок мира, основанный на подчинении старшим, принимался безоговорочно; столь же безоговорочным было подчинение всем правилам и условиям, присущим домашнему распорядку аристократического уклада. Судя по воспоминаниям об усадебной жизни в Англии и России, там происходило то же самое. Апологеты офицеров-дворян, подчеркивая, что домашнее воспитание прекрасно подготовило их к особенностям полковой жизни, не так уж далеки от истины. Закономерно также, что в тот период, когда аристократия неуклонно утрачивала большинство своих функций, представители высшего класса принимали мировоззрение офицерства и даже окружали его ореолом: ведь именно офицерство являлось группой, за которой и в эпоху империализма общество по праву признавало почетную роль¹⁴.

«Полковые ценности» нередко оставляли желать лучшего. Офицерское собрание отнюдь не представляло собой благотворную почву для интеллектуалов, эстетов и оригиналов; не выходили отсюда и подлинно крупные политические деятели. Представления о чести, присущие офицеру-дворянину, порой проявлялись

в утрированном, а то и опасном виде. Невежественные младшие офицеры взирали на штатских, как на людей, от природы лишенных чести, и с высокомерным пренебрежением относились к качествам, благодаря которым буржуазное общество оказалось столь жизнеспособным и созидательным. Возможно, именно необходимость сохранять особые военные представления о чести проявилась в упорной защите дуэли, к которой на протяжении веков забияки в мундирах питали особое пристрастие; дуэль сохранялась, несмотря на критические нападки тех, кто стремился защищать законы и цивилизованные нормы поведения¹⁵.

Однако наивно будет просто подвергать осмеянию «полковые ценности», или воображать, что офицеров можно воспитывать так, словно им предстоит стать профессорами или искусствоведами. Джон Кигэн, в своем глубоком исследовании, посвященном битвам при Ватерлоо и Сомме, напоминает, если только подобное напоминание необходимо, об ужасающих кровавых боях, в которых участвовали молодые офицеры, и в которых от них ожидали проявления не только личного мужества, но и способности увлечь за собой солдат и поднять их боевой дух. Для того, чтобы внушить юноше подобные, совершенно чуждые естественной человеческой природе качества, да еще так, чтобы они сохранились и проявились в минуты максимального напряжения и опасности, требовались методы, весьма отличные от методов гуманистического либерального воспитания.

Труд Кигэна напоминает также о важности некоторых отвлеченных понятий, таких, как полковое знамя, и прежде всего, офицерская честь:

«В известном смысле самое глубокое из всех суждений о Ватерлоо не только лучше всего известно, но и наиболее банально: «победа при Ватерлоо была одержана на спортивных площадках Итона»*. Герцог, который сам был итонцем, превосходно знал, что лишь очень немногие из его офицеров были питомцами Итона и что футбол имеет мало общего с войной. Но он говорил не о себе, и не считал Ватерлоо спортивной игрой. Он высказал куда более тонкую мысль: победу над французами обеспечило отнюдь не более мудрое руководство или лучше продуманная тактика, не пламенный патриотизм, а хладнокровие и выдержка, стремление к совершенству и достижению целей ради них самих — то есть те самые качества, которым учатся, занимаясь спортом, уже ставшего важнейшим делом в жизни английского джентльмена».

* Это высказывание приписывают герцогу Веллингтону (1762—1852), командовавшему британскими войсками в битве при Ватерлоо.

Наполеон понес поражение главным образом потому, что английские офицеры ревностно оберегали свое достоинство и были полны решимости сохранить свою репутацию, не проявив перед собратьями по профессии ни малейшего признака слабости, страха или недостатка хладнокровия, несмотря на все испытания, выпавшие на их долю. Полки удерживали свои позиции, «поддерживаемые той властью, которую офицеры сохраняли над собой и над своими людьми. Честь, в самом неожиданном смысле, возторжествовала»¹⁶.

«Полковые ценности» не совпадали с ценностями капиталистического или буржуазного общества. Утверждение превосходства военных ценностей, которое часто встречается в консервативной литературе восемнадцатого—девятнадцатого веков, имело весьма печальные последствия, когда взгляды эти, в огрубленном и вульгаризованном виде, взял на вооружение фашизм. И все же, объявляя собственное профессиональное мировоззрение выше капиталистического культа денег и личной выгоды, офицеры действовали в духе, присущем профессиональным группам нового времени; с подобным утверждением, несомненно, согласится каждый житель современной Британии. Офицеры не грешили против истины, полагая, что качества и ценности, которые способствуют успешному руководству военными действиями, далеко не всегда вписываются в мир банков и фондовых бирж. По сути, размышления Э. Дж. Хайека исходят из концепции, в соответствии с которой основные принципы капитализма неестественны и противоречат природным инстинктам и традициям человечества. Мир, в котором деньги становились величайшей ценностью, а изворотливый финансист мог, по крайней мере потенциально, помыкать отважным, исполненным патриотических чувств воином, был аристократии совершенно не по нутру. Впрочем, новая шкала ценностей задевала убеждения практически всех слоев традиционно сложившегося общества, и потому в викторианскую эпоху вызвала резкое неприятие отнюдь не только у аристократов. Даже сегодня многие представители западного общества все еще не в состоянии принять эту шкалу, как должное.

Офицеры девятнадцатого века в большинстве своем с недоверием относились к идеям радикального либерализма, не говоря уже о демократии или социализме. Радикалы могли проповедовать неприемлемые доктрины о всеобщем прекращении войн или о том, что необходимо заменить постоянные армии гражданским ополчением. Офицер в любом случае хранил верность власти иерархии и дисциплине. Как правило, сам он исповедовал простые и ясные патриотические ценности, и требовал того же от своих

солдат. Демократическая же политика означала партийные конфликты, классовые и этнические раздоры и компромиссы; ухищрения и полуправда парламентской жизни вошли у политических лидеров в привычку. Офицеры благородного происхождения имели особую причину с неприязнью относиться к демократии. Она несла ощутимую угрозу их собственным интересам землевладельцев или *gentier*, а также, несомненно, подвергала опасности интересы их братьев и кузенов. Демократическая политика грозила заменить представителей того сословия, к которому принадлежал офицер, правителями, чье социальное происхождение и манеры, возможно, вызывали у него презрение, и кого он, подчас не без оснований подозревал в том, что для собственного продвижения к власти они использовали средства, с точки зрения аристократа не этичные. Более того, эти новые правители отнюдь не были склонны ставить интересы и особенности офицерского корпуса столь же высоко, как это делала старая аристократическая политическая элита.

На протяжении всего девятнадцатого века на британских и прусских офицеров всецело можно было положиться, как на защитников существующего политического порядка. В начале девятнадцатого столетия ситуация в России была более шаткой, так как начиная с 1825 г. Петербург стал свидетелем ряда военных переворотов. Большинство из этих переворотов, в сущности, представляли собой всего лишь бурное развитие борьбы придворных группировок, хотя порой таким образом давался отпор монарху, слишком сильно ущемившему интересы и достоинство аристократии. Декабристы, восстание которых произошло в 1825 году, хотя и имели много общего со своими предшественниками, заговорщиками из аристократических гвардейских полков, но, в противоположность им, действительно обладали радикальной политической программой и в определенном смысле явились предтечами некоторых «модернизированных» военных режимов, установившихся в Третьем Мировом после 1945 года. Своё вдохновение декабристы отчасти черпали в победах, одержанных их современниками, радикально настроенными испанскими офицерами. В случае успеха восстания 1825 г., оно могло привести к сходным далеко идущим последствиям. Одним из таких последствий явилась бы политизация армии и последующие частые перевороты, которые, в свою очередь, дестабилизировали и лишили законности любую династическую или гражданскую власть. Они также ослабили бы вооруженные силы как чисто военный инструмент великодержавной политики.

Если бы военно-политические традиции в испанском стиле

пустили корни в российской почве, вся современная история России могла бы пойти по-иному пути. Однако декабристы были разбиты, и в России утвердилась традиция консервативной поддержки законной династической власти. Подобно тому, как прусское офицерство сыграло решающую роль в поражении революции 1848 г., российское офицерство спасло Романовых в 1905 году. Революции усилили стремление правителей, генералов и консервативных политических лидеров подчинять вооруженные силы исключительно монарху, не допуская, чтобы подозрительные парламентские институты распоряжались ими по своему усмотрению. Конституционный кризис, который Пруссия пережила в начале 1860-х годов, до определенной степени коренился именно в этом стремлении, и многие политические баталии, порожденные этим кризисом, после 1905 г. повторились в России, где противоборствующими сторонами стали монархическая власть и недавно созданный парламент (Дума)¹⁷.

В начале девятнадцатого века армия Британии также была оплотом власти в борьбе против социальной революции. Перед самым 1914 г. британские офицеры тоже оказались до определенной степени втянутыми во внутреннюю политику: так называемый мятеж в Кэррах отразил неприятие офицерством либеральной политики в отношении Ирландии — политики, угрожавшей целостности Британской империи. Однако же, в вопросах, связанных с армией, Британия существенно отличалась как от России, так и от Пруссии.

Причиной тому не в последнюю очередь был имевшийся у Англии ранний и тяжелый опыт наличия постоянной армии. В отличие от России и Пруссии, чьи современные армии создавались прежде всего для защиты от внешнего врага, английские регулярные вооруженные силы были порождением гражданской войны. В период между 1649 и 1660 годами грозная армия «Нового образца»^{*} разгромила роялистов, вытеснила своих собственных политических лидеров и ввела в стране полувоенное правление, длившееся с 1649 по 1660 гг. После окончания гражданской войны аристократы-роялисты дорого заплатили за поражение. В период междувластия Палата Лордов была упразднена и даже право местной элиты контролировать управление своим графством подвергалось значительным ограничениям. Генералы Оливера Кромвеля в большинстве своем отнюдь не являлись выходцами из верхних слоев джентри, не говоря уже о классе крупных зем-

^{*} Имеется в виду парламентская регулярная армия, созданная в 1645 г. в ходе английской буржуазной революции.

левладельцев. Хотя в эти годы социальная революция в Англии так и не разразилась, некоторые чрезвычайно радикальные движения выплыли на поверхность; страной управляла армия, лишив традиционную правящую элиту возможности вершить судьбы нации, и учредив форму правления, которую сочли незаконной не только аристократы, но и большинство англичан. Действуя подобным образом, армия, впоследствии расколовшаяся и ослабленная, сама вернула власть в руки своих врагов-аристократов.

Результат не мог не сказаться, и весьма ощутимо, на положении армии и ее офицеров вплоть до начала двадцатого века. Жесткий парламентский контроль над армией стал обязательным принципом аристократической политики. Профессиональное офицерство, в среде которого преобладали не-аристократы, рассматривалось как угроза власти дворянства и английской свободе. Стяжательство воспринималось, как гарантия того, что офицерский корпус будет по преимуществу аристократическим, а значит, достаточно независимым и способным дать отпор амбициям любого коронованного военного тирана. По континентальным стандартам английское офицерство могло считаться состоятельным, аристократическим и непрофессиональным. Сравнивая меритократию французской армии с постыдным отношением к ветеранам Ватерлоо в Англии, Гроноу сетовал, что «под холодной тенью аристократии люди, которые во Франции, благодаря своей доблести, заняли бы в армии самое высокое положение, в Англии жили и умерли три или четыре десятилетия спустя после битвы в звании лейтенантов или капитанов». Этих людей отставили от дел, тогда как «в некоторых полках должность командиров исправляли мальчишки»¹⁸.

Даже в 1816 г., когда военная угроза для аристократии отступила в далекое прошлое, премьер-министр Англии, лорд Ливерпуль, ознакомившись с планом создания «Юнайтед сервис клуб»^{*} заявил, что «учреждение единого военного клуба с главнокомандующим во главе — чрезвычайно неблагоприятная мера, которая не только не пойдет на пользу армии, а, напротив, неизбежно создаст предубежденное мнение против этой ветви наших военных учреждений, и воздействие этого мнения мы ощутим в парламенте»¹⁹.

На всем протяжении восемнадцатого века в Англии отсутствовало офицерство в качестве однородной, замкнутой касты, отчетливо сознающей, что между ней и гражданским обществом

^{*} Клуб для старшего офицерского состава армии и военно-морских сил.

пролегал определенная грань. Такое положение до некоторой степени сохранялось и в девятнадцатом веке. В полном несоответствии с традицией, позднее установленной континентальными европейскими парламентами, британские армейские офицеры нередко являлись членами парламента, и не считали для себя невозможным критиковать собственное правительство. В свободное от служебных обязанностей время офицеры носили гражданское платье — из всех особенностей Англии именно эта более всего поразила принца Пюклера в 1820-х годах. Примечательно, что этому обычаю не следовали ни в Ирландии, ни в колониях, где положение британской армии среди местного населения соответствовало тому, какое в Европе занимали династические армии *vis-à-vis** своих собственных средних и низших классов. Именно исключительная позиция офицера в британском обществе была главной причиной того, что уже к 1850 г. дуэли в Соединенном Королевстве полностью прекратились, тогда как в Пруссии и России обычай этот, неуклонно утрачивая популярность, все же сохранялся вплоть до 1914 г. В этих двух континентальных государствах армия являлась главным поборником дуэлей. Высшие армейские чины провозглашали дуэли жизненно необходимыми для сохранения представлений о военной чести, представлений, которые недоступны пониманию ни одного из штатских. Защитники дуэлей использовали независимость армии от любых гражданских властей в качестве гарантии того, что их точка зрения не будет опровергнута каким-либо невоенным источником. Что касается Англии, то там армия подчинялась парламенту, и представления о чести разделяли с офицерами воспитанники престижных паблик-скул, да и весь правящий класс. В 1830-х годах, когда, в соответствии с ценностями этого класса и присущим ему чувством политической целесообразности, дуэль была объявлена безнравственной и противозаконной, армия незамедлительно отказалась от этого обычая²⁰.

Предубеждение английской аристократии против профессионального офицерства было исторически обусловлено; вплоть до конца девятнадцатого века географические и геополитические особенности способствовали укреплению этого предубеждения. Являясь одновременно островом и мировой экономической и морской сверхдержавой, Британия могла себе позволить иметь непрофессиональную армию, главная функция которой заключалась в поддержании порядка в пределах империи. По континен-

тальным стандартам армия эта была мала и плохо организована. Однако вооружение и военная тактика, давно устаревшие в Европе, с успехом применялись для воздействия на темнокожих врагов империи. Способностей полковых офицеров, которые во всем блеске проявлялись во время колониальных компаний, было вполне достаточно, чтобы обеспечить победу. В 1840-х годах, во время войн против сикхов — один из наиболее серьезных колониальных конфликтов, в котором участвовала викторианская армия — «британским главнокомандующим был ирландец, генерал Гоф, закаленный солдат, горячий и совершенно бесстрашный; однако приказы его редко отличались ясностью, а офицеры его штаба имели милую привычку не только не записывать распоряжений, которые отдавали, но и нередко забывать, в чем они состояли. Сражения, проведенные Гофом, блистали проявлением доблести, но еще больше грешили неразберихой». Поскольку в девятнадцатом веке британской армии приходилось сталкиваться с сикхами, а не с пруссаками, она с легкостью одерживала победы, не задумываясь всерьез о проблемах современного военного искусства, соответствующего реалиям индустриальной эпохи. Подобное положение, в сочетании с установленной Веллингтоном традицией единоличного руководства и надменным самодовольством, порожденным британским могуществом, привело к тому, что в викторианской Британии отсутствовал армейский или флотский генеральный штаб, в чью задачу входило бы систематическое изучение влияния социоэкономических перемен на методы ведения войны²¹.

В полную противоположность Англии, военные руководители России и Пруссии на всем протяжении предшествующего столетия и вплоть до 1914 года, решали весьма сложные задачи. Их армиям приходилось стремительно приспосабливаться к реалиям изменявшегося мира. Говоря о веке в целом, следует отметить четыре наиболее важные особенности. Во-первых, огромный численный рост населения и армий значительно усложнил как обеспечение тыла, так и, прежде всего, командование и контроль над проведением сражения. Во-вторых, появление железных дорог, телефона и телеграфа привело к подлинной революции в области коммуникаций, что имело огромное значение для мобилизации и контроля над военными подразделениями. В-третьих, колоссальные перемены произошли в области военной техники — так, например, резко возросла оборонительная огневая мощь при одновременном сокращении мобильных наступательных сил. И, наконец, солдаты в большинстве крупных армий в 1914 г. были куда более грамотны и развиты в умственном отношении, чем столе-

* Зг.: по отношению (фр.)

тие назад. Методы ведения войны претерпели значительные изменения, и для того, чтобы соответствовать новым требованиям, военному руководству необходим был беспрецедентный уровень интеллектуальности и профессионализма²².

Несомненно, после 1850 г. армия Пруссии справлялась со всеми требованиями модернизации более успешно, чем армия России. Причина этого, однако, заключалась не в том, что российская армия по своему составу была более аристократична — положение дел, если на то пошло, было как раз обратным. Вопиющие недостатки российской армии отнюдь нельзя поставить в вину офицерам-аристократам. Слабость армии прежде всего предопределялась бедностью империи и ее отсталостью по сравнению с Центральной и Западной Европой. В результате, страна обладала относительно малым резервом, из которого можно было набирать соответствующих требованиям офицеров и унтер-офицеров, а среди рядового состава ощущалась явная нехватка инициативности и просто грамотности. Жалованье было весьма скудным, и большая часть времени в полках тратилась на то, чтобы обеспечить себя продовольствием, обмундированием и оружием. В этой бескрайней, многонациональной и малонаселенной империи офицерам приходилось затрачивать непропорционально большое количество энергии на разрешение различных административных вопросов. К тому же, продвижение по службе было крайне медленным, так что высоких чинов офицер зачастую достигал лишь в преклонном возрасте, а в результате патронажа царственных особ и их родственников на высоких постах оказывались отнюдь не самые достойные кандидаты. Одна из специфических проблем состояла в том, что ведущие должности в армии занимали Великие князья Романовы. Даже если родственники царя были достаточно компетентны, они стремились превратить находившиеся под их командованием войсковые части в независимые империи, неподвластные контролю военного министра, усугубляя тем самым административные проблемы, и без того во множестве порождаемые излишним бюрократизмом.

Короче говоря, основной бедой российской армии была не перенасыщенность аристократами, а недостаток денег и образования при избытке бюрократизма и Романовых. У каждого, кто знаком с историей Российской империи, подобное утверждение не вызовет удивления.

К аристократии можно предъявить претензии другого рода. До 1861 г. сохранение крепостного права делало невозможным внедрение современной военной системы, основанной на воинской повинности и создание соответствующих резервов. Однако,

даже если считать, что основной причиной сохранения крепостного права являлись интересы высшего класса, а не государственные интересы, нельзя не признать тот факт, что в самодержавной России толчок реформам могло дать лишь правительство, и у режима Николая I не хватило смелости взять разрешение этого вопроса на себя. Освобождение крестьян и военная реформа, осуществляемые в 1860-х годах, и относящиеся к 1870-м годам усилия либерального военного министра, Дмитрия Милютина, наталкивались на постоянный отпор со стороны высших офицеров-аристократов, в особенности князя А. И. Барятинского и Р. А. Фадеева. Но и Барятинского, и Фадеева нельзя с полным основанием назвать вождями аристократической военной партии, и в любом случае они были не в состоянии серьезно препятствовать проведению реформ Милютина.

Говоря без обиняков, явной ареной осуществления аристократических привилегий в армии была гвардия, где, вплоть до начала двадцатого века, офицеры продвигались в чинах и званиях значительно быстрее, чем в пехоте. В канун Первой мировой войны большинство российских генералов по-прежнему были выходцами если не из гвардии, то из инженерных и артиллерийских войск. Хотя гвардейские привилегии были несправедливы и порождали недовольство, они отнюдь не отличались такой чрезмерностью, как это порой утверждается. В последние три десятилетия существования старого режима бывшие офицеры четырех или пяти наиболее привилегированных гвардейских полков, включая тех, кто имел генеральский чин, нередко служили в гражданской администрации или при дворе. В отношении прочих гвардейских офицеров можно сказать, что даже к 1914 г. в целом они были лучше образованы и вышли из более культурной среды, чем большинство пехотных офицеров; к тому же, в гвардию в качестве награды направлялись лучшие кадеты, проявившие отличные успехи во время пребывания в корпусе.

После 1870-х годов нет ни малейших оснований рассматривать службу в гвардии, как коварную дорожку к высшим военным чинам. Напротив, начиная с войны 1877—1878 гг. и вплоть до 1914 г. главные посты в армии все чаще занимали офицеры Генерального штаба. При этом Генеральный штаб был высокопрофессиональной организацией, формировавшей свои ряды путем напряженного конкурсного отбора, допуск к которому был возможен лишь при условии обязательного прохождения курса Академии Генерального штаба. Если говорить об участниках сложных и запутанных столкновений личностей и группировок, пытавшихся поделить высшие командные посты в предвоенной ар-

мии, большинство, однако далеко не все из главных претендентов — Сухомлинов, Великий князь Николай, Палицын и Редигер, если ограничиться четырьмя фамилиями — являлись выходцами из высшего класса. Хотя в отношениях офицеров различного социального происхождения имели место некоторые трения, офицерство отнюдь не разделялось по классовому признаку; совершенно ошибочно считать, будто офицеры-аристократы представляли собой единый лагерь, реакционный, непрофессиональный и неспособный к эффективному несению службы. Среди царских генералов, наиболее успешно проявивших себя во время Первой мировой войны, следует назвать А. А. Брусилова, бывшего кавалергарда, который впоследствии служил под началом Троцкого. Начальником Генерального Штаба Николая II был М. А. Алексеев, в 1915—1917 гг. главнокомандующий армией; он был сыном крестьянина и впоследствии стал одним из генералов Белой Армии. Среди соратников Алексеева в Белой Армии были как бароны Маннергейм и Врангель, аристократы, в прошлом кавалергарды, так и крестьянские сыновья — А. И. Деникин и Л. Г. Корнилов²³.

Если слабость российской армии отнюдь не определялась ее аристократизмом, то прусская армия являла собой исключительное сочетание аристократизма и силы. Это явление представляет значительную проблему для историков, так же как и для социологов и политологов. Предполагается, что девятнадцатый век был эпохой, когда буржуазия отняла у аристократии роль вершителя судеб Европы. Принято считать, что ведущую позицию среднего класса предопределило то, что он владел высокоразвитой промышленностью, обладал профессионализмом и образованием, более соответствующим руководящей роли в усложнившемся и технически развитом мире. Но до 1914 г. самыми крупными, сложными и наиболее технически развитыми организациями Европы являлись армии. И самой сильной и хорошо организованной, но при этом самой аристократичной по своему составу армией на континенте была прусско-германская армия, стан не только наиболее выдающихся мировых военных умов, но и в высшей степени благородного по духу офицерского корпуса, который ревниво оберегал свое право драться на дуэлях и свою полу-феодалную преданность верховному главнокомандующему, полу-самодержавному наследному императору. Несомненно, прусско-германская армия была более аристократичной и сильной, чем армия Франца-Иосифа, чей офицерский корпус был набит в основном выходцами из низших слоев среднего класса; к тому же, по прусским стандартам, в рядах этой армии находилось чересчур много

евреев. В 1870—1871 гг. прусская армия убедительно доказала свое превосходство над генералами Наполеона III, подавляющее большинство которых было испытанными и опытными профессионалами буржуазного происхождения. Прусская военно-аристократическая элита представляла собой классический образец успешной адаптации высшего класса к техническим и профессиональным требованиям современного мира.

Стержнем армии был юнкерский офицерский корпус. Совместно с Гогенцоллернами юнкеры создали армию. Они установили ее традиции и сформировали ее дух. Юнкеры обладали всеми военными качествами, предполагаемыми у представителей стойкого, но бедного класса сельских дворян, чьим многочисленным сыновьям нередко приходилось искать себе достойную службу. Военная карьера была наиболее очевидным и приемлемым выбором, а поскольку уже в первой половине восемнадцатого века это стало традицией, отцы семейств с ранних лет воспитывали в своих отпрысках военные доблести и гордость, с течением лет превратившиеся в фамильное достояние, передававшееся по наследству. Юнкерское поместье, где все работы осуществлялись под личным надзором владельца, давало ему первый опыт командования людьми. Олденбург-Янушау, например, заявляет следующее: «В любое время в любом случае я буду говорить от лица своих людей. Конечно, я никогда не отличался мягкостью, скорее, я всегда был уверен в том, что беспрекословное повиновение неизменно останется в моем имении главенствующим принципом». Здесь мы встречаемся с характерным для офицера викторианской эпохи сочетанием властности, жесткости и патернализма.

Лютеранская религия, с присущим ей понятием греха, призывом к повиновению законной власти и строгой верности долгу помогала формированию ценностей, единых как для юнкера, так и для работника. Отец Хельмута фон Герлаха в канун каждого Рождества устраивал для своих работников праздник. Однако чтобы они не слишком забывались, им, по настоянию хозяина, надлежало, перед началом увеселения, поцеловать руку у всех членов его семьи, включая детей. К тому же, он никогда не забывал предварить праздник речью, в которой перечислял прегрешения, совершенные каждым из его «людей» в течение уходящего года. Лютеранство не имеет ничего общего с мистицизмом и величественными обрядами, присущими русскому православью. Еще менее оно напоминает добродушный и благоприличный свод уставов снисходительной англиканской церкви в начале восемнадцатого века, чьим наиболее верным воплощением, столь часто

встречавшимся и в викторианские времена, был приверженный радостям охоты приходской священник.

Страна юнкеров по большей своей части не отличалась ни красотой, ни богатством. «На самом деле Марка* всегда была колониальной землей. Политическое ее завоевание завершилось в тринадцатом веке, хотя экономическое завоевание продолжается до наших дней. Так происходит потому, что здешняя природа весьма немилостива к человеку. Пески, болота и пустоши во всей своей скудости встречают его как врага; долгая и тяжелая работа необходима для того, чтобы подчинить их себе». Но юнкер хорошо приспособился к окружавшей его среде. Помещичий дом терялся среди подсобных хозяйственных строений, а планировку усадьбы диктовали в первую очередь практические, а не эстетические соображения. Хельмут фон Герлах вспоминает, что, когда тетушка его, фрейлина при незначительном дворе, вернулась домой, преисполненная изящных идей, она посоветовала отцу Хельмута перенести жилища прислуги таким образом, чтобы они не заслоняли вид из помещичьего дома. На это отец ответил, что он — практичный сельский житель, и предпочитает, чтобы хозяйство всегда находилось у него перед глазами. Тем же принципом он руководствовался и при размещении навозной ямы, чей запах пропитал все окрестности дома.

Именно из этого мира выходили люди, которые в период между 1866 и 1871 годом объединили Германию, люди, завоевавшие несколько сердитое восхищение баронессы Шпитцемберг из Вюртемберга. По ее мнению, люди эти, словно сделанные из «прочного грубого дерева», зачастую отличались хладнокровием, жесткостью, узостью взглядов, провинциализмом и упрямством. Но лучших из них вполне можно было назвать «серьезными, благородными и отважными мужами», наделенными «пруссским чувством долга и прусским трудолюбием»²⁴.

Однако, при всех своих юнкерских добродетелях, лишь своими собственными силами прусское сельское дворянство никогда бы не смогло превратить страну в великую военную державу. В девятнадцатом веке государство Гогенцоллернов выполнило еще два необходимых для этого условия — выказало готовность принимать на службу иностранцев и сформировало уважение к образованию. Шарнхорст, Гнейзенау и старший Мольтке — все они родились за пределами Пруссии, вышли из рядов протестантского дворянства Северной Германии или образованной буржуазии.

Традиции Генерального Штаба, которые они создали и воплощали в самих себе, способствовали величию Пруссии, так как благодаря им в этой стране всегда задумывались о воздействии социально-экономических изменений на методы ведения войны. В 1866—1871 годах Пруссия нанесла поражение Австрии и Франции не потому, что превосходила эти страны по численности населения, уровню экономического развития или была более современной в социальном аспекте. Она победила, потому что ее генералы тщательнее обдумывали свои действия, и, следовательно, мобилизовали больше солдат, быстрее их перемещали, лучше вооружали и отдавали более разумные распоряжения во время сражений. И если эти генералы были в некотором смысле менее гуманны, чем их предшественники, действовавшие в эпоху реформ, то одна из причин такой перемены заключалась в том, что, в отличие от своих отцов, они были детьми эры позитивизма, а не романтизма. Но и революционные военные преобразования, в которых они участвовали, существенно отличались от предшествующих. Превосходство Наполеона над врагами коренилось в способах организации армии и возбуждения ее боевого духа, а не в более совершенной военной технике. Учреждая прусское гражданство, Шарнхорст и Гнейзенау намеревались поэтому, мобилизовав человеческий фактор, направить против французов их собственные идеи. Но к началу 1860-х годов технические новшества индустриальной революции внесли новаторские элементы и в ведение войны. Намного проще было поверить в то, что победу можно одержать при помощи связанных с техникой средств, которые совершенно не принимали в расчет гуманистические и даже демократические концепции ранних реформаторов²⁵.

Во время Первой мировой войны, положившей конец викторианской Европе, Британия и Германия выступили как главные силы в противоборствующих коалициях. Война дала им возможность проверить на деле свои военные системы, которые в обеих странах несли глубокий отпечаток аристократических традиций. На самом нижнем уровне системы эти имели много общего. Молодые аристократы обеих стран сражались, проявляя исключительную даже в военное время храбрость и самоотверженность. Поступая так, они не только хранили верность семейным традициям, но и бессознательно подтверждали присущие их классу притязания на лидерство в той сфере, где аристократия по-прежнему держала марку. На всех прочих уровнях действие двух военных систем было разительно несходным. На тактическом уровне прусско-германскую систему отличал больший профессионализм, гибкость и способность предугадывать ход событий.

* Зг : Пруссия.

В марте 1918 г. Людендорф добился прорыва, к которому Хейг с такой тупой решимостью стремился в течение двух предшествующих лет. Прусская армия не только обладала большим резервом профессиональных кадров; там поощрялись инициатива и продуманность действий, неотъемлемо присущие традициям Шарнхорста и Мольтке, традициям, столь чуждым Веллингтону и британской регулярной армии. Но на самом высоком уровне, а именно стратегически-политическом, английская аристократическая традиция беспрекословного подчинения армии гражданскому правительству доказала свое решительное превосходство над основным принципом юнкерства, в соответствии с которым армия сохраняла свободу от политических тисков. Техническое военное превосходство в 1914 и 1917 годах давало Германии шанс одержать победу. Однако отказ подчинить военную стратегию политическим целям и реалиям уничтожил этот шанс, привел к вступлению в войну Соединенных Штатов и бесплодным попыткам достичь полной победы над Тройственным союзом (Антантой) путем военного наступления. Победу Британского Военного кабинета над Гинденбургом и Людендорфом как раз и можно считать триумфом английской военно-аристократической системы над системой прусской.

Глава 10. Аристократия в политике

Трудно представить, что когда-либо аристократия была более могущественна, чем в Англии в 1815 году. И у себя в поместье, и в окрестностях своих владений аристократ пользовался всеобщим уважением. В знатном дворянине видели прирожденного местного лидера; ему приходилось сообразовываться с ожиданиями, которые связывали с ним окружающие. В отличие от восточно-европейских крепостников, он отнюдь не был деспотом. Закон лишил его возможности проявлять произвол и насилие по отношению к своим соседям и тем, кто так или иначе от него зависел; при этом собственность аристократа, и, прежде всего, его охотничьи угодья, закон защищал с непрекращаемой твердостью. Но и аристократ викторианской эпохи держался в должных рамках и руководствовался обычаями, а нередко и тактом, выработанным поколениями политического лидерства.

В девятнадцатом веке в большинстве английских округов сочли бы совершенно неподобающим поступком выселение арендатора без должного основания — такого, как, например, невыплата ренты в оговоренный срок при отсутствии оправдывающих обстоятельств. Хотя в принципе аренда основывалась на добровольных началах, и до 1882 г. не существовало узаконенного права требовать компенсации за произведенные усовершенствования, на практике, как правило, отношения определялись взаимным доверием между землевладельцем и арендатором, интересы и нужды которого также принимались в расчет. Усилия радикалов, стремившихся разжечь среди фермеров недовольство аристократией, пропадали втуне в первую очередь потому, что в отношениях землевладелец—арендатор «институционные установления, теоретически спорные, на практике работали вполне успешно». Обычаи, присущие различным местностям, разнились как в некоторых деталях, так и в степени строгости, с которой они соблюдались. Например, «Линкольнширская традиция» возникла в начале девятнадцатого века как реакция на крупные вложения, которые требовались от арендаторов, поскольку на скудных почвах графства не обойтись было без передовых сельскохозяй-

ственных методов. Эта традиция имела силу закона и гарантировала выплату компенсаций за все произведенные улучшения; с другой стороны, в соответствии с ней арендатор не мог быть выселен с занимаемых земель — разве только в исключительных обстоятельствах. Следование этой традиции было в интересах землевладельцев, так как именно благодаря ей земли оставались в руках наиболее надежных и трудолюбивых арендаторов; земледелец чувствовал уверенность в завтрашнем дне, и, следовательно, мог решиться на различные сельскохозяйственные усовершенствования. Эти фермеры-арендаторы совершенно не походили на крестьян, покорно выполняющих прихоти своего господина. Как утверждает Р. Дж. Олни, в 1830-х годах фермеры-арендаторы, хорошо одетые, владевшие хорошими лошадьми и нередко обеспечивавшие себе доход свыше 1000 фунтов стерлингов в год, отнюдь не были склонны к безропотному подчинению. Более того, в тяжелые времена доводы в пользу трудолюбивых фермеров-арендаторов становились особенно резонными¹.

Проявляя власть и силу, землевладельцу следовало помнить обо всех этих жизненных реалиях. С точки зрения Фрэнка О'Гормена, «почтительные отношения и соответствующие им ценности не только узаконивали социальный и политический авторитет элиты, но также определяли четкие границы этого авторитета». В случае, если аристократия не оправдывала оказанного ей доверия и пренебрегала местными интересами, были возможны протесты. Например, еще в 1843 г. линкольнширский фермер, сторонник протекционизма, сетовал, что в результате всех бурных восторгов правительства консерваторов в отношении свободной торговли «наши местные лидеры бросили нас». Когда в 1846 г. сэр Роберт Пиль окончательно отказался от политики протекционизма, это привело к волнениям среди фермеров-арендаторов, и в результате ряд членов парламента, проголосовавших за отмену Хлебных законов, либо лишились своих мест, либо предпочли отказаться от них, но не подчиниться диктату возбужденных избирателей-фермеров².

Землевладельца, который держал своих арендаторов, что называется, в ежовых рукавицах, на выборах скорее всего ожидал неуспех. В определенной степени политическая поддержка завоевывалась благодаря щедрости, направленной на всех избирателей, включая арендаторов. В избирательных округах-графствах, которых до реформы 1867 г. насчитывалось 144, а после — 172, электорат был слишком велик, и один «заступник» не мог контролировать ситуацию. Однако, существовали и исключения: «В Дербишире после 1832 г. влияние герцогов Девонширских сосре-

доточилось в северном округе графства, и в результате до 1867 г. на выборах места в парламенте неизменно получали два представителя партии вигов, а западная часть графства — выделившаяся в самостоятельный округ в 1868 г. — вплоть до 1914 г. и даже после оставалась чем-то вроде феодального владения»³.

Как бы то ни было, выборы в графствах традиционно являлись платформой не только для аристократов, но и для представителей независимого нетитулованного джентри. До 1832 г. ключевую роль в завоевании власти играли так называемые «карманные местечки»⁴. В 1830 г., по всей видимости, 98 пэров контролировали «выборы» 214 членов парламента. Имена кандидатов не только назывались самими пэрами; но еще и само собой разумелось, что взгляды будущих членов парламента будут всецело соответствовать взглядам их патронов (в противном случае они должны были уйти) в большинстве своем избранные оправдывали подобные ожидания. Даже после Билля о реформе 1832 г., практически уничтожившего «гнилые местечки», свыше 70 членов парламента по-прежнему были ставленниками своих патронов-аристократов. Но даже во многих «карманных местечках» патрону нередко приходилось прилагать усилия для поддержания собственного влияния. Например, в начале девятнадцатого века «тот, кто в Ньюарке отдавал свой голос за ставленника четвертого герцога Ньюкаслского, получал к рождеству полтонны угля, а арендная плата для него снижалась по сравнению со средней примерно на 30 процентов. Между 1812 и 1815 гг. второй маркиз Стаффордский напротив, поднял ренту, и в результате лишился двух парламентских кресел в Ньюкасле-на-Лайме»⁴.

В дореформенном парламенте графства, и, даже в большей мере, растущие индустриальные города, имели весьма незначительное представительство в парламенте, в то время как крошечные, а в ряде случаев и вовсе несуществующие электораты маленьких городков в совокупности выбирали почти половину Палаты общин. Не удивительно, что в Нижней палате, избираемой подобным способом, преобладали представители аристократии и джентри. 30 процентов членов парламента, избранных в период между 1734 и 1832 гг., являлись выходцами всего из 247 семей. «Даже в 1868 г. 407 членов парламента были отпрысками семей,

⁴ Имеются в виду городки и поселки городского типа, имевшие право быть представленными в парламенте одним депутатом или более. В таких избирательных округах, часто обезлюдевших в период промышленной революции, кандидаты практически назначались местными лендлордами. Отсюда названия — «гнилые местечки», «карманные местечки».

владеющих 2000 акрами земли или более». Двенадцать лет спустя количество таких членов парламента сократилось до 322. Уменьшение числа аристократов среди членов парламента было ощутимым, но едва ли стремительным: в 1895 г. 60 процентов членов парламента составляли праздные джентльмены, сельские сквайры, отставные офицеры и юристы; в палате по-прежнему заседали 23 старших сына пэров. После того, как реформаторские билли, следующие один за другим, предоставили избирательные права сначала половине, а затем, в 1885 г., основной части рабочего класса, старой элите оставалось использовать по-прежнему всецело аристократическую Верхнюю палату для того, чтобы препятствовать реформам, предлагаемым Палатой общин. Лишь в 1911 г. было уничтожено право Палаты лордов накладывать абсолютное вето на законодательные проекты; факт весьма примечательный, особенно если учесть, что этот всецело монополизированный семьями крупных землевладельцев законодательный орган, членство в котором передавалось исключительно по наследству, являлся пережитком прошлого даже по стандартам прочих европейских верхних палат, также весьма далеких от демократии⁵.

Среди премьер-министров королевы Виктории трое — Пиль, Вильям Гладстон и Бенджамен Дизраэли не были выходцами из традиционного высшего класса. Ни одного из них, однако, нельзя с полным правом назвать человеком, пробившимся наверх собственными силами. Все трое с рождения предназначались для того, чтобы стать членами правящей элиты. Но при всем том они являлись исключениями из правила, в соответствии с которым среди членов кабинета преобладали представители аристократии и джентри. Это правило сохраняло силу до 1885 г., когда виги вышли из состава либеральной партии, после чего либералы сформировали кабинеты, состоявшие в основном из представителей среднего класса, с умеренными вкраплениями аристократии. Последним кабинетом, всецело характерным для Старого Режима, был кабинет, сформированный в 1890-х годах лордом Солсбери, знаменитый Отель Сесил, в котором сановники-виги сидели бок о бок с обычной для тори смесью аристократов, поместных дворян-джентри и разобщенных представителей интеллектуальных и деловых кругов. Дэвид Кэннедин, рассуждая об этом кабинете, отмечает, что «тон его был столь же аристократичен, как и его состав. Лорд Рандольф Черчилль уволил Ричарда Кросса и У. Х. Смита — оба приобрели имения — как «Маршалла и Снедгрува»⁶.

В викторианскую эпоху британский парламент и кабинет главенствовали над административной системой, которая, по европейским стандартам, была столь незаметна, что, казалось, в неко-

торых отношениях и вовсе не существовала. Все без исключения представители сельского управления и судьи были в своем деле не профессионалами, а дилетантами. Почти на всем протяжении викторианской эпохи судебная и исполнительная власть в графствах находилась в ведении принадлежавшего непременно к аристократии лорда-наместника, который, в свою очередь оказывал решающее влияние на выборы мировых судей. По традиции жизнь графства контролировалась судебной властью. Представители аристократии и джентри, в восемнадцатом веке склонные пренебрегать своими обязанностями и уклоняться от службы в качестве мировых судей, в викторианскую эпоху вернулись в судебские кресла, и это было лишь частью усилий высшего класса, направленных на оправдание собственных привилегий путем честной и бескорыстной службы. Лишь в 1888 г., когда был принят Закон о Советах графств, органы сельского самоуправления были демократизированы. В большей части Ирландии и Уэльса эта демократизация положила конец контролю аристократии над местным управлением; в Англии ситуация была несколько иной, хотя в различных графствах картина складывалась по-разному. В большинстве районов представители аристократии и джентри сохраняли главенствующее положение в органах местного управления, поскольку они располагали свободным временем, сохраняли традиции служения обществу и репутацию честных и справедливых людей. Так как жалование служащих органов местного управления было скудным, а обязанности зачастую не относились к числу приятных и необременительных, должности эти отнюдь не являлись предметом конкуренции. В Уилтшире, который принято было считать на редкость благонамеренным и аристократическим графством, с 1889 по 1896 гг. совет графства возглавлял четвертый Маркиз Бата, на протяжении следующего десятилетия — лорд Эдмунд Фитцморис, и в период с 1906 г. до окончания Второй мировой войны — пятый маркиз Бата⁷.

Должности лорда-наместника (номинального главы судебной и исполнительной власти) и мировых судей в Англии соответствовали на континенте должностям министров внутренних дел, которые, как правило, являлись центральными и облеченными наибольшей властью столпами внутренней администрации. По европейским стандартам центральный отдел британского Министерства Внутренних Дел (Хоум офис), где в 1876 г. насчитывалось всего тридцать шесть постоянных служащих, был до абсурда мал, и то же самое можно было сказать про другие главные министерства. Пока министерства оставались столь небольшими, они нередко возглавлялись отпрысками дворянских семей (джентри),

но когда в конце девятнадцатого века начался стремительный рост правительственных учреждений, высшие должности в различных гражданских службах быстро заняли представители новой элиты, которые по происхождению в большинстве своем были выходцами из среднего класса, а по образованию — выпускниками различных паблик-скул и Оксбриджа⁸.

Как и можно было ожидать, учитывая европейские традиции, Министерство Иностранных дел (Форин офис) и дипломатическая служба были намного аристократичнее, чем внутренние государственные службы. Говоря о периоде с 1898 по 1914 год, Зара Стейнер отмечает, что «все клише по поводу служащих Форин офис были чистой правдой; в действительности это министерство представляло собой оплот класса землевладельцев, и для того, чтобы сохранить его характер и клановую структуру, делалось все возможное <...> между 1908 и 1913 гг. девять из шестнадцати кандидатов были выпускниками Итона <...> в дипломатическом корпусе к этому классу питали еще более очевидное пристрастие и в предвоенный период социальный круг скорее сужался, чем расширялся. В дипломатическом корпусе были хорошо представлены наиболее выдающиеся семьи Англии. Из 23 секретарей, получивших назначение между 1908 и 1913 гг., восемь были сыновьями лордов и два — баронетами». В тот же период среди добившихся успеха кандидатов на дипломатические посты «не менее 25 из 37 являлись выпускниками Итона»⁹.

В противоположность дипломатическому корпусу, ни Министерство по делам колоний, ни Министерство по делам Индии не пользовались особой популярностью у аристократии и джентри. Что касается Министерства по делам Индии, «в начале 1850-х годов, когда назначения все еще устраивались по протекции, более четверти из вновь назначенных чиновников имели дворянское происхождение. Но в период между 1854 и 1856 гг., когда кандидаты стали добиваться назначения на должность в открытых конкурсах, число землевладельцев среди чиновников снизилось, причем чрезвычайно стремительно и резко — в 1860-е годы оно составляло одну десятую всех служащих, а в 1890-е — всего 6 процентов». Единственной сферой деятельности этих министерств, которая действительно сохраняла популярность среди аристократов, была служба при дворах и в штатах различных вице-королей, губернаторов и проконсулов Британской империи. Должности при этих дворах давали возможность расширить свой кругозор, приятно провести время и завязать полезные знакомства. На подобных должностях аристократы составляли представление о Британской империи и проникались чувством имперской

гордости; однако эта служба вовсе не налагала на аристократов обязательства провести всю жизнь вдали от родины, в неблагоприятном климате, в социальной изоляции или же среди людей, которых они считали во всех смыслах ниже себя. Отдавая справедливость британской аристократии, отметим, что немного найдется еще стран, где социальная элита в изобилии поставляла добровольцев для ссылки длиной в полжизни. Более того, в пользу подобной службы можно отметить, что будущие правители империи в молодые годы знакомились с колониями, прежде чем занять в Лондоне облеченные влиянием и властью посты. Воздействие имперского образа мыслей на поздне-викторианскую и эдвардианскую элиту было огромным, и вспоминая колониальную службу Уинстона Черчилля, «политическое детство» лорда Мильнера в Южной Африке, или же сходные эпизоды из биографий так называемых «твердолобых» тори 1911 года, понимаешь, что истоки подобного мышления таятся в личном жизненном опыте¹⁰.

В России и Германии аристократы, как правило, уступали в богатстве представителям английской знати, а их притязания на политическую власть оспаривались крестьянством, бюрократией и монархом. Однако в своих владениях крепостник, в отличие от английского аристократа, пользовался непрерываемой властью. Даже в южной и западной Германии до 1848 г. *Standesherr* соединял влияние, связанное с богатством и социальным положением, с полномасштабной судебной и полицейской властью. Лишь после окончательного упразднения последних элементов крепостничества в 1848 г., он стал просто землевладельцем¹¹.

С одной стороны, события 1848 г. резко уменьшили политическое значение дворянства западной и южной Германии, в особенности *Standesherrn*. Утратив остатки и внешние атрибуты власти, они превратились в обыкновенных состоятельных граждан в обществе, где богатство вскоре стало распространенным явлением. С другой стороны, в результате событий 1848 г. многие дворяне-католики получили больше возможностей для того, чтобы выступать в качестве знаменосцев религиозных и партикуляристских ценностей своих сообществ, сопротивляясь экспансии индустриального капитализма и модернизации, проводимой протестантским государством.

Некоторые из этих дворян взяли на себя подобную роль еще в период с 1815 по 1848 годы. Одной из причин этого явилась преданность католической вере, более сильная и эмоциональная, чем та, какая была присуща поколению их отцов. Другой причиной был гнев, который у дворян Рейнской области, Вестфалии и Швабии вызывали протестантские государства, присоединившие

к себе их земли и лишившие их как положения, так и дохода. Наиболее серьезный конфликт между аристократией Вестфалии и Прусским государством возник в связи с вопросами о смешанных браках и достиг наибольшей остроты во время так называемых Кельнских событий в 1827 г., когда в тюрьму был заключен Архиепископ (граф) Клеменс Август Дрост Вишерингский. Подобные столкновения бушевали в 1830-х и 1840-х годах в Вюртемберге, где *Standesherren* католического вероисповедания, заседавшие в Верхней палате, служили источником постоянного раздражения как для либералов, так и, прежде всего, для представителей бюрократического аппарата Вюртемберга. *Standesherren* противились усилиям государства контролировать назначения на церковные посты, правовую деятельность священников и связи католического духовенства с Римом. Они настаивали на правомочности требования церкви, в соответствии с которым дети от смешанных браков должны были воспитываться в католической вере. Запрет католической печати, а также излишнее, по их мнению, расположение правительства к старому Вюртембергу за счет Швабии, вызывали у *Standesherren* негодование.

В обеих западных провинциях Пруссии и Швабии предпринимались некоторые усилия побудить простой народ, исповедующий католицизм, оказать поддержку защите церкви, осуществляемой аристократами. Однако, большинство дворян ужасала сама мысль о возможности протеста крестьян против законно установленной власти. Более того, растущее напряжение между аристократией и крестьянством говорило о том, что все эти усилия вряд ли могли принести успех. Взоры аристократии были по-прежнему устремлены в прошлое, на права и привилегии, утраченные с падением Старого Рейха. За сохранившиеся привилегии, например, за право охоты, аристократы цеплялись с железным упрямством. Не прекращались ярые столкновения из-за доступа в леса, а также из-за пошлин и крестьянских повинностей. Оставшиеся в распоряжении *Standesherren* полицейские и судебные функции, учитывая, что они дублировали государственные структуры, воспринимались крестьянами, как излишнее, и к тому же бессмысленное бремя. В 1848 г. Карл Эгон II, напуганный надвигавшейся революцией, бежал из Фюрстенберга. Дом графа Клеменса фон Вестфалена, наиболее убежденного сторонника Вестфальской католической церкви, был сожжен дотла. В этих обстоятельствах швабский *Standesherr*, граф Константин фон Вальдбург-Цайль-Трахбург, повел себя неожиданно; он принял свои католические и партикуляристские обязательства столь серьезно, что в некоторой степени оказал поддержку революции и был

избран в Национальное Собрание Франкфурта от демократической платформы. Более всего заботясь о независимости католической церкви и интересах Швабии, Вальдбург-Цайль пришел к убеждению, согласно которому аристократия, выступи она на защиту этих интересов против Вюртембергских либералов, обязательно нашла бы общую почву с католическими массами. С этой целью он стал сторонником всеобщего равного избирательного права, заключения договора о щедрых выплатах и включения Вюртемберга в управляемую Габсбургами *Grossdeutschland* (Великую Германию)¹².

Однако события 1848 г. уничтожили многие причины конфликтов между аристократами-католиками и крестьянами. Доходы, получаемые от акций и облигаций, создавали меньше напряженности, чем попытки обложить местное крестьянство пошлинами и повинностями. Благодаря растущему благосостоянию, дворяне с легкостью проявляли щедрость, превращаясь в склонных к благотворительности местных лидеров, к тому же многие аристократы принялись за возделывание оставшихся у них земель и теперь у них с крестьянством были общие интересы. Во второй половине столетия все аграрии оказались перед лицом обострившихся проблем, порождаемых развитием индустриального сектора и растущей зависимостью от ценовой политики международного рынка. Сторонники традиций — как дворяне, так и крестьяне — с неприязнью относились к городским ценностям, которые благодаря росту грамотности и улучшению средств связи, значительно сильнее, чем прежде, посягали на деревню. Но самое главное, католикам пришлось столкнуться с крепнущим господством протестантов в правительстве, культуре и экономике Германии; этот процесс был узаконен победой Пруссии над католической Германией между 1866 и 1871 годами. Католики ощущали себя презируемыми и второсортными жителями протестантского государства. Мэттью Арнольд, защищая прусский либеральный средний класс, к которому относился с искренним восхищением, заявлял, что «римская партия в германских государствах является также партией невежд, партией людей, незатронутых гуманизмом и культурой». Тот факт, что в этом утверждении была некоторая доля истины, делает его тем более несправедливым, особенно если учесть, что к подобному оправданию прибегали, объясняя отказ предоставить католикам право занимать должности в правительственных учреждениях. В 1870-х годах, когда, в добавление ко всему прочему, прусское либеральное государство предприняло попытку навязать католическому меньшинству свои образовательные и культурные принципы, стре-

мь попутно осуществить разрыв связей церкви с Римом и заочить в юрьму большинство прусских епископов, практически все аристократы-католики ответили на эти происки яростным отпором¹³

Аристократия играла значительную роль в создании католической оппозиции Kulturkampf. Если говорить о тех, кто в 1870-е и 1880-е годы занимал господствующие позиции в Католической партии центра, можно отметить, что в своих интересах и даже ценностях аристократы зачастую были ближе к крестьянству, чем многие руководители профессионального среднего класса из крупных городов. К тому же примитивные и иррациональные проявления католицизма, которые он принимал в народе, раздражали невежественных сельских дворян значительно меньше, чем представители по всем правилам образованной буржуазии. В 1862 г. Бурхард фон Шорнлемер-Альст основал в Вестфалии первую влиятельную Крестьянскую лигу. Два десятилетия спустя в Рейнской области и Силезии также были созданы Крестьянские лиги — их основателями явились соответственно Феликс фон Лозе и Карл фон Хойнинген-Гуен. Ведущим баварским центристом был граф Конрад фон Прейсинг, одним из наиболее известных лидеров Силезии выступал граф Франц фон Баллештрём, который в двадцатом веке был президентом Рейхстага. По меркам Баварии и Силезии вряд ли можно было обладать происхождением более аристократическим, чем у этих дворян. Некоторые из них были слегка удивлены, обнаружив, что оказались под началом Людвиг Виндхорста, обладавшего весьма заурядной внешностью буржуа из Ганновера. Если они все же признали его первенство в значительной степени, это было связано с необходимостью единства в период Kulturkampf. К тому же склонить людей на свою сторону Виндхорсту помогли выдающиеся способности парламентария.

Партия центра представляла собой довольно странную смесь. Представители католического рабочего класса Рейнской области, где недавно начался процесс индустриализации, соседствовали здесь со своими единоверцами — весьма состоятельными крестьянами из западных провинций и менее процветающими крестьянами юга Германии. Расцветающая католическая буржуазия Рейнской области и Вестфалии представляла собой важную составную часть Центра, но то же самое можно было сказать и о силезских поляках. Над всем этим возвышалось католическое дворянство само по себе разобщенное, но вынужденное принимать в расчет интересы различных общественных слоев, которые оно представляло и возглавляло, так как к тому времени политика вращалась вокруг всегерманского Рейхстага, выборы в который осуществля-

лись на основе всеобщего избирательного права для всего мужского населения. Что же касается верхних палат различных германских государств, они неуклонно утрачивали влияние. Вестфальская и Рейнская Крестьянские лиги, возглавляемые Шорнлемером-Альстом и Лозе, могли сколько угодно проповедовать корпоративные и антикапиталистические доктрины, однако силезские католические магнаты, наиболее характерным представителем которых был граф Франц фон Баллештрём, оставались наиболее богатыми промышленниками Германии. Иную разновидность католического аристократа являл собой граф Георг фон Хертлинг, с 1909 г. возглавлявший фракцию Центра в Рейхстаге, университетский профессор, он происходил из чиновничьей семьи, сравнительно недавно удостоенной дворянства. Хертлинг питал явные симпатии к католической социальной теории, но как профессор викторианской эпохи он не мог представить себе, как можно повернуться спиной к прогрессу или усомниться в том, что капиталистическая экономика и конституционная парламентская политика являются воплощением основных прогрессивных принципов. Пропасть разделяла Хертлинга и князя Карла фон Левенштейна, убежденного реакционера, сторонника корпоративности и абсолютной власти папы.

Католические лидеры-аристократы неизбежно различались по своим политическим взглядам, при этом проводили отчетливую грань между ними и католическими вождями недворянского происхождения. Не представляется возможным. Напротив, дворяне в большинстве своем склонны были разделять с наиболее консервативными буржуазными лидерами неприязнь и гнев, которую у тех и у других вызвали популярные политические требования и методы ведения политической игры. В целом близкие идеям теократии, многие аристократы хотели, чтобы призыв к примирению с Бисмарком, который в 1880-е годы исходил от папы Льва XIII, не остался без внимания. Когда Kulturkampf завершилась, большая часть аристократов желала объединиться с другими консервативными силами и считаться лояльными и благонамеренными гражданами Рейха. У них вызвал неприязнь либерализм Виндхорста, который находил выражение в оппозиции, направленной как против репрессивной, авторитарной политики Прусского правительства, так и против попыток этого правительства ввести в 1889—1890 гг. страховые пенсии по старости и инвалидности, авторитарный патернализм, помимо всего прочего, вполне отвечал аристократическим традициям католицизма.

В начале 1890-х годов положению аристократии постоянно угрожала сельскохозяйственная депрессия, вследствие которой

взгляды избирателей, занятых в этой сфере, стали более радикальными. По мере развития индустриального капитализма беднейшее крестьянство и отчасти представители низших слоев среднего класса оказались на грани вымирания. Их ответом чаще всего был яростный популизм — антилиберальный, антиправительственный и антиинтеллектуальный. Респектабельным аристократам, стремящимся достичь компромисса с правительством по таким вопросам, как оборона и экономическая политика, было весьма трудно удовлетворить электорат, враждебно настроенный против любой элиты и с примитивным эгоизмом требовавший льгот и субсидий, которые позволили бы ему выжить в наступившие суровые времена. Призывы католических популистов к установлению прогрессивной ставки подоходного налога усиливали тревогу аристократии, а провал, который на выборах 1893 г. потерпело большинство кандидатов дворянского Центра, подтверждал, что тревога эта не безосновательна. Как отмечает Вильгельм Лот, «когда в 1893 г. Рейхстаг собрался вновь <...> аристократическое крыло Центра уже не располагало хоть сколько-нибудь значительным влиянием».

Но в 1893 г. католическое дворянство еще не исчерпало свою роль в политике. Когда сельскохозяйственная депрессия пошла на спад, некоторые аристократы вновь вернулись на политическую арену. Дворянство сохраняло свое влияние в Силезии и в аграрном крыле центристов. Консервативно-центристский блок 1909 г. осуществил свои давние упования, добившись уклона партии вправо благодаря достигнутому между центром и правительством компромиссу по военно-морской политике. Но после 1893 г. аристократия уже никогда не занимала в партии Центра таких выдающихся позиций, как во время *Kulturkampf*. Теперь партией управляли профессиональные политики (в основном буржуазного происхождения), которые, в качестве специалистов, прежде всего могли безошибочно определить настроения католических масс и уравновесить требования различных составляющих электората. К 1914 г. влияние, которым аристократы-католики пользовались в партии Центра, примерно соответствовало влиянию британских либералов, а не той ведущей роли, которую традиционный высший класс все еще играл в английской или прусской консервативных партиях¹⁴.

В отличие от юнкеров, у представителей католического дворянства в девятнадцатом веке не было собственного могущественного государства, обладавшего армией и гражданскими службами, где они могли бы главенствовать вместе со своими сыновьями. К тому же, католическое дворянство намного уступало

юнкерам в численности. Но, и это главное, дворяне-католики и юнкеры придерживались различных традиций в области ведения хозяйства и управления крестьянами. Юнкеры лично руководили собственными фермами и распоряжались рабочей силой; к тому же, в их среде издавна существовал обычай отправлять сыновей на военную службу, и это наложило на их менталитет особый отпечаток, который проявлялся в сознании, что они идеально соответствуют главенствующему положению и обладают исключительным правом руководить и командовать. Во многих отношениях эти восточные дворяне имели больше общего с российскими крепостниками, чем с аристократией западной или южной Германии. В восточной Пруссии, как и в России, деревни лишь изредка встречались на бескрайних просторах, которые по западным стандартам были весьма скудно населены и не имели городских традиций. Даже в конце восемнадцатого века сельские общины были полу-авторитарными и находились в сильнейшей зависимости от своего владельца. В 1863 г., в первый раз путешествуя по восточной части Германии, баронесса Шпитцемберг отмечала, что деревни здесь совсем не походят на западные. Лачуги работников тесно обступают дом помещика, а сами деревни значительно отличаются от западных по степени благоустроенности и процветания; на всем здесь виден отпечаток дворянской семьи, которой принадлежат селения. До 1811 г. крестьяне, наследуя собственные фермы, присягали на верность своим владельцам, как правило, видевших в крепостных неразумных детей, которых следует приучать к строгой дисциплине. Лишь от личного расположения дворянина зависело, будет ли эта дисциплина соединяться с элементами отеческого благоволения. В конце восемнадцатого века в большинстве поместий подобный патернализм был забыт, так как поместья эти покупались, сдавались и брались в аренду с головокружительной быстротой. Тем не менее, в Пруссии, как и в России, крепостному крестьянину нередко было выгодно играть роль дитяти¹⁵.

По правде сказать, во второй половине восемнадцатого века прусские землевладельцы-крепостники сталкивались с более значительными ограничениями, чем российские помещики. В Пруссии крепостные крестьяне нередко пользовались некоторыми правами, включая право собственности, и правительство Гогенцоллернов в той или иной мере было способно защитить эти права от воюющих нарушений. Например, соблюдался запрет на продажу крестьян без земли, который иногда нарушался лишь в Силезии. Напротив, в России, по крайней мере до начала царствования Николая I, государство не обладало достаточными ресурса-

ми, чтобы контролировать помещиков. Учитывая масштабы страны, а также огромные размеры и характер ее бюрократического аппарата, не удивительно, что дворяне-землевладельцы пользовались неограниченной властью королей в миниатюре. Как правило, они не употребляли эту власть во зло. В крупных имениях жизнь шла по тщательно разработанным правилам и существование крестьян подчинялось более или менее упорядоченной системе установлений. В особенности в тех имениях, где крестьяне выплачивали оброк живущим в городах владельцам, контроль был достаточно слабым. Он значительно ужесточался, если крестьянам приходилось отрабатывать на помещика так называемую «барщину» — при подобной системе нередко требовались суровые меры воздействия на «ленивых» и непокорных крестьян. К тому же, вне зависимости от того, насколько справедливым и щедрым являлся тот или иной помещик, одно оставалось неизменным: личность и имущество крестьянина не имели никакой закрепленной законом защиты от произвола владельца¹⁶.

После отмены крепостного права в 1861 г., землевладелец утратил все свои права на сельскую общину. Он сохранил лишь влияние, каким пользуется относительно состоятельный человек, живущий в окружении весьма бедных. Там же, где крестьяне в большинстве своем могли самостоятельно обеспечить собственное существование и были объединены в самоуправляемые общины, влияние это оказывалось далеко не столь значительным, как можно предположить. В Пруссии, напротив, вплоть до 1918 г. землевладелец сохранял дисциплинарную власть (*Gesindeordnung*) над неженатыми работниками, живущими в его владениях. До 1872 г., *Rittergut* определяло границы местной общины и его владельцы пользовались неограниченной полицейской и судебной властью над всеми, кто жил в пределах этих границ. Помещик выбирал деревенского голову и мог наложить вето на все решения местного собрания. В 1872 г., когда Бисмарк и национал-либералы предприняли попытку ограничить это и другие права владельцев *Rittergüter*, в верхней палате прусского парламента (*Herrenhaus*) произошел настоящий бунт. Состоятельные дворяне, заполнявшие эту палату, были уверены в том, что нападки на *Rittergüter* ослабят их влияние и престиж на селе. Однако реформа также нарушала принцип, в который страстно верили убежденные консерваторы типа Клейста-Ретцова, — принцип, согласно которому собственность и благосостояние должны быть неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью тех, в чьих руках находятся бразды правления. Нашествие в верхнюю палату людей, недавно получивших дворянское звание, свидетель-

ствовало об очередном поражении принципов легитимизма и старой Пруссии, которые уже понесли урон в результате «покорения» Германии Бисмарком и предпринятого им альянса с национал-либеральной партией¹⁷.

И в Пруссии, и в России местное правление, находившееся выше уровня помещичьих деревень и *Rittergüter*, представляло собой причудливую смесь принципов и институтов, присущих как государству, так и дворянскому поместью (*Stand*). По крайней мере до начала второй половины девятнадцатого века основное различие между этими двумя странами состояло в том, что в Пруссии учреждения и ведомства местного управления работали намного эффективнее и активнее, чем в России. Отчасти это происходило потому, что большинство прусских институтов имели глубокие корни в предшествующем абсолютистском государстве Гогенцоллернов.

Хотя Великий курфюрст* и Фридрих Вильгельм I** учредили абсолютистское государство, ограничив власть дворянских корпоративных институтов, последние в большинстве своем выжили, были впоследствии укреплены и при Фридрихе II влились в государственную административную сеть. В отличие от российской придворной и находившейся на государственной службе аристократии, прусское поместное дворянство хранило верность собственным деревням и провинциям, а также старым традициям общественной службы в корпоративных ведомствах.

В России подобные традиции не существовали даже среди старинных дворянских семей, живущих на землях древней Московии. Например, к 1861 г. Куломзины уже свыше 250 лет были помещиками Кинешемского уезда Костромской губернии, но представление о том, что такое служба в выборном учреждении местного управления молодой Анатолий Куломзин составил благодаря поездке в Англию, где в 1850-х годах лично служил в качестве мирового судьи. Это кажется странным, так как многочисленные посты в учреждениях местного управления и дворянской корпорации начиная с 1775 г. заполнялись путем дворянских выборов. Однако у дворян эти посты никогда не пользовались популярностью. Отчасти это происходило потому, что государственная бюрократическая машина обременяла выборное должностное лицо бесчисленными заданиями, не предоставляя ему ни независимости, ни статуса. К тому же, к 1800 г. лишь малая часть аристокра-

* Фридрих Вильгельм (1620—1688), курфюрст Бранденбургский (1640—1688), основатель Бранденбургского прусского государства.

** Фридрих Вильгельм I (1688—1740), король Пруссии (1713—1770).

тии усвоила образ мыслей, в соответствии с которым ей следовало служить обществу на подобных постах, а не использовать их для личного обогащения. Эти люди, представители наиболее образованной части дворянства, его культурной элиты, тяготели к петербургской бюрократии, а не к провинциальным учреждениям. Подобное положение сохранялось до начала второй половины девятнадцатого века. Лишь тогда посты губернского или уездного предводителя дворянства, а также служба в выборных советах местного управления (земствах) стала пользоваться престижем и популярностью¹⁸.

Вплоть до 1914 г. основными фигурами в местном управлении Пруссии и России являлись в первом случае начальник округа (Landrat), а во втором — уездный предводитель дворянства. В принципе предводитель являлся не государственным чиновником, а избранным главой уездного дворянства. Тем не менее, в ситуации полного отсутствия любых назначенных государством должностных лиц, призванных координировать управление на уездном уровне, предводитель дворянства заполнял наличествующую брешь; такое положение, абсолютно ненормальное по меркам двадцатого века, сохранялось вплоть до 1917 г. В Пруссии ландрат считался государственным служащим, но при этом находился на особом положении. До 1872 г. король лично выбирал исполнителя этой должности из числа кандидатов, названных местными владельцами рыцарских имений (Rittergüter); внесенное правительством предложение создать несколько более демократичное окружное собрание коллегии выборщиков повлекло за собой бурю недовольства в Верхней палате.

Несмотря на произошедшие перемены, ландрат оставался специфической, целиком дворянской должностью; в восточных провинциях эту должность, как правило, исполнял юнкер, личность, выделявшаяся в среде государственной администрации благодаря своему происхождению и тому духу, который он придавал своей деятельности. Ханс-Хуго фон Клейст-Ретцов, пиетист-реакционер, человек незаурядного ума и высокой чести, в 1844 г. так описывал свое положение в качестве ландрата: «Должность, которую Господь доверил мне, воистину превосходна и прекрасна. Я независим от вышестоящих, от правительственных округов, что же до подчиненных мне жителей округа, то дела мои с ними всецело находятся на моей ответственности. Я могу и должен работать с ними, используя главным образом свои человеческие качества, а не силу закона». Эта выдержка отражает не только ценности и предубеждения, но также и достоинства лучшей части юнкерства: сознание того, что должность неотделима от долга и

исполнять ее следует в соответствии со строжайшими предписаниями лютеранской совести; стремление к независимости и предпочтение, отдаваемое живым человеческим отношениям перед незыблемыми, неизменными и негуманными правилами, которыми оперировала бюрократия и судебские служащие. Даже в 1914 г. 56,2 процента прусских ландратов имели благородное происхождение¹⁹.

И ландраты, и предводители дворянства часто совмещали исполнение своих должностных обязанностей с надзором за собственными поместьями. Подобно армейским офицерам, они могли служить в течение долгих лет, а потом уйти в отставку и всецело посвятить себя личным делам. Многие ландраты и предводители дворянства именно так и поступали, хотя другие, напротив, продолжали службу в различных гражданских учреждениях, зачастую высоко поднимаясь по лестнице бюрократической иерархии. Как правило, выбор гражданской карьеры означал необходимость посвятить службе всего себя и все свое время без остатка. Дворяне, которые избрали этот путь, в определенной мере порывали со своими сельскими корнями и приобретали новые качества, присущие элите государственного чиновничества. Все чиновники, вне зависимости от того, имели ли они дворянское или буржуазное происхождение, получали практически одинаковое образование и сходным образом адаптировались к особенностям государственной службы. Сначала они заканчивали университет, причем будущие чиновники в Пруссии неизменно, а в России в большинстве случаев выбирали юридический факультет. Потом, уже поступив на службу, молодые чиновники осваивали бюрократические дисциплины, стиль работы и способы подхода к различным проблемам. Независимому дворянину в определенном смысле приходилось превратиться в мелкую сошку, подчиненного, соискателя чинов и должностей. Ганс Розенберг проследил развитие высоко культурной, рациональной, достаточно прагматичной прусской бюрократической элиты в период между 1660 и 1815 годами. Здесь представители дворянства и буржуазии соединялись, создавая группу людей, по своим политическим пристрастиям, как правило, либерально-консервативную, воодушевленную чувством корпоративной общности, и нередко располагающую широким кругозором, необходимым на высших правительственных должностях. В период реформ сливки этой группы выдвинули такие фигуры, как Гарденбург, Гумбольдт и Шен²⁰.

В первой половине девятнадцатого века большая часть российской бюрократии, даже если говорить о бюрократии столич-

ной, не отвечала прусским стандартам как по части образования, так и по части добросовестного и компетентного исполнения своих обязанностей. Россия не знала, что такое корпоративный профессиональный дух, присущий высшей бюрократии Пруссии и воплощенный в *Allgemeine Landrecht* 1794 г. В Пруссии высшие чиновники считали себя слугами государства, защитниками важнейших интересов общества. В России по-прежнему основным объектом верноподданических чувств являлся самодержец, зависимость от которого испытывал каждый чиновник. Николай I усугубил эту ситуацию, выбирая большинство своих министров из числа армейских офицеров; армия была единственной государственной сферой, которой он всецело доверял и к которой питал расположение²¹.

Во второй половине девятнадцатого века положение изменилось. Сначала отдельные министры, а потом и вся петербургская бюрократия и отчасти провинциальная чиновничья элита приблизились к прусским стандартам по образованию, уровню профессиональной компетенции и усвоили прусскую этику и охранительные устремления гражданской службы. Так как в обеих странах бюрократия не только выполняла административные функции, но и управляла государством, ее отношение к обществу, в особенности к дворянскому обществу, приобрело отчетливый оттенок снисходительности, если не высокомерия. Особенно способствовала этому ситуация в России, где пропасть между правителями и управляемыми была глубже и шире, отчасти вследствие традиций, отчасти потому, что, в отличие от Пруссии периода после 1848 г., Россия не имела парламента, через который общество могло бы воздействовать на правительство. Тот факт, что высокопоставленный чиновник и землевладелец-дворянин нередко являлись близкими родственниками, не означал, что между ними не возникало трений. В 1909 г. один российский помещик, столкнувшись с усилиями правительства демократизировать и одновременно бюрократизировать органы местного управления, возмущенно сетовал: «Наши же собратья, волею судеб попавшие к кормилу правления, нас предают в жертву...»²².

Вплоть до 1914 г. социальный состав и характер бюрократических аппаратов Пруссии и России формировался под влиянием различных систем воспитания служащих. Для того, чтобы занять административную должность в Пруссии, требовалось получить законченное образование в гимназии и университете. Как минимум четыре года длился испытательный срок, во время которого начинающий чиновник служил без жалованья; оплачиваемую должность он получал, когда ему было уже под тридцать. Ко времени

воцарения Вильгельма II расходы на юридическое образование, необходимое как административному, так и судейскому чиновнику, составляли 25000 марок; дать сыну военное образование в кадетском корпусе стоило в четыре раза дешевле. К тому же, офицер начинал получать жалованье в возрасте двадцати одного года. Не удивительно, что юнкеры, служившие в высшей администрации Пруссии, являлись выходцами из наиболее состоятельной и культурной части дворянства. Прусские чиновники также были намного богаче, чем большинство российских служащих высокого ранга; в России для того, чтобы занять оплачиваемую должность в министерстве, требовалось лишь окончить университет или получить образование, равноценное университетскому курсу. Для реформаторов, стремившихся преобразовать гражданские службы в России, Пруссия, «которая, без сомнения, располагает превосходным чиновничеством и образцовой системой гражданских служб», служила предметом зависти. Однако реформаторы сознавали, что Россия намного беднее Пруссии, и здесь нельзя ожидать от родителей молодых чиновников, чтобы они содержали своих сыновей несколько лет в течение испытательного срока, при прохождении которого те не будут получать жалованья. Единственной сферой российской бюрократической системы, где формально существовал испытательный срок, был судебный департамент, но даже здесь до начала 1900-х годов этот срок являлся лишь фикцией. Тем не менее, к началу 1900-х годов комплекс неполноценности российских высших чиновников по отношению к прусской бюрократии почти полностью исчез. Трудно сказать, являются ли годы обязательного образования и подготовки, доступные лишь отпрыскам состоятельных семейств, действительно наилучшей школой для будущих правительственных лидеров, деятельность которых требует отчетливого осознания специфики современных экономических и социальных реалий. Российские высокопоставленные чиновники по происхождению своему были более разнородны и составляли бюрократический аппарат, несомненно, уступавший прусскому по части строгости соблюдения закона, систематичности и единообразия. До некоторой степени недостаток всех этих качеств шел во вред эффективности действий российского правительства. С другой стороны, предпринимательские и политические таланты, часто необходимые тому, кто стремился пробиться на верхушку непредсказуемой российской бюрократии, оказывались весьма полезны министрам, бившимся над разрешением проблем управления и модернизации бескрайней, хаотичной и разнородной империи, погрязшей в беспорядках и конфликтах. Верхушку российского чиновничества,

лишь одно поколение которого дало таких государственных деятелей, как С. Ю. Витте, А. В. Кривошеин, П. Н. Дурново и П. А. Столыпин, невозможно описать, оставаясь исключительно в рамках того гоголевско-распутинского фарса, который получил на Западе столь широкое распространение²³.

Образ действий аристократов в министерской бюрократической системе был примерно одинаков и в России, и в Пруссии. В обеих странах должности, требующие технических знаний, а также посты в Министерстве образования были не в чести. Истинным прибежищем состоятельной аристократической элиты служили двор и Министерство иностранных дел. Юнкера, как правило, были слишком бедны, провинциальны и неотесанны, чтобы стать хорошими дипломатами, хотя представители восточно-прусского дворянства нередко служили в посольстве в С.-Петербурге. Российское Министерство иностранных дел, с пониманием относившееся к предрассудкам других стран, посылало в Вену дипломатов, в изобилии наделенных аристократическими качествами, а в Лондон — состоятельных дворян. Последний императорский посол в Англии, Александр Бенкендорф, был сыном Крой, кузины прусского и английского посла, и являлся неизменным членом кружка Эдуарда VII. Его советник, А. Ф. Поклевский-Козелл еще в большей мере ощущал себя в Англии как дома. Огромное состояние позволяло ему предоставлять своему патрону и его друзьям развлечения в излюбленном ими стиле.

Наиболее существенное различие между Пруссией и Россией состояло в том, что в первой из названных стран дворяне избегали службы в сферах, связанных с судопроизводством. В России, напротив, чрезвычайно влиятельное Училище правоведения, состав учащихся которого был исключительно дворянским, занималось подготовкой мальчиков из высшего класса к службе в Министерстве юстиции. Правоведы редко были выходцами из среды крупных землевладельцев, тем не менее, они представляли собой привилегированную и высокообразованную часть дворянства. Что касается высших должностей в Министерстве внутренних дел, то Россия тут мало чем отличалась от Пруссии.

Наиболее аристократической должностью во внутренних администрациях обеих стран являлась должность главы провинции — в Пруссии он назывался оберпрезидент (Oberpräsident), а в России — губернатор. Первоначально и оберпрезидент, и губернатор, подобно ландрату и предводителю дворянства, считались не столько гражданскими чиновниками, сколько личными представителями монарха, наместниками, осуществлявшими контроль за деятельностью всех находившихся в подведомственной им про-

винции ведомств и учреждений, государственных и дворянских. Но к концу девятнадцатого века и оберпрезидент, и губернатор стали подчиненными Министерства внутренних дел и на практике превратились в винтики государственной машины. Но и тогда благодаря своему происхождению они выделялись среди прочих чиновников. В Пруссии даже в 1914 г. 83 процента оберпрезидентов были дворянами, что же касается российских губернаторов, то они не только имели намного более древние дворянские корни, чем большинство других высших чиновников, но нередко были крупными землевладельцами, отпрысками древнейших аристократических родов, и весьма часто, выпускниками закрытых элитных школ, военных и гражданских. В обеих странах исполнители должностей глав провинций, как правило, отличались высокой профессиональной компетентностью, опытностью и хорошей подготовкой, но были среди них и те, кто по-прежнему питал пристрастие к стилю и духу старого режима. Например, в 1870-е годы в Померании, самом сердце юнкерства, оберпрезидент по-прежнему всегда был выходцем из очень знатной провинциальной семьи; в его предшествующий опыт входила длительная служба в качестве ландрата, и, таким образом, он избегал преодоления барьера в виде учебной подготовки к должности гражданского чиновника и обходился легким экзаменом на должность ландрата. Но к началу двадцатого века такие исключения встречались все реже и подавляющее большинство вышедших из юнкеров ландратов проходили полный курс образования и подготовки, необходимых гражданским чиновникам. Тем не менее, два первых оберпрезидента Вильгельма II в аристократической Силезии, принц Герман фон Хатцфельдт (1894—1903) и граф Роберт фон Зедлиц-Трютшлер (1903—1909) были представителями наиболее знатных аристократических семейств Силезии²⁴.

Учреждение парламентов в Пруссии и России, после революций соответственно 1848 г. и 1905 г., существенно изменило политику дворянства. В доконституционный период перед дворянами, слишком энергичными для того, чтобы проводить свои дни в праздности, но и не питавшими пристрастия к военной службе, вставал следующий выбор: или довольствоваться управлением собственными имениями, завязнув в тихой провинциальной заводи, или попытаться вскарабкаться на вершину бюрократической лестницы. Зачастую ни одна из этих возможностей их не привлекала. Н. В. Чарыков, отпрыск старинной семьи провинциальных дворян, в конце концов избравший дипломатическую карьеру, утверждал: «Будь в России конституционное правление, я несомненно попытался бы войти в парламент». Конституционная

политика, с одной стороны, открыла Отто фон Бисмарку путь спасения от чиновничьей лямки, с другой, помогла преодолеть изоляцию Померании: слишком гордый и независимый для того, чтобы быть мелким чиновником, слишком честолюбивый для доли фермера или ландрата, Бисмарк ухватился за тот шанс, который предоставил ему парламент.

Так же поступил и граф Алексей Бобринский, крупнейший российский землевладелец-аристократ, который, подобно многим равным ему по происхождению и богатству в абсолютистской России и в Пруссии, жаждал власти, независимости и интересного времяпрепровождения — словом, всего того, что английским аристократам обеспечивали занятия политикой. Бобринский по сути своей неизменно был близок к вигам. Даже в период царствования Александра II, когда многочисленные конституционные проекты буквально носились в воздухе, Бобринский стремился использовать свой пост губернатора С.-Петербурга в качестве опорной ступени для того, чтобы стать лидером российского землевладельческого дворянства. По его убеждению, именно этот класс был способен возглавить конституционную и в достаточной мере либеральную политическую систему, которая, как он считал, в самом скором времени сформируется в России. Когда в 1905 г. царем была наконец дарована конституция, Бобринский использовал обретенные политические свободы для того, чтобы стать председателем Совета объединенного дворянства, первой дворянской организации национального масштаба, которая была разрешена в России. Совет объединенного дворянства, в конституционную эпоху ставший чрезвычайно влиятельной политической группировкой, явился основополагающим ядром Думы, Государственного Совета и способствовал получению Бобринским министерского поста²⁵.

Внедрение парламентаризма не только содействовало преодолению протрации в среде умных и честолюбивых аристократов, которых раздражали ограничения и унижения, в условиях абсолютистского государства неизбежные даже для социальной элиты, но и в значительной степени усилило политическую власть дворянства в целом. При абсолютизме власть была сосредоточена в руках монарха и высшего чиновничества; но даже при том, что в большинстве своем эти сановники были аристократами, они далеко не всегда преследовали именно интересы помещного дворянства, в том плане, в каком сами помещики это себе представляли. Однако, так как и в Пруссии, и в России парламенты были созданы на основе ограниченного избирательного права, большинство мест в них находилось под контролем землевладельцев

В дальнейшем их положение там укрепилось еще более, так как они преобладали во вновь учрежденных верхних палатах: в прусском *Herrenhaus* и в выборной половине российского Государственного Совета.

Образование этих институтов подтолкнуло дворянство выступать в общегосударственном масштабе, заявлять о собственных интересах и программах и выдвигать из своей среды лидеров и представителей. Политическая неопытность дворянства и отсутствие в дворянской среде сплоченности и организаций не могли уже помогать бюрократической элите проводить нежелательные для дворянства меры, — как, например, освобождение крепостных с землей в 1861 г. или осуществляемая Витте в 1890-х годах политика предпочтения промышленности перед сельским хозяйством. Даже в доконституционной Пруссии, где правительство было очень внимательно к интересам юнкеров, меры, проводимые в эпоху реформ, способствовали банкротству значительной части восточного дворянства. Но теперь, когда дворяне преобладали в парламенте, правители вынуждены были прислушиваться к их требованиям. Прусские помещики были для правительства Вильгельма II, что называется, сучком в глазу. Петр Столыпин, стремившийся к рационализации и демократизации органов местного управления, не мог провести необходимые для этого меры через палату, заполненную дворянами-землевладельцами. В 1815 г. английская аристократия являлась самым могущественным правящим классом в мире — в ее распоряжении был парламент и крепкие политические традиции. Но к 1914 г. она утратила главенствующие позиции в нижней палате парламента и лишилась права вето в верхней. Напротив, слабая прежде российская аристократия, завладев в 1906 г. парламентом, приобрела беспрецедентную политическую власть. Как раз в то время, когда английские пэры теряли право вето, российская верхняя палата, Государственный Совет, не принял проект реформистского законодательства, поступивший из Думы, которая по своему составу и электорату примерно была близка к Палате общин 1850-х годов²⁶.

Политический опыт, который прусское дворянство приобрело в период, последовавший непосредственно за 1848 г., во многом сопоставим с российскими событиями 1906—1914 годов. В обеих странах развитие ситуации осуществлялось по одному и тому же сценарию: первоначально гарантировав близкое ко всеобщему избирательное право для мужского населения, правительство затем сделало шаг назад, приняв конституцию, основанную на неравных правах избирателей. Когда дело дошло до попыток

контролировать и использовать в своих интересах сельское население, прусское дворянство, по крайней мере в Померании и Бранденбурге, воспользовалось теми преимуществами, которые давали ему связи с селом, и, по крайней мере по российским стандартам, относительное благосостояние. Выборные местные институты — не говоря уже о ландратах, в подавляющем большинстве консервативных и дворянских, — могли быть использованы, как организационная база, а также как средство преследования местных «нарушителей спокойствия» или смещения их с официальных постов. Многочисленные безземельные наемные работники лишь благодаря юнкерам могли получить средства к существованию, кров и пищу, и эта зависимость значительно усилилась в период перенаселенности, когда получить работу было трудно даже в крупных городах, не говоря уже о малочисленных городках восточных провинций. Либералам и радикалам вход в поместья для сбора голосов и для передачи избирательных бюллетеней был закрыт. До 1914 г. единственным избирательным бюллетенем, который, надо полагать, доводилось видеть сельскохозяйственному работнику, был бюллетень консерваторов. Приказчик вручал этот бюллетень работнику у кабины для голосования. Собрания на открытом воздухе в сельской местности считались противозаконными, и это давало землевладельцу, его полиции и ландрату неограниченные возможности разрушать планы оппонентов, запрещая им доступ в усадьбу.

Однако строгий контроль никоим образом не являлся единственным источником могущества консерваторов. Они могли использовать в собственных интересах враждебное отношение сельских жителей к городским либералам и их методам. Добрую службу консерваторам сослужили и классовые разграничения в среде сельского населения. В сознании крестьян еще свежи были воспоминания о крепостном праве и неравных условиях, на которых осуществлялось освобождение. В некоторых округах неприязнь между дворянами и крестьянами была особенно сильной, и недавний единый фронт в защиту сельского хозяйства от наступления городов уже не служил дворянам надежной опорой. Но и у крестьян, и у помещиков было одно общее желание — пресекать любые протесты со стороны безземельных наемных работников и удерживать их зарплаты на минимальном уровне. Такая позиция подвергалась критическим нападкам со стороны дворян-либералов, исповедовавших патернализм старого образца; они осуждали богатых крестьян за плохое обращение с наемными работниками и за это получили одобрение из уст Фридриха Вильгельма IV. При том, что пропаганда либералов по большей

части основывалась на преувеличениях и искажениях, одно было несомненной правдой: зарождавшийся класс деревенских «кулаков» не обладал ни средствами, ни желанием подражать искреннему и великодушному патернализму некоторых юнкеров-либералов. По контрасту с ситуацией в Пруссии, в России, где существовала сельская община, не говоря уже об особенностях менталитета и классовой структуры крестьянства, помещики не обладали широкими возможностями разделять и властвовать²⁷.

Много ли общего было между политическими позициями российского и прусского дворянства? Располагала ли российская элита реальными шансами успешно последовать прусским путем к выживанию и поискам компромисса с современностью?

Рассматривая российскую элиту 1900-х годов на фоне прусской, а тем более английской, прежде всего обращаешь внимание на ее относительную разобщенность. Отчасти эта разобщенность имела институционную природу. В отличие от Германии, в России не было канцлера, который координировал бы деятельность правительства. Император, неспособный самостоятельно выполнять подобную задачу, обладал зато возможностью чинить препятствия каждому, кто попытался бы это за него сделать. Министерства — каждое само по себе «империя» — находились в состоянии постоянных конфликтов: наиболее известное столкновение разгорелось между Министерством финансов, которое было связано с промышленным развитием и набирающим силу классом капиталистов, и Министерством внутренних дел, которое несло ответственность за порядок в стране и традиционно благоволило дворянам-землевладельцам, основному оплоту органов управления в деревнях.

Но в действительности картина осложнялась еще несколькими обстоятельствами. Наиболее значительными союзниками Министерства финансов были капиталисты Петербурга, представители финансовой и промышленной олигархии. Многие талантливые финансисты, перешедшие на службу в банки и предприятия, находившиеся под контролем этих олигархов, впоследствии вернулись на государственную службу. Связи с угледобывающими и металлургическими предприятиями юга России, а также со стремительно набирающей влияние московской деловой элитой были довольно слабыми и осложнялись многими проблемами. По мнению К. А. Кривошеина, на исходе девятнадцатого столетия контакты между промышленно-коммерческой элитой Москвы и бюрократией Петербурга были столь редки, словно эти два города «находились на разных планетах». «Альянс» Министерства внутренних дел с сельским дворянством также не относился к числу

счастливых. Министерство видело в помещиках оплот консерватизма и стабильности, но к началу 1900-х годов в среде сельского дворянства появились либеральные настроения; многих помещиков возмущала репрессивная деятельность полицейского государства и попытки Министерства внутренних дел ограничить свободу возглавляемых дворянами советов местного управления (земств). Но, хотя дворянство питало неприязнь к сословию чиновников абсолютистского государства, отношения его с промышленной и финансовой элитой были достаточно холодными, а интеллигенцию некоторые представители дворянства воспринимали с откровенной враждебностью. Соответственно, и среди интеллигенции царил дух враждебности по отношению к правительству, капиталистам и дворянству²⁸.

Такая ситуация отнюдь не могла служить подходящей отправной точкой для вхождения в обновляемый мир прусским путем. К тому же, на этом пути существовали другие, еще более серьезные препятствия. В отличие от Британии и Германии, Россия ни в коей мере не являлась мононациональным государством. Эта огромная многоэтническая империя, создававшаяся благодаря военным завоеваниям, возможно, и не могла сохраниться на основе всеобщего согласия. В викторианскую эпоху Россия оказалась, по европейским меркам, несостоятельной в военной, дипломатической и экономической сферах, и в связи с этим ее элита не могла, в отличие от немецкой или английской, обращаться непосредственно к обществу, взывая к чувству национальной гордости, присущему жителям могущественных, процветающих и почитаемых стран. Согласно одному из наиболее распространенных клише российской истории, в России между культурой прозападнической элиты и культурой крестьянской массы, пролегал, пользуясь словами Гаукстаузена, «куда более широкая пропасть, чем во всей остальной Европе». Подобно большинству клише, это утверждение во многом соответствует истине. Ценности и культура элиты и народной массы различались весьма существенно, и эти различия включали в себя почти полярные взгляды на справедливость, правосудие и владение имуществом. Когда после 1907 г. Пруссия вступила наконец в эпоху современных реформ, в Европе повсеместно господствовали либеральные доктрины. Это помогает понять, почему Берлин в период между 1807 и 1848 годами с чрезвычайным рвением и последовательностью осуществлял либеральную экономическую политику, несмотря на то, что она наносила урон как интересам элиты, так и интересам народных масс. Когда в 1880-х годах в России началась эра великой экономической модернизации, социалистические доктрины здесь не

просто носились в воздухе, вытесняя доктрины либеральные, но часть интеллигенции, охваченная социалистическими и революционными симпатиями, в течение двадцати лет стремилась пробудить сходные настроения в народных массах, при поддержке которых можно было уничтожить в России не только царизм, но и всю буржуазную цивилизацию в викторианском духе²⁹.

По прусским стандартам, российское дворянство было чрезвычайно слабым и уязвимым. Пожалуй, наиболее подходящим путем выживания для русского дворянства являлся не прусский, а испанский путь. В 1900 г. Россия имела куда больше общего с Испанией, чем с Пруссией, не говоря уже об Англии. И в географическом, и в культурном плане она принадлежала Европе, но отнюдь не во всех других отношениях. По уровню экономического развития она не соответствовала ни колонии, ни одной из реальных европейских метрополий. Российские традиции, подобно испанским, не имели ничего общего с либерализмом. Политический спектр в России колебался от реакционности, сторонники которой по-прежнему противились зародившемуся в восемнадцатом веке Просвещению, до анархизма и коммунизма. В 1920-х и в 1930-х годах Испания была очень бедна, раздроблена на части и крайне радикально настроена, и ее высший класс имел все основания опасаться, что его собственность и ценности захлестнет волной политической демократизации. В течение сорока лет авторитарный режим Франко защищал позиции испанской элиты, оберегал ее от большинства издержек модернизации, и создал развитую капиталистическую экономику и общество, в котором интересы высшего класса, а также верхних слоев класса среднего способны выдержать натиск демократии. Логика тут очевидна, уводя к идеям Петра Дурново, российского министра внутренних дел, усилиями которого была подавлена революция 1905 года. Дурново полагал, что если авторитарное государство в России утратит силу прежде, чем процесс социально-экономического развития создаст в стране значительные социальные группы, разделяющие ценности и интересы прозападного состоятельного меньшинства, это приведет к самым печальным последствиям. Сходной логикой руководствовался и Столыпин в своем знаменитом утверждении, что, если дать России двадцать лет мирной жизни, она станет неузнаваемой³⁰.

Но, хотя по прусским, и по английским меркам позиция российской элиты была чрезвычайно шаткой, после 1905 года в стране начались значительные перемены. Создание Совета министров, возглавляемого председателем, позволяло надеяться, что деятельность министерств станет более согласованной, хотя еще до 1914 г.

Николай II своим вмешательством нанес подобной возможности серьезный ущерб. Однако, в случае смерти или свержения Николая II престол перешел бы или к его брату, не питавшему особых честолюбивых амбиций, или же к его неизлечимо больному сыну. Тогда весьма возросли бы шансы превращения России в монархию по тайскому или даже японскому образцу, где император является лишь символом и не имеет отношения к управлению страной.

Еще более важно, что среди самой элиты появились признаки усиления сплоченности. Дворяне и промышленники объединялись — первые в Совет объединенного дворянства, вторые — в Съезд представителей промышленности и торговли. Различные элитарные группировки организовывались и в Думах разных созов; их учреждению способствовало сближение центрального правительства с провинциальными земствами. Наивно было бы ожидать, что все конфликты между правительством, дворянством, промышленниками и интеллигенцией найдут разрешение в течение семи лет лишь благодаря созданию системы парламентаризма. Но первый шаг к разрешению этих конфликтов состоял в организации партийных группировок и парламентских фракций. Даже в 1914 г. формы обретения единства имели достаточно реальные, хотя и расплывчатые очертания. Несомненно, эти формы приближались к либерально-консервативному национализму, воплощенному в Прогрессивном блоке, который был создан в 1915 году.

Наиболее вероятным кандидатом, способным при поддержке этого блока возглавить правительство, был Александр Кривошеин, выдвижение которого на этот пост говорило о том, что Россия обладала неким потенциалом для повторения прусского пути развития. В качестве министра сельского хозяйства Кривошеин наладил крепкие связи с провинциальным дворянством и земствами, и осуществил весьма радикальные аграрные реформы, нацеленные на уничтожение общины и создание класса зажиточных крестьян, подобного прусскому. Жена Кривошеина приходилась племянницей Савве Морозову, известнейшему московскому фабриканту, и через нее Кривошеин имел тесные контакты и с московской промышленно-коммерческой олигархией. Поддерживал Кривошеин и связи с националистически настроенной интеллигенцией либерально-консервативного толка; такого же направления придерживались высшие промышленные и деловые круги Москвы. Наиболее значительное либерально-консервативное издание, посвященное вопросам внешней политики, «Великая Россия», финансировалось промышленником П. П. Рябушинским.

Ведущими сотрудниками «Великой России» был князь Г. Н. Трубецкой, пользовавшийся большим влиянием в либерально-консервативных кругах Москвы, и помимо этого возглавлявший главный Азиатский (то есть Балканский и Ближневосточный) департамент Министерства иностранных дел, а также П. Б. Струве³¹.

Именно П. Б. Струве в 1909 г. вызвал в среде российской интеллигенции яростные дебаты, выпустив сборник «Вехи», где некоторые авторы, в недавнем прошлом ведущие радикалы, выступили против присущих русской интеллигенции левых взглядов, заявив, что отныне их убеждения основываются на сочетании либеральных, национальных, религиозных и капиталистических принципов. Сборник подвергся решительным нападкам, причем не последним из его критиков был В. И. Ленин. Идеи «Вех» не только претили ему сами по себе, как предательский выпад с неожиданной стороны, но он увидел в них тревожное явление времени. Вполне сознательно Струве пытался увлечь российскую интеллигенцию на путь прусского национального либерализма. И поступил он так не только в период, когда весь интеллектуальный мир решительно противился утилитарным и материалистическим доктринам, но и когда в России процесс экономического роста привел наконец к созданию достаточно обширной сферы деятельности для среднего класса. Означало ли это, что на смену эпохе нищих радикально настроенных журналистов неизбежно придет эпоха состоятельных либерально-консервативных адвокатов и инженеров?³²

В 1914 г. говорить об этом было преждевременно, и противоречия, издавна существовавшие в российской элите, были далеки от примирения. Однако стоит поразмышлять над тем фактом, что девять лет спустя после 1848 г. конфликт между монархией и либералами в Пруссии усугубился вследствие конституционного кризиса, который всего лишь пятью годами позднее привел к власти Бисмарка. Военные победы, благодаря которым был разрешен кризис и достигнуто согласие между правящим домом и оппозицией, состоялись одна спустя восемнадцать, другая — спустя двадцать лет после 1848 года. Принимая во внимание, что после 1906 г. рост и перевооружение российской армии осуществлялись ускоренными темпами, трудно сказать, каких успехов она могла бы достичь в 1923 или 1927 годах. Как знать, какой политический эффект повлекли бы за собой российская Садова* или российский Седан? Хорошо зная собственную историю и сознавая, что Россия быстро развивается как в военном, так и в экономи-

* Садова или Кёниггрец — город на Эльбе, вблизи которого прусские войска разгромили объединенные силы австрийцев и саксонцев в 1866 г.

ческом отношении, в 1914 г. прусские генералы пришли к убеждению, что войну лучше не откладывать. Министр внутренних дел Германии, Готлиб фон Ягов, вспоминает состоявшийся в мае 1914 г. разговор с младшим графом фон Мольтке, начальником Генерального Штаба: «Перспективы на будущее серьезно его тревожили. Через год-два Россия завершит перевооружение своей армии. Он понимал, что военная мощь наших врагов будет тогда очень велика, и не видел возможности справиться с ней. В данный момент между нами и нашими врагами пока еще существовало относительное равновесие сил. По его мнению, у нас не было иной альтернативы, кроме как заблаговременно развязать войну, и нанести врагу поражение, пока мы имеем реальный шаг выйти из схватки победителями»³³.

С точки зрения России, положение прусских и английских аристократов в 1914 г., во многом сходное, было равно завидным. Правда, в годы, непосредственно предшествующие войне, аристократия обеих стран подвергалась яростным нападениям. На выборах 1905 г. английские консерваторы понесли серьезное поражение, равного которому не знали с 1823 года. Новое либеральное правительство лишило Палату лордов права вето, обложило землевладельцев чрезвычайно высокими налогами и позволило себе многочисленные критические выпады против аристократии. В Германии «Сине-Черная» коалиция консерваторов и центра утратила свои позиции, и на выборах 1912 г. самой крупной и популярной партией в Рейхстаге стали социал-демократы.

Однако наиболее насущные проблемы, угрожавшие самому существованию аристократии в России, английскому и прусскому дворянству удалось преодолеть. Хотя и Британия, и Германия были ведущими промышленными державами Европы, в обеих странах традиционная элита в значительной мере сохранила свою власть, престиж и богатство. И английское, и прусское дворянство опиралось на село, прежде всего на крестьян и фермеров-арендаторов, которые, принимая во внимание их многочисленность и рычаги воздействия на наемных работников, являли собой мощную сельскую суб-элиту. В Англии — учитывая число негородского населения, — поддержка села была ограниченной, в Германии же имела решающее значение. Российская аристократия могла лишь мечтать об организации, подобной «Bund der Landwirte»*, благодаря усилиям которой подавляющая часть немецких фермеров была вовлечена в аграрное лобби, как правило,

возглавляемое дворянами и всецело верное Консервативной партии, в значительной степени являясь по сути ее частью. В России, стране, где в 1905—1906 годах крестьяне сначала взбунтовались, а потом проголосовали за экспроприацию дворянских имений, возникновение такой организации, как «Bund der Landwirte» казалось маловероятным, хотя реформы Столыпина позволяли надеяться на подобную возможность.

Еще одним, не менее важным отличием Британии и Германии от России, было то, что в первых двух странах ценности и политические идеи традиционной элиты пользовались значительной поддержкой среднего класса. Российский дворянин, читавший «Вехи», мог лишь питать надежду, что в будущем сходные тенденции возникнут и в его стране; что же касается настоящего, то пропасть между аристократией и интеллигенцией по-прежнему была бездонной. Несомненно, образованный российский аристократ прекрасно понимал, что английское и германское дворянство существенно разнятся между собой, и в каждом случае был достигнут собственный, особый компромисс со средним классом. Однако с российской точки зрения имело значение лишь то, что компромисс этот все-таки был достигнут, и что символы, стиль жизни и ценности аристократии — являлся ли их воплощением ученик престижной закрытой школы или офицер запаса — глубоко проникли в экономическую и профессиональную элиту современного промышленного общества.

Сегодня историки редко придерживаются той точки зрения, которая господствовала в России в 1914 г. и во многом уравнивала Германию и Британию. Ужасающий опыт нацизма требует, чтобы особенности Германии, ее специфический путь (*Sonderweg*), были подвергнуты тщательному объяснению. В этическом плане прежде всего возникает вопрос, как могло случиться, что страна, являвшаяся основным составляющим элементом либеральной христианской цивилизации викторианской эпохи, вверглась в пучину нацистского варварства? В политическом аспекте недоумение вызывает отход Германии от англо-американского пути модернизации, который до 1914 г. провозглашался в исторических концепциях вигов универсальным, и который, по крайней мере, в наиболее наивных научных теориях, предлагаемых после Второй мировой войны, был значительно демократизирован, облечен в квази-научный жаргон и возведен в науку под названием теории модернизации. Для многих историков, стремящихся объяснить германский *Sonderweg*, значение юнкерства приобретает порой преувеличенные размеры. Существование подобной доиндустриальной элиты в нынешнем веке рассматривается, как глав-

* Союз фермеров (нем.).

ная причина, определившая неспособность Германии следовать демократическим путем к капитализму в современном его виде. Прямо или косвенно, но нередко противопоставляются, с одной стороны, юнкерство, поставившее собственные сельскохозяйственные интересы выше общественного блага, и упорно защищавшее недемократическое избирательное право, с другой, английская аристократия, которая в свое время отменила Хлебные законы и пошла на проведение парламентской реформы, способствовавшей мирному переходу к демократии. В контексте сравнения Англии и Пруссии имеет особый смысл подробно рассмотреть вопрос о сельскохозяйственном протекционизме, так как именно этот вопрос может многое сказать как об аристократиях обеих стран, так и о политических системах, в которых они существовали³⁴.

Протекционизм распространялся не только на сельское хозяйство. Во многих отношениях причина, по которой в Англии в 1840-х годах он был уничтожен, а в Имперской Германии, напротив, введен, в большей степени зависела от представителей промышленных и интеллектуальных кругов, а не от аграрного лобби. Интересы английских фермеров и землевладельцев в 1840-х и 1880-х годах, а также прусских фермеров в последнее из упомянутых десятилетий, всегда были связаны с протекционизмом. При этом в 1840-х годах в интеллектуальном мире Европы господствовала доктрина *laissez-faire*, которая в последнюю четверть столетия утратила свое доминирующее положение. Еще более важно, что основные отрасли тяжелой промышленности Германии, в 1870-х годах стоявшие за протекционизм, заключили союз с аграриями. В 1840-е годы вся английская промышленность, за немногими исключениями, была за свободную торговлю по той весьма резонной причине, что в конкурентной борьбе одерживала верх над большинством своих зарубежных соперников. В 1880-х годах о протекционизме в сельском хозяйстве Англии нечего было и думать. «В импортной экономике юга, которая обеспечивала большую часть доходов коммерсантов, финансистов, рантье и представителей интеллектуальных профессий, стояли за свободную торговлю с текстильной, металлургической и машиностроительной экспортной промышленностью севера, с судовладельцами крупнейших портов и судостроителями Тайна, Мерсея и Клайда. Широкие имперские, военные и морские интересы косвенным образом были связаны со свободной торговлей, и инвестиции в производство сырых материалов и морские перевозки являлись основой фондовой биржи в поздне-викторианскую эпоху. Избиратели, принадлежавшие к рабочему классу, упорно противились

любым попыткам запретить ввоз зерна из-за рубежа»³⁵.

Весьма важно также учесть специфику исторического периода, в который разгорелись дебаты по вопросам протекционизма. 1840-е и 1850-е годы были, за исключением нескольких лет, периодом, когда сельское хозяйство средне-викторианской эпохи достигло наибольшего процветания между депрессиями 1820-х и 1870-х годов. Именно то обстоятельство, что фермерство в общем оставалось весьма доходным делом, и послужило в следующее после 1846 г. десятилетие причиной уничтожения сельскохозяйственного протекционизма в Англии. Когда возмущение арендаторов ослабело, стало возможным выразить сомнение в том, что крупные инвестиции в сельскохозяйственные преобразования, в так называемое большое фермерство, действительно обеспечат будущее процветание промышленности. Впрочем, без сомнений не обошлось уже в 1840-х годах. «Большое фермерство — это невероятно дорогостоящее дело и оно не сулит быстрых прибылей <...> лишь богатые аристократы <...> способны вкладывать средства, достаточные для проведения всесторонних, и, следовательно, оправдывающих себя улучшений». Герцог Веллингтон, весьма довольный тем, что сам придерживается научных методов ведения сельского хозяйства, отмечал — «немного найдется джентльменов, которым обстоятельства позволят отдавать весь доход с земель на различные улучшения».

Начиная с 1870-х годов, критики юнкерства также призывали к большому фермерству, и требовали введения протекционизма, как действенного средства против низкой доходности крупных имений. Насколько справедливы были эти аргументы, можно понять лишь в том случае, если современный ученый, свободный от политических пристрастий, предпримет тщательное и всестороннее исследование сельского хозяйства Пруссии. В 1880-х годах английским фермерам, без сомнения, не показались бы убедительными критические доводы, выставляемые прусскими фермерами. «Фермеры Эссекса пользуются завидной репутацией состоятельных людей и деятельных преобразователей. К середине века умело проводимый дренаж и широкое использование удобрений в сочетании с экономией и бережливостью сделали пахотное земледелие Эссекса одним из наиболее доходных в стране». И все же не было графства, в конце девятнадцатого века больше пострадавшего от сельскохозяйственной депрессии, чем Эссекс. Хозяева покидали свои фермы, которые впоследствии перешли к шотландским фермерам-крестьянам, желавшим свести расходы к минимуму, и в их руках давали значительно меньший доход. Но для юнкеров уподобиться шотландским крестьянам означало от-

казаться от самих себя, изменив тем принципиальным качествам, которые определяли их жизнь³⁶.

Период, когда в Англии и Германии разгорелись дебаты по вопросам протекционизма, определили также военные и политические условия. Пятому графу Фитцвильяму предстояло стать одним из ведущих аристократов — противников Хлебных законов. В период, непосредственно последовавший за 1815 г., воспоминания о военной континентальной блокаде убедили его в том, что протекционизм, направленный на сельское хозяйство и судостроение, необходим в интересах безопасности страны. На закате викторианской эры империализма национальная безопасность стала более важным вопросом, чем в 1840-е годы. Аристократов, которым было присуще сугубо имперское сознание, сильнее и сильнее тревожила, и не без причин, надвигавшаяся все ближе угроза безопасности Британской Империи. Протекционизм, теперь в виде льготных таможенных пошлин, вновь обрел политическую актуальность как средство отвести эту угрозу. После 1815 г. почти вся аристократия была принципиально консервативной. Это обстоятельство усилило гнев высшего класса, когда в период с 1905 по 1911 год консерваторы на выборах три раза подряд проиграли либералам, не говоря уже о лишении Палаты лордов права вето и постоянных нападках на экономические интересы аристократии. Сознание того, что в 1911 г. победы их лишили голоса избирателей Уэльса, Ирландии и Шотландии, усиливало горечь поражения.

Но именно попытка либералов ввести самоуправление (гомруль) в Ирландии, в которой многие консерваторы увидели предвестие распада Британской империи, вызвала у них самое яростное противодействие. По мнению Дж. Д. Филиппса, историка, занимающегося так называемыми «твердолобыми», представители правого крыла тори, защищавшие уходящую эпоху, были куда менее реакционны, чем империалисты позднейшего образца, для которых защита империи была важнее традиционных аристократических представлений о парламентаризме, законности и уважении к свободе. По его мнению, намерение «твердолобых» прибегнуть к насилию, чтобы воспрепятствовать введению гомруля, отнюдь не было запугиванием, и намерение это одобряла большая часть членов партии тори. Филиппс заключает, что «начало Великой Войны, в сражениях которой «твердолобые» проявили отвагу и самоотверженность, уберегло старейшие, и надо полагать, наиболее консервативные фамилии Англии от возможной революционной вспышки»³⁷.

Даже в начале двадцатого столетия островное положение и

военно-морское превосходство Британии обеспечивали ей уровень безопасности, не сопоставимый с уровнем ни одной континентальной державы. В конце девятнадцатого века, когда в Германии расцвела внешняя заморская торговля, ее уязвимость со стороны британской блокады стала серьезной угрозой. Среди многочисленных доводов в пользу протекционизма, выдвинутых немецкими аграриями, был и вопрос национальной безопасности, хотя он отнюдь не являлся ни основным пунктом, ни главным мотивом их программы. Если доверять выводам, к которым приходит Эвнер Оффер в своем исследовании, посвященном сельскохозяйственным аспектам Первой мировой войны, прусские аграрии избрали, возможно, почти случайно, совершенно правильную линию защиты национальной безопасности. Обращаясь к вопросам германского протекционизма, Оффер замечает: «Следовало бы задаться вопросом, способствовали бы низкие тарифы увеличению продуктивности? Пример Британии подсказывает, что продуктивность, напротив, значительно снизилась бы». Протекционизм «в военное время приводил к более широкому использованию внутренних мощностей». Обращаясь к произведенному С. Б. Уэббом подсчету, согласно которому сельскохозяйственный протекционизм в области земледелия стоил примерно 1 процент национального дохода, а в области животноводства — менее, чем 2 процента, Оффер указывает, что «возвращаемые в качестве страховых премий субсидии, вкладываемые в земледелие, были не лишены смысла». Что же касается животноводства, сферы немецкого сельского хозяйства, которая по большей части находилась в руках крестьян, то здесь «скрытые субсидии <...> можно считать излишними»³⁸.

Вопросы национальной безопасности невозможно обойти вниманием, проводя любое сравнение между британским и германским сельскохозяйственным протекционизмом. Согласно распространенному утверждению, существенное различие между двумя странами состоит в том, что в то время как, начиная с 1880-х годов прусские консерваторы взяли на себя роль аграрного лобби, образ действий английской викторианской аристократии приличествовал правящему классу, сознающему свою ответственность перед всей нацией.

Это, до определенной степени, справедливое утверждение, коренится в весьма различных традициях этих аристократий, а также в природе политических систем обеих стран. Благодаря парламентским институтам, английская аристократия с 1688 г. была правящим классом в самом полном смысле этого слова. В Пруссии же неизменно правили король и его чиновники, бравшие на

себя всю ответственность за руководство и управление страной. Учреждение парламента после 1848 г. не изменило положение по сути. Прусские, а позднее германские законодатели, лишены были возможности контролировать исполнительную власть, и это побуждало их лидеров становиться защитниками (подчас не несущими никакой ответственности) ограниченных групповых интересов. Таким образом, прусские консерваторы достаточно успешно справлялись со своими задачами, по крайней мере, если сравнивать участь германского и британского сельского хозяйства в период между 1880 и 1914 годами. Консерваторы преследовали свои эгоистические цели, нанося при этом ущерб национальным интересам, правда, в этом смысле они вряд ли являлись исключением на фоне многочисленных современных им парламентских группировок и партий. Справедливо будет отметить, что узкий эгоизм консерваторов плохо сочетался с высокими государственными и военными постами, которые занимали их многочисленные последователи, не говоря уже о проводимой ими псевдо-искренней пропаганде прусских ценностей. Как бы то ни было, скрывая собственные ограниченные интересы под высокопарной риторикой и пренебрегая требованиями соперничавших с ними социальных групп, консерваторы и юнкера следовали модели, общей для имперской Германии в целом. Если сравнивать юнкеров и национал-либералов по их отношению к католикам, Империи и менее значительным общественным институтам, первые выглядят этакими милыми и откровенно старомодными путаниками. Что до социал-демократов, считавшихся общепризнанными защитниками интересов беднейших слоев населения, то они упивались картиной будущей Утопии, в которой, благодаря счастливому стечению обстоятельств, исчезнут все общественные группы, вызывавшие их неприязнь, а именно землевладельцы, капиталисты, католики и крестьяне.

Когда в 1845—1846 гг. сэр Роберт Пиль выступил против Хлебных законов, его партия разделилась на две более или менее четкие группы. С одной стороны находились «люди правительства». Из тридцати пяти консервативных членов парламента, входивших в кабинет или занимавших те или иные высокие государственные посты, все, за исключением пятерых, проголосовали за отмену законов. Среди оставшихся парламентариев-тори против отмены проголосовало 74 процента. Для того, чтобы осознать всю важность этого раскола, необходимо вспомнить, что за одним лишь важным исключением превосходства вигов в 1830-е годы, консерваторы неизменно занимали ключевые государственные посты с тех пор, как в 1784 г. к власти пришел Питт Младший

Партия включала в себя группу более или менее прочно державшихся у власти министров и их многообещающих преемников. Именно эти люди стали в 1846 г. сторонниками сэра Пила, или «пилитами». По социальному происхождению они были достаточно разнородны. Сам сэр Пиль и Гладстон вышли из семей коммерсантов, однако их с рождения готовили в члены правящего класса. Некоторые сторонники Пила были из семей джентри, тогда как другие — например, герцог Беклю, граф Линкольн и граф Рипен — принадлежали к верхушке аристократии³⁹.

Всех этих людей объединяло не происхождение, а убеждения, и в первую очередь — отношение к правительству. Они гордились своим чувством долга и преданностью интересам общества. Они становились деятельными администраторами, убежденными сторонниками большинства современных им идей экономики *laissez-faire*, абсолютно честными и неподкупными государственными чиновниками — в полной противоположности своим предкам, в восемнадцатом веке получавшим высокие посты путем политических интриг. По своим политическим воззрениям они неизменно оставались либеральными консерваторами, врагами демократии, полагающими, однако, что аристократии следует заслужить высокое положение, управлять эффективно, соблюдая интересы общества в целом и исправляя злоупотребления. По большей части сторонники Пила являлись убежденными и верными христианами, — правда, чувство юмора и легкость в общении не были их сильной стороной. Это была правящая аристократия в евангелистскую эпоху. Не удивительно, что Пиль превосходно ладил с королевой и принцем-консортом. «Пилиты» неодобрительно относились к представителям семейной клики вигов, которые, по их мнению, всегда старались пристроить на теплое местечко кого-нибудь из родных, а не выдвинуть компетентного делового человека.

И, самое главное, многие сторонники Пила презирали землевладельцев — рядовых членов парламента, так называемых «заднекамеечников», особенно после 1846 года. Хлебные законы не являлись здесь единственным камнем преткновения, хотя, с точки зрения сторонников Пила, тори столь упорно защищали эти законы лишь потому, что ставили узкие эгоистические интересы выше национальных, нанося тем самым урон легитимности правящего класса. Именно те провинциальные аристократы, которые вынуждали сэра Пила оставить свой пост, в то же самое время отклонили билль, уравнивающий в правах евреев. Но сильнее всего землевладельцы-тори ненавидели католицизм. Вопросы, связанные с католицизмом, почти в той же мере, как и отме-

на Хлебных законов, повернули провинциальных аристократов и поддерживающих их фермеров против правительства Пиля — ведь это правительство пошло на некоторые незначительные уступки ирландским католикам. К 1851 г. граф Дерби, преемник Пиля на посту лидера тори, пришел к заключению, что при процветании сельского хозяйства протекционизм не может служить популярным объединяющим лозунгом. Единственной альтернативой протекционизму, по его мнению, являлся анти-католицизм. «По моему убеждению, — писал граф Дерби, — возрождение протестантского духа, помимо зла и опасностей, может быть использовано и во благо. Даже наиболее радикальные города < > столь яростно настроены против папизма, что ярость эта заставляет их забыть о требовании дешевого хлеба». Для «пилитов» подобные рассуждения относились именно к тому сорту демагогического потворства фанатизму и нетерпимости электората, который делал для них торизм неприемлемым⁴⁰.

Что касается правящего класса Пруссии, то к 1914 г. определенная близость к «пилитам» — в той степени, в какой вообще возможно говорить о подобной близости, — существовала среди государственных чиновников высшего ранга, а не среди политических партий. В этом нет ничего удивительного, учитывая природу политики Германии в эпоху Вильгельма. В 1840-е годы Пиллю приходилось конфликтовать как с «заднескамеечниками», так и с избравшими их фермерами, но, несмотря на это, по стандартам германского электората 1890-х годов политика Британии на заре викторианской эпохи была весьма недемократична и проникнута духом сословного предпочтения. Лидеры партий в большинстве своем были пэрами, и членство их в Палате лордов не зависело от воли общества. Одна десятая часть членов Палаты общин приходилась на ставленников аристократии, а большинство других членов представляло «гнилые местечки» с небольшим по численности и относительно аполитичным электоратом. Пиллю не нужно было уживаться с массовой социалистической партией, приверженной в теории к свержению монархии и уничтожению капитализма. Не сталкивался он и с крестьянскими партикуляристами, которые в ответ на любые сложности, порождаемые современной эпохой, требовали покрасить маргарин в синий цвет, дабы отпугнуть потенциальных потребителей.

В 1890-е годы в среде немецкого дворянства находилась и определенная доля «ответственных» либеральных консерваторов. В 1893 г. в Баварии они столкнулись с Крестьянской лигой, которая выступала под лозунгом «Не аристократы, не священники, не доктор, не профессора, а только одни крестьяне должны пред-

ставлять интересы крестьянства». Не удивительно, что умеренные консерваторы дворянского происхождения не пользовались там успехом. В Пруссии на консерваторов также оказывалось сильное давление, вынуждавшее их потворствовать демагогии. Тот, кто пыгался противиться политическому стилю «Bund der Landwirte» с его радикальными, аграрными и часто антисемитскими призывами, выпадал из политической обоймы, так как лишался поддержки электората. По справедливому мнению Джеймса Ритэллака, многие юнкеры были крайне надменны, исполнены узко-классовой гордости и враждебно настроены против политической машины, а потому из них редко получались удачливые современные политики. До некоторой степени они могли позволить себе не меняться, так как определенное — правда, постоянно убывающее число сельскохозяйственных восточных районов оставалось их бастионами, где для переизбрания им было вполне достаточно традиционных методов. Однако при изучении потенциального консервативного электората в имперской Германии создается отчетливое впечатление, что шансы на успех имели лишь агрессивно настроенные демагоги-аграрии. Именно этой ценой консервативные лидеры юнкерства добивались значительных удач у сельских избирателей на основе общих аграрных интересов и предубеждений. Юнкеры и крестьяне нуждались друг в друге и тем, и другим надо было использовать результаты выборов, использовать контакты с министрами, не давать ходу социалистам и либералам, и держать в узде сельскохозяйственных рабочих⁴¹.

В подобных обстоятельствах возникли совершенно чуждые прусской традиции предложения оградить правительство от влияния разобщенного и политически незрелого электората, и стремиться к тому, чтобы оно всецело оказалось в независимых руках высших государственных чиновников, так сказать, «пилитского» толка. Теобальд фон Бентман-Холлвег, последний — в предвоенные годы — канцлер Вильгельма II, во многих отношениях являлся образцовым «пилитом». Потомок богатой буржуазной семьи, вошедшей в прусскую правящую элиту в девятнадцатом веке, Бентман-Холлвег обладал целым рядом пилитских добродетелей. Он получил хорошее образование и отличался глубоким сознанием собственного долга и потребностью служения обществу. Компетентный и абсолютно неподкупный административный деятель, Бентман-Холлвег был либеральным консерватором и не верил в демократию, однако полагал, что главные кардинальные реформы в политической жизни Пруссии необходимы для сохранения законного положения правящего класса и предотвращения

революционной угрозы. Отношение его к обскурантизму и демагогическому эгоизму консерваторов было всецело «пилигским».

Но, называя высшего прусского чиновника «пилигом», мы несколько грешим против истины. Английский аристократ, член парламента, сколь бы профессиональным администратором или министром он ни был, обладал независимостью, которой не пользовался ни один чиновник или министерский служащий прусского короля. Более того, с введением парламента сначала в Пруссии, а потом в Германии, политизация высших государственных служб стала неизбежна. Приверженцы консерватизма, хотя зачастую и более мягких его форм, чем истинные юнкеры из провинциальной глуши, заняли высшие посты в государственном бюрократическом аппарате. Более того, арифметика выборов подтверждала, что во времена Вильгельма канцлер не мог обладать реальной независимостью от консерваторов. Пока социалисты оставались париями, а католические партикуляристы — объектом сомнения и подозрений, правительству, чтобы проводить свои законопроекты через Рейхстаг, не говоря уже о Прусской Палате депутатов, необходима была поддержка консерваторов⁴².

Как бы то ни было, отмена Хлебных законов явилась следствием не только добродетелей сторонников Пиля и недемократической природы британской политической системы. Нельзя связывать этот шаг исключительно с процветанием сельского хозяйства Англии в 1840-е годы, а также с мощной поддержкой тех членов парламента, которые не были аграриями, хотя и эти факторы чрезвычайно важны. Существенную роль сыграли здесь также и виги. До определенной степени виги играли здесь в свои партийные игры. Джон Винсент называет английских аристократов, занявшихся в девятнадцатом веке политикой, «игроками-любителями», и в этом есть доля правды. Играть в партийные и политические игры было занятно, побеждать в них было еще занятнее, а получение государственной должности возбуждало дух и достойно венчало всю игру. Специфика проведения в 1867 г. Второго билля о реформе служит иллюстрацией того радикализирующего эффекта, который могло повлечь за собой состязание двух аристократических по своей основе партий за государственные посты и симпатии электората. Соответственно, некоторые дворяне ощущали, что английская аристократическая конституция принесена в жертву партийным играм⁴³.

Но либерализм вигов не был только партийной игрой. На взгляд принца Пюклера, в этом выразилась одна из многих странностей Англии — страны либеральной и в то же время ультра-аристократичной: «...явно размытые общие представления о либерализме

идут рука об руку с узкой классовой гордостью и в высшей степени надменным сословным чванством <...> человек, в домашнем кругу чрезвычайно высокомерный, пользуется в общественной жизни репутацией убежденного либерала». «Священный Круг Прародительства» был в своей основе крепко сплоченной кликой аристократов, воспитанных в незыблемой вере в то, что успешная борьба, которую их предки вели против абсолютизма Стюартов за введение свободной протестантской конституции, была главной предпосылкой будущего восхождения Англии на позиции мирового господства. Лорд Джон Рассел всей душой верил, что политическая свобода была изобретена его предками, которые даровали ее сначала Англии, а потом и всему миру. Пусть в этом и было нечто смешное и самодовольное, но не следует забывать, что одержимость фамильной гордостью повсеместно была неотъемлемым признаком аристократии. Викторианский аристократ неуклонно принимал свои семейные традиции ближе к сердцу, чем свободы, права и обязанности свободнорожденного англичанина, но, в соответствии с девизом Рассела, эти традиции были достаточно хороши, чтобы им следовать⁴⁴.

Виги усвоили идеи барона де Монтескье о равновесии властей и роли аристократии в качестве жизненно необходимого посредника между монархом и народом. В 1883 г. лидер вигов, маркиз Хартингтон, подвел следующий итог достижениям своей партии: «Виги сумели <...> к большой выгоде для страны, руководить народными движениями, сдерживать их и направлять в нужное русло. Они образовали связующее звено между передовой партией и теми классами, которые, обладая собственностью, силой и влиянием, естественно нерасположены к переменам <...> Именно благодаря их руководству и их действиям, серьезные и благотворные перемены, которые делались в направлении демократизации этой страны, свершились не ударным путем в силу революционных волнений, а в ходе спокойного и мирного процесса конституционных актов»⁴⁵.

Крупные собственники из партии вигов могли в самом буквальном смысле слова позволить себе придерживаться достаточно уравновешенной и хладнокровной точки зрения на политические события. Джон Винсент заслуженно превозносит спокойное и беспристрастное отношение маркиза Хартингтона к ирландским аграрным вопросам в начале 1880-х годов, хотя с этими вопросами были связаны серьезные неприятности, постигшие собственные фамильные поместья маркиза. Наследнику герцога Девонширского, несомненно, помогло сознание того, что ему нечего опасаться ирландских событий — в любом случае он не бу-

дет испытывать нужды. Значительный доход, поступавший из многочисленных источников, избавлял его от искушения ограниченного «аграрного» подхода к политическим проблемам и способствовал широте взгляда.

Тем не менее, прав Дэвид Спринг, утверждая, что подсчет доходов того или иного дворянина и проверка того, являлась ли их главным источником сельское хозяйство или же другая сфера, мало что может прояснить в той позиции, которую занимал этот дворянин в отношении Хлебных законов и в политике в целом. Например, поддержка, которую оказывал отмене Хлебных законов пятый граф Фитцвильям, основывалась на чувстве долга, которое заставляло аристократа встать на точку зрения нации. Необходимо было поддерживать интересы торговли и промышленности: в противном случае Британии угрожал бы удел второй Польши. Фитцвильям был охвачен евангелическими и утилитарными настроениями, восхищен достижениями современной науки и уверен в том, что она способна преобразить мир. Человек «с широким и систематическим кругом чтения <...> он полагал, что умственная лень граничит с нравственным грехом». Он огнюдь не походил на эдвардианского владельца загородной усадьбы, зачастую читавшего лишь «Country Life» или что-нибудь в этом духе. Фитцвильям принадлежал к деятельному и дальновидному правящему классу. Особое внимание он уделял античным классикам, современной философии, истории и политической экономике; что до романов, он считал их дамским чтением⁴⁶.

Отмена Хлебных законов, как бы там ни было, явилась следствием охватившего английскую высшую аристократию духа либерального консерватизма, который распространился далеко за пределами партии вигов. Из 211 голосов, поданных в Палате лордов за отмену Хлебных законов, не более 115 принадлежали вигам. В период между 1832 и 1905 годами особенно в высших аристократических сферах были прочны убеждения, что их век — век господства либеральных тенденций и что упорное сопротивление этим тенденциям приведет лишь к несчастьям. По английским стандартам, трудно было найти человека более консервативного, чем третий маркиз Солсбери. В 1859 г. он защищал политическое status quo в таких выражениях, какие мог бы повторить за ним любой континентальный консерватор: «Классы, которые представляют собой цивилизованную часть общества, классы, в руках которых находятся копившиеся веками капитал и знания, имеют право требовать гарантий неприкосновенности, защищающей их от подавления полчищами тех, кто не обладает ни знаниями, необходимыми для руководства ими же, ни долей в обще-

ственном благосостоянии, необходимой для контроля над ними». Верный своему убеждению, что демократия означает использование государственной власти для ограбления богатых, Солсбери решительно противился Второму биллю о реформе. Однако после того, как этот билль был утвержден, Солсбери, в соответствии с аристократической этикой порядочности и политического прагматизма, заявлял, что «долг каждого англичанина и каждой английской партии — чистосердечно признать политическое поражение и употребить все усилия для того, чтобы добиться успеха или свести на нет зло, причиняемое принципами, которым они вынуждены были уступить». В применении к политике консерваторов после 1867 г. это означало заставить демократию работать со всей возможной эффективностью, и с минимальным ущербом как для рациональной внешней политики, так и для интересов состоятельных классов. Осуществляемые под уравновешенным и здравым, хотя и пессимистичным руководством Солсбери, эти попытки ограничения ущерба оказались весьма успешными. Однако прагматизмом, реализмом, политической опытностью, незаурядным умом и уважением к установленным правилам игры качества, присущие Солсбери, не исчерпывались. Он питал искреннюю любовь к свободе. Столкнувшись с лордом Мильнером, британским верховным комиссаром мыса Доброй Надежды, который был убежден, что «просвещенная администрация» прекрасно подходит для службы просвещенному деспоту, Солсбери недобрительно отметил, что этот человек совершенно не верит в свободу⁴⁷.

История Англии девятнадцатого века была превосходной заявкой высшей аристократии на роль в политике. Без сомнения, крупные аристократы имели свои недостатки, и среди прочих — нередко чрезмерное кастовое чванство и нежелание чрезмерно себя утруждать. Отсутствие профессионализма также часто вело к просчетам. У честолюбивейшего Дизраэли глаза полезли на лоб, когда его начальник, лорд Дерби, в 1852 г. сложив с себя обязанности премьер-министра, «словно мальчишка, отпущенный из школы», немедленно бросился в свой загородный дом, чтобы не пропустить скачки. Намного серьезнее воспринял В. И. Гурко, опытный российский чиновник высшего ранга, беспечный дилетантизм князя П. Д. Святополк-Мирского и князя В. А. Васильчикова, аристократов, занимавших министерские посты в период революции и кризиса 1904—1907 гг. Обоим недовольствовало профессионального опыта и компетентности, необходимых для управления крупными и сложными правительственными департаментами. К тому же, никогда не зная ни нужд, ни забот, они не были

готовы к труду и ответственности, которые неотделимы от государственной деятельности. Все же аристократы далеко не всегда были легкомысленными дилетантами. Плантагенеты Паллизеры существовали и в реальной жизни, в особенности в Англии, чье парламентское устройство, в отличие от прусского или русского бюрократического абсолютизма, предоставляло политикам аристократического происхождения значительно более доступное и достойное поле деятельности. Представители высшей аристократии вносили в политику подлинный дух общественного служения и широту государственных взглядов, отсутствие ограниченности и эгоизма, то есть качества, которые редко встречались в среде поместного джентри. Благодаря своему богатству и высокому статусу, крупные аристократы меньше зависели от превратностей современной жизни, чем провинциальные дворяне, что несомненно усугубило это отличие⁴⁸.

Уолтер Бэджет писал в 1850-х годах, что «класс джентри, заполняющий сельские усадьбы, и составляющий большинство консервативной партии в Палате общин, возможно, самая способная и ценная часть английского общества. Над ним не тяготеют ни ответственность, ни культура родовитого дворянства, и они никогда не ощущали болезненной необходимости пробиваться наверх, которая подталкивает средний класс. Они обладают скромным достоянием, которое мало чему их учит, и крепким умом, который вполне годится, чтобы справляться с повседневными делами, но они лишены гибкости и собственных идей»⁴⁹.

В Пруссии, в сущности, не было ничего похожего на класс крупных землевладельцев-аристократов, не было и аристократических традиций, на что разгневанные юнкеры и обратили внимание Фридриха Вильгельма IV, когда тот на волне революции 1848 г. силенсился создать Палату лордов⁵⁰. В целом прусские провинциальные дворяне были слишком неотесанны, даже по стандартам, установленным Бэджетом для помещиков-тори. Взгляды большинства юнкеров были окрашены грубоватой и высокомерной наивностью. Свои собственные интересы они возводили в ранг государственных, и для большинства из них в этом не было элемента цинизма. Религиозное чувство, весьма догматичное, нерассуждающее и не вызывающее вопросов, усиливало их честную и прямодушную правдивость. Пиетизм, более чем далекий от интеллектуальной веры, способен был убедить и без того доста-

точно самоуверенных людей, что Господь благословил их силой и властью и осуществляет через них свой промысел.

В дневнике баронессы Шнитцемберг встречаются иронические выпады против «истинно померанской изысканности». В 1894 г. она упоминает о Конраде фон Фалькенхаузене, имевшем привычку в самых резких выражениях укорять тех своих гостей, кто предал интересы и ценности юнкерства, проголосовав за торговое соглашение с Россией; в его глазах, подобное предательство можно было объяснить лишь стремлением заслужить расположение двора. Четырнадцать лет спустя баронесса отмечала: «в разговорах с этими юнкерами меня всегда пугало, что они не имеют даже отдаленного понятия о всех трудностях и сложных взаимоотношениях, связанных с внешней политикой, и потому позволяют себе заявления и советы, способные просто ошеломить любого человека, получившего воспитание, хоть сколько-нибудь не чуждое духу космополитизма. Еще больше меня тревожит их неколебимая вера в то, что народ Пруссии исполнен монархических чувств; если когда-нибудь дойдет до краха, боюсь, многие столпы, на которые сегодня рассчитывают люди <...> сразу рухнут».

Мягко говоря, юнкеры отнюдь не являлись группой, от которой ожидали образа мыслей, соответствующего положению правящей элиты мировой империи. В самом деле, прусские дворяне, представители поколения, в период между 1866 и 1871 годами сначала завоевавшего Германию, а потом повергшего Францию, в большинстве своем не являлись приверженцами идеи Германской империи. Элард фон Ольденбург-Янушау, до самого заката империи остававшийся одним из ведущих консерваторов, отмечал, что «как солдаты, мы были истовыми пруссаками, и потому искали образцы для подражания исключительно в прусской истории. Образование Рейха не имело на нас такого воздействия, как на последующие поколения. В Германском Рейхе 1871 г. мы видели не слияние воедино различных ветвей народа Германии, но, пользуясь словами старого кайзера, лишь расширение Пруссии»⁵¹.

Старая Пруссия — в особенности земля Фридриха II — во многих отношениях являлась для Европы образцом просвещенного деспотизма. Все абсолютистские государства восемнадцатого века представляли собой вариации альянса между правящим домом и дворянством, но, как пишет Перри Андерсон, именно прусский вариант был наиболее удобным и подходящим⁵². В отличие от Франции, государство Гогенцоллернов не было поражено коррупцией, здесь отсутствовала английская придворная ари-

* Плантагенет Паллизер — герой политических романов Энтони Троллопа (1815—1882) «Домик в Оллингтоне», «Можете ли вы простить ее» и др.

стократия, желавшая введения олигархической конституции. С восемнадцатого века прусские юнкеры не знали присущего московскому дворянству ощущения того, что правящая династия, двор и столица в определенной степени являются чуждыми иноземными вживаниями в родную почву. В Пруссии не было необузданных, хотя зачастую и весьма просвещенных аристократов в русском духе, которые решительно отвергали все попытки германизированного правящего дома подчинить социальную элиту дисциплине, порядку и бюрократической субординации. Создание в Пруссии централизованных бюрократических институтов и местного дворянского управления в лице ландратов и государственных учреждений, первоначально не обошлось без серьезных конфликтов, но уже в период правления Фридриха II эта система работала без перебоев. В России, напротив, не существовало полноценных местных дворянских учреждений, и дворянству приходилось на своих плечах нести всю тяжесть бюрократического аппарата, при этом смягчающее воздействие учреждений промежуточного звена полностью отсутствовало. Подобное положение влекло за собой своего рода полуанархическую отчужденность российского дворянства от государства, которой не знала Пруссия. Присущая прусскому старому режиму аккуратность и чувство пропорций воплощались в правительствах и дворцах, которые они строили. Мало найдется монархов, наделенных столь выдающимся здравомыслием и способностью проводить в соответствии цели и средства, как Великий курфюрст Бранденбургский, Фридрих Вильгельм I или Фридрих Вильгельм II. По российским стандартам, Сансуси и Потсдам можно считать образцами сдержанного и аскетически строгого вкуса⁵³.

Даже в 1914 г. Пруссия ощущала себя неуютно в имперских одеяниях. Ее прекрасная в своем аскетизме классическая архитектура уступила место претенциозной, вычурной и помпезной вульгарности эры Вильгельма. Сам Вильгельм II представлял собой соединение короля-юнкера, императора мировой державы и преуспевающего промышленного магната⁵⁴. Всем поздневикторианским аристократиям было трудно найти общий язык с эпохой господства капитала. Прежде ни один общественный класс не мог сравниться с аристократией в богатстве, и дворянская элита потворствовала выставлению богатства на показ и состязанию в этом. Теперь же оказалось, что не-аристократы в денежном отношении способны превзойти тех, кто выше их по роду и званию. Наиболее распространенной реакцией на подобное положение вещей были издевки над плутократией и антисемитизм, которые получили особое распространение в среде обедневших

аристократов, страдавших не только от потери статуса, но и от потери благосостояния.

В целом, однако, английская и русская аристократические элиты нашли свое место в эпоху капитала с большей легкостью, чем юнкеры. Петербургские и лондонские аристократы были богаче, менее провинциальны и захолустны, более космополитичны по своим воззрениям и опытни в светских делах, чем прусское дворянство. В восемнадцатом веке правящие классы и Англии, и России были чрезвычайно коррумпированы, умело используя государственную службу для собственной выгоды. В девятнадцатом столетии английское, и, в меньшей степени, российское дворянство отказалось от подобной практики, но ни Англия, ни Россия не могли даже отдаленно приблизиться к бытовавшей в Пруссии официальной культуре самодисциплины, преданности долгу и одержимости экономией. В сочетании с относительной бедностью и оскудением религиозного чувства, эти ценности оказались чужеродными в бурно развивающейся стране миллионеров, в которую после 1871 г. столь внезапно превратилась Пруссия. Не удивительно, что от прусских аристократов период адаптации к «золотой» эре потребовал большего напряжения и более значительных сущностных перемен, чем от традиционно коррумпированного, распущенного и приверженного роскоши светского общества С.-Петербурга, как и от беспечной и богатой английской аристократии, издавна связанной с финансами и зарубежными торговыми интересами⁵⁵.

Поиск своего места в эпоху капитала был лишь одним аспектом примирения аристократии с тревожным современным миром. Основная и единая для всех аристократов проблема, при всей своей простоте, не имела решения. Класс, с незапамятных времен господствовавший в Европе, в результате революционных перемен в экономике и в обществе, неудержимо утрачивал свои позиции. Аристократия могла — разве что на короткий срок — замедлить этот процесс, но избежать подобного удела было вне ее возможностей. Аристократы были уже не способны господствовать в городском, промышленном, техническом и даже в образованном обществе, а тем более в обществах, которые стремились занять ведущие мировые позиции. Скорость, с которой происходили эти перемены, усугубляла проблему, в особенности в Германии и в России. В 1866 г. молодой лейтенант по имени Пауль фон Гинденбург, выходец из обычной юнкерской семьи, сражался в битве при Кёнигсберге. В юности он стал свидетелем триумфа прусского дворянского офицерства, которое выполняло — пользуясь ужасающим языком ученых националистов девят-

надцатого века — исторические и национальные задачи Германии. Почти в то же самое время, пока Гинденбург сражался, промышленная революция и сельскохозяйственная депрессия, происходившие в Германии, угрожали вытолкнуть юнкерство из жизни. За отпущенные ему годы, Гинденбург успел пережить грифф, преобразование и угасание старой Пруссии. Не удивительно, что в 1933 г. он, в ту пору уже старый фельдмаршал, никогда впрочем, не блиставший умом, был сбит с толку и не мог разобраться, что к чему.

К концу девятнадцатого века будущее аристократии вращалось вокруг ряда вопросов. Сумеют ли аристократы понять, в каком направлении движется мир, или для этого они слишком ограничены, неадаптированы и необразованны? Предложит ли общество аристократии золотые мосты, по которым она сможет пройти в современный мир, и хотя бы до некоторой степени сохранить свой статус и свое благосостояние? Какие формы вхождения в современность — демократические или же иные — будут ей предложены, и каким образом присущие аристократии традиции определяют выбор этих форм? Если же вся аристократия или же какая-то ее часть окажется без удобного переходного моста, насколько значительны и разрушительны будут ее арьергардные действия перед лицом обновляющегося мира современности? In extremis, будет ли аристократия достаточно реакционной, или цивилизованной, чтобы по-прежнему руководствоваться традиционными представлениями о религии и чести, или же неуверенность в завтрашнем дне, гнев, вызванный потерей статуса, и аполитичность заставят ее избрать путь, ведущий к тоталитаризму, национализму и его неизбежному спутнику, варварскому антисемитизму?

Заключение

В своем глубоком и важном исследовании Арно Мейер утверждает, что к 1914 г. в Европе по-прежнему сохранялось господство доиндустриальных институтов, доиндустриальной элиты и доиндустриальных ценностей. Для Мейера понятие «старый режим» обладает более широким значением, чем понятие «аристократия»: оно включает в себя, например, такие явления, как самодержавие, классический стиль в литературе и искусстве и малые предприятия традиционного типа. Тем не менее, из всех аспектов жизни доиндустриальной Европы именно аристократия обладает для него наибольшим значением. По его мнению, сохранение доиндустриальных элит и ценностей является ключом к пониманию причин, ввергнувших Европу в войну 1914 года¹.

По крайней мере в отношении аристократии доводы Мейера, касающиеся превосходства доиндустриальных форм собственности не представляются убедительными. В Англии и Германии несколько магнатов аристократического происхождения действительно вошли в узкий круг мультимиллионеров, но их богатство создавалось в новую промышленную эру и обеспечивалось шахтами, заводами и фабриками или городской недвижимостью. Несомненно, в период 1880—1914 гг. положение намного более значительной группы, а именно сельских землевладельцев, в особенности в Германии, было существенно лучше, чем следовало бы ожидать. Однако нельзя забывать тот факт, что в наиболее состоятельных кругах германского и британского общества численность аристократов многократно уступала численности выходцев из среднего класса, чье благосостояние имело своим источником отнюдь не сельское хозяйство. Как объяснялось в главе 2, российская статистика не располагает данными, позволяющими сделать столь же категоричный вывод в отношении царской империи, однако имеющиеся данные указывают на то, что господствующие в России тенденции были весьма близки к тем, какие нашли документальное отражение в Англии и Германии.

В сфере политики картина представляется менее четкой. К 1914 г. политическое могущество британской аристократии су-

щественно снизилось по сравнению с 1815. В отношении Пруссии и России подобное утверждение менее справедливо. Как это парадоксально, конституционные и парламентские институты в России и Пруссии, создание которых обеспечивало движение в сторону демократизации по английскому образцу, во много раз увеличили влияние именно тех социальных групп, которым демократия должна была нанести наибольший урон. Наблюдаемый к 1914 г. упадок английской аристократии, в противоположность сохранившей свои позиции и даже вновь поднявшей голову аристократии прусской и российской, в некоторых отношениях вполне соответствует выводам теории модернизации. Согласно основному положению этой теории следует ставить во главу угла перемены в области экономики, которые обеспечивают социокультурное развитие и в итоге неизбежно оказывают сокрушительное воздействие на политику. Английская промышленная революция, начавшаяся около 1780 г., привела к ослаблению могущества аристократии, однако процесс этот приобрел стремительные темпы лишь столетие спустя. Следовательно, вполне закономерно, что в Пруссии, и еще в большей степени, в России, странах, на десятилетия отстававших от Британии в экономическом развитии, старая элита в 1914 г. стала политически даже сильнее.

К такому выводу, однако, можно прийти, только если принять чрезмерно механистическую и оптимистичную точку зрения. В 1914 г. прусская и российская аристократии из всех сил стремились сохранить политическое влияние отчасти благодаря тому что с полным основанием предполагали: с исчезновением этого влияния они прекратят свое существование, как классы. Магнаты могли процветать и в эпоху плутократии. Однако, как прусское помещичье дворянство обошлось бы без сельскохозяйственных субсидий, а юнкера — без своей традиционной ниши в государстве Гогенцоллернов? Несомненно, времена их славы и могущества навсегда бы прошли. Своих земельных владений они также вскоре лишились бы. В России положение аристократии было даже более угрожающим. Как показали волнения и выборы 1905—1907 годов, демократия неизбежно повлекла бы за собой экспроприацию собственности аристократов. Вряд ли приходилось рассчитывать, что с течением времени старая элита сама согласится мирно исчезнуть с политической сцены в незаметной английской манере. Помимо всего прочего, это ее исчезновение скорее всего произошло бы — совсем не по-английски — чрезвычайно стремительно и бурно.

Еще более сложным вопросом является культурная гегемония

аристократии. Если учесть, что культура — это прежде всего ценности, становится очевидным, что влияние аристократии в Англии и Германии было намного весомее, чем в России. Лежащие на поверхности объяснения причин, помешавших российской аристократии внедрить в общество собственные ценности, представляются наиболее убедительными. Во второй половине девятнадцатого века относительные экономические и военные неудачи России, общая ее отсталость по меркам наиболее передовых государств мира ронял и престиж ее элиты. Самодержавное правление, с которым в значительной степени была связана аристократия, вызывало враждебное отношение в образованном обществе (которое состояло в значительной степени из дворян), так как самодержавное государство отказывало в тех правах и свободах, которые, считало оно, ему, как группе цивилизованных европейцев были положены.

Положение, однако было гораздо сложнее. Основными ценностями и функциями, присущими российской аристократии, начиная с восемнадцатого века, были гражданская служба и ведущая роль в вопросах культуры. Аристократы служили Государству, и, все в большей мере, России. Они руководили процессом просвещения в своей стране. В значительной мере справедливо будет сказать, что эти аристократические ценности — гражданское служение и просвещение — оставались главными в России и в девятнадцатом веке. Но многие образованные россияне, и среди них многие дворяне, пришли к убеждению, что служение России — а Россия означала для них народ, точнее, крестьянство, — несовместимо с традиционной лояльностью по отношению к царизму. Что касается культурного лидерства, то оно порой рассматривалось с грубо материалистических и утилитарных позиций, и сводилось к заботе о повышении уровня жизни населения. Но, в целом, образованные россияне, включая представителей аристократии, внесли огромный вклад в мировую литературу и музыкальную культуру, и, несомненно, по эстетической чуткости намного превосходили английскую традиционную элиту, не говоря уже о юнкерстве.

Сохранение влияния, и даже, как это порой утверждается, господства аристократических ценностей в индустриальной Англии и Германии представляется весьма спорным. Жизнеспособность этой «культурной гегемонии» нередко вызывает удивление и называется в качестве основной причины многих неудач, постигших впоследствии германское и британское общество. На мой взгляд, и удивление, и выводы, делаемые на основании жизнеспособности аристократических ценностей, явно преувеличены.

Удивление, которое вызывает жизнеспособность аристократии, связано с вполне верной мыслью, что промышленная революция знаменовала собой кардинальный сдвиг в истории человечества. Возникло другое общество с ценностями и элитами, фундаментально отличными от традиционных. Разумеется, чрезвычайно наивно было бы полагать, что в результате возникновения в викторианской Европе индустриального общества традиционная аристократическая элита немедленно и бесследно исчезнет. Аристократии сохраняли лидерство на протяжении длительного периода, и нетрудно было предположить, что сменится по меньшей мере еще одно поколение, прежде чем они уйдут с мировой сцены. Лишь одно поколение отделяло индустриальный подъем, который переживала Германия в 1870-е и 1880-е годы, от кануна года 1914. Нет ничего удивительного, в особенности в отношении Англии и Германии, и в том обстоятельстве, что аристократия нередко служила предметом восхищения, а ценности ее — объектом подражания. Аристократии этих стран являлись элитами двух наиболее могущественных и преуспевающих обществ Европы. Вряд ли кто-нибудь усомнится, например, в том, что английский аристократический парламент или непревзойденное военное искусство прусского юнкерства сыграли значительную роль в упрочении величия государств, величия, которым гордились также и граждане не-аристократического происхождения.

Не следует также упускать из виду, до какой степени эти аристократии сумели приспособиться к требованиям обновляющегося мира. В Англии эта приспособляемость наиболее очевидна. Задолго до 1815 г. земля была в Англии товаром, который предлагался на рынке наравне с другими товарами. Не существовало никаких законных ограничений, препятствующих доступу джентри к земле. Земля покупалась за деньги — и с течением времени джентри, приобретая привычки и обычаи высшего класса, ощущали себя принятыми в его круг. В сфере политики английская аристократия развивала парламентские институты, которые доказали свою исключительную эффективность, обеспечивая согласие в современном модернизированном обществе и компетентное управление, — эффективность, какой не могли достичь абсолютистские монархии и их бюрократические аппараты, пытавшиеся по мере развития в континентальной Европе сложных индустриальных обществ посредничать между конфликтующими группами и классами. Исходя из этих обстоятельств, некоторые историки полагают, что в 1815 г. английская аристократия «обуржуазилась». Этот термин представляется весьма неудачным для характеристики социальной группы, которая по положению

была ближе к традиционному правящему классу в полном смысле этого слова, чем дворянство любой другой европейской страны. В 1815 г. из всех аристократий Европы именно английская высшая аристократия (то есть прежде всего пэры) была самой богатой, самой могущественной, в наибольшей степени обеспеченной законодательными и конституционными привилегиями, и в наименьшей степени открытой притоку свежей крови. На протяжении девятнадцатого столетия она служила образцом, которому другие европейские аристократии все чаще старались подражать. Справедливо будет сказать, что английская аристократия быстрее и успешнее, чем любая другая, приспособилась к требованиям современной эпохи. Назвать ее «буржуазной» можно лишь при условии полного непонимания особенностей ее менталитета, ее достоинств и недостатков, а также ее роли в истории современной Европы.

Степень внедрения прусской аристократии в современный мир также нельзя недооценивать. В результате проводимых после 1807 г. реформ, представители всех классов получили возможность приобретать землю, в том числе и рыцарские имения (Rittergüter), со всеми неотделимыми от этих имений правами и полномочиями. Элементы принуждения, унаследованные от эпохи крепостного права, и в определенной степени сохранявшиеся до 1848 г. и даже позже, немало способствовали развитию сельскохозяйственного капитализма в крупных имениях, точно так же, как отсутствие подобных элементов в России после 1861 г. замедляло это развитие. Учитывая огромный приток недворян в ряды восточных землевладельцев, едва ли можно обосновать утверждение, что юнкерское общество представляло собой замкнутую касту. В действительности имело место противоположное; новички быстро внедрялись в юнкерское общество, делая его более сильным и приспособленным к условиям новой эпохи. В политике юнкера по большей части являлись убежденными антидемократами, которые с неприязнью относились ко многим аспектам современной политической деятельности. Тем не менее, им удалось обеспечить себе мощную поддержку со стороны германских аграриев. Bund der Landwirte во многих отношениях — и по своей организационной структуре, и по своей сложности, и по массовости вовлечения, и по откровенному эгоизму своих устремлений — была весьма современной политической группировкой. Ее также отличала чрезвычайная действенность, в доказательство чего можно сравнить судьбы английских и прусских провинциальных сельских дворян в период сельскохозяйственной депрессии. Но прежде всего, представители старой прусской элиты оказались

подлинными мастерами-профессионалами, не знающими себе равных в военном искусстве; первоначально Германия утолила собственную жажду национального единства, а со временем стала угрожать всей Европе.

Если говорить о способности откликаться на требования современного индустриального мира, то пример России, в известном смысле, является наиболее странным. Гражданская служба и лидерство в области культуры, то есть основные роли, исполняемые аристократией в 1815 г., прекрасно соответствовали современной эпохе и ее ценностям. Отметим, что российская система государственной службы в теории основывалась на принципах главенства способностей и заслуг, однако на практике эти принципы подвергались существенному влиянию социоэкономических различий между классами, и благодаря личным контактам, школьным связям и т. п., традиционная элита пользовалась неформальными преимуществами. Даже в современном капиталистическом обществе в определенной мере сохраняется подобное положение дел, хотя, разумеется, далеко не в той степени, как в царской России девятнадцатого века. Однако, даже в России девятнадцатого века модернизация была неотделима от растущего престижа личных заслуг и деловых качеств. Более того, в новую эпоху российская элита вошла без того феодального груза, который затруднял процесс адаптации английским и прусским аристократам. В России не было аристократической верхней палаты английского образца, где членство передавалось исключительно по наследству, право законодательного вето было абсолютным, а враждебность к демократии — непримиримой. В отношении подвижности и открытости аристократическая элита в России в период с 1700 до 1880-х годов намного превосходила английскую. К тому же, процент национальных земель, находившихся к началу 1870-х годов во владении российской аристократии, весьма значительно уступал проценту земель, которыми располагали представители английского высшего класса.

Российские дворяне, в меньшей степени являвшиеся замкнутой кастой, чем представители германской высшей знати, в отличие от последних, не украшали свои имена приставками «фон», отличавшими их от простых смертных. С отменой крепостного права в 1861 г. российское дворянство практически лишилось существенных привилегий и исключительность его положения становилась все менее выраженной. Более того, традиционные качества европейской аристократии — назовем из них лишь два, одержимость фамильной гордостью и генеалогическую манию — никогда не проявлялись в России столь же рьяно, как в других

европейских странах. Наибольшим противоречием между российской аристократией и современной эпохой было крепостное право, причем в самой отвратительной его форме; и оно сохранялось в стране до 1861 года. Вплоть до 1917 г. призрак крепостного права бросал свою тень на развитие событий. И все же, если рассматривать аристократию исключительно в плане ее собственных ценностей и традиций, напрашивается вывод, согласно которому именно русская аристократия менее всех других противостояла модернизации и более всех других имела шанс выжить. Несомненно, после 1905 г. дворянство решительно встало на защиту своего положения, однако, исследуя этот период, необходимо отметить, что представители знати отстаивали отнюдь не «феодалыне» привилегии, а самый что ни на есть «буржуазный» принцип частной собственности на землю.

Обсуждая возможности выживания, открывшиеся перед аристократией в новую эпоху, следует также помнить, что традиционной элите всегда была присуща способность к адаптации, и еще в 1815 г. она располагала довольно значительным количеством ценностей и навыков, которые вполне отвечали требованиям индустриальной эры. Добавим также, что стоит еще поразмышлять, действительно ли успешная модернизация является бесспорной ценностью. Никто не сомневается, что традиционная аристократия — в качестве наследственного, обладающего законными привилегиями и господствующего в обществе правящего класса — обречена на исчезновение. Но либеральные индивидуалистические ценности, порожденные в девятнадцатом веке американским капитализмом, отнюдь не являются единственными, действительно отвечающими требованиям преуспевающей современной экономики. Германия эпохи Вильгельма, где капитализм был куда более государственным, корпоративным и авторитарным, чем предполагает англо-американская модель, потерпела в 1918 г. военное поражение, но как экономическая система вполне выдержала конкуренцию. Современная Япония, в которой аристократического общества нет и в помине, тем не менее сочетает с процветающей современной экономикой некоторые принципы Европы времен старого режима. Назовем лишь три из них: могущественная и чрезвычайно престижная государственная бюрократия, преданность семье и откровенно анти-индивидуалистическая культура. Поэтому вряд ли стоит считать непреложной истиной, что все ценности, исповедуемые дворянством и консерваторами в 1914 г., безнадежно устарели, в то время как принципы радикалов и либералов, напротив, современны и действенны².

В послевоенной Британии, все более озабоченной экономи-

ческим спадом, очевидным по сравнению с ее основными странами-конкурентами, сохранение аристократических ценностей в индустриальную эпоху иногда называют в качестве одной из причин упадка предпринимательского духа. Наиболее известным выразителем подобной точки зрения является Мартин Винер, который заявляет *inter alia*^{*}, что корень экономических неудач Британии в 1960-х и 1970-х годах лежит в «дворянизации» представителей среднего класса, происходившей в викторианских паблик-скул³.

Это весьма спорное заявление Винера так же просто доказать, как и опровергнуть. Несомненно, данная книга, лишь мимоходом затрагивающая его положения, никоим образом не претендует на выполнение подобной задачи. Тем не менее, мы можем пролить некоторый свет на доводы Винера. Несомненно, в XX веке английская аристократия сохранилась лучше, чем российская или немецкая, прежде всего потому, что Британия вышла победительницей из двух мировых войн. После 1870-х годов начался процесс формирования новой плутократической элиты, вышедшей из состоятельных кругов, как старых аграрных, так и новых — финансовых и промышленных. Подобно самой Британии, эта элита была значительно более однородна, чем элиты Германии и России до Первой мировой войны. Аристократические ценности внесли неоценимый вклад в ее жизнестойкость. Очевидно, что эти аристократические ценности не были связаны с предпринимательством: скорее, то были ценности правящего класса, а в викторианскую эпоху в возросшей степени и ценности гражданского служения. Закрытые привилегированные школы, паблик-скул, сыграли жизненно важную роль в формировании новой элиты. Ценности, которые исповедовались там, были противоположны предпринимательским. Характеру отдавалось предпочтение над интеллектом, античности над современной наукой к тому же, в паблик-скул были чрезмерно подвержены стремлению со вкусом проводить досуг в ущерб усердной работе.

Все это льет воду на мельницу Винера, однако сравнение между британской, германской и российской аристократиями делает его выводы несколько проблематичными. Расцвет российской экономики в последние десятилетия старого режима уже выдвигает перед исследователем некоторые трудности. Российские элиты были разнородными по своему составу, а роль правительства и зарубежного капитала — весьма велика. Как бы то ни было, в

итоге исповедуемые интеллигенцией антикапиталистические ценности — ряд которых был ею унаследован от аристократии, — в 1917 г. уничтожили предпринимательство в России.

Германия является для Винера более серьезной проблемой. Многие представители современной историографии одержимы идеей, согласно которой влияние «пережитков старого режима», и прежде всего аристократии, помешало Германии следовать «нормальным» либеральным капиталистическим путем. Но юнкера явно не препятствовали развитию германского капитализма, который до 1914 г. переживал бурный расцвет. Справедливость требует отметить, что и юнкера, и силезские магнаты куда больше были склонны к предпринимательству, чем английские рантье, но, если судить в общем, ценности немецкой старой элиты вряд ли соответствовали ценностям современного капитализма. Возможно, если бы правление Гогенцоллернов продлилось дольше, влияние старой элиты способствовало бы упадку индустриального духа Германии. Согласно одной из кошмарных фантазий Макса Вебера, пуританская предпринимательская энергия немецкой буржуазии — основа экономического динамизма и мирового могущества Германии — могла сойти на нет благодаря «феодолизации» среднего класса и превращению его в класс рантье — прусских офицеров запаса⁴. На это можно возразить, что государственные, корпоративные и авторитарные формы германского капитализма прекрасно сочетались с прусскими лютеранскими, старорежимными традициями и соответствовали требованиям конкурентно-способной национальной экономики.

Хотя тезисы Винера, несомненно, обладают определенной силой, по моему мнению, они представляются менее интересными и менее убедительными, чем проводимое Гарольдом Перкиным различие между аристократической, предпринимательской и профессиональной культурами в викторианской Англии, а также осуществленный этим исследователем тщательный анализ того, каким образом борьба между двумя последними группами стала ключевым фактором, определяющим современную британскую политику. Начиная с 1914 г., средний класс образованных специалистов значительно превосходил старую аристократию и численностью, и влиянием, и, по крайней мере, на первый взгляд, именно в его ценностях, а не в ценностях старой землевладельческой элиты, следует искать опору духу предпринимательства. К тому же, исторически сложилось так, что в Англии провести различие между образованными специалистами и представителями класса джентри было труднее, чем в большинстве других стран. В 1860-х годах, например, Мэгтью Арнольд отмечал, что «ни в од-

^{*} Между прочим (*лат.*).

ной другой стране <...> образованные специалисты не разделяли столь естественно мировоззрение аристократии, как в Англии, что, как можно предположить, было тесно связано с пресловутым понижением статуса, претерпеваемым младшими сыновьями английской знати и джентри»⁵.

Даже если утверждения Винера полностью справедливы, они, однако, в большей степени направлены против английского среднего класса, а не против аристократии. Несомненно, английские землевладельцы обладали меньшей предпринимательской активностью, чем силезские помещики и даже юнкеры, а их вклад в культуру был незначительным по сравнению с достижениями русской аристократии. Но английская аристократия являлась прежде всего классом, державшим бразды политического правления, и эту свою роль в период викторианского перехода к демократии она исполняла с завидным мастерством и реализмом. Правда, в эдвардианский период некоторые аристократы начали испытывать определенные опасения относительно собственных «достижений», но даже если брать в расчет консервативное меньшинство, так называемых «твердолобов», их непримиримость основывалась на концепциях, которые ни в коем случае не являлись всецело реакционными или эгоистичными. Как утверждал герцог Бедфорд: «Никакого иного места для Великобритании, кроме первого, я не признаю». Это заявление отражает надменный патриотизм викторианской и эдвардианской Англии, присущий всем классам этой величайшей империалистической державы. Учитывая подобные убеждения, чуть ли не безумная тревога пэров-консерваторов относительно военной неподготовленности Британии и нежелания ее народа нести бремя налогов и воинской повинности, была не лишена оснований. Лорд Денби задавался вопросом, «готов ли народ Британии безучастно взирать на то, как империя превращается в два острова, на которых мы живем, да несколько колоний, разбросанных по свету». Если же нет, добавлял граф Селборн, тогда народу придется заплатить необходимую цену за осознание того, что, «если Британия собирается в будущем оставаться в одном ряду с США, Россией и Германией, мы должны разуть под Британией не Соединенное Королевство, а Империю». Вложив много душевных сил и пролив немало крови во имя Империи в течение двух мировых войн, британская элита направляла процесс деколонизации с достойным восхищения здравым реализмом, во многом связанным с теми образцами прагматических уступок, на которые в свое время шла викторианская аристократия⁶.

Обвинения, выдвинутые против юнкеров, намного более се-

рьезны, чем ответственность за снижение экономического роста. Согласно мнению некоторых влиятельных историков, именно на высшем классе Пруссии лежит основная ответственность за поражение демократии во Втором Рейхе, развязывание Первой мировой войны и приход к власти нацистов. Во всех этих обвинениях есть определенная доля истины. Дух юнкерства был всецело авторитарным и милитаристским. Прусские аристократы были отнюдь не единственными антидемократами и милитаристами в императорской Германии, равно как не были они и наиболее убежденными империалистами, но они, несомненно, внесли существенный вклад в создание преград для демократизации и в возникновение общественного климата, при котором правители Германии в 1914 г. избрали войну. По сравнению с аристократией Англии или Западной Германии, юнкеры представляли существенную опасность: они были слишком многочисленны, слишком несговорчивы и пустили слишком глубокие корни в «своем» государстве Гогенцоллернов, чтобы легко отойти на обочину. Более того, основные пути приспособления юнкеров к действительности — а именно, военный профессионализм и тактика непримиримой борьбы парламентских группировок — отнюдь не способствовали миру и стабильности как в Германии, так и во всей Европе.

Тем не менее, даже оставив в стороне вклад других групп немецкого общества, возлагать на юнкеров основную вину за крушение мира в 1914 г. явно несправедливо. Международные отношения в эпоху империализма подчинялись своей собственной неприглядной логике. Эта логика отчасти зависела от внутренних факторов, оказывающих влияние на правительства, но при этом сохраняла значительную степень автономности. Империи, против которых в 1914 г. выступила Германия, были созданы благодаря применению силы, и в значительной степени сохранялись силовыми методами. Как показывают действия, предпринятые Францией в Марокко, и огромные англо-французские аннексии после Первой мировой войны, эти страны отнюдь не расстались со своими хищническими инстинктами. Учитывая путь, по которому направлялись империалистические международные отношения, Германия до 1914 г. имела основания опасаться как роста могущества России, так и того, что Британия удушит ее внешнюю торговлю, приобретающую для Германии все возрастающее значение. В период между 1900 и 1918 годами Германия действовала более опрометчиво и жестоко, чем другие державы, однако различие не было столь уж принципиальным.

Еще более несправедливо возлагать на юнкеров или на германскую аристократию в целом главную ответственность за на-

цизм. Нельзя пренебрегать такими факторами, как воздействие Первой мировой войны, русской революции, инфляции и депрессии. Юнкерство эпохи Вильгельма имело свои отталкивающие стороны, но для прусского высшего класса эдвардианского периода было, в самом буквальном смысле этого слова, невысказано истребить миллионы мирных жителей в концентрационных лагерях, тем более, что этого совершенно не требовала военная целесообразность. Конечно, юнкерство сыграло свою роль, способствуя приходу к власти Адольфа Гитлера, но в этом отношении ни один из элитарных кругов Германии не свободен от упреков. Неблаговидное поведение промышленников общеизвестно, но и католическая иерархия, отнюдь не склонная к демократии и враждебно настроенная к либерализму, была счастлива подписать соглашение с фашистами в Германии, как она прежде сделала это в Италии. Коммунисты особенно усердно расчищали Гитлеру путь, но и лидеры социал-демократов тоже не остались в стороне, хотя в вину им можно поставить лишь узкую ментальность, характерную для обитателей гетто, и недостаток воображения, которые они проявили, отвечая в 1930-х годах на кризис, последовавший за депрессией.

Когда Гитлер пришел к власти, его враги среди старой элиты опасались, что, противодействуя ему, они тем самым отдадут Германию в руки своих противников-социалистов. И, что еще важнее, они сознавали также, что путч отнюдь не завоеует им симпатий среди националистически настроенных масс. Порочная доктрина «моя страна — это моя страна, права она или не права», способствовала примирению с властью человека, которого считали способным усилить мощь Германии. И все же, в целом, аристократия была менее очарована нацизмом с его расистскими и «народными» теориями, чем средний класс. Отчасти это отражает самосознание дворянства и свойственное ему предубеждение против интеллектуалов, в том числе и расистского толка. Но те аристократы, которые в течение многих лет противодействовали Гитлеру и в 1944 г. чуть-чуть не убили его, руководствовались и более высокими соображениями. Происходившие в основном из семей, являвших собой сливки прусского высшего класса, таких, как Шуленберги, Мольтке, Лендорфы и им подобных, военные заговорщики в большинстве своем служили в Девятом Пехотном полку, который был преемником Первого Гвардейского полка королевской армии. Все эти люди были наделены чувством ответственности за свою страну, а также физической храбростью и истинно христианским сознанием, достойным лучших представителей старых консервативных пиетистов.

Вспоминая о Клаусе Штауфенберге или Генрихе фон Лендорфе, мы не стремимся обелить германскую аристократию или позабыть о ее фундаментальной антидемократической роли в истории современной Германии. Мы хотим лишь восстановить равновесие и воспрепятствовать использованию аристократии для оправдания ошибочных или преступных деяний других социальных групп. Это представляется необходимым. Ни сам Гитлер, ни его окружение не имели ничего общего с юнкерством. То же самое можно сказать про миллионы людей, которые голосовали за него, и, соответственно, поддерживали его правление. Возлагать вину за приход к власти нацизма на старую аристократию и ее традиции чрезвычайно удобно. Аристократы представляют собой крошечное меньшинство, ничего не значащее в современном мире, группу, чьи грехи можно с легкостью отнести к минувшей эпохе. Возводить обвинения на по-прежнему могущественный средний класс, охватывающий и профессионалов-специалистов, или, еще хуже, на сам демократический электорат, куда как беспокойнее. Тут возникает множество вопросов о нас самих, о человеческой природе и о всезнающих — в теории — вершителях современной политики, чьи непререкаемые достоинства — необходимый миф любой политической системы.

Примечания

ГЛАВА 1 ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК ВЫЗОВ БРОШЕН И ПРИНЯТ

1 См., например, сравнительную характеристику русского и прусского двора, с одной стороны, и двора Людовика XVI и Наполеона I с другой, в кн *Mansel Philip* The Court of France 1789—1830 Cambridge 1988, особенно гл 1 и 3

2 О французской аристократии см *Ghaussinand-Nogaret G* The French Nobility in the Eighteenth Century From Feudalism to Enlightenment tr By W Doyle Cambridge 1985 Общий обзор этой книги см в кн *Schama S* Citizens A Chronicle of the French Revolution London 1989 На с 112—121 автор излагает собственные мысли о французской аристократии

3 О том, какие опасения вызывали у царя конституционные уступки, см *Mosse W E* Alexander II and the Modernisation of Russia New York, 1962 P 112

4 *Epstein K* The Genesis of German Conservatism Princeton, NJ 1966 Ch 1—6

5 *Karamzin N M* Memoir on Ancient and Modern Russia, tr and ed by Pipes R Cambridge, Mass, 1959

6 Для ознакомления с этой темой см *Mayer A J* The Persistence of the Old Regime Europe to the Great War New York, 1981

7 Чтобы оценить в перспективе происшедшие в девятнадцатом веке изменения, следует начать с кн *Geller E* Plough Sword and Book London 1988 Классической работой, отразившей трудности, ставшие перед традиционной элитой в эпоху модернизации, остается кн *Huntington S P* Political Order in Changing Societies Newhaven Conn, 1968

8 О различиях между профессионалами Прусского Генерального штаба и аристократическими *Schlachtenbummler* при королевском дворе в 1870 г см *Howard M* The Franco-Prussian War New York 1969 P 57—63

9 Московский еженедельник 1909 №1 3 января С 14

10 Этим отношениям и тому, какое влияние они оказали на социальную стабильность, большое внимание уделено в работах *Moore B* Social Origins of Dictatorship and Democracy Haimondsworth 1966 и *Skolpol T* States and Social Revolution Cambridge, 1979

11 О *Standesherren* и их сращивании с аристократией южно-германских государств, особенно Вюртемберга, существует многочисленная

литература Прежде всего, это *Gollwitzer H* Die Standesherren Die politische und gesellschaftliche Stellung der Mediatisierten 1815—1918 Stuttgart, 1957 Наиболее общий и полноценный обзор взаимоотношений между королем и дворянством Вюртемберга см в кн *Herdt G* Der wurttembergische Hof im 19 Jahrhundert Studien über das Verhältnis zwischen Konigtum und Adel in der absoluten und konstitutionellen Monarchie Göttingen, 1970

12 О военных и политических вопросах, вставших перед Союзом см краткое исследование в кн *Jones A* The Art of war in the Western World Oxford, 1987 P 409—419, а также *Commager H S* How «the Lost Cause» was Lost // Readings in American History Bicentennial edn Guilford, 1975 Vol 1

13 Краткий обзор истории английской аристократии, который имеет свою ценность, поскольку рассматривает Англию в контексте Европы, дан в кн *Bush M L* The English Aristocracy A Comparative Synthesis Manchester, 1984 Более узко и подробно данный вопрос освещается в кн *Beckett J V* The Aristocracy in England 1660—1914 Oxford, 1986 Лучшее всего начать изучение аристократии восемнадцатого века со сборника эссе *Cannon J* The Peerage of Eighteenth-Century England Cambridge, 1984 Книга *Stone L, Stone J C F* An Open Elite? England 1540—1880 Oxford, 1984 — убедительно развенчивает миф о том, что попасть в ряды английской элиты не составляет особого труда

14 Кроме кн *Herdt G* Der Wurttembergische Hof im 19 Jahrhundert Op cit — взаимоотношения короля с дворянством Вюртемберга после 1806 года представлены в ряде других работ Среди них *Weber H* Die Fürsten von Hohenlohe in Vormärz Politische und soziale Verhaltensweisen wurttembergischer Standesherren in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts Stuttgart, 1977 *Kircher W S* Adel, Kirche und Politik in Wurttemberg 1830—1851 Kirchliche Bewegung, katholische Standesherren und Demokratie Stuttgart, 1973 Об имперском дворянстве Швабии накануне присоединения к Вюртембергу см *Bader S* «Zur Lage und Haltung des Schwabischen Adels am Ende des alten Reiches» // Zeitschrift für Wurttembergische Landesgeschichte 1941 V Jahrgang S 335—389 В качестве примера типичного взгляда служит дневник баронессы Шпитцемберг См начало записей от 3 декабря 1861 г (с 46), где она пишет, что в общественной жизни Вюртемберга благородное имя являлось не преимуществом а препятствием С ее точки зрения, в Вюртемберге демократы недолюбливали дворян еще больше, чем в Баварии См *Vierhaus R* (ed.) Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg Göttingen, 1960

15 Изучение баварского дворянства лучше всего начать с работы *Freiherr von Aretin Erwin* Vom Adel in Bayern // Süddeutsche Monatshefte, 1926 23/5 Feb S 385—391 Затем читателю следует обратиться к замечательному исследованию *Demel W* «Der Bayerische Adel, 1750—1871», рукопись которого автор любезно предоставил мне См также *Hofmann H H* Adelige Herrschaft und Souveräner Staat Munich, 1962

16 Кн *Carsten F L A History of the Prussian Junkers* Aldershot, 1989 — представляет собой ценное краткое исследование. См также более ранний и более сентиментальный обзор *Gorlitz W Die Junker Adel und Bauer im Deutschen Osten Limburg, 1964 До сих пор остается непревзойденной в своем роде* кн *Романович-Славинский А Дворянство в России* СПб, 1870 Это крупное историографическое исследование русской аристократии и бюрократии до 1815 года — вопрос, который я попытался отразить в первой главе моей книги *Russia's Rulers under the Old Regime* London, 1989 О том, как производилась конфискация церковных земель русским и прусским дворянством, см *Blum J Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century* Princeton, NJ 1961 P 363—367 и *Berdahl R The Politics of the Prussian Nobility* Princeton, NJ, 1988 P 17

17 Эти вопросы будут более подробно рассмотрены в книге несколько позже О законодательной комиссии Екатерины II и дворянстве в целом см *Madariaga I de Russia in the Age of Catherine the Great* London, 1886 P 140—144, 166—174, и *Dukes P Catherine the Great and the Russian Nobility A study Based on the Materials of the Legislative Commission of the 1767* Cambridge, 1967

18 Различия между крупными землевладельцами-аристократами и провинциальным дворянством — основная тема кн *Chaussinand Nogaret G The French Nobility in the Eighteenth Century From Feudalism to Enlightenment* Cambridge 1985 в особенности см гл 3 и 5 Интересные комментарии по данной теме можно найти в кн *Thompson F M L English Landed Society in the Nineteenth Century* London 1963 см например с 22—24, 134—136 О различиях между тремя типами дворянства см кн *Higgs D Nobles in Nineteenth Century France The Practice of Inegalitarianism* Baltimore, Md, 1987 P 70ff *Stolberg-Wernigerode O Deutschlands konservative Führungsschichten am Vorabend des Ersten Weltkrieges* Munich, 1968 S 141—152, 169—205

19 О придворных кругах см *Elias N The Court Society* Oxford, 1983

20 *Kenney J J The Politics of Assassination* // *Ragsdale H (ed) Paul I A Reassessment of His Life and Reign* Pittsburg, Pa, 1979

21 О дворянстве восемнадцатого века см *Raeff M The Origins of the Russian Intelligensia* New York, 1966 Краткое, но ценное описание сил, которые сформировали дворянскую структуру Северной Германии дано в *Thadden-Vahnerow R Der Adel in Norddeutschland* // *Suddeutsche Monatshefte* 1926 23, 5 Feb, S 391—396

ГЛАВА 2 БЛАГОСОСТОЯНИЕ

1 Главная тема работы *Confino M Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIII siecle Etude de structures agraires et de mentalites economiques* Paris, 1963 — беспорядочный характер ведения бухгалтерских документов по поместьям землевладельцев

2 Англоязычный читатель может ознакомиться с валютой, находившейся в обороте в Германии в кн *Pollard S, Holmes C Documents of European Economic History Vol 1 The Process of Industrialisation 1750—1870* London, 1968 P 450—455 Я использовал в книге ту ценность валюты, на которую ссылались Поллард и Холмс По вопросу денежного обращения в России см *Pinter W M Russian Economic Policy under Nicholas I* Itasca, N Y, 1967 P 256—263 Appendix «The Problem of the «Popular Rates»»

3 По вопросу долгов английской аристократии см *Cannadine D Aristocratic Indebtedness in the Nineteenth Century The Case Re Opened* // *Economic History Review* 1977 XXV No 30 P 624—650 О долгах русской аристократии см *Becker S Nobility and Privilege in Late Imperial Russia* DeKalb 1985 P 47—51 О состоянии дел по данному вопросу в Пруссии в начале девятнадцатого века см *Berdahl P The Politics of the Prussian Nobility* Princeton NJ, 1988 P 78—80

4 *Thompson F M L English Landed Society in the Nineteenth Century* London, 1983 P 27 Принц А Х фон Пюклер в 1820-х годах отмечал «Если кто-то называет деревню своей, это означает не только то, что он в ней хозяин, как имеется в виду у нас, но также то, что каждый дом является его абсолютной собственностью» — *Puckler-Muskau L H Tour in England, Ireland and France in the Years 1826 1827, 1828 and 1829* Zurich, 1940

5 *Thompson F M L English Landed Society in the Nineteenth Century* Op cit P 26—35, 111—118

6 *Mingay G E English Landed Society in the Eighteenth Century* London, 1963 P 10—26, *Cannon J The Peerage of Eighteenth-Century England* Op cit, особенно главы 1, 3 и 4

7 *Thompson F M L English Landed Society in the Nineteenth Century* Op cit P 36—40 *Rubinstein W D Men of Property The Very Wealthy in Britain since the Industrial Revolution* London 1981

8 *Puckler-Muskau Tour* Op cit P 19 34 73 155

9 *Ibid* P 40 48, 252—253

10 *Ibid* P 267

11 *Ibid* P 67—68 74—76

12 *Arnim-Muskau H, Boelcke W A Muskau Standesherrschafft zwischen Spree und Neisse* Frankfurt, 1978 S 143, 162, 217—219, *Sprung D The English Landed Estate in the Nineteenth Century* Baltimore, Md, 1963 P 35—36

13 *Arnim-Muskau H and Boelcke W A Muskau* Op cit S 143 *Schissler H Preussische Agrargesellschaft im Wandel* Gottingen, 1978 S 79—80, 225—226 (прим 45 и 46)

14 Обратите внимание на то, что в этих статистических данных отражается стоимость одного поместья. Некоторые дворяне имели множество таких поместий

15 О *Standesherrn* Вестфалии см *Keinemann F Soziale und politische Geschichte des westfälischen Adels 1815—1945* Hamm, 1975 S 240ff

16 Выдающимся исследованием *Stiftsadel* Мюнстера до во время и после тяжелого периода является кн *Reif H* Westfälische Adel 1770—1860 Göttingen, 1979

17 *Weitz R K* Der Niederrheinische und Westfälische Adel in ersten Preussischen Verfassungskampf 1815—1823/4 Bonn, 1970 S 40—50 В кн *Keinemann F* Soziale und politische Geschichte des westfälischen Adels 1815—1945, op cit S 20, указывается, что в 1826 году доход графа Клеменса фон Вестфалена, согласно некоторым сведениям составлял 45 964 галеров

18 *Weitz R K* Niederrheinische und Westfälische Adel Op cit S 14—39 См также *Petri F* Droege G (eds), Rheinische Geschichte, 3 Bunde Dusseldorf, 1976 Bd 2, S 489—91

19 *Pedlow G W* The Survival of the Hessian Nobility 1770—1870 Princeton, NJ, 1988 P 18—23, 126, 131—138

20 *Demel W* Die Wirtschaftliche Lage des Bayerischen Adels in den ersten Jahrzehnten des 19 Jahrhunderts // Von Reden-Dohna A (ed), Der Adel an der Schwelle des bürgerlichen Zeitalters Stuttgart, 1988 S 239—243, 258—259 Так, ежегодный доход графа Карла Арко, члена известного баварского рода, в 1800-х годах составлял 900 фунтов стерлингов Один из дворцов Прейсингов в Мюнхене оценивался в 80000 флоринов (82 1/2 фунта стерлингов)

21 *Weber H* Die Fürsten von Hohenlohe Op cit S 11—25, 37—38, 125, 174—176, 272—278

22 *Winkel H* Die Ablosungskapitalien aus der Bauernbefreiung in West und Süddeutschland Stuttgart, 1968 S 25—61, 109—111

23 *Winkel H* Ibid S 62—8

24 *Stekl H* Österreichs Aristokratie im Vormartz Munich, 1973 S 35

25 *Blanchard I* Russia's Age of Silver Leningrad, 1989

26 *Tooke W* View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of the Present Century 3 vols London, 1799 V 2 P 304

27 *Карнович Е П* Замечательные богатства частных лиц в России СПб, 1885 С 77, 130—135, 259, 265

28 *Blum J* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century Princeton, NJ, 1961 P 357

29 Цит по *Pilbeam P M* The Middle Classes in Europe 1789—1914 London, 1990 См особенно *Троицкий С М* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в М, 1974 С 318—362

30 *Карнович Е П* Замечательные богатства частных лиц в России Op cit С 12—13, 152—178

31 *Blum J* Lord and Peasant Op cit P 379—380 *Hudson H D* The Rise of the Demidov Family Newtonville, 1986 *Карнович Е П* Замечательные богатства Op cit С 217, комментарий Воронцова М И «Моя работа принуждает меня вести образ жизни министра, а не философа»

32 *Blum J* Lord and Peasant Op cit P 295 *Raikes T A* Visit to Saint Petersburg in the Winter of 1829—1830 London 1838 P 130—135, *Бурелъ Ф Ф* Воспоминания М, 1864 В 7 частях Ч 2 С 17

33 *Blum J* Lord and Peasant Op cit P 450—451, 572

34 *Blackwell W L* The Beginings of Russian Industrialisation 1800—1860 Princeton, NJ, 1968 P 204 *Raikes T A* Visit to Saint Petersburg Op cit P 132N

35 *Hauxthausen A V* The Russian Empire Its People, Institutions and Resources Tr by Fair R 2 vols London, 1968, *Hoch S* Serfdom and Social Control in Russia Chicago, 1986 P 14, *Карнович Е П* Замечательные богатства Op cit С 102, *Blackwell W L* The Beginnings of Russian Industrialization 1800—1860 Op cit P 203

36 В качестве источника приведенных ниже таблиц были использованы списки крепостных по районам из «Предложение к трудам редакционной комиссии» 1859 года Помимо трудностей указанных в тексте переработать информацию объемом в несколько тысяч единиц оказалось для меня задачей гигантской и невыполнимой Поскольку в мои планы входило составить списки только крупнейших помещиков (то есть тех, у кого было свыше 3000 крепостных) я ограничился рассмотрением поместий, в которых содержалось свыше 500 крепостных (даже таковых оказалось несколько тысяч) Создав список помещиков, за которыми числилось свыше 2000 крепостных, я возвратился назад, чтобы проверить, не встречаются ли их имена в списках помещиков, которые владели от 100 до 500 крепостными Я допускаю, что мог упустить из виду какого-нибудь помещика, во владении которого находилось свыше 3000 крепостных и собственность которого состояла из многочисленных поместий, однако это маловероятно

37 Мною не учитываются польские крупнейшие землевладельцы в западных районах где владельцами самых больших поместий были Любомирские, Радзивиллы, Тышкевичи и Потоцкие Также в мои статистические данные не вошли члены семьи Романовых

38 Это подтверждает замечание Гаукстауэна о прибалтийских землевладельцах «Вряд ли кто-нибудь из них приобрел состояние в России Перечислить тех, кто, подобно Ливенам и Паленам, своим состоянием отчасти были обязаны царской милости, не составило бы труда» См *Hauxthausen A V* The Russian Empire Op cit V 2 P 199

39 Источником информации по данному вопросу является кн *Карнович Е П* Замечательные богатства Op cit однако он не всегда делает общие выводы исходя из собственных утверждений О роли аристократических сообществ см *LeDonne J P* Ruling families in the Russian Political Order 1689—1825 // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique* 1987 (July — December) XXVIII, 3—4

40 Чтобы представить, какая пропасть пролежала между русской аристократией и мелкопоместным дворянством, см, например, статистические данные о продаже поместий, приведенные в *Минарик Л П* Экономическая характеристика крупнейших собственников России конца XIX—начала XX века М, 1971 С 36

41 *Count P Vasil* La Sainte Russie Paris, 1890 P 249—252

42 Минарик А П Экономическая характеристика Ор cit Цены на поместья см в приложении 3 в статье Проскурякова Н А Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР М 1973 Т 1 С 55—57

43 Лаверычев В Я Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900 М, 1974 С 69 Рубашкин В Р Графы Апраксины и их петербургская вотчина — Апраксин Двор СПб, 1912 С 75 Брокгауз/Эфрон Энциклопедический словарь Т 1 СПб 1890 С 927

44 Гиндин И Ф Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX века // Исторические записки 1968 Т 82 С 120—162, Анфимов А М Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX в // Исторические записки 1958 Т 63 С 25

45 Все статистические данные взяты из кн Минарик А П Экономическая характеристика Ор cit, и кн Анфимов А М Крупное помещичье хозяйство Европейской России М, 1969 С 296—315

46 Например, долги графа И И Воронцова-Дашкова в начале двадцатого века составляли 4,5 миллионов рублей, но только половина его земельных владений оценивалась в 7,5 миллионов рублей Ю С Нечаев Мальцев в 1905 году имел закладных на 8,7 миллионов рублей, однако величина заводского капитала даже в 1894 году равнялась 12 миллионам рублей, а сельскохозяйственные и лесные угодья еще в 1900 году оценивались в 10,9 миллионов рублей В 1900 году вклад княгини Юсуповой в Дворянском Банке составлял 3,6 миллионов рублей Все эти статистические данные взяты из кн Минарик А П Экономическая характеристика Ор cit

47 Лаверычев В Я Крупная буржуазия Ор cit С 73, мемуары П А Барка были напечатаны в эмигрантском журнале «Возрождение» 1960 (январь) № 157 С 58—60

48 Источником о благосостоянии английской аристократии мне в основном служила кн Bateman J The Great Landowners of Great Britain and Ireland London, 1883 Основным недостатком этого труда является то, что в него не включены сведения о рентной плате в Лондоне Это упущение было восполнено в кн Rubinstein W D Men of Property Ор cit P 194—196 См также Abrikosov D I Revelations of a Russian Diplomat Seattle, 1964, где представлен русский взгляд на лондонское высшее общество

49 Rubinstein W D Men of Property Ор cit P 207—209 Perkin H The Rise of Professional Society London, 1989 P 62—78

50 Perkin H Ibid P 64

51 О Солсбери см Thompson F M L Private Property and Public Policy // Lord Blake and Cecil H (eds) Salisbury The Man and His Policies London, 1987 P 255—257 Чтобы получить общее представление об этом периоде, см Thompson F M L English Landed Society Ор cit Ch XI Разные издания кн Bateman J The Great Landowners of Great Britain

Ор cit — отмечают существенное различие в доходах герцога Вестминстерского от рентной платы издание 1876 г указывает 59241 фунт стерлингов, а издание 1883 г — 38944 фунта Это изменение объясняется доходом от ренты Вдовствующей Маркизы, который, согласно изданию 1876 г, составлял 5063 фунта стерлингов, а в издании 1883 г — 26958 фунтов У герцога Вестминстерского, несомненно, была исключительно богатая мать, но не лишним будет отметить тот факт, что матери нередко получали поистине царственные доходы от старших сыновей Данные по 1883 г см в кн Bateman J The Great Landowners Ор cit, по 1873 г — Bateman J The Acre-Ocracy of England London, 1876

52 Большая часть поместья Томаса Лейлэнда принадлежала его невестке Сэр Джон Рамсден совместно с сэром Сент-Аубином получали доход в виде ренты от тех городских районов, которые являлись всего лишь их земельной собственностью О трансатлантических браках см например, Montgomery M M Gilded Prostitution Status, Money and Transatlantic Marriages, 1870—1914 London 1989

53 Your Dear Letter Private Correspondence of Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia 1865—1871 ed by Fultord R London 1971 P 302 Darling Child Rrivat Correspondence between Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia 1871—1878 London, 1976 P 171 242

54 Daisy, Princess of Pless By Herself London, 1928 P 12, 43, 58 137 256

55 Приведенный спор основывается на двух книгах того же автора Martine R Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen Berlin, 1912, и Martin R Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Bayern Berlin, 1914

56 Martin R Jahrbuch Bayern Ор cit S 9

57 Это совершенно верно для Шварценбергов, но в меньшей мере относится к Турн-унд-Таксисам, чьи прежние основные владения в Оберпфальце, Регенсбурге оказались на территории Баварии Однако большая часть их семейного поместья оставалась в Богемии

58 Иногда встречаются землевладельцы, имеющие в собственности несколько поместий, которые могут быть разбросаны по разным государствам и особенно по маленьким германским княжествам Обычно Мартин указывает на основное поместье, в котором живет землевладелец, а также описывает величину его собственности Ценным источником информации о различиях между старым и новым дворянством а также о том, в каком государстве та или иная семья была пожалована в дворянство, является кн Kneschke E H Neues allgemeines Deutsches Adelslexicon, 9 Bande Leipzig, 1859

59 Martin R Jahrbuch Preussen Ор cit, и Kneschke E H Neues allgemeines Ор cit — являются основными источниками информации на которую я опирался рассуждая о прусских миллионерах

60 Martin R Jahrbuch Preussen Ор cit P 2 S 255—256

61 Ibid S 341, 348

62 Ibid S 353, 425

63 В основу данной таблицы легли указанные Мартином сведения о миллионерах дворянского происхождения, которые считали своим основным местом жительства сельские поместья. За редким исключением дворяне-землевладельцы считали своим домом сельские поместья, даже несмотря на то, что владели также городской собственностью, поэтому таблица дает точную картину класса землевладельцев.

64 Carsten F L A History of the Prussian Junkers Op cit P 85

65 Dissow J Adel im Ubergang Stuttgart, 1961 S 147—148

ГЛАВА 3 ИСТОЧНИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

1 Начать знакомство с тем, как было прежде организовано сельское хозяйство Германии и какие различия существовали между востоком и западом, лучше всего с кн *Dipper C Die Bauernbefreiung in Deutschland* Stuttgart, 1980 Abt 1. Более подробно составляющие дворянского общества Германии рассмотрены в работах о западной аристократии — *Reif H Westfälischer Adel* Op cit, *Pedlow G W The Survival of the Hessian Nobility* Op cit, *Demel W Die wirtschaftliche Lage* Op cit, о восточной — *Carsten F L A History of the Prussian Junkers* Op cit, *Goerlitz W Die Junkers* Op cit, *Schissler H Preussische Agrargesellschaft* Op cit. Классической работой о русском дворянстве и сельском хозяйстве конца восемнадцатого века является *Confino M Domaines et Seigneurs* Op cit. В книге *Blum J Lord and Peasant in Russia* Op cit — содержится много сведений об изменении соотношения между поместьями, в которых применялась барщина и оброк, а также о проблемах транспорта (более подробное описание упомянутых титулованных лиц см. в Библиографии). См. также *Blum J The End of the Old Order in Rural Europe* Princeton, NJ, 1978 — превосходное описание сельских условий в Центральной и Восточной Европе.

2 В кн *Beckett J V The Aristocracy in England 1660—1914* Oxford 1986 Ch 14, 5 — рассмотрены основные положения литературы по управлению английскими поместьями и роли аристократии в преобразовании сельского хозяйства. По вопросу участия аристократии в модернизации сельского хозяйства лучшей работой остается *Chambers J D, Mingay G E The Agricultural Revolution, 1750—1880* London, 1966. Не менее ценной является книга *Sprung D The English Landed Estate in the Nineteenth Century Its Administration* Baltimore, 1963 — где рассматриваются проблемы поместного управления.

3 Mingay G E (ed.) *The Agricultural Revolution Changes in Agriculture 1650—1880* London, 1977 P 8. Две главы из кн *Floud R, McCloskey D* (eds) *The Economic History of Britain since 1700* Cambridge, 1981 Vol 1 — также представляют собой весьма ценный обзор перемен в сельском

хозяйстве, *Jones E L Agriculture 1700—1780* Op cit P 66—86, *Hueckel G Agriculture during Industrialisation* Op cit P 182—203.

4 *Confino M Systemes Agraires et Progres Agricole L'Assolement Triennal en Russie aux XVIIIe—XIXe Siecles* Paris, 1969 P 143—146, *Blum J The End of the Old Order* Op cit P 59, 129, 137, *Goerlitz W Die Junker* Op cit S 117, 126—129, 134—135, 152—153, *Franze G Landwirtschaft, 1800—1850* // Aubin H, Zorn W (eds), *Handbuch der deutschen Wirtschafts und Sozialgeschichte*, Bd 2 Stuttgart, 1976 S 276—320, здесь S 285.

5 *Confino M Systemes Agraires* Op cit P 275

6 Ibid, P 302—339

7 Ibid, P 316—317. Автор приводит в качестве примера С. С. Апраксина, который вложил целое состояние в усовершенствование методов и орудий труда, а в результате его образцовая ферма давала от 8000 до 9000 рублей убытков в год. Начать ознакомление с русским сельским хозяйством этого периода лучше всего с кн *Hoch S Serfdom and Social Control in Russia* Chicago 1986 — об имении Гагариных в Петровском — и *Scheibert P Die Russische Agrarreform von 1861* Cologne, 1973. Отношение советской литературы к кризису крепостного сельского хозяйства и созданию национального рынка в основном носит предвзятый в идеологическом отношении характер. В работе *Hauxthausen A V The Russian Empire Its People, Institutions and Resources* (tr by Faire R.) London 1968 (особенно v 1, p 151) — автор говорит, что в то время только крупные дворянские фермы могли позволить себе усовершенствование методов сельского хозяйства, однако выжить без крепостного труда поместьям было невозможно.

8 О Тыртовых см *Lieven D C B Russia's Rulers Under the Old Regime* Newhaven, Conn, 1989 P 17—18. О калужском дворянстве см *Трубецкой Е Н Воспоминания* София, 1922 С 47—49, о южной Вологодской губернии см *Столица и усадьба* 1917 (30 мая) №№ 81—82.

9 *Проскурякова Н А Размещение и структура* Op cit Таблицы 3 и 8 С 61 и 66. *Анфимов А М Крупное помещичье хозяйство Европейской России* Op cit С 94—115.

10 *Hauxthausen A V Russian Empire* Op cit V 1 P 151. О воспоминаниях Куломзина (неопубликованные) см *Lieven D C B Russia's Rulers* Op cit Ch 7 (и сноски).

11 Данные о русских см. в работе *Проскурякова Н А Размещение и структура* Op cit Таблица 8 P 66.

12 *Demel W Der Bayerische Adel 1750—1871*, MS, S 20—21, *Hofmann H H Adelige Herrschaft und Souveranes Staat* Munich, 1972 S 377, 463—465, 502, 512—515.

13 *Winckel H Die Ablosungskapitalien aus der Bauernbefreiung im West and Suddeutschland* Stuttgart, 1968.

14 Ibid, S 53—55, 121—124. *Eltz E E Die Modernisierung einer Standesherrschaft Karl Egon III und das Haus Furstenberg in den Jahren nach 1848/49 Sigmaringen*, 1980 S 120. *Dipper C Bauernbefreiung im*

Deutschland Op cit S 107 *Reif H* Westfälischer Adel 1770—1860 Op cit S 222—227, *Demel W* Die Wirtschaftliche Lage Op cit S 258

15 *Hofmann H H* Adelige Herrschaft Op cit S 374 504 *Keinemann F* Soziale und politische Geschichte des westfälischen Adels 1815—1945 Hamn 1975 S 100

16 *Graf von Westphalen L* Aus dem Leben des Grafen Clemens August v Westphalen zu Fürstenberg Munster, 1979 S 121—126 Ср Вестфалена например, с С С Апраксиным (примечание 7 к этой главе) или с некоторыми английскими герцогами, которые делали вложения в осушительные работы в девятнадцатом веке

17 *Winkel H* Die Ablosungskapitalien Op cit S 86 139

18 Согласно данным, приведенным в кн *Dipper C* Bauernbefreiung Op cit S 107 — в 1865 г 54 процента сельскохозяйственных и лесных угодьев принадлежало дворянам Рейф (Westphalischer Adel Op cit S 223—224) пишет, что в 1830-х годах в руках дворянства находилось 6—8 процентов земель Мюнстера, а в кн *Keinemann F* Soziale und politische Geschichte Op cit утверждает, что в 1900 г дворянам Вестфалии принадлежало еще 5 процентов земель В статье *Demel W* Der Bayerische Adel Op cit S 20 — указывается, что в первой половине девятнадцатого века дворянство владело 6,7 процентами земель Баварии, а в кн *Pedlow G W* The Survival of the Hessian Nobility 1770—1870 Princeton, NJ, 1988 P 95 — говорится, что в 1860-х годах в Гессен-Касселе дворянская земельная собственность составляла 7 процентов

19 *Habich T* Deutsche Latifundien Königsberg, 1930

20 На самом деле списки Гэбиха охватывают свыше 500 гектаров всего количества земель, то есть 400 гектаров сельскохозяйственных угодьев

21 *Carsten F L* A History of Prussian Junkers Op cit S 88, *Berdahl R* The Politics Op cit P 153—154, *Schissler H* Preussische Agrargesellschaft Op cit S 109, *Spring D* European Landed Elites Op cit P 4 (подробно см в Библиографии) В 1850-х годах в Пруссии 15000 крупным землевладельцам принадлежало свыше 375 акров что в общей сложности составляло 40 процентов от всей земли в стране, однако в Померании данный процент достигал 62, а в Познани — 57

22 Лучший краткий обзор развития сельского хозяйства этого периода в Германии см в *Franz G* Landwirtschaft 1800—1850 Op cit Статистические данные, приведенные в этом абзаце, в основном взяты из этой статьи (см S 281, 285—288, 307—314), Классическим трудом является *Abel W* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur, Eine Geschichte der Land- und Ernährungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter Hamburg 1966 По данному вопросу см Abt 3 S 182—242 В обобщенном виде сельскохозяйственный прогресс этой эпохи представлен в кн *Schissler H* Preussische Agrargesellschaft im Wandel Op cit S 145 ff

23 Статистические данные о продаже земель см в кн *Becker S* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia De Kalb, 1985 P 32 Table 3

О странах Балтии см *Schlingensiepen G H* Der Strukturwandel des Baltischen Adels in der Zeit von dem Ersten Weltkrieg Marburg, 1959 *Смюг Г П* К вопросу о времени победы капиталистического способа производства в сельском хозяйстве Латвии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1963 С 539—547

24 *Rosenberg Hans* Die Pseudodemokratisierung der Rittersgutsbesitzerklasse // *Sturmer M* (ed.), Moderne deutsche Sozialgeschichte 1981 S 287—308, особенно с 293, *Schissler H* Preussische Agrargesellschaft Op cit S 165—167

25 *Goerlitz N* Die Junker Op cit S 214—256, 219—220, *Schissler H* Preussische Agrargesellschaft Op cit S 87

26 Это обобщенные сведения, собранные из множества источников Общий обзор падения крепостного права в Европе сделан лучше всего в кн *Blum J* The End of the Old Order Op cit

27 *Schissler H* Preussische Agrargesellschaft Op cit S 60 *Berdahl R* The Politics of the Prussian Nobility Op cit S 81, 266—267

28 *Abel W* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur Op cit S 210—225 *Berdahl R* Politics Op cit P 264—286 — ценный краткий обзор о трудностях англичан в период депрессии и модернизации сельского хозяйства в 1820-х годах Согласно В Абелю, в 1801—1805 гг Англия получала 50 процентов импортируемой пшеницы из портов Пруссии и Германии 19 процентов — из Ирландии, 11 процентов — из Нидерландов и Северной Америки и только 6 процентов из России (Agrarkrisen S 196) В 1820-х годах цены на английскую пшеницу в среднем составляли две трети от уровня 1801—1805 гг См также *Thompson F V L* English Landed Society Op cit C 232

29 *Jones E* The Changing Basis of English Agricultural Prosperity 1853—1873 // *Perry P J* (ed.) British Agriculture 1875—1914 London, 1973 P xiv

30 *Abel W* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur Op cit S 254—260, *Franz G* Landwirtschaft 1800—1850 Op cit S 305—310, *Rolfes M* Landwirtschaft 1850—1914 Op cit S 500—502

31 *Pavlovsky G* Agricultural Russia on the Eve of the Revolution London, 1930 P 206, *Rolfes M* Landwirtschaft 1850—1914 Op cit S 508—509, *Saul K* Um die Konservative Struktur Ostelbiens Agrarische Interessen Staatsverwaltung und landliche 'Arbeiternot' Zur konservativen Landarbeiterpolitik in Preussen-Deutschland 1889—1914 // *Stegmann D* et al (eds), Deutscher Konservatismus im 19 and 20 Jahrhundert Bonn 1982 S 129—198 (зд S 150), *Perkin H* The Origins of Modern English Society London, 1969 P 447, *Offer A* The First World War An Agrarian Interpretation Oxford, 1989 P 116—117

32 *Thompson F M L* English Landed Society Op cit P 314 *Manning R* The Crisis of the Old Order in Russia Princeton NJ 1982 P 11—17

33 Лучшая работа о правительственной аграрной стратегии *Macey D* Government and Peasant in Russia 1861—1906 Dekalb 1987

34 Помимо приводимых выше источников, весьма полезно ознако-

миться с картиной жизни русского сельского дворянства восемнадцатого века, представленной в статье *Augustine W R Notes towards a Portrait of the Eighteenth-Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies* 1970 V 4 № III P 373—425 То, что пишет Августин, в основном относится к девятнадцатому веку О дворянском сельском хозяйстве в пореформенный период было написано три основных работы *Анфимов А М* Крупное помещичье хозяйство *Op cit*, *Минарик Л П* Экономическая характеристика *Op cit* (см библиографию), *Ковальченко И Д*, *Селунская Н Б* и *Литваков Б М* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма М 1982 Все три источника, и в особенности книга Анфимова представляют собой полезную, чрезвычайно основательную и весьма ценную информацию Однако, все три работы весьма выиграли бы, если бы их авторы с меньшей предвзятостью рассуждали бы о том, как следовало развиваться дворянскому капиталистическому хозяйству, и уделили больше внимания таким насущным вопросам того времени, как управление крупными прибалтийскими поместьями Острую и весьма ценную критику традиционно бытующего мнения об упадке поместного дворянства представляет собой кн *Becker S Nobility and Privilege Op cit*

35 *Becker S Nobility and Privilege Op cit* P 44, 53, *Lieven D C B Russia's Rulers Op cit* P 314, Источником информации о дворянстве в пореформенный период является кн *Корелин А П* Дворянство в пореформенной России 1861—1904 М, 1979

36 *Thompson F M L English Landed Society Op cit* P 318, *Pavlovsky G Agricultural Russia Op cit* P 198—200, 208—209, *Manning R The Crisis of the Old Order Op cit* P 162—163

37 *Pavlovsky G Agricultural Russia Op cit* P 213—221

38 *Thompson F M L English Landed Society Op cit* P 308—312 *O'Grada C Agricultural Decline 1860—1914 // Floud R, McCloskey D (eds) The Economic History of Britain since 1700 Op cit* V 2 P 175—197 (особенно P 180—181), *Rolfes M Landwirtschaft Op cit* S 501—502

39 *Barkin K D The Controversy over German Industrialization 1890—1902 Chicago, 1970 P 57—58, 78, Bush M L The English Aristocracy A Comparative Synthesis Manchester, 1984 P 66, Webb S B Agricultural Protection in Wilhelminian Germany Forging an Empire with Pork and Rye // Journal of Economic History 1982 V XLII № 2 P 309—325 (здесь P 325)*

40 О Вебере и юнкерах см, например *Mommsen W J Max Weber and German Politics 1890—1920 Tr by Steinberg M S Chicago, 1990 P 21—40*, а также *Tribe K Prussian Agriculture in German Politics Max Weber 1892—7 // Economy and Society 1983 V 2 № 2 P 181—226* Трайб напоминает, что Вебер возражал против юнкерского сельского хозяйства не потому, что оно было неэффективно, а потому что оно было анти-национально «Преимущество крестьянского хозяйства заключает-

ся не в том, что оно эффективно, а в том, что оно изолировано от колебаний мирового рынка» (p 210)

41 *Kemp E, Muhrer R Die volkswirtschaftliche Bedeutung von Gross und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft Berlin, 1913 S ix-xxviii, 150—151*

42 *Perkins J A The Agricultural Revolution in Germany 1850—1914 // Journal of European Economic History Spring 1981 Vol 10 № 1 P 71—118 (здесь p 78, 109, 117)*

43 *Perren R The Landlord and Agricultural Transformation 1870—1900 // Percy P J (ed), British Agriculture 1873—1914 London, 1973 (здесь p 115—127), Fletcher T W The Great Depression of English Agriculture 1873—1896 // Economic History Review 1960/1 V XIII (здесь p 423—424), Thompson F M L English Landed Society Op cit P 311*

44 *O'Grada C Agricultural Decline Op cit* P 175, 197, *Offer A The First World War Op cit* P 96—97

45 *Offer A The First World War Op cit* Ch 8, *O'Grada C Agricultural Decline Op cit* P 191

ГЛАВА 4 ИСТОЧНИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1 *Rubner H Forstgeschichte im Zeitalter der industriellen Revolution Berlin, 1967 S 78—88, 131—133* Герцог Атол принадлежал к тем редким представителям аристократии, которые вкладывали крупные средства в лесное хозяйство В кн *Arnold Fr Russlands Wald Berlin, 1892 S 23* описывается, как делились лесные угодья между государством и частными собственниками, после чего автор заявляет, что Британия, Нидерланды и Дания отличались скудными лесами и потому не заслуживают серьезного внимания

2 *Rubner H Forstgeschichte im Zeitalter Op cit* S 67—69, 138, *Arnold Fr Russlands Wald Op cit* S 26—27, *Maron E W Forst-Statistic der samtlichen Walder Deutschlands einschliesslich Preussen Berlin, 1862 S 217*

3 *Arnold Fr Russlands Wald Op cit* S 27, Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающаяся с ним наука В 11 т СПб, 1900—1912 Лесное хозяйство С 297—301 Лидирующее положение Бадена свидетельствует не только о наличии более плодородных земель и лучшем климате, но также о более разумном и искусном управлении

4 *Maron E W Forst-Statistik Op cit* S 4—10, *Kostler J Geschichte des Waldes in Bayern Munich, 1934 S 4*

5 *Денисов В И* Леса России, их эксплуатация и лесная торговля СПб, 1911 С 3—6

6 *Денисов В И* Леса России *Op cit* С 6, *Habich T Deutsche Latifundien Op cit* S 158—159 *Eltz E E Die Modernisierung einer*

Standesherrschaft Op cit S 116, *Martin R* Handbuch Preussen Op cit Abt 2 S 11 (подробно см в Библиографии)

7 *Rubner H* Forstgeschichte im Zeitalter Op cit S 58, 106—109, 152—155, *Eltz E E* Modernisierung einer Standesherrschaft Op cit S 107 *Pedlow G W* The Survival Op cit P 131—136 (подробно см в Библиографии)

8 *Rubner H* Forstgeschichte im Zeitalter Op cit S 71, 117, 139—141 *Kostler J* Geschichte des Waldes Op cit S 65

9 *Arnold F* Russlands Wald Op cit P 31—32, *Анфимов А М* Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX века // Исторические записки М., 1958 Т. 63 С. 244—257, зд с. 256, *Brown J C* Forest and Forestry in Poland, Lithuania, the Ukraine and Baltic Provinces of Russia Edinburg, 1885 P. 124—130, 150—157, Полная энциклопедия Op cit «Лесоуправление» С. 353—359

10 *Arnold F* Russland Wald Op cit P 209—210 см также например *Westphalen L* Ausdem Leben des Grafen Op cit S 112

11 *Arnold F* Russland Wald Op cit P 173 Полная энциклопедия Op cit «Лесное хозяйство» P. 301—302

12 *Arnim-Muskau H Graf von Boelcke W A* Muskau Standesherrschaft zwischen Spree und Neisse Frankfurt, 1978 S. 320, 352—357, *Maron W* Forst-Statistik Op cit S. 28—30, 38—39, 235 *Eltz E E* Die Modernisierung einer Standesherrschaft Op cit S. 95—120

13 *Денисов В И* Леса России Op cit С. 27—36, *Анфимов А М* Частновладельческое лесное хозяйство Op cit С. 246—247, *Arnold F* Russlands Wald Op cit S. 227, *Rubner H* Forstgeschichte im Zeitalter Op cit S. 176, 182

14 *Brown J C* Forest and Forestry Op cit P. 168, 176, 180, 233

15 *Arnold F* Russlands Wald Op cit Chs. 2, 3

16 *Анфимов А М* Частновладельческое лесное хозяйство Op cit С. 244, 250—252, *Цветков М А* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год М., 1957

ГЛАВА 5 ИСТОЧНИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ГОРОДСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

1 *Puckler-Muskau L H* Tour in England, Ireland and France in the Years 1826, 1827, 1828 and 1829 Zurich, 1940 P. 40—41, *Beckett J V* The Aristocracy in England 1660—1914 Oxford, 1986 P. 267—272, 280—282

2 Ibid P. 262

3 *Cannadine D* The landowner as millionaire the finances of the Dukes of Devonshire // Agricultural Review 1977 Vol. 25 P. 77—97, *Cannadine D* Lords and Landlords The Aristocracy and the Towns 1774—1967 Leicester 1980 P. 285—298, 382—388 О 7-м герцоге см также главу 12 в кн *Pearson J* Stags and Serpents London, 1983

4 *Cannadine D* Lords and Landlords Op cit Особенно Ch. 3 *Beckett J V* Aristocracy in England Op cit P. 276—279, 283

5 *Cannadine D* Lords and Landlords Op cit P. 41—42, 46—47 415

6 *Cannadine D* Lords and Landlords Op cit P. 43—60 391—429 *Beckett J V* Aristocracy in England Op cit P. 273—276, 283

7 *Beckett J V* Aristocracy in England Op cit P. 281—282 *Thompson F M L* Private Property Op cit P. 278 История отдельных государств может многое рассказать о мелкомасштабном строительстве а также о том, какие выгоды оно приносило менее крупным землевладельцам См например *Margetson S* St John's Wood London, 1988 где описывается (р. 4—7) строительство поместья Айр, которое развернул гвардейский полковник Генри Сэмюэл Айр

8 В книге *Martin Rudolf* Jahrbuch Pressen Op cit — тщательно перечислены все дома, принадлежащие в каком-либо городе одному из прусских миллионеров

9 *Martin R* Jahrbuch Preussen Op cit Abt. 1 S. 253, Abt. 2 S. 319—320, 380—381, *Oldenburg-Januschau E von* Erinnerungen Leipzig, 1936 S. 40—41 Ольденбург приобрел свою собственность у Лихтерфельда за миллион марок, 700000 из которых взял займы

10 *Beckett J V* Aristocracy in England Op cit P. 276, *Cannadine D* Lord and Landlords Op cit P. 218—225, 414—417, *Martin R* Jahrbuch Preussen Op cit S. 497—498

11 *Martin R* Jahrbuch Preussen Op cit Abt. 2 S. 214—216, 337, 437

12 *Martin R* Jahrbuch Bayern Op cit S. 116—122

13 *Martin R* Jahrbuch Bayern Op cit S. 19, *Hirschmann G* Das Nurnberger Patriziat im Konigreich Bayern 1806 — 1918 Nuremberg, 1971 S. 14, 67, 80, 98—99

14 *Hauxthausen A V von* The Russian Empire Its People Institutions and Resources London, 1968 Vol. 1 P. 369, *Анфимов А М* Крупное помещичье хозяйство Европейской России М., 1969 С. 278

15 *Анфимов А М* Крупное помещичье хозяйство Op cit С. 277, *Grabbe Paul* Windows on the River Neva New York, 1977 P. 15—19

16 *Лаверычев В Я* Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900 М., 1974 С. 69, *Анфимов А М* Крупное помещичье хозяйство Op cit С. 277

17 Ibid С. 265, 278

18 *Гиндин И Ф* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX века // Исторические записки Том 1 № 82 С. 138, Столица и усадьба 1917 (28 февраля) № 76, *Вурель Ф Ф* Воспоминания в 7 частях М., 1864 С. 147, Брокгауз и Эфрон Энциклопедический словарь Т. XVIa С. 651

19 *Рубакин В Р* Графы Апраксины и их Петербургская вотчина — Апраксин Двор СПб., 1912, Брокгауз и Эфрон Энциклопедический словарь Т. 1a (1890) С. 927

ГЛАВА 6 ИСТОЧНИКИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

1 *Chaussinand-Nogaret G* The French Nobility in the Eigtheenth Century. From Feudalism to Enlightenment Cambridge, 1985 Ch 5, *Redlich F* Der Unternehmer Gottingen, 1964 S 280—298

2 *Beckett J V* The Aristocracy in England 1660—1914 Oxford, 1986 P 221—223, *Spring D* English Landowners and Nineteenh-Century Industrialism // Ward J T, Wilson R G (eds) Land and Industry The Landed Estate and Industrial Revolution London, 1971 P 16—62 Об уникальном английском предпринимателе-дворянине см *Mee G* Aristocratic Enterprise The Fitzwilliam Industrial Undertakings 1795—1857 Glasgow, 1975

3 *Beckett J V* The Aristocracy in England Op cit Ch 7

4 *Spring D* English Landowners Op cit P 27—29

5 *Rubinstein W D* Men of Property The Very Wealthy in Britain Since the Industrial Revolution London 1981 P 194, *Spring D* English Landowners Op cit P 30—37, *Beckett J V* The Aristocracy in England Op cit P 211—221

6 *Beckett J V* The Aristocracy in England Op cit C 215 *Spring D* English Landowners Op cit P 37

7 *Beckett J V* The Aristocracy in England Op cit P 217, 260, 319 Г Мии полагает, что за период до 1856 года в шахты Фитцвильяма было вложено 1 95 миллиона фунтов стерлингов и осуждает «ограничения ь счетах Вентворта» (Aristocratic Enterprise, p 200—202), *Cannadine D* Lords and Landlords The Aristocracy and the Towns 1774—1967 Leicester 1980 P 294

8 *Spring D* English Landowners P 45—51, *Rubinstein W D* в кн Men of Property (Op cit P 176—177) обсуждает стимулы британских предпринимателей в манере, близкой этому параграфу. Даже среди предпринимателей Британии культ неограниченного богатства был значительно менее распространен, чем в США

9 *Kocka J* Entrepreneurs and Managers in German Industrialisation Op cit P 482—589 // Mathias P and Postan M M (eds) The Cambridge Economic History of Europe Cambridge, 1978, V VII, part 1 здесь с 514 *Reif H*, Westfalisher Adel 1770—1860 Gottingen, 1979 S 230, *Eltz E E* Die Modernisierung einer Standesherrschaft Karl Egon III und das Haus Furstenberg in den Jahren nach 1848—1849 Sigmaringen 1980 S 79—95 посвящены управлению владениями Фюрстенбергов, *Martin R* Jahrbuch Preussen S 234

10 *Троицкий С М* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке М, 1974 С 318, *Rieber A J* Merchants and Enterpieneurs in Imperial Russia Chapel Hill, 1982 P 40—43, *Chaussinand-Nogaret G* The French Nobility Op cit Ch 5

11 *Rieber A J* Merchants Op cit P 77, *Blum J* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nintheenth Century Princeton, NJ, 1961

Р 402—403, *Tugan-Baranovsky M I* The Russian Factory in the Nintheenth Century Illinois, 1970 P 23—24, 247—248, «Свеклосахарное Производ-ство» // Полная Энциклопедия Т VII С 841—849

12 *Tugan-Baranovsky M I* The Russian Factory Op cit P 249, *Lieven D C B* Russia Rulers Under the Old Regime London, 1989 P 259, 360 (примечания 13 и 18)

13 *Корелин А П* Дворянство в пореформенной России, 1861—1914 М, 1979 С 106—122, *Анфимов А М* Крупное помещичье хозяйство европейской России Op cit С 255—271, *Гейфтер М Я* Из истории монополистического капитализма в России // Исторические Записки 1951 Т 38 С 104—153 (цитата на стр 108)

14 *Portal R* The Industrialisation of Russia // The Cambridge Economic History of Europe V VI, part 2 Cambridge, 1966 P 801—874, *Rieber A J* Merchants Op cit P 219—242, *McKay J P* Elites in Conflict in Russia The Briansk Company // F G Jaher (eds) The Rich, the Well Born and the Powerful Elites and Upper Classes in History Urbana, 1973 P 179—201

15 *Portal R* Industrialisation Op cit P 824—829, *Yatsunsky V K* Geography of the Iron Market in Pre-Reform Russia // W L Blackwell (ed) Russian Economic Development from the Peter the Great to Stalin New York, 1974, в частности, p 83, 101, *Гингин И Ф* Правительственная Op cit С 122—123, 161

16 *Portal R* Industrialisation Op cit P 830, 847, *Rieber A J* Merchants Op cit P 369

17 *Rieber A J* Merchants Op cit P 225, *Корелин А П* Дворянство Op cit С 120

18 Столица и Усадьба № 51 1 февраля 1916

19 *Friedgut T H* Iuzovka and Revolution V 1 Princeton, NJ, 1989 в частности, p 42—46, *Князь Павел Ливен* Дела давно минувших дней MS 1952 С 30—31

20 *Pilbeam P M* The Middle Classes in Europe 1789—1914 London, 1990 P 41—42, *Martin R* Jarbuch Preussen S 49—54, 564—567

21 *Martin R* Jarbuch Preussen S 49—54

22 *Martin R* Jarbuch Preussen S 564—567

23 *Eltz E E* Modernisierung Op cit S 123—132, *Winkel H* Ablosungskapitalien Op cit S 87—92 В Баварии, например, не было ни угольных шахт, ни крупных пивоваров-дворян См *Martin R* Jarbuch Bayern S 6—12, 108 *Winkel H* Ablosungskapitalien, op cit — приводит и другие примеры (в частности, семья Гогенцоллерн-Сигмаринген, с 98—99) продажи или сдачи в аренду крупными владельцами индустриальной собственности для покупки лесов или акций

24 *Arnim Muskau* Op cit S 227—228, 265—282

25 *Ibid* S 352—363, *Martin R* Jahrbuch Preussen S 279—280, в действительности пишет о «14—15» миллионах, но эта сумма включает в себя и другие небольшие владения Арнимов Мартин упоминает о низ-

ком качестве почв и географическом положении имения но ничего не говорит о его заводах и шахтах

26 *Seffert H* Die Entwicklung der familie von Alvensleben zu Junkerindustriellen // *Jahrbuch fur Wirtschaftsgesichte* 1963 V IV S 209—243

27 Основным источником сведений о силезских магнатах является пространная дискуссия Мартина, посвященная личностям магнатов и их владениям, с *K Fuchs* Von Dirigismus zum Liberalismus Die Entwicklung Oberschlesiens als preussisches Berg und Huttenrevier (Wiesbaden) и *Perlick A* Oberschlesische Berg und Huttenleute Frankfurt, 1953

28 Относительно доходов см, например таблицу на стр 47 кн *Martin R* Jahrbuch Preussen, *Fuchs K* Von Dirigismus Op cit гл 4,5,6

29 *Perlick A* Oberschlesische Berg Op cit S 41, 47—48, *Fuchs K* Von Dirigismus Op cit S 143—144

30 *Perlick A* Oberschlesische Berg Op cit S 49, *Fuchs K* Von Dirigismus Op cit гл 6, *Martin R* Jahrbuch Preussen S 30, 55

31 *Perlick A* Oberschlesische Berg Op cit S 42, 45, 50, *Martin R* Jahrbuch Preussen S 30, *Princess Daisy of Pless* Daisy, Princess of Pless By Herself London 1928) P 138

32 *Hull I* The Entourage of Kaiser Wilhelm II 1888—1918 Cambridge 1982 P 151, *Spitzemberg* Tagebuch S 565

33 *Thompson F M L* English Landed Society in the Nineteenth Century London 1973 P 307 *Spring D* English Landowners Op cit P 53—61 *Cannadine D* Lords and Landlords Op cit P 419—421

34 *Becker S* Nobility and Privilege in Late Imperial Russia, DeKalb, 1985

35 *Winkel H* Die Ablosungskapitalien aus der Bauernbefreiung im West und Suddeutschland Stuttgart, 1968 S 35—37, 66—68, 78, 82, 98

ГЛАВА 7 ЖИЗНЬ, ЭТИКЕТ, НРАВЫ

1 *Darling Child* Private Correspondence between Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia 1871—1878 London, 1976 P 128—129

2 *Gronow* The Remeniscences and Recollections of Capitan Gronow 2 vols London, 1900 Здесь цит т 1, с 32, *Davidoff L* The Best Circles London, 1986 P 149

3 *Princess Daisy of Pless*, Daisy, Princess of Pless By Herself London, 1928 P 30, 37

4 Примером может служить деятельность княгини Анны Оболенской в имении ее мужа в Пензе См об этом в кн *Lieven D C B* Russia's Rulers under the Old Regime London, 1989 P 260

5 Например, Элард фон Олденбург-Янушау отмечает в своих мемуарах (*Erinnerungen* Leipzig, 1936 S 11) что мать лично следила за их первоначальным образованием окружала их огромной любовью и спо-

собствовала их душевному развитию Отец внушил им чувство долга Подобные утверждения встречаются во многих мемуарах

6 *Prince Chlodwig von Hohenlohe-Schillingfurst* Memoirs of Prince Chlodwig of Hohenlohe-Schillingfurst London, 1906 T 1 S 30

7 *Spitzemberg* Tagebuch Op cit S 103, *Daisy Princess* Op cit P 194

8 *Spitzemberg* Tagebuch Op cit S 472

9 Цит по кн *Davidoff L* The Best Circles London 1986 P 61

10 *Murray J* Handbook for Northern Europe including Denmark Norway Sweden Finland and Russia London 1848 P 411

11 *Murray J* Handbook for Travellers in Russia Poland and Finland London 1865 P 46—47

12 *Трубецкой Е Н* Воспоминания София 1922 С 126—130

13 *Трубецкой* Воспоминания С 127, Столица и Усадьба 1916 1 ноября № 69, *Grove H M* Moscow London 1912 P 123 *Dobson G, Grove H M and Stewart H* Russia London, 1913 P 95 232

14 *P Vasil* La Societe de St Petersburg Paris 1886 P 208—210 о великой княгине см *Lincoln W B* In the Vanguard of Reform Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861 De Kalb, 1982

15 *Count Paul Vasil* Societe de St Petersburg Op cit P 234, *Ignatiev A A* A Subaltern in Old Russia London, 1944

16 *Ponsonby A* The Decline of Aristocracy London, 1912 P 142—144

17 Эта краткая характеристика значительно уступает подробному описанию движения «Союз», представленному в кн *Lambert A* Unquiet Souls The Indian Summer of the British Aristocracy London, 1984

18 О Лондоне см *Sykes C S* Private Palaces Life in the Great London Houses London, 1985, в кн *Olney R J* Lincolnshire Politics 1832—1885 Oxford, 1973 — говорится, что большинство помещиков графства, во владении которых находилось более 7000 акров земли, имели дома в Лондоне (с 2) Как и всегда, в России не существует эквивалента подобному синтезу О самих зданиях см в кн Памятники архитектуры Ленинграда (Ленинград, 1976), «Столица и Усадьба», в № 74 (1 февраля 1917) описывает дворец Юсупова, а в № 45 (1 ноября 1915) — дворец князя Абамелек-Лазарева

19 *Murray J* A Hand-Book for Travellers on the Continent Being a Guide through Holland, Belgium, Prussia and Northern Germany London, 1843 P 334

20 *Hammer K* Die preussischen Konige und Koniginnen im 19 Jahrhundert und ihr Hof // *Werner K F* (ed), Hof, Kultur und Politik im 19 Jahrhundert Bonn, 1985 Эта цитата взята из статьи *Lindau P* Unter den Linden // *Davies R H* (ed) The Great Streets of the World London, 1892 P 183

21 *Count Paul Vasil* Berlin Society New York, 1884 P 5—6, 140, 142, 152, 164

22 *Vizetelly H* Berlin Under the New Empire London, 1979 2 vols, здесь цит т 1, с 80, 82, 85—86, 88

- 23 *Vizitelly H* Berlin Op cit P 95
- 24 *Ibid* P 84
- 25 *Princess Daisy of Pless*, From My Private Dairy London, 1931 P 90
- Anonymos, Am Hofe des Kaisers Berlin, 1886 S 27—32, *Spitzemberg Tagebuch* Op cit S 330
- Pless, Princess Daisy by Herself* Op cit P 174
- 26 *Vasili* Berlin Op cit например, с 122 Об истоках см *Elias A* The Court Society Oxford, 1983
- 27 Например в кн *Dobson G, Grove H M, Stewart H* Russia Op cit P 103—106 можно прочесть следующее «В Росиии имперские церемонии и гостеприимность достигают щедрого и гигантского размаха в отношении роскоши и великолепия ни один двор в Европе не может не только превзойти российский, но, возможно, даже сравняться с ним длительное отсутствие императорского двора в С-Петербурге явилось большой потерей для общества и торговли»
- 28 *Cannadine D* Lords and Landlords Leicester, 1980 P 396—400
- Vizitelly H* Berlin Op cit V 1 Ch X, Lindau, Unter den Linden P 175 Столица и Усадьба № 74 1 февраля 1917
- 29 *Gronow Reminiscences* Op cit V 1 P 34, 37, *Vizitelly H* Berlin Op cit V 1 P 89, *Murray's Hand-Book* от 1865 года отмечает, что «представители высшего российского дворянства готовы выложить любую цену за редкие и чрезвычайно разнообразные роскошества, украшающие стол» (с 402)
- 30 *Gronow Reminiscences* Op cit V 1 P 34, V 2 P 62—63 *Vasili* Berlin Op cit P 140, *Солмогуб В А* Воспоминания СПб, 1877
- 31 Эта цитата взята из кн *Schurz C* The Reminiscences of Carl Schurz New York, 1907 3 vols Здесь цит V 1, P 391
- 32 *Murray J* Hand-Book Op cit P 215—220
- 33 *Gerbod P* Le loisir aristocratique dans les villes d'eaux francaises et allemandes au XIX siecle (1840—1870) // Werner K F (ed) Hof Op cit
- 34 *Vamplew W A* Social and Economic History of Horse Racing London 1976, на с 29—37 обсуждает воздействие железной дороги на спорт
- 35 *Grouard M* Life in the English Country House London, 1978 P 5
- 36 *Garr R* English Fox-Hunting London, 1987 P 35, 120, 148
- 38 *Carl von Lorck* Ostpreissische Gutshauser Kitzingen, 1952, *Helmigh H J* Markische Herrenhauser aus Alter Zeit Berlin, n d S 101, 168
- 38 *Fontane T* Wanderungen durch die Mark Brandenburg Frankfurt 1984), *Fünf Schlosser* S 266—315 Вильгельм фон Кардорф также был землевладельцем, любителем охоты и скачек, но в отличие от своих друзей, силезских магнатов, не мог себе позволить английский стиль жизни
- S von Kardoff* Wilhelm von Kardoff Ein nationaler Parlamentarier im Zeitalter Bismarks und Wilhelm II (1828—1907) Berlin, 1936 S 22—25 Кардоф выучил английский и любил Карлейля и Тrollope
- 39 *Tooke W* View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of Present Century 3 vols London, 1799 здесь V 3, P 35—36

- 40 *Murray Handbook* Russia 1865 P 43—46, «Охота» в кн Полная Энциклопедия, т VI (1902), «Столица и Усадьба», например, № 2 (15 января 1914), № 3 (1 февраля 1914)
- 41 Столица и Усадьба № 3 1 февраля 1914 С 14
- 42 *Eckardt H W* Herrschaftliche Jagd, baerliche Not und burgerliche Kritik Gottingen, 1976, *Gerlach M* Von Rechts nach Links Zurich, 1937 С 35—36
- 43 *Schwappach A* Gundriss der Forst und Jagdgeschichte Berlin, 1883 S 180—181
- 44 *Anon* (Am Hofe des Kaisers S 38—40) описывает охоту в поместье Плесс, «Эльдорадо охотников», специально устроенную для одного из Гогенцоллернов Мой отец сам слышал эту историю об адъютанте, которая относится к 1913 году Возможно, она не вполне соответствует истине, но даже если это преувеличение, оно отражает охотничье безумие наблюдаемое в предвоенные годы
- 45 *Stekl H* Osterreich V Op cit, в частности S 112 141, 154—155 173—178, *Brunner O* Adelidges Landleben und Europaischer Geist Salzburg 1949, в частности S 330—337
- 46 «Столица и Усадьба», несомненно, является лучшим источником сведений о досуге аристократии, в особенности в годы, предшествующие революции, но также и в более ранние периоды, сведения о которых представлены в историческом разделе журнала, см например, в номере 22 (15 ноября 1914) статью о скачках, в номерах 36—37 (1 июля 1915) статью о загородных усадьбах Как ни удивительно, но недавно вышло исследование, посвященное истории императорских и дворянских садов *Вергунов А П* и *Горохов В А* Русские сады и парки М, 1988
- X M* Гроув отмечал в 1912 году, что в большинстве аристократических или состоятельных русских семей «дети поручены попечению англичанки или англичанки», Томас Дарлингтон, выдающийся английский специалист по вопросам образования в России, в 1909 году отмечал, что «игры занимают в общественной жизни лица более значительное место, чем это обычно принято в русских школах», Board of Education, Special Reports on Educational Subjects Volume 23 Education in Russia London, 1909 P 233
- 47 *Burel Ф Ф* Воспоминания М, 1864 Часть 1 С 124—132, 203—204
- 48 *Hauxtausen A V* The Russian Empire Its People, Institutions and Resources London, 1968, например, V 1, P 363, 375—376, 394—396, *Serov V I* The Mighty Five The Cradle of Russian National Music London, 1948 P 14—15, Столица и Усадьба № 33 (1 мая 1915) Первый раздел воспоминаний П П Семенова, озаглавленный «Детство и юность» (СПб 1915) прекрасно передает впечатления детства, проведенного в образованной семье сельских дворян в период правления Николая I
- 49 *Lieven D C B* Russia's Rulers Op cit Ch 3, 8

ГЛАВА 8 ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА

1 Mack E C Public School and British Opinion since 1860 New York 1941 P 38, Wilkinson R The Prefects British Leadership and the Public School Tradition London, 1964 P 104

2 Цитаты взяты из кн Mack E C Public Schools Op cit P 34 36 130 и Mack E C Public School and British Public Opinion 1780—1860 London 1938 P 172, 324

3 Сравнение с иезуитами см в кн Wilkinson R Prefects Op cit P 215—227 или комментарии в кн Westfalisher Adel 1770—1860 Göttingen 1979 S 148—149, 350—351, Mack E C Public School and British Opinion since 1860 P 125, Ponsonby A The Decline of Aristocracy London 1912 P 208, 217, Phillips G D The Diehards Aristocratic Society and Politics in Edwardian England Cambridge, 1979 P 15

4 Цитата из кн Wilkinson R Prefects Op cit P 65

5 Barnett C The Collapse of British Power Gloucester, 1984 P 25 Symond R Oxford and Empire Basingstoke, 1986 P 125, см также гл 4 и 5 кн Ogilvie R M Latin and Greek, A History of Influence of the Classics on English Life from 1600 to 1918 London, 1964

6 Ponsonby A The Decline Op cit P 247—256, стр X вступления профессора Salder M E к кн Paulsen F The German Universities and University Study London, 1906, Barnett C The Collapse of British Power Gloucester, 1984 P 25

7 См Eltz E E Die Modernisierung einer Standesherrschaft Sigmaringen 1980 S 24—37 об образовании Карла Эгона III О религии и немецком консерватизме см например, Greiffenhagen V Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland Frankfurt, 1986, Abt V

8 Reif H Westfälische Adel Op cit S 352—354, Kircher W W Adel Kirche und Politik in Württemberg 1830—1851 Stuttgart, 1973 S 238—244

9 McClelland C E State, Society and University in Germany 1700—1914 Cambridge, 1980 P 106—121 Ponsonby A The Decline Op cit P 194

10 Arnold M Higher Schools and Universities in Germany London, 1892 P 110, 125

11 Jarausch K H Students, Society and Politics in Imperial Germany The Rise of Academic Illiberalism Princeton, 1982 P 321

12 Ibid P 234—235, 310—321, Paulsen F The German Universities Op cit P 372—377, Гражданин № 15 (24 апреля 1911) С 6, Muncy L W The Junker in the Prussian Administration under William II Providence, RI, 1944 P 105—107

13 Zabel J K Das preussische Kadettenkorps Frankfurt, 1978 — является последним по времени исследованием, посвященным этому предмету Кн Vizitelly H Berlin under the New Empire London, 1979 P 386—406 — полезна в качестве короткого комментария восхищенного иностранца в 1870-е годы

14 См Raef M Origins of the Russian Intelligentsia New York, 1966 Ch 4

15 Arnold M Higher Schools Op cit P 41

16 Я обсуждал эти вопросы в кн Lieven D C B Russia's Rulers Under the Old Regime London, 1989 P 91—96, 98—102 Об отдельных корпусах см например, Левшин Д М Пажеский его Императорского Величества корпус за сто лет СПб, 1902, Максимовский М Исторический очерк развития главного инженерного училища 1819—1869 СПб, 1869 Потто В Исторический очерк Николаевского Кавалерийского Училища 1827—1873 СПб, 1873, в кн Armstrong J A The European Administrative Elite Princeton NJ, 1973 — сообщаются интересные сведения о высоком престиже техники в старой России

17 Lieven D C B Russia's Rulers Op cit P 96—98 См гл 6 кн Зайончковский П А Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий М, 1973

18 Darlington T Board of Education Special Reports on Educational Subjects V 23 Education in Russia London, 1909 P 363 На сегодняшний день существует ряд серьезных исследований на английском языке, посвященных проблемам образования в России в девятнадцатом веке О Толстом, его принципах и их воздействии на российское образование, см кн Sinel A The Classroom and the Chancellery State Educational Reform under Count Dmitry Tolstoy Cambridge, 1973

19 Lieven D C B Russia's Rulers Op cit P 103—108, Darlington T Board of Education Op cit P 82

20 Jarausch Students, Society and Politics Op cit P 388, Prince Serge Volkonsky My Reminiscences London, 1924 V 1 P 73 Князь Е Н Трубецкой Воспоминания София 1922 С 6—8 38—44, 72—75

21 Селезнев И Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского Лицея за первое его пятидесятилетие с 1811 до 1861 года СПб, 1861 С 1—183 — представляет обзор первых лет существования Лицея Существует и ряд других работ, например Куломзин А Н Дмитрий Николаевич Замятин // Журнал Министерства Юстиции Т 13 № 9 (Ноябрь 1914) С 234—333 — глубокое исследование воздействия Лицея на одного из его первых выпускников, который впоследствии стал либеральным министром юстиции в правительстве Александра II

22 Арсеньев К К «Воспоминания Константина Константиновича Арсеньева об Училище Правоведения 1849—1855 гг // Русская Старина 1886 Т 50 С 201, 217—218 Вопросы, связанные с Лицеем, освещены мною в кн Lieven D C B Russia's Rulers Op cit P 108—116 Лучшей историей Лицея (до 1886 г) является работа Кареева Н И Краткий очерк истории Лицея, составленный профессором Н И Кареевым // Памятная книжка Императорского Александровского Лицея СПб, 1886 С 1—277

23 См примечания 105 и 106 в кн Lieven D C B Russia's Rulers, Moser C A (ed) The Cambridge History of Russian Literature Cambridge 1989 — является содержательным исследованием посвященным писате-

лям и темам их трудов, но почти не касается социальных и интеллектуальных источников культурной созидательности России. *Serov V. I. The Mighty Five. The Cradle of Russian National Music. London, 1948* — в чрезвычайно доступной форме знакомит английского читателя с русской музыкой девятнадцатого века. В журнале «Столица и Усадьба» можно найти ряд превосходных статей, посвященных российской культуре начала девятнадцатого века. Двумя наиболее существенными работами на английском языке являются: *Lotman Yu. M. The Decembrist in Daily Life (Everday Behaviour as a Historical-Psychological Category) // Nakhimovsky A. D. и A. S. (eds.). The Semiotics of Russian Cultural History. Ithaca, 1985;* и *Whittaker C. H. The Orgins of Modern Russian Education. An Intellectual Biography of Count Serge Uvarov. DeKalb, 1984.*

24. Marc Raeff дал этим вопросам наиболее всестороннее освещение; см. его кн. «Origins...» Цитата взята из т. 1 с. 49 кн. *Ф. Г. Тернер*, Воспоминания жизни, в 2-х томах. СПб., 1910).

ГЛАВА 9. ДВОРЯНИН НА ПОЛЕ БРАНИ

1. О русской аристократии см.: кн. *Lieven D. C. B. Russia's Rulers Under the Old Regime. London, 1989. Ch. I;* *Mikliss P. Deutcher und polnischer Adel im Vergleich. Berlin, 1981* — является содержательным исследованием происхождения и истории немецкого дворянства, в котором перечисляются узаконенные различия между определенными группами, способные привести иностранца в замешательство. По сравнению с русскими и даже англичанами, немцы питали истинную страсть к генеалогии, и в трудах по генеалогии прослеживаются средневековые корни большинства выдающихся семей. Даже в восточных провинциях, где аристократия, как правило, обладала меньшей знатностью и не таким древним происхождением, как на западе, многие родовые имена, вошедшие в историю девятнадцатого века, были хорошо известны уже в двенадцатом и тринадцатом веках. См. *Gorlitz W. Die Junker. Adel und Bauer im Deutschen Osten. Limburg, 1964. S. 10—11*, например. Об англичанах см. мои рассуждения в Главе 2 (с. 56—57).

2. *Gorlitz W. Die Junker...* Op. cit. S. 57—59; *Carsten F. L. A History of the Prussian Junkers. Aldershot, 1989. P. 10—11;* *Keep J. L. H. The Muscovite Elite and the Approach to Pluralism // Slavonic and East European Review. 1970. V 48. P. 201—231.*

3. Об англичанах см. *Thompson F. M. L. Aristocracy, Gentry and the Middle Class in Britain, 1750—1850 // A. M. Birke, L. Kettenacker (eds.). Bürgertrum, Adel und Monarchie. Munich, 1989. S. 31—32;* *Cannadine D. The Decline and Fall of British Aristocracy. Newhaven, Conn., 1990. P. 264—280.* Статистические данные относительно генералов взяты из работы *Razzell P. E. Social Orgins of Officers in the Indian and British Home Army //*

British Journal of Sociology. 1963. V. XIV. P. 253. Так как определение «джентри» лишено четкости, существует некоторое противоречие между этими данными и теми, что представлены в работе *Otley C. B. Militarism and the Social Affiliation of the British Army Elite // J. von Doorn (ed.) Armed Forces and Society: Sociological Essays. The Hague, 1960. P. 100;* «Природное баварское дворянство...» выказывало мало вкуса к активной службе», — *Demeter K. The German Officers Corps in Society and State 1650—1945. London, 1965. P. 34.* Однако прежде всего отметим, что в Баварии просто было намного меньше дворян, чем в Пруссии или России. О социальной структуре баварского офицерского корпуса см.: *Rumschottel H. Das bayeniche Offizierkorps 1866—1914. Berlin, 1973. S. 61—69.* Взоры вестфальских дворян традиционно были устремлены к церковной карьере.

4. *Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462—1784. Oxford, 1985;* *Beylau D. Militär und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland. Cologne, 1984;* в кн. Зайончковского П. А. «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX веков» (М., 1973) рассматривается история армии с 1881 по 1903 год, а в работе: *Knez P. A Profile of the Pre-revolutionary Officer Corps // California Slavic Studies. 1973. V 7. P. 121—158*, прослеживается история армии вплоть до 1914 года

5. См. *Demeter K. The German Officer Corps. Op. cit. и Messerschmidt M. Preussens Militär in seinem gesellschaftlichen Umfeld. // Puhle H. J., Wehler H. U. (eds.). Preussen in Rückblick. Göttingen, 1980. S. 43—48.* Об офицерском корпусе периода правления Вильгельма II см. *Kitchen M. The German Officer Corps. Oxford, 1968.*

6. *Thompson F. M. L. Aristocracy, Gentry...* Op. cit. P. 34.

7. Эти статистические данные взяты из работы *Burke J. B. A Genealogical and Heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the British Empire. London, 1815—1914*, использовались издания 1830, 1840, 1850, 1860, 1870, 1880, 1890 и 1900 годов. Имена 17 пэров перечислены в кн. *Beckett J. V. The Aristocracy in England 1660—1914. Oxford, 1986. P. 292.* Эта таблица включает младших братьев глав данных семей в период с 1815 по 1883 год. Если крупный землевладелец делал карьеру, обычно это случалось в том случае, когда по рождению он не являлся прямым наследником, но наследовал своему бездетному брату или кузену. Пятый герцог Нортумберлендский, например, имел чин вице-адмирала, однако титул перешел к нему в 1847 г. только потому, что его брат умер, не оставив наследников.

8. Источником этих двух таблиц является кн. *Ikonnikov N. I. La Noblesse de Russia, 2-е издание, тома A-1-Z-2. Paris, 1958—1966.* Здесь представлены данные о таких аристократических семьях, как Белосельские-Белозерские, Воронцовы-Дашковы, Строгановы, Демидовы, Шуваловы, Голицыны, Шереметевы, Балашовы, Гагарины, Меллер-Закомельские, Орловы-Денисовы, Нарышкины, Кочубеи, Бобринские. К дворянству относятся такие семьи, как Пушкины, Хвостовы, Новосильцевы, Вельяминовы-Зерновы, Мусины-Пушкины, Неплюевы, Плещеевы, Сабуровы,

Салтыковы, Самарины, Квашнины-Самарины, Арсеньевы, Жеребцовы, Воронцовы-Вельяминовы, Коновницыны, Каменские и Колычевы

9 Источником этого параграфа является *Almanach de Gotha* (Gotha 1816—1914)

10 Источником этого параграфа и Таблицы 9 4 являются различные издания *Gothaisches genealogisches Taschenbuch der graflichen Häuser* (Gotha, 1930—1939), данные о Донах взяты из *Genealogisches Handbuch der graflichen Häuser* (Marburg, 1981)

11 Используемым здесь источником является *Gothaisches genealogisches Taschenbuch der uradeligen Häuser* (Gotha, 1930—1939), данные представлены о таких семьях, как Путткамеры, Бронзарт фон Шеллендорфы, Клейсты, Бенкендорф и Гинденбурги, Натцмеры, Легов-Ворбеки, Белов, Платены, Зитцвитцы и Бургсдорфы. Издание *Taschenbuch* 1930 года содержит сведения об этих семьях

12 *Ignatiev A A* Subaltern in Old Russia London 1944 P 66—78

13 *Barnett C* Britain and her Army 1509—1970 London, 1970 P 314—315

14 *Marion Graffin Donhoff* Kindheit in Ostpreussen Berlin, 1988

15 *Kiernan V G* The Duel in European History Honour and the Reign of Aristocracy Oxford, 1988 — предлагает интересный хотя и несколько односторонний подход к данному вопросу

16 *Keegan J* The Face of Battle London, 1978 P 194

17 Лучшей книгой о декабристах остается исследование *Семевский В И* Политические и общественные идеи декабристов СПб., 1909 См также *Keep J L H* Soldiers of the Tsar Op cit Ch 11, а о более позднем периоде *Fuller W C* Civil-Military Conflict in Imperial Russia 1881—1914 Princeton, NJ, 1985 Об Испании см например кн *Preston P* The Politics of Revenge Fascism and the Military in 20th Century Spain London, 1990 *Martinez R B*, *Barker T M* Armed Forces and Society in Spain Past and Present Boulder, Col., 1988

18 *Gronow* The Reminiscences and Recollections of Captain Gronow London, 1900, V 1, P 183 *Warner P A* Peacetime Economy and the Crimean War // Young P., Lawford J P (ed.), History of the British Army Wallop 1970 P 152

19 *Barnett C* Britain and her Army 1509—1970 London, 1970 P 279

20 *Prince L H von Puckler-Muskau* Tour in England, Ireland and France in the Years 1826, 1827, 1828 and 1829 Zurich, 1940, о военной форме О дуэлях подробные сведения дает кн *Kiernan V G* The Duel in European History Op cit P 106—118, и косвенным образом *Clark J C D* English Society 1688—1832 Cambridge, 1985 P 408—420 О последних годах императорской России и о Германии см *Зайончковский П А* Самодержавие Op cit С 238—247, *Demeter* The German Officer Corps P 49 ff

21 *Lawford J P* The Conquest of India // Young, Lawford (eds.) History of the British Army P 141 См также *Bond Brian* Colonial Wars and Punitive Expeditions Ch 18

22 Представление о приемах ведения войны характерных для девятнадцатого века, можно составить благодаря кн *Jones A* The Art of War in the Western World Oxford, 1987, в особенности гл 7 *M van Creveld* Command in War Cambridge, 1985, в особенности гл 3 и 4

23 Статистическую информацию о военных карьерах см в кн *Lieven D C B* Russia's Rulers Op cit P 64—67 и 163—167 Помимо источников, перечисленных в примечании 4 к данной главе см также *Mayzel M* The Formation of Russian General Staff 1800—1917 A Social Study // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique* 1975 V XVI № 3—4 P 297—322 *Stone N* The Eastern Front 1914—1917 London, 1975, *Bushnell J* Mutiny and Repression Russian Soldiers in the Revolution of 1905 Indiana, 1985 — может также пролить свет на различные аспекты жизни императорской армии

24 *Helmigk H J* Markische Op cit P 100, 156, *Spitzemberg* Tagebuch Op cit в особенности S 368, 474, *Oldenburg-Januschau E* Erinnerungen Op cit S 44, *H von Gerlach* Rechts Op cit S 22, 24, *Fontane I* Wanderungen, намного лучше передает особенности старой Пруссии, ее традиций и ценностей (детали см в Библиографии)

25 Трудом о Мольтке, с которого может начать английский читатель является *Creveld, Command*, гл 4 Стоит познакомиться также со ставшей объектом многочисленных критических нападок кн *Ritter G* The Sword and the Sceptre, The Prussian Tradition 1740—1890 V 1 London 1974 P 187—238, которую отличает глубокое проникновение в суть традиционных прусских либерально-консервативных взглядов. Двумя превосходными исследованиями на английском языке посвященными основным кампаниям Мольтке, являются кн *Craig G* The Battle of Koniggratz London, 1964 и *Howard M* The Franco-Prussian War New York 1969

26 *A R Millet A R*, *Murray W* Military Effectiveness Volume 1 The First World War Boston, 1988 — содержит превосходные исследования Paul Kennedy, Holger Herwig, David Jones, посвященные, соответственно, Британии, Германии и России

ГЛАВА 10 АРИСТОКРАТИЯ В ПОЛИТИКЕ

1 *Thompson F M L* The Second Agricultural Revolution // *Economic History Review* V XXI 1968 P 72, *Olney R J* Lincolnshire Politics 1832—1885 Oxford, 1973 P 24—42

2 *O'Gorman Fr* Electoral Deference in «Unreformed» England 1760—1832 // *Journal of Modern History* 1984 V 56 № 3 P 399, *Crosby T L* English Farmers and the Politics of Protection 1815—1852 Hassocks 1977 P 129

3 *Beckett J V* The Aristocracy of England 1660—1914 Oxford, 1986 P 430

4 Sack J J The House of Lords and Parliamentary Patronage in Great Britain, 1802—1832 // Historical Journal 1980 V 23 № 4 P 914—915

5 Статистические данные и цитаты взяты из кн Beckett J V Aristocracy Op cit P 432—433 Гл IV кн Bush M L The European Nobility V 1 Noble Privilege Manchester, 1983 — является ценным источником информации о парламентских правах дворянства по всей Европе

6 Cannadine D The Decline and Fall of the British Aristocracy Newhaven 1990 P 208

7 Dunham J P D Expectation of the New Country Council, and their Realisation // Historical Journal 1965 V VIII № 3 P 353—379, также гл XI кн Beckett J V The Aristocracy of England

8 См например, кн Pellet J The Home Office 1848—1914 London 1982 P 5—10, 33—36, Cannadine D Decline Op cit P 240 Весьма важной работой, посвященной сравнению европейских бюрократических систем, является кн Armstrong J A The European Administrative Elite Princeton, NJ, 1973

9 Steiner Z S Foreign Office Op cit P 16—20

10 Cannadine D Decline Op cit P 420—429, Phillips G D The Diehards Aristocratic Society and Politics in Edwardian England Cambridge, 1979 Ch 5

11 Хорошим источником сведений о высшей знати в эту эпоху является кн Gollwitzer H Die Standesherrn Stuttgart, 1957 Abt 2

См также Eltz E E Die Modernisierung einer Standesherrschaft Sigmaringen, 1980 S 15—73 и Weber H Die Fursten von Hohenlohe im Vormarz Stuttgart, 1977

12 Главным источником являются кн Reif H Westfalischer Adel 1770—1860 Gottingen, 1979 и Kircher W S Adel, Kirche und Politik in Wurttemberg 1830—1851 Stuttgart, 1973 Зейл является ключевой фигурой последней работы и его позиция в 1848 году обсуждается на с 180 и далее

13 Arnold M Higher Schools and Universities in Germany London, 1892 P 2

14 Мои основные источники включают кн Loth W Katholiken in Kaiserreich Dusseldorf, 1984 (цитата на стр 51), Ross R J Beleaguered Tower The Dilemma of Political Catholicism in Wilhelmine Germany Notre Dame, 1976, Blackburn D Populist and Patricians London, 1987

15 Berdahl R The Politics of the Prussian Nobility Princeton, NJ, 1988 — подчеркивает значение господствующего положения, или, иными словами, власти, на образ мышления юнкерства См также его «Preussischer Adel Paternalismus als Herrschaftssystem» в кн Puhle H-J, Wehler H J (eds), Preussen in Hinblick Gottingen, 1980 S 123—145, Spitzemberg Tagebuch, Field D Rebels in the Name of the Tsar Boston, 1976 — является превосходным исследованием, посвященным отношению крестьян к власти, в этом случае, пожалуй, скорей монарха, чем дворянина

16 Литература, посвященная крепостничеству в России и Пруссии, чрезвычайно обширна Кн Blum J Lord and Peasant in Russia from the

Ninth to the Nineteenth Century Princeton, NJ 1961 P 422—440 и Hoch S Serfdom and Social Control in Russia Chicago, 1986 Ch 5 создают совершенно разное впечатление о жестокости крепостничества В кн Hauxthausen A V The Russian Empire London, 1986 V 1 P 369 говорится о графе Шереметеве, что «он никогда не притеснял своих людей и брал с них меньше, чем казна с принадлежавших ей крестьян Но я не поручусь за то, что некоторые из его служащих не позволяли себе многочисленных вымогательств, и, согласно дошедшим слухам, состоятельные крестьяне его деревень чрезвычайно притесняли бедных» Гл 4 кн Carsten F L A History of the Prussian Junkers Alderholst, 1989, представляет подробный обзор отношения между дворянами и крестьянами в Пруссии восемнадцатого века

17 Berdahl R M Conservative Politics and Aristocratic Landholders in Bismarckian Germany // Journal of Modern History V 44 № 1 1972 P 1—20 Билль «Kreisordnung» обсуждается также на стр 406—410 статьи S Wehking Zum politischen und sozialen Selbstverständnis preussischer Junker, 1871—1914 // Blätter für deutsche Landesgeschichte V 1 1985 S 295—447

18 О Куломзине см кн Lieven D C B Russia's Rulers under the Old Regime London, 1989 P 237, Berdahl R The Politics Op cit P 198—220 Koselleck R Preussen zwischen Reform und Revolution Stuttgart 1989 S 448—486, Starr S F Decentralisation and Self-Government in Russia 1830—1870 Princeton, NJ, 1972 — является основной работой на английском языке, посвященной местному управлению в России

19 Berdahl R The Politics Op cit цитирует Клейста-Петцова на стр 217, В кн Muncy L W The Junker in the Prussian Administration Under William II, 1888—1914 Providence, RI, 1944 P 175—196 обсуждаются вопросы, связанные с ландратами О предводителях дворянства см Hamburg G M Portrait of an Elite Russian Marshals of the Nobility 1881—1917 // Slavic Review 1981 V 40

20 Rosenberg H Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy The Prussian Experience 1600—1815 Cambridge, 1958 — является классическим исследованием, посвященным формированию прусской бюрократической элиты

21 Наиболее полным исследованием, посвященным российской бюрократии этого периода, является работа Torke Y J Das russische Beamtenum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur Geschichte Osteuropas 1967 V 13 S 7—345 Особую ценность этому исследованию придают многочисленные параллели между Пруссией и Россией Специально о прусской аристократии этой эпохи см кн Koselleck R Preussen Op cit Gills J R The Prussian Bureaucracy in Crisis 1840—1860 Origins of an Administrative Ethos Stanford, 1971 Здесь продолжается линия, проводимая в статье Vogel B Reformpolitik in Preussen 1807—1820 // Puhle, Wehler (eds) Preussen in Hinblick Op cit S 202—223

22 Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний СПб, 1909 С 259 О развитии российских гражданских служб на

протяжении веков см гл 1 (и примечания к ней) кн *Lieven D C B Russia's Rulers* Op cit

23 *Muncy L W Junker* Op cit P 101—102, 119—121 *Lieven D C B Russia's Rulers* Op cit — является исследованием русской правительственной элиты в период правления Николая II В статье *Hauf R Die Oberprasidenten von Ost und Westpreussen 1871—1918* утверждается, что ни один административный чиновник не мог рассчитывать на жалование до того, как ему исполнится 29 лет, см *Schwabe K (ed), Die preussische Oberprasidenten Boppard, 1985 S 108—110*

24 Об иностранных министрах см *Cecil L The German Diplomatic Service 1871—1914 Princeton, NJ, 1976, Бестужев И В Борьба России по вопросам внешней политики М, 1961 и Lieven D C B Russia and the Orgins of the First World War London, 1984 P 61—62 и 83—101 О русской гражданской службе в целом см *Зайончковский П А Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в М, 1978, в частности о губернаторах см Robbins R G The Tsars Viceroy's Ithaca, NJ, 1987 Muncy L W Junker Op cit является богатейшим источником информации См также Rohl J C G Higher Civil Servants in Germany // J J Sheehan (ed) Imperial Germany New York, 1976 P 129—151 Об Oberprasidenten см работы Schwabe (ed) Die preussische Oberprasidenten**

25 *Tcharykow N V Glimpses of High Politics London, 1931 P 90 Gall L Bismark The White Revolutionary London 1986 2 vols, см т 1 гл 1 и 2 О Бобринском см Lieven Russia's Rulers Op cit P 155—159*

26 По моему мнению, многие историки излишне склонны подчеркивать выгоды, которые юнкера получили от реформы и соглашения с правительством Позиции класса землевладельцев и в самом деле усилились, но лишь немногие юнкера испытали это на себе, трудно также предположить, чтобы дворянский парламент был бы настолько дальновиден и лишен эгоистических интересов, чтобы принять политику правительства Кн *Hamburg G M The Politics of Russian Nobility 1881—1905 Rutgers, 1984* — с ее легендой о политической слабости дворянства, контрастирует с такими трудами, как, например, кн *Manning R The Crisis of the Old Regime in Russia Princeton, NJ, 1982* — где документально подтверждается аристократическая оппозиция реформам Столыпина

27 О реакции прусского дворянства на события 1848 г см например, *Schutt R Partei wieder Willen Kalkule und Potentiale konservativer Parteigrunder in Preussen zwischen Ersten Vereinigten Landtag und National Versammlung и Fischer H Konservatismus von unten Wahlen in landlichen Preussen 1849/52 Organisation, Agitation, Manipulation Обе статьи опубликованы в кн Stegmann D, Wendt B J, Witt P C (eds) Deutscher Konservatismus im 19 und 20 Jahrhundert Bonn 1983 Существуют и более ранние по времени, но по-прежнему ценные исследования по проблемам трансформации прусского дворянского консерватизма в эту эпоху, например, *Neumann S Die Stufen des preussischen Konservatismus Berlin 1930 и Jordan E Die Entstehung der konservativen Partei und die preussischen Agrarverhältnissen von 1848 Munich, 1914**

28 *Кривошеин К А А В Кривошеин 1857—1921* Его значение в истории России начала XX века Париж, 1973 С 13 Практически не существует исследований о российской элите этой эпохи в целом, и весьма редко встречаются концептуальные труды, посвященные взаимоотношениям между различными элитами *Becker S Nobility and Privelege in Late Imperial Russia DeKalb, 1985* — наиболее интересная книга, сильнейшей стороной которой, однако, являются утверждения, а не документация *Manning R The Crisis Op cit* это более полный, но тоже склонный к чрезмерно личностной точке зрения труд *Корелин А П Дворянство Op cit* является богатым источником информации Много ценного, несмотря на свой достаточно догматический и узко политизированный подход, содержат также работы Лаверычева, Черменского и Дьякина Лучшим однотомным обзором проблем, связанных с царизмом и его элитами в последние десятилетия империи, является выпущенный Академией Наук СССР сборник «Кризис самодержавия в России 1895—1917», который был опубликован в Ленинграде в 1984 году Он содержит разделы, написанные Б И Ананичем, Р Ш Ганелиным и В С Дякиным Лучшей работой на английском языке, посвященной российским промышленникам, является кн *Rieber A J Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia Chapel Hill, 1982* В последние годы появилось множество работ, посвященных московской коммерческой элите, и ни одной — другим секторам индустриальной буржуазии *Yaney G L The Systematisation of Russian Government Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia 1711—1905 Urbana, 1973* — является богатейшим источником сведений о конфликте между министерствами

29 *Hauxthausen A V The Russian Empire Op cit V 2 P 185*

30 Эти темы подробно рассмотрены в главах 6 и 9 кн *Lieven D C B Russia's Rulers Op cit* Об Испании см, например *Carr R Spain 1808—1975 Oxford, 1989, Schubert A A Social History of Modern Spain London, 1990, Lannon F, Preston P Elites and Power in Twentieth Century Spain Oxford, 1990, Carr R, Fusi J P Spain Dictatorship to Democracy London, 1979*

31 О Кривошеине см биографию, написанную его сыном Проблемы либерально-консервативного и националистического движения рассмотрены мною в кн *Lieven D C B Russia and the Orgins Op cit P 91—101 и 118—138*

32 О Струве и «Вехах» см кн *Pipes R Liberal on the Right, 1905—1944 Cambridge, 1980*

33 Цитата находится на с 9 кн *The Outbreak of the World War 1 Causes and Responsibilities (Ed Herwig H H) Lexington, Ky, 1991* Вопросы военного и политического развития России и его влияния на вопрос развязывания Германией предупредительной войны рассмотрены мною в кн *Lieven D C B Russia and the Orgins Op cit P 101—138*

34 *Schissler H The Junkers Notes on the Social and Historical Significance of the Agrarian Elite in Prussia // Peasants and Lords in Modern Germany*

(Ed. Moeller R. G.) London, 1986. P. 24—51. Автор продолжает сравнение между Англией и Пруссией в статье, которая является переводом ее же статьи в кн. Puhle, Wehler (eds.) «Preussen in Hinführung». Вопрос о Sonderweg весьма противоречиво разрешается в многочисленной литературе. Читателю, владеющему английским языком, можно порекомендовать начать знакомство с этой темой с кн.: Blackbourn D., Eley G. The Peculiarities of German History. Oxford, 1984. Следующей ступенью является кн. Eley G. «Reshaping of the German Right. Radical Nationalism and Political Change after Bismarck» (Newhaven, 1980), а также собрание статей того же автора озаглавленное «From Unification to Nazism» (Boston, 1986). Книга David Blackbourn, посвященная Центру в Вюрттемберге, где имела весьма малое значение, менее полезна тому, кто изучает высший класс Германии, однако собрание статей этого автора в кн. «Populist and Patricians» (London, 1987) заслуживает внимания. К другому лагерю, а именно к тем, кто придает особое значение манипуляциям элиты, относится плодотворная книга Wehler H.-U., переведенная на английский под названием «The German Empire» (Leamington Spa, 1985). Классическим изложением доводов против юнкерства является кн.: Puhle H.-J. Agrarische Interessenpolitik und preussischer Konservatismus im wilhelminischen Reich 1893—1914 Bonn, 1975. Читатель, владеющий английским, может уловить суть основной позиции Puhle, познакомявшись с его статьей. Lords and Peasants in the Kassreich // Peasants and Lords / Ed. Moeller. Op. cit. P. 81—109. Нападки на юнкеров, разумеется, не являются монополей немецких историков. Barrington Moore, несомненно, имел в виду именно юнкерство, утверждая в своей кн. «The Social Origins of Dictatorship and Democracy» (London, 1966), что без революционного разрушения традиционных элит невозможна демократическая модернизация.

35. Offer A. The First World War: An Agrarian Interpretation. Oxford, 1989. P. 95.

36. Цитируется по: Crosby T. L. English farmers and the Politics of Protection 1815—1852. Hassocks, 1977. P. 97; Stewart R. The Politics of Protection. Lord Derby and the Protectionist Party 1841—1852. Cambridge, 1971. P. 155—156.

37. Phillips G. D. The Diehards. Aristocratic Society and Politics in Edwardian England. Cambridge, 1979. P. 155.

38. Offer A. The First World War... Op. cit. P. 332—333; Webb S. B. Agricultural Protection in Wilhelminian Germany: Forging an Empire with Pork and Rye // Journal of Economic History. 1982. V. XLII. P. 324—325; Spring D. Earl Fitzwilliam and the Corn Laws // American Historical Review. 1954. V. LIX. № 2. P. 292. Оффер, на мой взгляд, довольно убедительно опровергает точку зрения, предложенную Баркином. См.: Barkin K. D. The Controversy over German Industrialisation 1890—1902. Chicago, 1970.

39. Эти данные см. в: Aydelotte W. O. The Country Gentlemen and the Repeal of the Corn Laws // English Historical Review. 1967. V. LXXX. P. 47—60.

40. В данном случае я в основном опирался на: Conacher J. B. The Peelites and the Party System 1846—1852. Newton Abbot, 1972. См., например, его замечания на с. 16—17. О «пилитах» написано очень много, но в моей работе мне особенно помогла новая биография практически неизвестного графа Линкольна. См.: Munsell F. D. The Unfortunate Duke Henry Pelham, Fifth Duke of Newcastle, 1811—1864. Columbia, 1985. Замечания Дерби цитируются в: Stewart R. The Politics of Protection. Lord Derby and the Protectionist Party 1841—1852. Cambridge, 1971. P. 182—183.

41. Rettalack J. R. Notables of the Right. The Conservative Party and Political Mobilisation in Germany 1876—1918. London, 1988. Лозунг Баварской Крестьянской Лиги приведен на с. 102. Ритэллак, как мне кажется, немного непоследователен в своих высказываниях, поскольку он обвиняет консерваторов одновременно в том, что они придерживались старомодных предрассудков по отношению к современной политике и в том, что их программам были свойственны демагогия и эгоизм. Я разделяю точку зрения Эли о том, что достижение компромисса в данном случае было делом отнюдь не легким, особенно учитывая отношение электората консерваторов.

42. О Бентмане-Холлвее см.: Jarausch K. H. The Enigmatic Chancellor. Newhaven, 1972.

43. Цитируется по: Cooke A. B. and Vincent J. The Governing Passion. Brighton, 1974. P. 167.

44. Puckler-Muskau L. H. von. Tour in England, Ireland and France in the Years 1826, 1827, 1828 and 1829. Zürich, 1940. P. 227; Southgate D. The Passing of the Whigs 1832—1886. London, 1965. P. 76. О Расселе см.: Prest J. Lord John Russell. London, 1972.

45. Southgate D. The Passing of the Whigs... Op. cit. P. 417.

46. Cooke A. B. and Vincent J. The Governing Passion... Op. cit. P. 92; Spring D. Earl Fitzwilliam and the Corn Laws // American Historical Review. 1954. V. LIX. № 2. P. 289.

47. Salisbury. The Man and His Policies / Ed. Blake and Cecil H. London, 1987. Цитаты см. в статье: Stewart R. The Conservative Reaction's Lord Robert Cecil and Party Politics. P. 99, 112. Эта книга дает четкое и исчерпывающее представление об этом удивительно умном и интересном человеке. О его замечаниях о Мианере см.: Phillips G. D. The Diehards. Aristocratic Society and Politics in Edwardian England. Cambridge, 1979. P. 105.

48. Stewart R. The Politics of Protection... Op. cit. P. 220; Lieven D. C. B. Russia's Rulers... Op. cit. P. 158—159.

49. Цитируется в: Stewart R. The Politics of Protection... Op. cit. P. 84.

50. Jordan E. Friedrich Wilhelm IV und der Preussischer Adel bei Umwandlung der ersten Kammer in das Herrenhaus. Berlin, 1914. см., например, с. 80—85, 170.

51. Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg... Op. cit. S. 257, 329, 493; Oldenburg-Januschau E. von. Erinnerungen... Op. cit. S. 20. Зигфрид фон

Кардорф пишет о матери Вильгельма фон Кардорфа, что она была не способна ко лжи, обладала огромной силой воли, непоколебимым чувством долга и зачастую была пугающе откровенна *Kardorff S von Wilhelm von Kardorff Ein nationales Parlamentarier im Zeitalter Bismarcks und Wilhelm II 1828—1907 Berlin, 1936 S 11—12* Это — истинные черты юнкеров Фон Клейст (*Kleist E von Adel und Preussentum // Suddeutsche Monatshefte 1926 Bd 23 № 5 S 378—384*) — истинный голос политического юнкерства в его самом резком, ограниченном и наиболее реакционном проявлении

52 *Anderson P* Lineages of the Absolutist State London, 1974

53 *Raeff M* The Well-Ordered Police State Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia 1600—1800 Newhaven, 1983

54 Самой последней — и чрезвычайно интересной — попыткой изучить личность последнего кайзера является книга *Kaiser Wilhelm II New Interpretations / Ed Rohl J C G and Sombart N Cambridge, 1982*

55 Эта тема особенно удачно исследуется в *Stern F Gold and Iron Bismarck, Bleichroder and the Building of the German Empire London, 1980*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 *Mayer A J* The Persistence of the Old Regime Europe to the Great War New York, 1981

2 Галлео в своей работе (*Galleo D The German Problem Reconsidered Cambridge, 1978*) тщательно исследует некоторые англо-американские взгляды и предположения, касающиеся старой Германии Мои замечания о Японии по большей части основываются на собственных наблюдениях, сделанных мною когда я жил в этой стране О последних научных исследованиях теории модернизации и современной Японии см, например *McCormack G and Sugimoto Y The Japanese Trajectory modernisation and beyond Cambridge, 1988*

3 *Wiener M* English Culture and the Decline of the Industrial Spirit 1850—1980 Cambridge, 1981

4 *Mommsen W* Max Weber and German Politics 1890—1920 Chicago 1990 P 91—100

5 *Perkin H* Origins of Modern English Society London, 1969, *Perkin H* The Rise of Professional Society London, 1989

6 *Phillips G D* The Diehards Aristocratic Society and Politics in Edwardian England Cambridge, 1979 P 107

Библиография

Анфимов А М Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX — начале XX века // Исторические записки 1958 Т 63

Анфимов А М Крупное помещичье хозяйство Европейской России М, 1969

Арсенев К К Воспоминания Константина Константиновича Арсенева об училище правоведения 1849—1856 // Русская старина 1886 Т 50

Бестужев Л В Борьба России по вопросам внешней политики М, 1961

Вергунов А П и Горохов В А Русские сады и парки М 1988

Вигель Ф Ф Воспоминания М 1864

Гегтер М Я Из истории монополистического капитализма в России // Исторические записки 1951 Т 38

Гиндин И Ф Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX — начале XX века // Исторические записки Т 1 № 82

Денисов В И Леса России, их эксплуатация и лесная торговля СПб 1911

Зайончковский П А Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке М, 1978

Зайончковский П А Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий М, 1973

Кареев Н И Краткий очерк истории Лицея, составленный профессором Н И Кареевым // Памятная книжка Императорского Александровского лицея СПб, 1886

Карнович Е П Замечательные богатства частных лиц в России СПб, 1885

Корелин А П Дворянство в пореформенной России, 1861—1914 М 1979

Ковальченко И Д, Селунская Н Б и Литвак Б М Социально-экономический строй помещичьего хозяйства европейской России в эпоху капитализма М 1982

Кривошеин К А А В Кривошеин 1857—1921 Его значение в истории России начала XX века Париж, 1973

Кризис самодержавия в России, 1895—1917 Л, 1984

Куломзин А Н Дмитрий Николаевич Замятин // Журнал Министерства Юстиции 1914 № 9

- Лаверычев В. Я. Крупная буржуазия в пореформенной России 1861—1900 М. 1974
- Левшин Д. М. Пажеский его императорского величества корпус за сто лет СПб. 1902
- Ливен П. Дела давно минувших. Рукопись. 1952
- Максимовский М. Исторический очерк развития главного инженерного училища 1819—1869 СПб. 1869
- Минцук А. П. Экономическая характеристика крупнейших собственников России конца XIX — начала XX века М. 1971
- Памятники архитектуры Ленинграда. V. 1976
- Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. Т. 11 СПб. 1900—1912
- Потто В. Исторический очерк Николаевского Кавалерийского Училища 1827—1873 СПб. 1873
- Предложение к г-дам редакционной комиссии СПб. 1859
- Проскуракова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения европейской России в конце XIX — начале XX века // История СССР 1973 Т. 1
- Романович Славянский А. Дворянство в России СПб. 1870
- Рубашин В. Р. Графы Апраксины и их Петербургская вотчина — Апраксин Двор СПб. 1912
- Селезнев И. Исторический очерк императорского бывшего Царского сельского училища Александровского лица за первое его пятидесятилетие с 1811 до 1861 года СПб. 1861
- Семенов П. П. Детство и юность СПб. 1915
- Сологуб В. А. Воспоминания СПб. 1877
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. V. 1975
- Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. 1981
- Соловьев Ю. Б. Воспоминания дипломата М. 1959
- Столица и усадьба СПб. 1913—1917
- Строг Г. П. К вопросу времени победы капиталистического способа производства в сельском хозяйстве Латвии // Ежегодник по аграрной истории восточной Европы. 1963
- Тернер Е. Г. Воспоминания жизни. В 2 т. СПб. 1910
- Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке М. 1974
- Трубецкой Е. Н. Воспоминания. София. 1922
- Труды I (IX) съезда уполномоченных дворянских обществ 32 (39) губернии СПб., 1906—1913
- Цветков М. А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год М., 1957
- Энциклопедический словарь (Брокгауз и Эфрон) Т. 43 СПб. 1890—1906

- Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Eine Geschichte der Land- und Ernahrungswirtschaft Mitteleuropas seit dem hohen Mittelalter. Hamburg 1966
- Abrikossow D. Revelations of a Russian Diplomat. Seattle. 1964
- Der Adel an der Schwelle des burgerlichen Zeitalters / Hrsg. Reden Dohna A. von und Melville R. Stuttgart. 1988
- The Agricultural Revolution. Changes in Agriculture // Ed. Mingay C. E. London. 1977
- Almanach de Gotha. Gotha. 1816—1914
- Anderson M. L. and Barkin K. The Myth of the Puttkamer Purge and the Reality of the Kulturkampf. Some Reflections on the Historiography of Imperial Germany // Journal of Modern History. 1982. Vol. 54. N. 4
- Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London. 1974
- Am Hofe des Kaisers. Berlin, 1986
- Arctin E. von. Vom Adel in Bayern // Suddeutsche Monatshefte. 1920. Bd. 23. No. 5
- Armstrong J. A. The European Administrative Elite. Princeton. 1973
- Arnun-Muskau H. von und Boelcke W. A. Muskau. Standesherrschaft zwischen Spree und Neisse. Frankfurt. 1978
- Arnold F. von. Russlands Wald. Berlin. 1892
- Arnold M. Higher Schools and Universities in Germany. London. 1892
- Arnstein W. L. The Survival of the Victorian Aristocracy // The Rich, the Well Born and the Powerful. Elites and Upper Classes in History / Ed. Jaher F. C. Urbana. 1973
- Augustin W. R. Noblesseward. Portrait of the Eighteenth Century Russian Nobility // Canadian Slavic Studies. 1970. Vol. 4
- Aydolotte W. O. The Country Gentlemen and the Repeal of the Corn Laws // English Historical Review. 1967. Vol. LXXV
- Biden 1648—1912 / Hrsg. Stiefel A. D. Bd. Karlsruhe. 1978—1979
- Bader S. Zur Lage und Haltung des schwabischen Adels am Ende des alten Reiches // Zeitschrift für württembergische Landesgeschichte. 1941. Bd. V
- Barkin K. D. The Controversy over German Industrialisation 1890—1902. Chicago. 1970
- Barnett C. Britain and Her Army 1509—1970. London. 1970
- Barnett C. The Collapse of British Power. Gloucester. 1984
- Bateman J. The Act of Ocracy of England. London. 1876
- Bateman J. The Great Landowners of Great Britain and Ireland. London. 1883
- Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. De Kalb. 1985
- Beckert J. V. The Aristocracy in England 1660—1914. Oxford. 1986
- Berdahl R. Conservative Politics and Aristocratic Landowners in Bismarckian Germany // Journal of Modern History. 1972. Vol. 44. N. 1
- Berdahl R. Preussischer Adel. Paternalismus als Herrschaftssystem // Preussen in Hinblick / Hrsg. Puhle H. J. und Wehler H. U. Göttingen. 1980
- Berdahl R. The Politics of the Prussian Nobility. Princeton. NJ. 1988

- Berghahn V R* Germany and the Approach of War in 1914 London, 1973
- Beylau D* Militar und Gesellschaft im Vorrevolutionären Russland Cologne 1984
- Bigler R M* The Politics of German Protestantism The Rise of the Protestant Church Elite in Prussia 1815—1848 Berkeley, Calif, 1972
- Blackbourn D* Populists and Patricians London, 1987
- Blackwell W L* The Beginnings of Russian Industrialisation 1800—1860 Princeton, NJ, 1968
- Blanchard I* Russia's Age of Silver London, 1989
- Blickle P* Katholizismus, Aristokratie und Bürokratie im Württemberg des Vormarz // Historisches Jahrbuch 1968 Bd 88
- Blum J* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century Princeton, NJ, 1961
- Blum J* The End of the Old Order in Rural Europe Princeton, NJ, 1978
- Bonham G* State Autonomy or Class Domination Approaches to Administrative Politics in Wilhelmine Germany // World Politics 1983 Vol 35
- Bowman S D* Antebellum Planters and «Vormarz» Junkers in Comparative Perspective // American Historical Review 1980 Vol 85 № 4
- Brown J C* Forests and Forestry in Poland, Lithuania, the Ukraine and the Baltic Provinces of Russia Edinburgh, 1885
- Brunner O* Adeliges Landleben und Europäischer Geist Salzburg, 1949
- Burke E* Reflections on the Revolution in France London, 1790
- Burke J B* A Genealogical and Heraldic Dictionary of the Peerage and Baronetage of the British Empire London, 1815—1914
- Burke J B* A Genealogical and Heraldic History of the Landed Gentry London, 1815—1914
- Bush M L* Noble Privilege, Volume 1, The European Nobility Manchester 1983
- Bush M L* Rich Noble Poor Noble Volume 2, The European Nobility Manchester, 1988
- Bush M L* The English Aristocracy A Comparative Synthesis Manchester 1984
- Bushnell J* Mutiny and Repression Russian Soldiers in the Revolution of 1905 Bloomington, 1985
- Calleo D* The German Problem Reconsidered Cambridge, 1978
- The Cambridge History of Russian Literature / Ed Moser C A Cambridge 1989
- Cannadine D* Aristocratic Indebtedness in the Nineteenth Century The Case Reopened // Economic History Review 1977 Vol XXV № 30
- Cannadine D* Lords and Landlords The Aristocracy and the Towns 1774—1967 Leicester, 1980
- Cannadine D* The Decline and Fall of the British Aristocracy Newhaven 1990

- Cannadine D* The Landowner as Millionaire the Finances of the Dukes of Devonshire // Agricultural Review 1977 Vol 25
- Cannon J* The Peerage of Eighteenth-Century England Cambridge 1984
- Carr R* English Fox-Hunting London 1977
- Carr R* Spain, 1808—1975 Oxford, 1989
- Carr R* and *Fusi J P* Spain Dictatorship to Democracy London 1979
- Carsten F L* A History of the Prussian Junkers Aldershot 1989
- Cecil L* The Creation of Nobles in Prussia 1871—1918 // American Historical Review 1970 Vol 75
- Cecil L* The German Diplomatic Service 1871—1914 Princeton, NJ 1976
- Chambers J D* and *Mingay G E* The Agricultural Revolution 1750—1880 London, 1966
- Chaussinand-Nogaret G* The French Nobility in the Eighteenth Century From Feudalism to Enlightenment Cambridge, 1985
- Clark J C D* English Society 1688—1832 Cambridge, 1985
- Conacher G B* The Peelites and the Party System 1846—1852 Newton Abbot, 1972
- Confino M* Domaines et Seigneurs en Russie vers la fin du XVIIIe Siecle Etude de Structures agraires et de mentalites economiques Paris, 1963
- Confino M* Systemes Agraires et Progres Agricole L Assolement Triennal en Russie aux XVIIIe—XIXe Siecles Paris, 1969
- Cooke B* and *Vincent J* The Governing Passion Brighton, 1974
- Craig G A* Germany 1866—1945 Oxford, 1981
- Craig G* The Battle of Koniggratz London, 1964
- Craig G* The Politics of the Prussian Army 1640—1945 New York 1964
- Crevelde M van* Command in War Cambridge 1985
- Crosby T L* English Farmers and the Politics of Protection 1815—1852 Hassocks, 1977
- Daisy, Princess of Pless* Daisy Princess of Pless By Herself London 1928
- Daisy, Princess of Pless* From My Private Diary London 1931
- Darling Child* Private Correspondence between Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia 1871—1878 / Ed Fulford R London, 1976
- Darlington T* Board of Education Special Reports on Educational Subjects Vol 23 Education in Russia London, 1909
- Davidoff L* The Best Circles London, 1986
- Dearest Child* Letters between Queen Victoria and the Princess Royal 1858—1861 / Ed Fulford R London, 1964
- Dearest Mama* Letters between Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia 1861—1864 / Ed Fulford R London, 1968
- Demel W* Der bayerische Adel 1750—1871 Ms
- Demel W* Die wirtschaftliche Lage des bayerischen Adels in den ersten Jahrzehnten des 19 Jahrhunderts // Der Adel an der Schwelle des bürgerlichen Zeitalters / Hrsg Reden-Dohna A von Stuttgart, 1988
- Demeter K* The German Officer Corps in Society and State 1650—1945 London, 1965

- Dipper C.* Die Bauernbefreiung in Deutschland. Stuttgart, 1980.
- Dipper C.* 'La noblesse allemande à l'époque de la bourgeoisie. Adaptation et continuité // Les Noblesses Européennes au XIXe Siècle. Collection de l'Ecole Française de Rome. Rome, 1988.
- Dissow J. von.* Adel im Übergang. Stuttgart, 1961.
- Dobson G., Grove H. M. and Stewart H.* Russia. London, 1913.
- Doeberl A.* Graf Conrad Preysing und das Erwachen der Katholisch-Konservativen Partei in Bayern // Gelbe Hefte. 1926. Bd. 2.
- Donhoff M. Gräfin.* Kindheit in Ostpreussen. Berlin, 1988.
- Dunbabin J. P. D.* Expectations of the New County Councils and their Realisation // Historical Journal. 1965. Vol. VIII. № 3.
- Dungern O. von.* Der Aufbau des Adels in Deutschland // Süddeutsche Monatshefte. 1926. Bd. 23. № 5.
- Eckhardt H. W.* Herrschaftliche Jagd, bäuerliche Not und bürgerliche Kritik. Göttingen, 1976.
- École Française de Rome.* Les Noblesses Européennes au XIXe Siècle Rome, 1988.
- The Economic History of Britain since 1700. Vols. 1 and 2 / Ed. Floud R. and McCloskey D. Cambridge, 1981.
- Eley G.* From Unification to Nazism. Boston, 1986.
- Eley G.* Reshaping of the German Right. Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven, 1980.
- Eley G. and Blackbourn D.* The Peculiarities of German History. Oxford, 1984.
- Elias N.* The Court Society. Oxford, 1983.
- Eltz E. E.* Die Modernisierung einer Standesherrschaft. Karl Egon III und das Haus Fürstenberg in den Jahren nach 1848/9. Sigmaringen, 1980.
- Epstein K.* The Genesis of German Conservatism. Princeton, NJ, 1966.
- European Landed Elites in the Nineteenth Century / Ed. Spring D. Baltimore, Md., 1977.
- Evans R. J.* Rethinking German History. London, 1987.
- Fascists and Conservatives / Ed. Blinkhorn M. London, 1990.
- Fehrenbach E.* Das Erbe des Rheinbundzeit: Macht und Privilegienschwund des badischen Adels zwischen Restauration und Vormärz // Archiv für Sozialgeschichte. 1983. Bd. XXIII.
- Feuchtwanger E. J.* Democracy and Empire. Britain 1865—1914. London, 1985.
- Field D.* Rebels in the Name of the Tsar. Boston, Mass., 1976.
- Flemming J.* Deutscher Konservatismus 1780—1980. Frankfurt, 1985.
- Fletcher T. W.* The Great Depression of English Agriculture 1873—1896 // Economic History Review. 1960—1961. Vol. XIII.
- Fontane T.* Wanderungen durch die Mark Brandenburg. 5 vols. Frankfurt, 1984.
- Franz G.* Landwirtschaft, 1800—1850 // Handbuch der deutschen

- Wirtschafts und Sozialgeschichte. Bd 2 / Hrsg. H. Aubin und W. Zorn. Stuttgart, 1976.
- Friedgut T. H.* Iuzovka and Revolution. Vol. 1. Princeton, NJ, 1989.
- Fuchs K.* Von Dirigismus zum Liberalismus. Die Entwicklung Oberschlesiens als preussisches Berg und Hüttenrevier. Wiesbaden, n. d.
- Gall L.* Bismarck The White Revolutionary. 2 vols. London, 1986.
- Gash N.* Aristocracy and People, Britain 1815—1865. London, 1979.
- Gellner E.* Plough, Sword and Book. London, 1988.
- Gerbod P.* Le loisir aristocratique dans les villes d'eaux françaises et allemandes au XIXe Siècle (1840—1870) // Hof, Kultur und Politik im 19. Jahrhundert / Hrsg. Werner K. F. Bonn, 1985.
- Gerhard D.* Der deutsche Adel bis zum achtzehnten Jahrhundert // Legitimationskrisen des deutschen Adels 1200—1900 / Hohendahl P. U. und Lützel P. M. Stuttgart, 1979.
- Gerlach M. von.* Von Rechts nach Links. Zürich, 1937.
- Gillis J. R.* The Prussian Bureaucracy in Crisis. 1840—1860. Origins of an Administrative Ethos. Stanford, Calif., 1971.
- Girouard M.* Life in the English Country House. London, 1978.
- Gollwitzer H.* Die politische Landschaft in der deutschen Geschichte des 19/20. Jahrhunderts. Eine Skizze zum deutschen Regionalismus // Zeitschrift für Bayerische Landesgeschichte. 1964. Bd. 27.
- Gollwitzer H.* Die Standesherrn. Die politische und gesellschaftliche Stellung der Mediatisierten 1815—1819. Stuttgart, 1957.
- Gorlitz W.* Die Junker. Adel und Bauer im Deutschen Osten. Limburg, 1964.
- Gothaisches genealogisches Taschenbuch der gräflichen Häuser. Gotha, 1930—1939.
- Gothaisches genealogisches Taschenbuch der uradeligen Häuser. Gotha, 1930—1939.
- Genealogisches Handbuch der gräflichen Häuser. Marburg, 1981.
- Grabbe P.* Windows on the River Neva. New York, 1977.
- Greiffenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. Frankfurt, 1985.
- Gronow.* The Reminiscences and Recollections of Captain Gronow. 2 vols. London, 1900.
- Grove H. M.* Moscow. London, 1912.
- Guttsman W. L.* Aristocracy and the Middle Class in the British Political Elite 1886—1916. A Study of Formative Influences and of the Attitude to Politics // The British Journal of Sociology. 1954. Vol. V.
- Habich T.* Deutsche Latifundien. Königsberg, 1930.
- Hamburg G. M.* Portrait of an Elite: Russian Marshals of the Nobility 1881—1917 // Slavic Review. 1981. Vol. 40.
- Hamburg G. M.* The Politics of the Russian Nobility 1881—1905. Rutgers, 1984.

- Hamerow T S* Restoration Revolution Reaction Economics and Politics in Germany 1815—1871 Princeton, NJ, 1958
- Hammer K* Die preussischen Könige und Königinnen in 19 Jahrhundert und ihr Hof // Hof, Kulture und Politik im 19 Jahrhundert / Hrsg Werner K F Bonn, 1985
- Hauf R* Die Oberpräsidenten von Ost und Westpreussen 1871—1918 // Die Preussische Oberpräsidenten / Hrsg K Schwabe Boppard, 1985
- Hauxthausen A V von* The Russian Empire Its People, Institutions and Resources / Translated by R Faire 2 vols London, 1968
- Heier E* Religious Schism in the Russian Aristocracy 1860—1900 The Hague, 1970
- Helmigk H J* Markische Herrenhäuser aus Alter Zeit Berlin, n d
- Herd G* Der württembergische Hof im 19 Jahrhundert Studien über das Verhältnis zwischen Königtum und Adel in der absoluten und konstitutionellen Monarchie Göttingen, 1970
- Higgs D* Nobles in Nineteenth Century France The Practice of Inegalitarianism Baltimore, Md, 1987
- Hirschmann G* Das Nürnberger Patriziat im Königreich Bayern 1806—1918 Nürnberg, 1971
- Hoch S* Serfdom and Social Control in Russia Chicago, 1986
- Hof, Kultur und Politik im 19 Jahrhundert* / Hrsg Werner K F Bonn 1985
- Hofmann H H* Adelige Herrschaft und Souveräner Staat München, 1962
- Hohendahl P U und Lutzeler P M* Legitimationskrisen des deutschen Adels 1200—1900 Stuttgart, 1979
- Hohenlohe-Schillingfurst C von* Memoirs of Prince Chlodwig of Hohenlohe-Schillingfurst 2 vols London, 1906
- Howard H* The Franco-Prussian War New York, 1969
- Hudson H D* The Rise of the Demidov Family Newtonville, 1986
- Hueckel G* Agriculture during Industrialisation // The Economic History of England since 1700 / Hrsg Floud R and McCloskey D Cambridge, 1981 Vol 1
- Hull I* The Entourage of Kaiser Wilhelm II Cambridge, 1982
- Huntingdon S P* Political Order in Changing Societies Newhaven, 1968
- Ignatiev A A* A Subaltern in Old Russia London, 1944
- Ikonnikov N I* La Noblesse de Russie 2nd edn Vols A1-Z2 Paris, 1958—1966
- James H* A German Identity 1770—1990 London, 1989
- Jarausch K H* Students, Society and Politics in Imperial Germany The Rise of Academic Illiberalism Princeton, NJ, 1982
- Jarausch K H* The Enigmatic Chancellor Newhaven 1972
- Jones A* The Art of War in the Western World Oxford, 1987
- Jones E* Agriculture 1700—1780 // The Economic History of England since 1700 / Eds Floud R and McCloskey D Vol 1 Cambridge, 1981

- Jones E* The Changing Basis of English Agricultural Prosperity, 1853—1873 // British Agriculture 1875—1914 / Ed Perry P J London, 1973
- Jordan E* Die Entstehung der Konservativen Partei und die preussischen Agrarverhältnissen von 1848 München, 1914
- Jordan E* Friedrich Wilhelm IV und der Preussische Adel bei Umwandlung der ersten Kammer in das Herrenhaus Berlin, 1914
- Kaiser Wilhelm II* New Interpretations / Ed Rohl J C G and Sombart N Cambridge, 1982
- Karamzin N M* Memoir on Ancient and Modern Russia / Edited by R Pipes Cambridge, 1981
- Kardorff S von* Wilhelm von Kardorff Ein nationales Parlamentarier im Zeitalter Bismarcks und Wilhelm II 1828—1907 Berlin, 1936
- Keegan J* The Face of Battle London, 1978
- Keep J L H* Soldiers of the Tsar Army and Society in Russia 1462—1874 Oxford, 1985
- Keep J L H* The Muscovite Elite and the Approach to Pluralism // Slavonic and East European Review 1970 Vol 48
- Keinemann F* Soziale und politische Geschichte des westfälischen Adels 1815—1945 Hamm, 1975
- Kemp E und Muhrer R* Die volkswirtschaftliche Bedeutung von Gross und Kleinbetrieb in der Landwirtschaft Berlin, 1913
- Kenez P* A Profile of the Pre-revolutionary Officer Corps // California Slavic Studies 1973 Vol 7
- Kennedy P M* The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860—1914 London, 1989
- Kenney J J* The Politics of Assassination // Paul I A Reassessment of His Life and Reign / Ed Ragsdale H Pittsburg, Penn, 1979
- Kiernan V G* The Duel in European History Honour and the Reign of Aristocracy Oxford, 1988
- Kircher W S* Adel, Kirche und Politik in Württemberg 1830—1851 Kirchliche Bewegung, katholische Standesherren und Demokratie Stuttgart, 1973
- Kitchen M* The German Officer Corps Oxford, 1968
- Kleist E von* Adel und Preussentum // Süddeutsche Monatshefte 1926 Bd 23
- Kneschke E H* Neues allgemeines Deutsches Adelslexicon 9 vols Leipzig, 1859
- Kocka J* Entrepreneurs and Managers in German Industrialisation // The Cambridge Economic History of Europe / Eds Mathias P and Postan M M Vol VII Part I Cambridge, 1978
- Koselleck R* Preussen zwischen Reform und Revolution Stuttgart, 1989
- Kostler J* Geschichte des Waldes in Bayern München, 1934
- Krockow C von* Die Reise nach Pommern Stuttgart, 1981
- Krockow C von* Warnung vor Preussen Stuttgart, 1981

- Lambert A* Unquiet Souls The Indian Summer of the British Aristocracy London, 1984
- Elites and Power in Twentieth-Century Spain / Eds Lannon F and Preston P Oxford, 1990
- LeDonne J P* Ruling Families in the Russian Political Order 1689—1825 // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* 1987 Vol XXVIII
- Lieven D C B* Russia and the Origins of the First World War London, 1984
- Lieven D C B* Russia's Rulers under the Old Regime New Haven, 1989
- Lincoln W B* In the Vanguard of Reform, Russia's Enlightened Bureaucrats 1825—1861 De Kalb, 1982
- Lindau P* Unter den Linden // *The Great Streets of the World* / Ed Davies R H London, 1892
- Lorck A von* Ostpreussische Gutshauser Kitzingen, 1952
- Loth W* Katholiken in Kaiserreich Dusseldorf, 1984
- Lotman Yu M* The Decembrist in Daily Life (Everyday Behaviour as a Historical-Psychological Category) // *The Semiotics of Russian Cultural History* / Eds Nakhimovsky A D and A S
- McClelland C E* State, Society and University in Germany 1700—1914 Cambridge, 1980
- McCormack G* and *Sugimoto Y* The Japanese Trajectory modernisation and beyond Cambridge, 1988
- Mack E C* Public Schools and British Opinion 1780—1860 London, 1938
- Mack E C* Public Schools and British Opinion since 1860 New York 1941
- McKay J P* Elites in Conflict in Russia The Briansk Company // *The Rich, the Well Born and the Powerful Elites and Upper Classes in History* / Ed Jaher F C Urbana, 1973
- Macey D* Government and Peasant in Russia, 1861—1906 De Kalb 1987
- Madariaga L de* Russia in the Age of Catherine the Great London, 1981
- Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age / Ed Paret P Princeton, NJ, 1986
- Manning R* The Crisis of the Old Regime in Russia Princeton NJ, 1982
- Mansel P* The Court of France 1789—1830 Cambridge, 1988
- Margetson S* St John's Wood London, 1988
- Maron E W* Forst-Statistik der samtlichen Walder Deutschlands einschliesslich Preussen Berlin 1862
- Martin R* Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Bayern Berlin, 1914
- Martin R* Jahrbuch des Vermögens und Einkommens der Millionäre in Preussen Berlin 1912
- Martinez R B* and *Barker T M* Armed Forces and Society in Spain Past and Present Boulder Col, 1988
- Mayer A J* The Persistence of the Old Regime Europe to the Great War New York, 1981

- Mayzel M* The Formation of the Russian General Staff 1800—1917 // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* 1975 Vol XVI
- Mee G* Aristocratic Enterprise, the Fitzwilliam Industrial Undertakings 1795—1857 Glasgow, 1975
- Mendel A* The Debate between Prussian Junkerdom and the Forces of Urban Industry 1897—1902 // *Jahrbuch des Instituts für Deutsche Geschichte* 1975 Bd 4
- Messerschmidt M* Preussens Militär in seinem gesellschaftlichen Umfeld // *Preussen in Rückblick* / Hrsg Puhle H J und Wehler H U Göttingen 1980
- Mikliss P* Deutscher und polnischer Adel im Vergleich Berlin, 1981
- Military Effectiveness Vol 1 The First World War / Eds Millett A R and Murray W Boston, 1988
- Mingay G E* English Landed Society in the Eighteenth Century London, 1963
- Mockl K* Hof und Hofgesellschaft im Bayern in der Prinzregentenzeit // *Akten des 18 deutschfranzösischen Historikerkolloquiums Darmstadt von 27—30 September 1982* / Hrsg Werner K F Bonn, 1985
- Mommsen W* Max Weber and German Politics 1890—1920 Chicago, 1997
- Montgomery M M* Gilded Prostitution Status, Money and Transatlantic Marriages 1870—1914 London, 1989
- Moore A* The Social Origins of Dictatorship and Democracy London, 1966
- Mosse W E* Adel und Bürgertum in Europa des 19 Jahrhunderts Eine vergleichende Betrachtung // *Bürgertum in 19 Jahrhundert* 3 Bd / Hrsg Kocka J München, 1988
- Mosse W E* Alexander II and the Modernisation of Russia New York 1962
- Muncy L W* The Junker in the Prussian Administration under William II Providence, RI, 1944
- Munsell F D* The Unfortunate Duke Henry Pelham, Fifth Duke of Newcastle, 1811—1864 Columbia, 1985
- Murray J* A Hand-Book for Travellers on the Continent Being a Guide through Holland, Belgium, Prussia and Northern Germany London, 1843
- Murray J* Handbook for Northern Europe including Denmark, Norway, Sweden, Finland and Russia London, 1848
- Murray J* Handbook for Travellers in Russia, Poland and Finland London, 1865
- Nationalist and Racialist Movements in Britain and Germany before 1914 / Eds Kennedy P and Nicholls A London, 1981
- Neumann S* Die Stufen des preussischen Konservatismus Berlin, 1930
- Offer A* The First World War An Agrarian Interpretation Oxford, 1989
- Ogilvie R M* Latin and Greek A History of the Influence of the Classics on English Life from 1600 to 1918 London, 1964

- O Gorman F* Electoral Deference in «Unreformed» England 1760—1832 // *Journal of Modern History* 1984 Vol 56 № 3
- O'Grada C* Agricultural Decline 1860—1914 // *The Economic History of Modern Britain* / Ed Floud R and McCloskey D Cambridge, 1981
- Oldenburg-Januschau E von* Erinnerungen Leipzig, 1936
- Olney R J* Lincolnshire Politics 1832—1885 Oxford, 1973
- Otley C B* Militarism and the Social Affiliations of the British Army Elite // *Armed Forces and Society Sociological Essays* / Ed Doorn J van The Hague, 1960
- Pareto V* Sociological Writings / Selected and introduced by S E Finer London, 1966
- Pareto V* The Rise and Fall of the Elites An Application of Theoretical Sociology Bedminster, 1968
- Parry G* Political Elites London, 1969
- Paulsen F* The German Universities and University Study London, 1906
- Pavlovsky G* Agricultural Russia on the Eve of the Revolution London, 1930
- Pearson J* Stags and Serpents London, 1983
- Peasants and Lords in Modern Germany / Ed Moeller R G London, 1986
- Pedlow G W* The Survival of the Hessian Nobility 1770—1870 Princeton NJ, 1988
- Pellew A* The Home Office 1848—1914 London, 1982
- Perkin H* Origins of Modern English Society London 1969
- Perkin H* The Rise of Professional Society London, 1989
- Perkins J A* The Agricultural Revolution in Germany 1850—1914 // *Journal of European Economic History* 1981 Vol 10
- Perlick A* Oberschlesische Berg und Huttenleute Frankfurt, 1953
- Perren R* The Landlord and Agricultural Transformation, 1870—1900 // *British Agriculture 1873—1914* / Ed Percy P J London, 1973
- Petersdorff H von* Kleist-Retzow, Ein Lebensbild Stuttgart, 1907
- Phillips G D* The Diehards Aristocratic Society and Politics in Edwardian England Cambridge, 1979
- Pilbeam P M* The Middle Classes in Europe 1789—1914 London, 1990
- Pintner W M* Russian Economic Policy Under Nicholas I Ithaca, NY 1967
- Pipes R* Struve Liberal on the Right 1905—1944 Cambridge, 1980
- Pollard S* and *Holmes C* Documents of European Economic History Vol 1 The Process of Industrialisation 1750—1870 London, 1968
- Ponsonby A* The Decline of Aristocracy London, 1912
- Preradovich N von* Die Führungsschichten in Österreich und Preussen (1804—1918) Wiesbaden, 1955
- Prest A* Lord John Russell London, 1972
- Die preussische Oberpräsidenten / Hrsg Schwabe K Boppard, 1985
- Prewitt K* and *Stone A* The Ruling Elites New York, 1973

- Puckler-Muskau L H von* Tour in England, Ireland and France in the Years 1826, 1827, 1828 and 1829 Zurich, 1940
- Puhle H -J* Agrarische Interessenpolitik und preussischer Konservatismus im wilhelminischen Reich 1893—1914 Bonn, 1975
- Raefl M* Origins of the Russian Intelligentsia New York, 1966
- Raefl M* The Well-Ordered Police State Social and Institutional Change through Law in the Germanics and Russia 1600—1800 Newhaven, 1983
- Raikes T* A Visit to Saint Petersburg in the Winter of 1829—1830 London 1938
- Razzell P E* Social Origins of Officers in the Indian and British Home Armies // *British Journal of Sociology* 1963 Vol XIV
- Redlich F* Der Unternehmer Göttingen 1964
- Reif H* Westfälische Adel 1770—1860 Göttingen, 1979
- Rettlack J R* Notables of the Right The Conservative Party and Political Mobilisation in Germany 1876—1918 London, 1988
- Rheinische Geschichte 3 Bd / Hrsg Petri F und Droege G Düsseldorf, 1976
- Rieber A J* Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia Chapel Hill 1982
- Ritter G* The Sword and the Sceptre Vol 1 The Prussian Tradition 1740—1890 Vol 2 The European Powers and the Wilhelmine Empire London, 1972
- Robbins R G* The Tsar's Viceroys Ithaca, NY, 1987
- Rohl J C G* Kaiser, Hof und Staat Wilhelm II und die deutsche Politik München, 1987
- Rolfes M* Landwirtschaft 1850—1914 // *Handbuch der deutschen Wirtschafts-und-Sozialgeschichte* Bd 2 / Hrsg H Aubin und W Zorn Stuttgart, 1976
- Rosenberg H* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy The Prussian Experience 1660—1815 Cambridge, 1958
- Rosenberg H* Die Pseudodemokratisierung der Rittergutsbesitzerklasse // *Moderne deutsche Sozialgeschichte* / Hrsg Wehler H -U Düsseldorf, 1981
- Rosenberg H* Grosse Depression und Bismarckzeit Berlin, 1967
- Ross R J* Beleaguered Tower the Dilemma of Political Catholicism in Wilhelmine Germany Notre Dame, 1976
- Rubinstein W D* Men of Property The Very Wealthy in Britain Since the Industrial Revolution London, 1981
- Rubinstein W D* Elites and the Wealthy in Modern British History Brighton, 1987
- Rubner H* Forstgeschichte im Zeitalter der industriellen Revolution Berlin, 1967
- Rumschottel H* Das bayerische Offizierkorps 1866—1914 Berlin, 1973
- Russian Officialdom the Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century / Eds Pintner W M and Rowney D K Chapel Hill, 1980

Sack J. J. The House of Lords and Parliamentary Patronage in Great Britain, 1802—1832 // *Historical Journal*. 1980. Vol. 23. № 4.

Salisbury. The Man and His Policies / Ed. Blake and Cecil H. London, 1987.

Saul K. Um die konservative Struktur Ostelbiens: Agrarische Interessen Staatsverwaltung und ländliche «Arbeiternot». Zur konservativen Landarbeiterpolitik in Preussen-Deutschland 1889—1914 // *Deutscher Konservatismus im 19 und 20 Jahrhundert* / Hrsg. Stegmann D., Wendt B. J. und Witt P. C. Bonn, 1983.

Schama S. Citizens. A Chronicle of the French Revolution. London, 1989

Scharfenort L. von. Die Pagen am Brandenburg — Preussischen Hofe 1415—1895. Berlin, 1985.

Scheibert P. Die russische Agrarreform von 1861. Cologne, 1973.

Schissler H. Preussische Agrargesellschaft im Wandel. Göttingen, 1978.

Schissler H. The Junkers: Notes on the Social and Historical Significance of the Agrarian Elite in Prussia // *Peasants and Lords in Modern Germany* / Ed. Moeller R. G. London, 1986.

Schlingensiepen G. H. Der Strukturwandel des Baltischen Adels in der Zeit von den Ersten Weltkrieg. Marburg, 1959.

Schnepp P. Die Reichsritterschaft // *Deutsche Geschichtsblätter*. 1913. Bd. XIV.

Schutt R. Partei wider Willen. Kalküle und Potentiale konservativer Parteigründer in Preussen zwischen Ersten Vereinigten Landtag und Nationalen Versammlung // *Deutscher Konservatismus im 19 und 20 Jahrhundert* / Hrsg. Stegmann D., Wendt B. J. und Witt P. C. Bonn, 1983.

Schwappach A. Grundriss der Forst und Jagdgeschichte. Berlin, 1883.

Schwentker W. Die alte und die neue Aristokratie. Zum Problem von Adel und bürgerlicher Elite in den deutschen Sozialwissenschaften (1900—1930) / *Les Noblesses Européennes au XIXe Siècle*. Collection de L'Ecole Francaise de Rome. Rome, 1988.

Seaman W. A. L. and Sewell J. R. Russian Journal of Lady Londonderry, 1836—1837. Bath, 1973.

Seffert H. Die Entwicklung der Familie von Alvensleben zu Junker-industriellen // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1963. Bd. IV.

Serov V. I. The Mighty Five. The Cradle of Russian National Music. London, 1948.

Sheehan J. J. German History 1770—1866. Oxford, 1989.

Shubert A. A Social History of Modern Spain. London, 1990.

Sinel A. The Classroom and the Chancellery. State Educational Reform under Count Dmitry Tolstoy. Cambridge, 1973.

Southgate A. The Passings of the Whigs 1832—1886. London, 1965.

Spindler M. Bayerische Geschichte im 19 und 20 Jahrhundert 1800 bis 1970. München, 1978.

Spring D. Earl Fitzwilliam and the Corn Laws // *American Historical Review*. 1954. Vol. LIX. № 2.

Spring D. English Landowners and Nineteenth-Century Industrialism // *Land and Industry, the Landed Estate and the Industrial Revolution* / Eds. Ward J. T. and Wilson R. G. London, 1971.

Spring D. The English Landed Estate in the Nineteenth Century: Its Administration. Baltimore, 1963.

Starr S. F. Decentralisation and Self-Government in Russia 1830—1870. Princeton, NJ, 1972.

Steiner Z. S. Britain and the Origins of the First World War. London, 1977.

Steiner Z. S. The Foreign Office and Foreign Policy 1898—1914. London, 1969.

Stekl H. Österreichs Aristokratie im Vormärz. München, 1973.

Stern F. Gold and Iron. Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire. London, 1980.

Stewart R. The Politics of Protection. Lord Derby and the Protectionist Party 1841—1852. Cambridge, 1971.

Stolberg-Wernigerode O. Zu. Deutschlands konservative Führungsschichten am Vorabend des ersten Weltkrieges. München, 1968.

Stone L. and Stone J. C. F. An Open Elite? England 1540—1880. Oxford, 1984.

Stone N. The Eastern Front 1914—1917. London, 1975.

Sykes C. S. Private Palaces. Life in the Great London Houses. London, 1985.

Symonds R. Oxford and Empire. Basingstoke, 1986.

Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg / Hrsg. Vierhaus R. Göttingen, 1960.

Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. London, 1931.

Thadden R. von. Prussia: the History of a Lost State. Cambridge, 1987.

Thadden-Vahnerow R. von. Der Adel in Norddeutschland // *Suddeutsche Monatshefte*. 1926. Bd. 23.

Thompson F. M. L. English Landed Society in the Nineteenth Century. London, 1963.

Thompson F. M. L. The Second Agricultural Revolution // *Economic History Review*. 1968. Vol. XXI.

Thompson F. M. L. Private Property and Public Policy // *Salisbury, The Man and His Policies* / Eds. Blake and Cecil H. London, 1987.

Thompson F. M. L. The Landed Aristocracy and Business Elites in Victorian Britain // *Les Noblesses Européennes au XIXe Siècle*. Collection de L'Ecole Francaise de Rome. Rome, 1988.

Thompson F. M. L. Aristocracy, Gentry and the Middle Class in Britain 1750—1850 // *Bürgertum, Adel und Monarchie* / Hrsg. Birke A. M. und Kettenacker L. München, 1989.

Thornton A. P. The Habit of Authority. Paternalism in British History. London, 1964.

Tonnies F Deutscher Adel im neunzehnten Jahrhundert // Die Neue Rundschau 1912 Bd 23

Tooke W View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second and to the Close of the Present Century 3 vols London, 1799

Torke H -J Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts // Forschungen zur Geschichte Osteuropas 1967 Bd 13

Tribe K Prussian Agriculture — German Politics Max Weber 1892—1897 // Economy and Society 1983 Vol 12 № 2

Tugan-Baranovsky M I The Russian Factory in the Nineteenth Century Illinois, 1970

Turberville A S The House of Lords in the Age of Reform 1784—1837 Westport, 1974

Vamplow W A Social and Economic History of Horse Racing London 1976

Vasili P Berlin Society New York, 1884

Vasili P La Sainte Russie Paris, 1890

Vasili P La Societe de St Petersburg Paris, 1886

Vasili P The World of London London, 1895

Vierhaus R Vom aufgeklärten Absolutismus zum monarchischen Konstitutionalismus Der deutsche adel im Spannungsfeld von Revolution, Reform und Restauration // Legitimationskrisen des deutschen Adels 1200—1900 / Hrsg Hohendahl P U und Lutzeler P M Stuttgart, 1979

Vierhaus R Germany in the Age of Absolutism Cambridge, 1988

Vizetelly H Berlin under the New Empire 2 vols London, 1979

Vogel B Reformpolitik in Preussen 1807—1820 // Preussen in Hinblick / Hrsg Puhle H -J und Wehler H -U Gottingen, 1980

Volkonsky S My Reminiscences 2 vols London, 1924

Ward J T and Wilson R J Land and Industry The Landed Estate and the Industrial Revolution London, 1971

Webb S B Agricultural Protection in Wilhelminian Germany Forging an Empire with Pork and Rye // Journal of Economic History 1982 Vol XLII

Weber H Die Fürsten von Hohenlohe im Vormärz Politische und soziale Verhaltensweisen württembergischer Standesherrn in der ersten Hälfte des 19 Jahrhunderts Stuttgart, 1977

Wehking S Zum politischen und sozialen Selbstverständnis preussischer Junker 1871—1914 // Blätter für deutsche Landesgeschichte 1985 Bd 121

Wehler H -U The German Empire Leamington Spa, 1985

Weitz P K Der niederrheinische und westfälische Adel in ersten preussischen Verfassungskampf 1815—1823/4 Bonn, 1970

Wendt V Kultur und Jagd 2 Bd Berlin, 1908

Westphalen L von Aus dem Leben des Grafen Clemens August von Westphalen zu Fürstenberg (1805—1885) Munster, 1979

Whittaker C H The Origins of Modern Russian Education An Intellectual History of Count Serge Uvarov De Kalb, 1984

Wiener M English Culture and the Decline of the Industrial Spirit 1850—1980 Cambridge, 1981

Wilkinson R The Prefects British Leadership and the Public School Tradition London, 1964

Williamson S R Austria—Hungary and the Origins of the First World War London, 1991

Winkel H Die Ablosungskapitalien aus der Bauernbefreiung im West und Süddeutschland Stuttgart, 1968

Winson A The «Prussian road» of agrarian development a reconsideration // Economy and Society 1982 Vol 11 № 4

Wittram R Baltische Geschichte München, 1954

Yaney G L The Systematisation of Russian Government Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia 1711—1905 Urbana, 1973

Yatsunsky V K Geography of the Iron Market in Pre-Reform Russia // Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin / Ed Blackwell W L New York, 1974

History of the British Army / Eds Young A and Lawford J P Wallop, 1970

Your Dear Letter Private Correspondence between Queen Victoria and the Crown Princess of Prussia, 1865—1871 / Ed Fulford R London 1971

Zabel J K Das preussische Kadettenkorps Frankfurt, 1978

Список таблиц

Таблица 2 1 Соотношение доходов английских земледельцев 1790 г	44
Таблица 2 2 Пруссия Стоимость поместий 1800 г (в фунтах)	48
Таблица 2 3 Распределение по регионам помещиков во владении которых в одной губернии находилось более 2000 крепостных	61
Таблица 2 4 Губернии в которых помещикам принадлежало более 2000 крепостных	62
Таблица 2 5 Помещики, имевшие свыше 3000 крепостных	63
Таблица 2 6 Крупнейшие русские помещики	64—66
Таблица 2 7 Собственники, во владении которых находилось свыше 100 000 десятин (1900 г)	70
Таблица 2 8 Собственники 50—100 000 десятин (1900 г)	72
Таблица 2 9 Общии земельный доход величиной 75 000 фунтов стерлингов и выше (1883 г)	75
Таблица 2 10 Имущественное состояние Бавария 1914 г	80
Таблица 2 11 Имущественное состояние Пруссия 1912 г	87
Таблица 2 12 Прусское нетитулованное дворянство проживающее в провинциях 1912 г	83
Таблица 2 13 Прусские графы, принцы и герцоги проживающие в провинции 1912 г	89
Таблица 2 14 Богатейшие прусские поместные дворяне (в миллионах марок)	90—92
Таблица 2 15 Прусские поместные дворяне-миллионеры	93
Таблица 3 1 Доля земли принадлежавшей аристократии в западной южной и центральной Германии	109
Таблица 3 2 Доля сельскохозяйственных угодий, принадлежащих аристократии в западной, южной и центральной Германии	110
Таблица 3 3 Доля лесных угодий, принадлежащих аристократии в центральной, южной и западной Германии	111
Таблица 9 1 Карьеры младших сыновей английских пэров	225
Таблица 9 2 Российские крупные землевладельцы	226
Таблица 9 3 Российское мелкопоместное дворянство	226
Таблица 9 4 Прусские графы	229
Таблица 9 5 Прусское мелкопоместное дворянство	229

Таблица соответствия мер и валют

1 десятина (дс)	=	1 09 гектара (га) = 2 7 акра
1 гектар	=	2 47 акра
1 фунт	=	Прусский талер — 6 6
стерлингов	=	Русский серебряный или (после 1896 г) золотой рубль — 9 58
	=	Немецкая марка (после 1871 г) — 20
	=	Флорины (Южная Германия до 1871 г) — 11 8